

**ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА**

КАФЕДРА ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

**Материалы
Всероссийской
научно - практической конференции
(с международным участием)**

**ДИАЛОГ КУЛЬТУР
В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ.
ДИАЛОГ КУЛЬТУР И КУЛЬТУРА
ДИАЛОГА**

Махачкала - 2019

ББК 7127
УДК 008:351.858
Д-44

Редакционная коллегия:

В.Э. Манапова, О.С. Мутиева

Д-44 ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ. ДИАЛОГ КУЛЬТУР И КУЛЬТУРА ДИАЛОГА: Материалы Всероссийской научно - практической конференции (с международным участием). / Под редакцией В.Э. Манаповой, О.С. Мутиева. – Махачкала: АЛЕФ, 2019. – 248 с.

В сборник включены доклады и выступления участников Всероссийской научно - практической конференции (с международным участием), которая состоялась 24-25 апреля 2019 г. в г. Махачкала. В материалах конференции анализируются проблемы этнической и национальной идентичности, специфика межконфессионального диалога и взаимодействия светской культуры и религиозных ценностей, миграционные процессы в современном мире, роль языка и особенности воспитания и образования в поликультурном регионе.

Данный сборник рассчитан на работников государственной службы, местного самоуправления, общественных организаций, научных и педагогических работников, а также может быть интересен широкому кругу читателей.

На обложке изображена знаменитая Кайтагская вышивка, представляющая одно из уникальных искусств Дагестана. Полотна, расшитые шелковыми нитями с вкраплениями золота и серебра, служили оберегом и сопровождали человека всю его жизнь. Узоры Кайтагской вышивки – это бесконечный символический лабиринт, рассказывающий историю предков.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

- 1.Абакарова Р.М.* ДИАЛОГ ИЛИ КОНФЛИКТ В ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ
СОВРЕМЕННОСТИ 9
- 2.Гарунова Н.Н., Скорик А.П., Цыбульникова А.А.* ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О
МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ ВУЗОВ
ЮГА РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ АРМЯНСКОЙ ОБЩИНЫ) 13
- 3.Мананова В.Э.* ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ 18
- 4.Мутиева О.С.* МОДЕРНИЗАЦИЯ ОДЕЖДЫ КАВКАЗСКИХ ЖЕНЩИН
В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ В КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ21
- 5.Сефербеков Р.И., Рабаданова З.Р.* МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЭМИГРАЦИЯ
В ГОРОДАХ ДАГЕСТАНА В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ..... 23

СЕКЦИЯ I. ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 1.Балюкова И.Б.* ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМ БРАКЕ
У СОВРЕМЕННЫХ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК..... 27
- 2.Вигель Н.Л.* ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК «ИГРА ПО СВОБОДНОМУ ВЫБОРУ» 29
- 3.Виноградова Н.Л., Леонтьева Е.Ю.* О ВЗАИМОСВЯЗИ НАЦИОНАЛЬНОЙ
И ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: ЭТНОГЕНДЕРНАЯ КОМПОЗИЦИЯ
И ЭТНОГЕНДЕРНЫЙ РЕЖИМ 31
- 4.Гавриленко М.В.* ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ КОМАНДИРОВ
В МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ВОИНСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ..... 34
- 5.Лебедева Н.В., Абибулаева Э.Л.* К ВОПРОСУ О ВОСПИТАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ
ТОЛЕРАНТНОСТИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА 36
- 6.Лукьянов Г.И.* ФЕНОМЕН НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В СИТУАЦИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 39
- 7.Магомедова М.З.* ЭТНИЧЕСКАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ..... 41
- 8.Митрофанов А.А.* ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ .. 43
- 9.Панфилова Т.В.* ДИАЛОГ КУЛЬТУР: РАДИ ЧЕГО? 46
- 10.Рамазанов Р.О.* ПРОБЛЕМА ИСЛАМСКОГО САМОСОЗНАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ 49
- 11.Семенов И.Г.* ОБЩИЕ ЧЕРТЫ МОДЕЛИ ЭТНОГЕНЕЗА ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ 52

<i>12.Тюгашев Е.А.</i> ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ	53
<i>13.Хан Ш.Д.</i> ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	56
<i>14.Шахбанова М.М.</i> ФАКТОРЫ ДЕКОНСОЛИДАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ДАГЕСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА	58
<i>15.Юсупова Г.И.</i> РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ МАКРОИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА	61
<i>16.Яхьяев М.Я.</i> К ВОПРОСУ О ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	64
СЕКЦИЯ II. МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	
<i>1.Алилова К.М.</i> ЭКОЛОГИЯ КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНЫХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ	67
<i>Баньковская Ю.Л.</i> МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ КАК СПОСОБ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ	69
<i>Мухамеджанова Н.М.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ	72
<i>Пацукевич О.В.</i> ПРАВОВОЙ АСПЕКТ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	74
<i>Рогочая Г.П.</i> СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕДИАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА)	77
<i>Сеидова Г.Н., Шахбанова М.М., Загирова Э.М.</i> ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ	78
<i>Халидова О.Б.</i> НЕОПРОТЕСТАНТЫ В ДАГЕСТАНЕ: СОЦИАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ НА ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ	81
СЕКЦИЯ III. ДИАЛОГ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И СВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	
<i>Асалиева Ф.А.</i> РЕЛИГИЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В ДАГЕСТАНЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ К СВОБОДЕ СОВЕСТИ	84
<i>Гусенова Д.А.</i> КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩЕСТВАХ	86

<i>Магомедов К.М.</i> О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ	89
<i>Мендельсон В.А.</i> РАЗВИТИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ТУРИЗМА КАК СРЕДСТВО МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН	92
<i>Саркарова Н.А.</i> О КУЛЬТУРНОМ ЭКСТРЕМИЗМЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	95
<i>Суровцева Е.В.</i> ЖИТИЯ СВЯТЫХ ЭПОХИ ДРЕВНЕЙ РУСИ В СОВРЕМЕННОЙ АГИОГРАФИИ	99
СЕКЦИЯ IV. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ	
<i>Болдырева Е.Л.</i> МИГРАЦИОННЫЕ ТРАЕКТОРИИ И ПОСЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ НИГЕРИИ)	102
<i>Волченко В. В.</i> ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МИГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ	104
<i>Гринченко С.Н.</i> ЭТАПЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: С СИСТЕМНЫХ ПОЗИЦИЙ	107
<i>Зимакова Е.С.</i> ИСЛАМОФОБИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ГЕРМАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ	110
<i>Караханов С.С.</i> ПРИЧИНЫ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ДАГЕСТАНЕ В 1990 – 2000 ГГ.	112
<i>Матвеев А.А.</i> СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: МИГРАЦИОННЫЙ СРЕЗ	115
<i>Мочалова Н.Ю.</i> КОЛЛИЗИИ ДИАЛОГА В СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ: ИМПЕРАТИВЫ И РЕАЛЬНОСТЬ	118
<i>Рубец С.Г.</i> ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ	120
<i>Сергеева Е. В.</i> ЖЕНСКАЯ БРАЧНАЯ МИГРАЦИЯ	122
<i>Упоров И.В.</i> ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ: МАССОВОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ОСТАЁТСЯ БЕЗ ДОЛЖНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	124
СЕКЦИЯ V. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ	
<i>Ахмедов И.А.</i> ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ	127
<i>Богданова А.А.</i> ИНТЕГРАЦИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРИСТИКЕ	130

Борисов О.К. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	133
Киселева А.В. К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ В ПАРАДИГМЕ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ-АРХИТЕКТОРОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	136
Кулько Е.И. СТУДЕНТ: МОТИВАЦИЯ, ПОТРЕБНОСТЬ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	138
Курыло О.В. ОРГАНИЗАЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕ-СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	141
Лебедев В.Э., Горданова А.Р. РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ФОРУМОВ В РАЗРАБОТКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО АСПЕКТА МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ	143
Михайлова А.Г., Скуратовская И.В. ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ КАЧЕСТВ КАК ПОКАЗАТЕЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ЛИЧНОСТИ	146
Некрасов С.Н. ПОДГОТОВКА ЛЮДЕЙ В ОБРАЗОВАНИИ СРЕДСТВАМИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ФОРМИРОВАНИЕ НООНОМИКИ	149
Павлова О.С. ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ НА ПРИМЕРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «ИСТОРИЯ»	152
Павлушова Е.А., Шкабара Н.И. ПРОЕКТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА	154
Рошупкин В.Г. РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧАЩИХСЯ – ОСНОВА РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ	157
Фоменков А.А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ВСЕМИРНОЙ ПАУТИНЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: НЕ ТОЛЬКО ПЛЮСЫ	159
Шапиро С.В. ПРОБЛЕМА ОРГАНИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В СОВРЕМЕННЫХ ВУЗАХ	161
Щербак Н.А. ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ	163
Юнель С.А. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ СТУДЕНТОВ	166
СЕКЦИЯ VI. ДИАЛОГ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ	
Баязитова Р.Р. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОГО СЕМЕЙНОГО ЭТИКЕТА У ИРГИЗО-КАМЕЛИКСКИХ БАШКИР	169
Блохин В.Н. ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	171
Гаджиева А.И. ТРАДИЦИОННЫЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: СПОСОБЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ	173

<i>Гаджиева З.Н.</i> О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ГОРЦЕВ В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ	175
<i>Гасимова С.Дж.</i> ЛИЧНОСТНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ И ОБЪЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ВОЙНУ Э.М.РЕМАРКА И М.ШОЛОХОВА	178
<i>Гимбатова М.Б.</i> ЛЮБОВНАЯ МАГИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	181
<i>Дугаров В.Д., Замолотских Е.А.</i> ПРОБЛЕМЫ ЕВРАЗИЙСКОГО МИРА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОРИЕНТАЛИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: НА «ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ» ОТ ГУННСКОГО ГОРОДИЩА ДО СОВРЕМЕННОСТИ	184
<i>Загирова Э.М.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДАГЕСТАНСКОЙ СЕМЬИ	186
<i>Заельская С.А.</i> ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ УРАЛА В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XX ВЕКА	189
<i>Замолотских Д.В.</i> ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИЙ КУПЕЧЕСТВА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ НА РАЗВИТИЯ РЕГИОНА	191
<i>Ибрагимова А. Б., Магомедов А.Р.</i> ПРОЦЕСС ИСЛАМИЗАЦИИ ДАГЕСТАНА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АББАСИДОВ	194
<i>Исмаилова А. М.</i> РОЛЬ ДЕРБЕНТА В РАЗВИТИИ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ	197
<i>Касими С.А.</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНОЛОГИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	200
<i>Кащей Н.А.</i> ДИАЛОГ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПЛЮРАЛИЗМА	201
<i>Киселев М.Ю.</i> К ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА: РУКОПИСЬ А.И. ТАМАЯ В АРХИВЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК	203
<i>Котова Е.Г., Савельева Е.Б.</i> СПЕЦИФИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИСКУРСА «МОДА»)	205
<i>Кочекон В.Ф.</i> ТАТАРСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В КУЛЬТУРНОМ АРЕАЛЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ	208
<i>Лях В.И.</i> ДИАЛОГ СОКРАТА В АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА	210
<i>Мамедханова Н.Дж.</i> ДИАЛОГ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ: АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ В ТВОРЧЕСТВЕ С.ЦВЕЙГА И Ф.САГАН	212
<i>Мусаева А.Г.</i> ЗАРОЖДЕНИЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛЬНОЙ И КРОССКУЛЬТУРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫХ СТРАНАХ	216
<i>Омарова Г.А.</i> КУЛЬТУРНЫЕ И ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ ДАГЕСТАНСКОГО НАРОДА КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ	219

<i>Петраш Е.А.</i> МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ ПОКОЛЕНИЯ Z КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН	222
<i>Сефербеков М.Р.</i> ПОЧИТАЕМЫЕ ГОРЫ «ШАЛБУЗДАГ» И «АХІУЛ-ГОХІ» В СОВРЕМЕННОЙ РОДИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ГОРОЖАН ДАГЕСТАНА	225
<i>Соблирова З.Х.</i> СОВЕТСКОЕ ШКОЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В 1920-Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ККОВ)	227
<i>Соегов М.</i> ЕЩЕ РАЗ О ТУРКМЕНСКОМ ТЁЗКЕ АВАРЦА ХАДЖИ-МУРАТА – ИЗВЕСТНОГО ГЕРОЯ ПОВЕСТИ ЛЬВА ТОЛСТОГО	230
<i>Шубаро О.В.</i> ДИАЛОГ ЦЕННОСТЕЙ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	232
СЕКЦИЯ VII. РОЛЬ ЯЗЫКА В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	
<i>1. Володина О.В.</i> ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ И ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАНИИ В ВУЗЕ	235
<i>2. Закарьяева З.Ю.</i> ЯЗЫК-КУЛЬТУРА МЫШЛЕНИЯ	237
<i>3. Лямина А.П., Будаев Э.В.</i> МИЛИТАРНАЯ МЕТАФОРА КАК СПОСОБ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СМИ	238
<i>4. Магомедова К.М.</i> ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ КАК ОСНОВА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	241
<i>5. Нагиева М.К.</i> ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ДАГЕСТАНЕ В 1930-Е ГГ.	243
<i>6. Нажиев М.Б.</i> ЗНАЧЕНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА В СОХРАНЕНИИ И ПЕРЕДАЧЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	245

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Абакарова Р.М.,

доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории религии и культуры,
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

ДИАЛОГ ИЛИ КОНФЛИКТ В ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена различным системам ценностей субъектов диалога. Информационная культура в современном обществе формируется под воздействием различных мультимедийных технологий, и в этой системе моральные ценности могут быть исключены.

Ключевые слова: субъект, диалог, конфликт, ценность

Abakarova R.M.,

Doctor of Philosophy, Professor, DSU, Makhachkala

THE DIALOGUE OR CONFLICT IN THE INFORMATION CULTURE OF MODERNITY

Summary. The article is dedicated to the difference of value systems of the subjects of the dialogue. Information culture in modern society is formed under different multimedia technologies, where moral values are not needed.

Key words: subject, dialogue, conflict, value

Базовым основанием того, чтобы состоялся диалог, выступает свобода и равноправие субъектов диалога. Человек, вступая в диалог с другим, иным, не всегда чувствует себя свободным и равноправным. Участники диалога различных системах взаимоотношений, обнаруживают специфическую систему ценностей, и даже некую иерархию, так как возникает расхождение приоритетов. Для политиков, главной ценностью выступает, как известно, власть, для военных-сила. Для человека иерархия ценностей динамична, так как невозможно определить постоянную шкалу ценностей в разный период жизни и в различных статусах. Неоднозначны и неравнозначны индивидуальные и общественные, моральные и эстетические ценности, интеллектуальные и эмоциональные ценности. Если попытаться определить компоненты личностной иерархии, то и здесь непременно обнаруживаются разногласия, отражающиеся как в состоянии творческого поиска человека, так и в кризисе.

Различие систем ценностей различных субъектов, если эти субъекты взаимодействуют или должны взаимодействовать друг с другом, может приводить к конфликтам, что неизбежно при субъект-субъектных отношениях. Конфликт ценностей наиболее яркий и острый из всех конфликтов для человека, который может развиваться в двух направлениях, как в сторону творческой деятельности, так и в затянувшуюся депрессию. Различие ценностей, их трактовки, иерархии делает невозможным нормальное взаимодействие партнеров, так как партнеры не имеют единых критериев свободы, соответственно, формальный диалог по сути превращается в два монолога.

Сотрудничество становится невозможным, и взаимодействие перерастает в конфликт. Учитель требует, чтобы ученик подчинялся его указаниям, так как, по его мнению, уважение к учителю является приоритетом во взаимодействии учителей и учеников, но социально-экономическое неравенство сторон не допускает данного ценностного восприятия иерархии. Здесь возникает тройной конфликт: возрастной, статусный и социально-экономический. Ученик считает главным приоритетом свою свободу, обеспеченную экономическим или социальным положением родителей, учитель считает приоритетом свой социальный статус педагога. Учитель, являющийся представителем культуры, в которой безусловный приоритет отдан старшему, уверен, что его распоряжения не должны оспариваться, как не должно

оспариваться и его единоличное право решать главные вопросы. Ученик - представитель иной культуры, в которой за ним признаются равные права. Конфликта между ними трудно избежать. Здесь возможно и коренное различие в понимании справедливости, что и приводит к непримиримому конфликту. Конфликты ценностей проявляются и в других формах. Так, сегодня существует серьезный конфликт между ценностью «самоопределения нации» и ценностью «сохранения целостности государства», породившей множество региональных конфликтов во всем мире.

Художественно-эстетические ценности очень часто вступают в конфликт с экономической целесообразностью, а ценности социального равенства - с экономическими ценностями развития конкуренции, прибыльности. Конфликты ценностей проявляются и в рамках одного общества (конфликт ценностей поколений), и в отношениях между представителями различных субкультур, и в рамках одной социальной группы (в семье, организации).. Люди редко борются просто за идею, кроме случаев идеологических споров, дискуссий и т.д. Кстати, идеологические дискуссии, полемика и т.д. по сути и представляют собой форму открытого, легко обнаруживаемого конфликта ценностей. Чаще всего ценностные корни конфликтов проявляются латентно.

Отец негодует по поводу независимого поведения сына - тот упорствует, не уступает, не подчиняется отцу. Конфликт между отцом и сыном на первый взгляд выглядит как конфликт разных поколений, о чем много написано в художественной литературе.

Внутренняя логика социальных взаимодействий объединяет ценностно-ориентационный, нормативно-практический и контрольно-восстановительный компоненты в единый механизм социальной регуляции, как в одной из форм снятия конфликта. Ценности, являясь своеобразным критерием оценки реальных явлений социальной жизни, обосновывают идеалы, цели реального развития, определяют отношение человека к событиям окружающего мира. Ценность обретает самостоятельный статус когда она становится внутренне принятой, осмысленной, ее нельзя заучить, навязать насильно. В условиях становления современного общества меняется не только само общество, но и человек. Основным механизмом трансформации сущностных, родовых качеств человека является информационная культура. Как известно, культуру создает человек, и культура формирует человека. Сегодня мы становимся свидетелями нового общества, которая входит в новую фазу развития - информационную. Культура, как качественный показатель уровня цивилизационного развития, в этот период, приобретая новые свойства, при этом сохраняет и старые. В результате возникают противоречия между двумя системами ценностей, приводящие к конфликтам на уровне различных социальных субъектов. Попытаемся рассмотреть наиболее актуальные из них.

В информационном обществе появляется новый тип культуры – информационная культура. Это понятие разрабатывается в рамках философии, социальной философии, культурологии, социологии, педагогики и др. социально-гуманитарных наук. Однако до сих пор нет четкого понимания сущности этого феномена. Оно трактуется и как культура в целом, и как ее подсистема, и как вид культуры личности и как экранная культура, киберкультура, масс-культура, электронная культура, киберпространство и т.д. Анализ этого понятия проведен во многих работах современных мыслителей. Информационная культура определяется как вид культуры, которая формируется в условиях информатизации и функционирует в обществе как информационный феномен, создавая на основе информационных технологий информационную реальность. Под воздействием такой культуры образуется особое социокультурное пространство. В нем существуют свои, отличные от традиционного общества нормы и правила поведения, свои ценности.

Как уже говорилось, конфликты возникают из-за разности мировосприятия субъектов и могут разрешаться на уровне свободы личности. В основе любого конфликта лежат разночтения на уровне социальных отношений, на базе которых осуществляется взаимодействие интересов субъектов и формируются в социокультурном пространстве, которое влияет на их мировосприятие и служит в дальнейшем базой для развития и разрешения конфликтов.

Чтобы проанализировать возможные противоречия систем моральных ценностей, способных перерасти в конфликт, нам необходимо раскрыть понятие «ценности». Сегодня существует достаточно широкий спектр интерпретации данной категории. Наиболее важными для нас являются те точки зрения, где акцент делается на взаимосвязи понятий «культура», «ценности», «мораль», «мотивация», «традиции».

Ценности как категория и феномен начинают изучаться во второй половине XIX века в рамках аксиологии - учении о ценностях. Сегодня сложилось достаточно много различных подходов к их изучению, например, историко-философский, антропологический, социологический, культурологический, социокультурный, философско-культурологический и т.д. Взаимосвязь интересующих нас понятий наиболее четко представлена в философско-культурологическом подходе. Так, М. Вебер рассматривал ценности как совокупность мотивов социального действия, основанных на вере. В своих работах Т. Парсонс рассматривает традиции как основу взаимосвязи культуры и ценностей: «Поскольку ценности являются скорее культурными, а не личностными характеристиками, постольку они оказываются общепринятыми. Даже если они не принимаются индивидом, то все же благодаря своему происхождению они определяются в связи с культурной традицией, а их своеобразие состоит в специфических отклонениях от общей традиции» [1]. Таким образом, традиции выступают как механизм сохранения культуры и передачи ее ценностей от поколения к поколению. Ценности согласно Т. Парсонсу являются средством для социального реформирования. Любая реформа основана на социальном конфликте, в основе которых находятся и моральный конфликт. Ценности, согласно этой позиции, образуют надличностную реальность.

Взаимосвязь ценностей и культуры, и возникающих противоречий в их развитии, раскрывается в работах П.А. Сорокина: «... именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры. По этой причине важнейшие составные части такой интегрированной культуры также чаще всего взаимозависимы: в случае изменения одной из них остальные неизбежно подвергаются схожей трансформации» [2]. Основная идея смены типов культуры заключается в последовательных этапах разрешения противоречия систем ценностей: зарождение, развитие, угасания и отрицания базовой ценности, лежащей в основании той или иной культуры.

Для культурологического подхода характерным является анализ ценностей на основе субъект-субъектного и субъектно-объектного подходов. При этом определяются ценности свойств материальных и идеальных объектов, которые способны удовлетворять интересы различных социальных субъектов. Взаимосвязь понятий «ценности» и «искусства» раскрывается в системе ценностей субъектов в работах М.С. Кагана, который считает, что ценностное отношение «порождается субъектно-объектной связью» как «специфическим философским и собственно философским описанием поведения и деятельности людей» [3]. Философско-культурологический подход позволяет рассмотреть ценности в системе деятельности, где творческая деятельность есть одна из подсистем человеческой культуры.

Моральные ценности - это наиболее древние регуляторы духовной жизни людей. Исторически они служат фундаментом и условием для передачи социального опыта от поколения к поколению на основе традиций. Характерным для моральных ценностей является тот факт, что они не имеют специально создаваемых социальных институтов. Это их свойство проявляется в диалектике сущего и должного, объективного и субъективного, определяя нравственность поведения социального субъекта. Важной особенностью моральных ценностей является и их носитель, в качестве которого выступает и человек и коллектив, общественное и индивидуальное сознание. На основе характеристик и особенностей моральных ценностей, представленных в научной литературе, можно выделить ряд возможных противоречий, возникающих в общественных отношениях в переходный период, когда происходит смена типов культуры. При этом система ценностей отдельно взятого человека может вступать в противоречие с системой ценностей каждого из субъектов, индивидуального или коллективного. Кроме того, мотивационная подсистема культуры любого субъекта может созда-

ваться на базе различных систем ценностей, сформированных тем или иным социокультурным пространством общества, которые также могут вступать в противоречие.

Необходимо понимать, что смена культуры взаимосвязана со сменой ценностей вообще и моральных в том числе. Условно будем называть общество до информационной эпохи традиционным, и следовательно, культуру того времени обозначим как культуру традиционную. При переходе к информационному обществу происходит смена системы ценностей и ценностных ориентаций, в результате чего возникает противоречие между мотивационными подсистемами традиционной и информационной культур.

Сегодня мы наблюдаем переходный период, когда происходит смена ценностей, норм, традиций и общество находится в состоянии балансирования между старым и новым. Традиции и новации становятся основой противоречий, которые, в свою очередь, являются источником социальных и моральных конфликтов. Информационная культура приходит на смену культуре традиционной, где информационная деятельность является как самостоятельным видом деятельности, так и оказывается вплетенной во все другие виды деятельности. Изучая состояние общества в переходный период, особое внимание ученые уделяют проблеме конфликта моральных ценностей традиционного и информационного общества. Например, А.А. Гусейнов, для изучения данного вида конфликта вводит следующие понятия: «институциональная этика» - обозначает мораль современного общества; «этика добродетелей» - обозначает классическую (традиционную) форму морали[4]. Информационная культура характеризуется резким скачком в объемах и скоростях передачи, обработки и хранения информации. Информация в данной культуре отличается не только количественными характеристиками от информации традиционной культуры, но и качественно.

С переходом к информационному обществу информация становится экономическим ресурсом, предметом и средством труда. Если в традиционном обществе первостепенную роль играли духовные ценности, то в информационном их вытесняют ценности информационного продукта. В этом плане трудно не согласиться с мнением В.Н. Поруса, который считает, что «... общество, в котором происходит «оскудение духовного бытия на фоне гигантского роста информации», не может быть беспроблемным, потому что в нем раскрывается новый уровень нравственных противоречий, которые никогда ранее не испытывало человечество» [5]. В информационном обществе информационные технологии превратили культуру образованности в культуру информированности, как справедливо отмечает Е.В. Грязнова[6].

Информационная культура в современном обществе формируется под воздействием различных мультимедийных технологий и всемирной сети Интернет. Не секрет, что благодаря таким технологиям происходит конфликт ценностей, связанных с наличием определенной дистанции между личной и общественной жизнью. В социальных сетях выкладывается на всеобщее обозрение личная информация. Цели такого поведения самые различные. СМИ, вооруженные новыми технологиями способствуют навязыванию новой системы моральных ценностей. Она характеризуется обезличенностью, анонимностью, безответственностью поступков и слабой связью с понятием человечности. В результате появляются своеобразные субкультуры, которые оказывают мощное влияние на формирование моральных качеств индивида,

Актуальным становится положение К. Ясперса о том, что кризис культуры непосредственно связан с развитием техники, когда механизация становится глобальным явлением современной реальности, способствуя тому, что человек превращается в часть машины [7]. В современном культурном пространстве кризис культуры проявляется именно в деформации системы моральных ценностей, приводящей к разногласию интересов личности и общества (коллективного субъекта). С одной стороны, происходит расширение границ свободы культурного выбора для субъекта. С другой стороны, множество субкультур приводят к несвободе, т.к. теперь индивид лишен направляющей, определяющей ценностные ориентации. В огромном потоке информации человек не способен быстро и правильно ориентироваться. Коллективный субъект утрачивает свои функции субъекта социализации. Происходит мо-

ральное разобщение, приводящее к разногласиям между всеми видами субъекта. В условиях информационного социокультурного пространства появляется возможность исключить нравственную сторону человеческого поведения, строящуюся на понятиях долг, честь, совесть, ответственность и т.д. Две системы моральных ценностей вступают в противоречие, в котором конфликтуют интересы субъектов.

Описывая современное состояние распада системы ценностей Ж. Бодрийар пишет о данном процессе как четвертой стадии ее трансформации: «На четвертой же стадии — стадии фрактальной, которую мы могли бы назвать также вирусной или стадией диффузии ценностей, уже не существует соответствия чему бы то ни было. Ценность распространяется во всех направлениях, без какой-либо логики, присутствуя в каждой скважине и щели. На этой стадии не существует более равноценности, присущей другим стадиям, нет больше самого закона ценности; есть лишь нечто, похожее на эпидемию ценности, на разрастание метастазов ценности, на ее распространение и рассеяние, зависящее лишь от воли случая» [8].

Библиографический список:

1. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
2. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
3. Каган, М. С. Философская теория ценности / М. С. Каган. СПб.: Петрополис, 1996. 205 с.
4. Гусейнов, А. А. Философия. Мораль. Политика. / А. А. Гусейнов. М.: Академкнига, 2002. 304 с.
5. Порус, В. Н. Рациональность. Наука. Культура / В. Н. Порус. М., 2002. 351 с. [Электронный ресурс]: <http://mirznaii.com/a/285566/porus-v-n-ratsionalnost-nauka-kultura>
6. Грязнова, Е. В. Информационное взаимодействие в образовании: прогресс или регресс? / Е. В. Грязнова // Философия и культура. 2012. № 7. С. 123-129.
7. Ясперс, К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 2004. С. 28-286.
8. Бодрийар, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийар.-М., 2000. 257 с. [Электронный ресурс]: <http://www.rulit.me/books/prozrachnost-zla-read-57482-1.html>

Гарунова Н.Н.,

доктор исторических наук, профессор

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала,

Скорик А.П.,

доктор исторических наук, доктор философских наук,

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М.И. Платова, г. Новочеркасск,

Цыбулькинова А.А.,

кандидат исторических наук, доцент

Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ ВУЗОВ ЮГА РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ АРМЯНСКОЙ ОБЩИНЫ)

Аннотация. Рассмотрены вопросы межкультурного взаимодействия в молодежной студенческой среде, базирующиеся на национальной почве, неуверенности в прочности межнациональной коммуникации. Используются результаты исследований, проведенных в Дагестанском государственном университете, Армавирской государственной педагогической академии и Южно-Российском государственном политехническом университете (НПИ) имени М.И. Платова.

Ключевые слова: чужой, студент, община, национальность, толерантность, конфликт

Garunova N.N.

doctor of historical sciences, professor
Dagestan State University, Makhachkala,

Skorik A.P.

Doctor of Historical Sciences, Doctor of Philosophy,
South-Russian State Polytechnic University (NPI) named after M.I. Platov, Novocherkassk

Tsybulnikova A.A.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Armavir State Pedagogical University, Armavir

ONCE AGAIN TO THE QUESTION OF THE INTERCULTURAL INTERACTION IN THE YOUTH ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITIES OF THE SOUTH OF RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF ARMENIAN COMMUNITY STUDENTS)

Summary. The issues of intercultural interaction in the youth student environment, based on national soil, lack of confidence in the strength of interethnic communication are considered. The results of studies conducted at the Dagestan State University, Armavir State Pedagogical Academy and the South-Russian State Polytechnic University (NPI) named after M.I. Platov.

Keywords: alien, student, community, nationality, tolerance, conflict

В период 2015-2017 гг проходили «выборочные замеры» в молодежной среде вузов Юга России. В основе их лежали анкеты и сравнение с результатами предыдущих опросов, в 2012 – 2014 гг., когда параллельно в трёх вузах Юга России: Армавирском государственном педагогическом университете, Дагестанском государственном университете и Южно-Российском государственном политехническом университете (НПИ) имени М.И. Платова проводилось социологическое исследование состояния и перспектив этнической толерантности в студенческой среде. Среди респондентов в возрасте от 17 до 22 лет оказались и студенты-армяне. Но если для Махачкалы наличие армянской диаспоры не является заметным явлением общей этнокультурной картины субъекта федерации, и актуальной статистикой этническая группа армян не фиксируется (хотя студенты-армяне в университете учатся), то для Армавира и Новочеркасска функционирование армянской общины стало фактом социальной реальности. Чёткое соответствие национальному составу своего города показывает студенчество АГПУ. Численность обучающихся русских составляет здесь 75 %, армян – 10 %, остальных – 15 %. Примерно такая же картина складывается в ЮРГПУ (НПИ). Смешанный этнический состав респондентов потребовал для достижения более высокой репрезентативности научного поиска разработки не только обстоятельной программы исследования, но и тщательной редакционной правки вербально корректной стандартизированной анкеты. Кроме того, в этих целях модераторами проекта проводился пилотный опрос небольших групп студентов, а также в качестве экспертов привлекались преподаватели и должностные лица из числа управленческого персонала вузов (не менее пяти человек в каждом вузе). Это позволило существенно уточнить и отшлифовать авторскую модель социально ориентированного проекта. В качестве выборочной совокупности социологического исследования целенаправленно были взяты студенты первых и третьих курсов.

У обеих студенческих микрогрупп уже сложилось своё отношение к окружающей социальной реальности. Это, в частности, проявилось в позиции обеих возрастных групп при восприятии иноэтничности как таковой. С другой стороны, студенты третьего курса практически во всех вопросах анкеты проявили более личностное отношение к национальности окружающих их людей и к проблемам межнациональных отношений. Для их социальной коммуникации данный параметр оказался более значимым, нежели для вчерашних школьников. Например, уже при ответе на первый вопрос анкеты «Обращаете ли Вы внимание, что рядом с Вами живут, работают, проводят свободное время представители другой национальности?» среди первокурсников в целом отрицательно ответили 51,3 %, а среди студентов третьего курса – 45,9 %. Среди студентов-армян этот показатель достиг уровня 65,2 %, когда

молодые люди не заостряют на этом своё внимание. Однако каждый пятый из опрошенных студентов-армян вполне чётко и постоянно фиксирует присутствие рядом с собой инокультурного мира в лице представителей других этнических групп, хотя к этому можно добавить их фоновое ожидание в среде рассматриваемой микрогруппы – 13,0 %. Для сравнения, в ДГУ постоянный уровень восприятия Другого заметно ниже – 31,5 %, что объясняется определённым психологическим «привыканием» к полиэтничному окружающему пространству и восприятию его как некоей привычной данности.

Можно говорить о развитости личностной коммуникации, внутренней открытости и готовности ценить настоящие человеческие отношения среди студентов-армян южно-российских городов, ибо подавляющее количество респондентов (82,6 %) считают, что «ничто не может помешать настоящей дружбе». Для значительной группы опрошенных (13,0 %) сдерживающим условием для развития дружеских отношений является уважение к обычаям и традициям со стороны человека другой национальности. Заметим, обобщённые данные по всем категориям опрошенных в отношении обозначенных социальных индикаторов равны 69 % и 22,8 % соответственно.[1,с.13]

О степени включённости опрашиваемых студентов-армян в конфликтогенные отношения с подтекстом межнационального противостояния можно отчасти судить по ответам на прямой вопрос «Приходилось ли Вам в повседневной жизни сталкиваться с конфликтами на межэтнической почве?». Накопленный процент по утверждающим индикаторам «да» и «скорее да, чем нет» составил 47,8 % респондентов. Однако формулировка вопроса в иной форме повышает эту планку вовлечённости в межэтническое противоборство, поскольку по вполне понятным причинам части опрошенных межнациональный конфликт не добавляет приятных эмоций, а отсюда естественное нежелание акцентировать на такой ситуации своё внимание. Когда же модераторы проекта попытались узнать через анкетный вопрос «Как выглядел межэтнический конфликт, в который Вы были вовлечены?», то 75,0 % респондентов по их собственному заявлению оказались в той или иной форме стали свидетелями и/или участниками конфликта на межэтнической почве.

Отметим значительную долю респондентов, которые не сталкивались с конфликтами на межнациональной основе и/или не были вовлечены в подобное противостояние. И таких набралось 26,1 %. Это не только свидетельствует о наличии вполне определённой тенденции миролюбия и некоторой самоизоляции в студенческой среде южно-российских вузов, но и подтверждает тезис об изначальной неконфликтности части молодого поколения, вопреки устойчивому представлению о конфликтогенной характеристике современной молодёжи. Среди опрошенных студентов-армян 43,5 % готовы приложить усилия к разрешению возникшего межнационального конфликта, а 17,4 % настроены решительно на предотвращение подобных конфликтов.

Разрешение межнациональных конфликтов требует выявления наиболее действенного механизма урегулирования конфликтных отношений, а соответственно выяснения ключевого варианта социальной деятельности для установления добрососедского взаимодействия между народами. Примечательным фактом нашего исследования стала ориентация студентов на выработку позитивного социального опыта преодоления межнационального противостояния преимущественно в рамках гражданского общества. В том, что «люди сами должны искать пути межнационального согласия» уверены 60,9 % опрошенных студентов-армян. Роль государства как межнационального арбитра признали только лишь 8,7 % респондентов из числа рассматриваемой микрогруппы. Если же использовать накопленный процент и обратить более пристальное внимание на отчасти косвенный социальный индикатор «надо больше проводить совместных праздников и других мероприятий» (21,7 %), то становится очевидным, что межнациональное противостояние, по мнению современных южно-российских студентов, во многом может быть преодолено именно на уровне местного сообщества. Опять же актуализируется проблема формирования позитивного социального опыта межнационального взаимодействия в ходе непосредственных контактов национальных общин, студенческих микрогрупп различных национальностей, скажем, тех же армянских землячеств.

Можно констатировать определённую открытость студенческой молодёжи к обновлению «старых» и установлению новых позитивных межнациональных контактов. Так, хорошо знают обычаи и проявляют готовность к участию в национальных обрядах другого народа 30,4 % респондентов из числа студентов-армян. Не особо знают, но «не против вместе проводить время» 47,8 % опрошенных, а хотели бы побольше узнать о традициях иного народа, «чтобы найти друзей» 4,3 % респондентов. Тем самым, по накопленному проценту (82,6 %) можно судить о значительном потенциале этнической толерантности среди студентов-армян. Противостоящая молодёжная позиция в этом отношении представлена двумя социальными индикаторами: «мне это абсолютно безразлично» (8,7 %) и «не вижу в этом смысла» (8,7 %). Примечательна склонность студентов видеть реальное улучшение социально-психологической атмосферы в межнациональных отношениях именно через поиск возможностей налаживания межэтнических контактов. Только лишь небольшая часть из опрошенных студентов-армян занимает выжидательную позицию и считает, что «станет жизнь лучше, и не будут искать виноватых среди других народов» (4,3 %).

Потенциал этнической толерантности раскрывается и через отношение армянской студенческой молодёжи к межэтническим бракам. В этой связи не может не радовать однозначная одобрительная позиция 56,5 % респондентов (для сравнения в целом по исследованию: 42,7 %). С разной долей позитивности к этой принципиально важной для настоящего исследования позиции примыкают ещё две микрогруппы студентов-армян: во-первых, индифферентная, представленная в ответах двумя индикаторами «не одобряю для себя, а другие пусть сами думают» (17,4 %) и «мне это безразлично» (4,3 %), а, во-вторых, опосредованная существенным обременением, объединяемая на основе ответов по индикаторам «всё зависит от позиции родителей» (4,3 %) и «смотря к какой национальности мой(ая) любимый(ая) относятся (13,0 %)» (для сравнения в целом по исследованию: 6,7 %). Безусловно, назвать прозелитистскими выделенные микрогруппы нельзя и искать среди них однозначных сторонников межэтнических браков не следует, равно, как и нельзя полностью исключить элементы сочувственного отношения.

Противоположная позиция в отношении межэтнических браков представлена в ответах также двумя индикаторами: «сомневаюсь в их целесообразности» (4,3 %) и «категорически против» (которую никто не выбрал). В результате накопленный процент по микрогруппе противников межэтнических браков не превышает незначительного показателя 4,3 %. Тем самым, с одной стороны образуется естественная компаративная референтная группа «недовольных», и мы её соотносим с нормативной референтной группой в рамках настоящего исследования, в качестве которой, прежде всего, рассматриваем микрогруппу сторонников межэтнических браков. С другой стороны очевидных и последовательных противников межэтнических браков не так уж много (4,3 %), и эта микрогруппа имеет пороговое значение в силу обозначенного числового параметра.

Прослеживается явная дихотомия с одинаковой взвешенностью суждений в оценке управленческих усилий местных властей в решении проблем межэтнического взаимодействия. С одной стороны, каждый четвёртый участник опроса из числа студентов-армян твёрдо уверен в полноценном исполнении социально-административной функции по поддержанию межнациональной стабильности органами местного самоуправления на территории своего муниципального образования, что, действительно, местные власти «держат эти вопросы под контролем» (26,1 % респондентов). Вместе с тем, среди студентов-армян не выявлены респонденты, изначально негативно настроенные в отношении управленческой способности местных властей к установлению и поддержанию в рабочем режиме каналов межнационального диалога. Никто из исследуемой референтной группы не указал, что местные власти «потворствуют этническим группировкам и криминалу», хотя по накопленному проценту (15,7 %) в общем исследовании фиксируется явное присутствие двойных стандартов в деятельности муниципальных органов, или же отдельных их представителей. О наличествующей тенденции социальной индифферентности местной власти свидетельствует избранная одной пятой частью респондентов индикативная оценка «им всё равно, как живут люди разных наци-

ональностей» (21,7 %). Это указывает на низкую эффективность проводимых на местах мероприятий по расширению возможностей межнационального диалога, на неумение муниципальной власти выстраивать контакты с национальными общинами, или недостаточную вовлечённость армянской студенческой молодёжи в подобные акции. Однако обнадеживает достаточно распространённое мнение в среде рассматриваемой группы респондентов об имеющемся потенциале местных властей, которые настойчиво стремятся решать существующие межнациональные проблемы, «но это у них не получается» (52,2 %). Тем самым, градус общественного доверия в среде студенческой молодёжи к органам местного самоуправления довольно высок, если принимать во внимание характерные остроту, противоречия и трудности межнационального диалога в северокавказском регионе. С учётом ранее уже обозначенной исключительно позитивной оценки (26,1 %) мы имеем вполне неплохие перспективы для усиления толерантного восприятия студенческой молодёжью межэтнического взаимодействия и участия в этом процессе местных властей городов с высокой долей студенчества.

Градации причин межнациональных конфликтов среди опрошенных студентов-армян распределилась по мере убывания значимости предложенного социального индикатора следующим образом: 1) отсутствие должного поведения представителей разных народов (39,1 %); 2) непонимание основ другой культуры (30,4 %); 3) нежелание искать межэтнические компромиссы (13,0 %); 4) низкий уровень жизни, неразрешённость материально-бытовых проблем (4,3 %); 5) двойственная позиция властей (4,3 %). При этом затруднились определить свою позицию 8,7 % респондентов, т.е. каждый почти десятый из числа опрошенных, и это знаковый показатель. Тем самым, проблема межнационального диалога заключается в налаживании такого диалога. Более того, 82,6 % опрошенных из рассматриваемой референтной группы «готовы сотрудничать с представителями других народов».[2,с.24]

подавляющему большинству респондентов оказались близки базовые общеконституционные идеи общей судьбы народов Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, сохранения исторически сложившегося государственного единства, уважения к своему родному Отечеству. Это подтверждает полученный накопленный процент (95,7 %), когда данные по двум индикаторам «Я – гражданин Российской Федерации» (39,1 %) и «Я – представитель своего народа, но одновременно я – россиянин» (56,5 %) объединяются. Общегражданский патриотизм при выявленном нами порядке числовых значений заданных социальных индикаторов очевиден, несмотря на существующие коллизии общественного сознания молодых поколений. Выбор государственного единства, артикулируемый респондентами из числа студентов-армян в объединяемых социальных показателях, принципиально важен в плане смысловой перспективы, поскольку здесь проявляется и этническая толерантность, и общероссийская гражданская идентичность.

А что же на другой стороне этих общероссийских весов?! Имеется хоть один существенный компонент, способный пусть немного, но отклонить стрелку весов в антипатриотичную сторону. Увы, но такая социальная микрогруппа среди армянской студенческой молодёжи сегодня имеется, и мы зафиксировали позицию: «Я вообще хочу покинуть Россию и жить за границей» (4,3 %).

Таким образом, проведённые социологические замеры показывают наличие определённого уровня межнациональной напряжённости в студенческой среде. Одновременно мы констатируем в изучаемой молодёжной общности студентов-армян существование социально-психологических механизмов усиления межэтнического взаимодействия. Их последовательное выявление и должная интерпретация как раз и обеспечивается с помощью социологического исследования по квотной выборке, что позволяет заинтересованным инстанциям: муниципальным властям, управленческим структурам вузов, армянским национальным общинам должным образом отреагировать на полученный срез общественного мнения студентов-армян, полученный нами в позиционируемом социальном проекте.

Библиографический список:

1. Гарунова Н.Н., Скорик А.П., Цыбульникова А.А. Деконструкция межэтнического диалога студенчества: аналитика и материалы кросс-культурного социологического исследования. Махачкала, 2014.

2. Гарунова Н.Н., Скорик А.П., Цыбульникова А.А. К вопросу о соблюдении национальных прав и национальной гордости "другого" в мироощущении студентов вузов Юга России// Евразийская парадигма России: ценности, идеи, практика. Материалы международной научной конференции посвященной 20-летию Бурятского государственного университета. Научные редакторы В. В. Башкева, М. В. Бадмаева. 2015. С. 24-27.

Манапова В.Э.,

доктор философских наук, доцент
кафедры гуманитарных дисциплин,
Дагестанский государственный университет народного хозяйства,
г.Махачкала

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ

Аннотация. Статья посвящена проблеме субъекта в межкультурном диалоге. Автор анализирует природу и сущность субъекта, а также проблему субъект-объектных отношений.

Ключевые слова: субъект, межкультурная коммуникация, диалог, полимодальность субъекта.

Manapova V.E.,

Doctor of Philosophy, Associate Professor, DSUNE, Makhachkala

THE PROBLEM OF SUBJECT IN THE INTERCULTURAL DIALOGUE

Summary. The article is dedicated to the problem of subject in intercultural dialogue. The author analyzes the origin and essence of subject, and also the problem of subjective-objective relations.

Key words: subject, intercultural communication, dialogue, subject polimodality.

Диалог культур это не простое общение, а взаимопонимание и взаимоуважение. В процессе диалога происходит столкновение культурных «горизонтов»: разных традиций и ценностных установок. Во многом понимание напрямую зависит от готовности субъектов диалога принимать другую культуру. Диалог подразумевает обнаружение и понимание ценностей других культур, способ присвоения последних, возможность снятия политической напряженности между государствами и этническими группами[1, с.9].

Процесс коммуникации, т.е. взаимосвязи и взаимодействия людей, являющихся носителями отличных друг от друга ценностей, стереотипов или поведенческих форм, прежде всего это процесс, при котором происходит обмен информацией. В процессе коммуникации происходит изменение взаимодействующих субъектов, формируются новые личностные качества. В работе «Мир общения» М.С. Каган, говорит о том, что общение – это особая форма взаимодействия сложных систем – субъектов[2, с.84]. Коммуникация выражается в том, что субъект передает некую информацию (знания, идеи, деловые сообщения, фактические сведения, указания, приказание и т.п.), которую получатель должен всего-навсего принять, понять (правильно декодировать), хорошо усвоить и в соответствии с этим поступать. В то время как в диалоге каждое сообщение (послание) рассчитано на интерпретацию собеседником и возвращение в таком преломленном, обогащенном, интерпретированном виде для дальнейшей аналогичной обработки другим партнером и т.д.[2, с.148]. Кроме того, как подчеркивает М.С. Каган, общение – это процесс выработки новой информации, общей для общающихся людей и рождающей их общность (или повышающая степень этой общности).

Субъект межкультурного диалога не может рассматриваться изолированно, так как каждый индивид идентифицирует себя с определенной социальной группой - нацией, этнической, религиозной или профессиональной общностью. Кроме того, существует проблема диалога поколений, субкультур и т.д.

Как подчеркивает Э.В. Сайко[2, с.10], пространство диалога, содержание, субъекты и действия его (двух ученых, двух полководцев, двух государств, ученика и учителя и т.д.) неодинаковы. И действительно, в межкультурных отношениях принимают участие как большие, так и малые нации (не имеющие, подчас государственности и даже территории), государства, международные организации и движения. И, безусловно, степень влияния данных субъектов является различной. И поэтому проблема субъектов диалога представляет особый интерес.

Одним из главных свойств субъекта является его уникальность. И демаркационная линия, отделяющая субъект от объекта, по мнению М.С.Кагана[2, с.98], пролегает именно здесь. Так как объект либо вообще не является уникальным, либо утрачивает уникальность в данной ситуации, даже если обладает ею в принципе. Субъект же в силу своей уникальности «требует индивидуального к себе подхода».

В диалоге происходит утверждение субъектов по отношению к себе и другим субъектам. В пространстве диалога осуществляются действия субъектов, направленные на разрешение противоречий. Считается, что индивид, вступающий в диалог и отстаивающий свою точку зрения, формируется как личность, социализируется и самоопределяется. Диалог исторически возник в связи со становлением индивида как личности и необходимостью выстраивать свою позицию и систему ценностей в процессе взаимодействия с другими субъектами.

Как отмечает В.М. Межуев[3, с. 378-379], диалог, предполагающий встречу двух лиц, начинается с вопроса не «кто он?» (на этот вопрос каждый дает собственный ответ) или «кто ты?» (ответ на него означает не диалог, а просто знакомство), а с вопроса «кто я?». Слушая на него ответ, люди и вступают между собой в человеческие отношения, ибо относиться к кому-то по-человечески - значит видеть в нем продолжение или отражение самого себя. Диалог всегда есть диалог личностей, двух субъектов, каждый из которых утверждает свою субъективность путем не отрицания, а признания субъективности другого.

В связи с этим, возникает проблема формирования субъекта диалога. Процесс самоутверждения «Я» и «Ты» происходил еще в период перехода от первобытного общества к рабовладельческому. Происходившие изменения в социальной структуре привели к формированию нового социокультурного пространства и смене коллективно-родовой зависимости на личную, при значительном увеличении роли последней. Другими словами, происходит смена субъектных отношений и позиция «Мы»-«не Мы» постепенно вытесняется позицией «Я» - «не Я», «Я» - «Ты», «Я»-«Они». Появляется носитель другой позиции и возможность диалогичности «реальных субъектов» (Э.В. Сайко), защищающих свои ценности в форме диалога. Подобный диалог как способ самообнаружения своего «Я» во внутреннем диалоге с самим собой сформировал субъективную позицию индивида, и в дальнейшем трансформировался в «специализированный тип общения». И подобный диалог оформляется только в Древней Греции, где считалось, что истина есть результат сложного и длительного процесса познания, требующего участия в нем разных людей. Никто в этом процессе не обладает монополией на истину. Любая претензия на истинное мнение может быть тут же оспорена и опровергнута с противоположной точки зрения и диалог строится на базе не любого обмена словами, а развернутого, доказательного мышления, т. е. на чисто рациональных основаниях. Л.Фейербах утверждал, что мышление и бытие должны выступать (в логике) в качестве двух «субъектов диалога» – в качестве «Я» и «Ты». Чтобы стать логическим, противоречие (и тождество) мышления и бытия должно приобрести диалогическую (социально-логическую) форму. «Истинная диалектика не есть монолог одинокого мыслителя с самим собой, это диалог между Я и ТЫ»[4]. Как заметил В.С.Библер[4], для логического осмысления идей Фейербаха, для того чтобы они вышли за пределы смелых и красивых деклараций и могли схватиться с гегелевской логикой на логической почве, необходимо было совершить один совсем маленький шаг – понять диалог «Я» с «Ты», умозрения с опытом как диалог с самим со-

бой, с alter ego, с внутренним Собеседником, и обратно – понять «монолог» одинокого мыслителя с самим собой – как диалог умозрения с опытом, «Я» с «Ты».

Ю.Хабермас так описывает это явление: «...субъективность, превращающая человеческую плоть в одушевленный сосуд духа, образуется через интерсубъективные отношения с Другим. Индивидуальное Я возникает исключительно на социальном пути проявления вовне и может стабилизироваться только в сети исправно действующих отношений взаимного признания»[5]. М.Бубер, рассуждая о двойственном мире для человека, говорит о том, что позиция человека двойственна в соответствии с двойственностью основных слов, которые он может произносить. М.Бубер также считает, что становления Я невозможно вне отношения Я-ТЫ, вне общения и взаимодействия субъектов[6].

Диалог выстраивается на чисто рациональных основаниях. Диалог есть общение свободных и рационально мыслящих людей, ставящих своей целью поиск истины, которая им неведома. Диалог есть способ общения между людьми, живущими в условиях политической и духовной свободы. Диалог - не просто способность сообщать что-то другим или, наоборот, слышать, что они сообщают тебе, но особая форма общения с другими. Его можно определить как *разговор с другими о себе*, точнее, о том, что имеет ко мне прямое отношение. Желая понять себя, мы ведь обращаемся не только к себе, но и к тем, кто жил до нас или живет рядом с нами. Диалог обретает смысл лишь для тех, кто хочет увидеть себя таким, каким он существует не только в собственном сознании, но в сознании других, кто стремится понять, что *думают о нем другие*[3, с.378].

Как отмечается, диалог может вестись только индивидами, обладающими свободой выбора, несовместим с любыми проявлениями насилия и принуждения, так как именно свобода придает деятельности человека нравственное измерение. Нравственная оценка поступка, по мнению М.С.Кагана[2, с.95], возможна и необходима только тогда, когда у действующего лица существует свобода выбора как цели, так и способов и средств реализации. И уникальность субъекта как его отличительная черта проявляется в ценностно-избирательной деятельности, которая обуславливает его избирательную активность именно как субъектную, а не инстинктивную, биологическую, автоматическую.

Ю.Хабермас[5] считает, что социальное действие имеет коммуникативную природу, поскольку субъекты-участники коммуникативных процессов совместно вырабатывают интерсубъективные (от лат. «inter» – между) смыслы (т.е. цели, установки, ценностные ориентиры и др.). Кроме того, немецкий ученый стремится найти место для механизмов рационального суждения внутри ценностных и деятельностных отношений. Т.е. если для М.С. Кагана главной целью общения является достижение общности при сохранении самобытности субъектов, «встреча двух исповедей, которая рождает новую», то для Ю.Хабермаса понятие «коммуникативного действия» предстает как решающий социокультурный фактор, определяющий специфику человеческого общества, уровень его развития, и трактуется как социальное действие, имеющее коммуникативный характер. И коммуникативное действие состоит в том случае, если говорящий и слушающий разделят одни и те же представления об истинности: лишь в этом случае осуществится смысл акта, состоящий в изменении представления слушающего о состоянии говорящего[7]. Другими словами, Ю.Хабермас пытался найти такую технику публичной дискуссии, которая приводила бы к взаимопониманию и согласию по ключевым вопросам общественной жизни.

Человек может понять себя, свое «Я» лишь внимательно вслушиваясь в чужую речь, пытаясь услышать в ней то, что имеет отношение к нему. Так люди и вступают в диалог друг с другом. Чужая культура усваивается только в сравнения с иной культурой. Познание духовной культуры другой нации предполагает накопление знаний об инациональных культурных ценностях, нормах.

Библиографический список:

1. Сайко Э.В. Социокультурное пространство диалога. М.: Наука, 1999.
2. Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988. 319с.

3. Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. - М.: Университетская книга, 2012. 406 с. С. 378-379
4. Цит.по: Библер В.С. От наукоучения - к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век // [электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://philosophy.ru/library/bibl/bibler.html>
5. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. Пер. с нем. М.: Издательство «Весь Мир», 2002. - 144 с.// [электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://antropolog.ru/doc/library/Habermas/Habermas4>
6. Бубер М. Я и ТЫ // [электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://lib.ru/FILOSOF/BUBER/ihunddu1.txt>
7. Эткинд А.М. // Каган и Хабермас о проблеме двух субъектов (в сб. «В диапазоне гуманитарного знания»)/[электронный ресурс]. Режим доступа: URL:http://anthropology.ru/ru/texts/etkind_am/kagan_10.html

Мутиева О.С.,

кандидат исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин,
Дагестанский государственный университет народного хозяйства,
г.Махачкала

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОДЕЖДЫ КАВКАЗСКИХ ЖЕНЩИН В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ В КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с распространением европейской одежды среди кавказских женщин. В процессе интеграции в русское культурное пространство, происходило заимствование предметов материальной культуры, что существенно отразилось на одежде городского населения. Делается вывод, что европейская одежда являлась своеобразным маркером социального статуса человека. В пореформенный период, в процессе модернизации общества, европейская одежда становится основным элементом повседневной городской одежды женщин разных сословий.

Ключевые слова: кавказские женщины, модернизация, интеграция, городская жизнь, одежда.

Mutieva O.S.,

Ph. D., associate Professor, Dagestan state university of national economy,
Makhachkala

MODERNIZATION OF CLOTHES IN CAUCASIAN WOMEN IN THE PROCESS OF INTEGRATION INTO CULTURAL SPACE OF RUSSIA

Summary. The article deals with issues related to the spread of European clothing among Caucasian women. In the process of integration into the Russian cultural space, there was a borrowing of objects of material culture, which significantly affected the clothing of the urban population. It is concluded that European clothing was a kind of marker of a person's social status. In the post-reform period, in the process of modernization of society, European clothing becomes the main element of everyday urban clothing for women of different classes.

Key words: Caucasian women, modernization, integration, urban life, clothing.

На протяжении XIX века происходила социокультурная интеграция кавказских народов в составе Российской империи, что неизбежно привела к трансформационным явлениям во всех сферах жизни. Указывая на эту неизбежность С. Лазарян пишет: «горские общества, весь мир Кавказа не могли избежать взаимодействия с миром России, который нарастающее активно врывается в их географическое и социальное пространство на протяжении длительного времени» [3, с. 735].

Более приверженными к таким изменениям оказались представители высшего и среднего сословия, которым приходилось чаще контактировать с русскими властями. В про-

цессе интеграции, они заимствовали у русских образ жизни, формы досуга, предметы быта, одежду и др.

Русское и европейское влияние, наиболее отчетливо прослеживается в материальной культуре, куда проникли элементы городской жизни, отразившись на одежде, убранстве домов кавказской знати. Вот как описывает убранство домов знати Тифлиса военный писатель и генерал М.Я. Ольшевский: «темные дарбазы заменены большими светлыми с паркетными полами залами. Есть даже роскошные будуары, с богатыми трюмо» [5, с. 294].

Т.А. Невская, отмечая европейское влияние на внутреннее убранство дома состоятельных горцев, пишет: «...появилась европейская мебель – столы, стулья, металлические кровати, шкафы, комоды, зеркала. На окна стали вешать занавеси и портьеры из фабричных тканей, столы накрывать скатертью, пользоваться постельным бельем» [4, с. С. 184–185].

Процессы модернизации, происходившие в пореформенный период, способствовали распространению среди населения кавказских городов костюма европейского типа. Европейская одежда становится обычным явлением в гардеробе представителей кавказская аристократии, которые «усвоили костюм и образ жизни европейский» [5, с. 295].

На рубеже XIX - XX веков, одежда европейского типа получила распространение и среди представителей средних и бедных слоев городского населения: мещан, интеллигенции, рабочих предприятий.

Европейская одежда, являлась своеобразным маркером сословной принадлежности человека. Особенно рельефно, это проявлялось в женской одежде горожанок высшего сословия, наряды которых выделялись своим богатством и изысканностью. Женщины из столичных и уездных кавказских городов, подражая русским дворянкам, становились законодательницами моды. По справедливому замечанию М.Я. Ольшевского, «даже во многом перещеголяли последних в пышности туалетов» [6, с. 294]. «Модистки из Одессы и Парижа прививали вкус к европейским туалетам, – пишет О.Ю. Захарова, об аристократках Тифлиса, – постепенно заменяющим грузинские чадры и шелковые платья» [5, с. 141]. Многие из женщин демонстрировали свои изысканные наряды, шитые лучшей модисткой Москвы – мадам Минангуа, которая имела самые дорогие роскошные магазин на Большой Дмитровке и на Кузнецком мосту. Все наряды от мадам Минангуа отвечали исключительно последним парижским модам.

Образ жизни населения дагестанских городов Темир Хан Шуры, Дербента и Порт-Петровска, где была сосредоточена военная и государственная администрация, ничем не отличался от жизни российских уездных городов второй половины XIX века. Городская жизнь привлекала многих представителей горской аристократической интеллигенции из числа потомственных дворян, которые прочно обосновались в Темир Хан Шуре. В городской среде особо выделялись жены и дочери из дагестанских аристократических кругов. Они заимствовали у русских не только предметы быта, но и образ жизни и одежду. Под влиянием городской культуры трансформировались поведенческая культура дагестанских женщин. Женщины - аристократки могла выйти за рамки приватного пространства, в соответствии с нормами городского этикета. Их одежда соответствовала модным европейским тенденциям: корсеты, турнюры, трены, шляпки, обувь на каблуке. Наряду с европейской одеждой в моде были платья «къабалай», приталенные, с открытым грудным вырезом, широкой закрытой спереди юбкой в складку и рукавами на манжете.

Среди горожанок пореформенного периода, особо выделялись жены и дочери зажиточных кавказских купцов, чьи наряды отличались богатством. Следует сказать, что кавказское купечество, как и дворянство, придерживалось в одежде сословности. А с проникновением на Кавказ капиталистических отношений, купцы постепенно превратились в предпринимателей, что существенно отразилось и на образе жизни, манере одеваться и тд. Имея, не малые финансовые возможности, а также, стараясь подчеркнуть свой социальный статус, новоиспеченные предприниматели одевались в европейские костюмы. При этом, они не жалели денег на наряды своим женам и дочерям, что становилось предметом их особой гордости и тщеславия. «Зажиточный купец послереформенного времени, – пишет Н.Л. Пушкаре-

ва, – обыкновенно гордился тем, что его «жену не отличишь от барыни» и старался выписывать и ей, и дочерям наимоднейшие наряды из-за рубежа» [6].

Не были исключением и женщины из менее знатных сословий, которые с большим удовольствием стали носить фабричную одежду: модные платья, шляпы и пр. «Исчезло за творничество женщин, восточный костюм сменился европейским, – сообщает неизвестный автор в 1894 году, описывая женщин черкесо-гаев (закубанские армяне – М.О.), – чуть ли не все девушки коренного населения превратились в барышень, ибо самая последняя из них носит шляпку и платье по моде» [1]. Разумеется, их наряды не были столь изысканы, как наряды представительниц высшего сословия. Они не имели возможность приобрести наряды из-за границы или заказать их у известных модисток, как это делали женщины высших сословий.

Таким образом, можно сделать вывод, что в процессе интеграции в русское культурное пространство, происходило заимствование европейского типа одежды народами Кавказа. В процессе модернизации общества европейская одежда постепенно заняла свою нишу в гардеробе кавказских женщин, в том числе и женщин дагестанской аристократии. На рубеже XIX - XX веков европейская одежда стала обычным атрибутом повседневного гардероба женщин -горожанок разных сословий.

Библиографический список:

1. Виноградов В.Б. Средняя Кубань. Земли и соседи// [URL://http://ru.hayazg.info/](http://ru.hayazg.info/)
2. Захарова О.Ю. Генерал - фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М., 2001. 381 с.
3. Лазарян С. С. Кавказ под управлением князя М. С. Воронцова 1844-1854 годы: диссертация ... доктора исторических наук: Владикавказ, 2015. 1055 с.
4. Невская Т.А. Интеграция культуры жизнеобеспечения славян, горцев и кочевников Северного Кавказа в XIX – начале XX в. // Казачество и народы России: пути сотрудничества и служба России: Матер. заочной науч.-практ. конф. Краснодар, 2008. С. 184–185.
5. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. 608 с.
6. Пушкарева Н.Л. «Во всех ты, душенька, нарядах хороша» (одежда русских женщин XIX - начала XX века)// [URL://http://afield.org.ua/mod3/mod82_1.phtml](http://afield.org.ua/mod3/mod82_1.phtml)

Сефербеков Р.И.,

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института истории, археологии
и этнографии Дагестанского научного центра РАН;

Рабданова З.Р.,

магистрант 2-го года обучения исторического
факультета Дагестанского государственного университета

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЭМИГРАЦИЯ В ГОРОДАХ ДАГЕСТАНА В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-09-00420

Аннотация. В статье рассматриваются происходившие в городах Дагестана в советское и постсоветское время миграционные процессы и эмиграция. Они берут свое начало в советское время и связаны с переселением горцев на равнину, а также эмиграцией евреев из СССР. Постсоветский период привнес новый импульс этим процессам: миграция сельского населения в города стала неконтролируемой, эмиграция стала массовой. К миграционным процессам добавился отток русскоязычного населения из Дагестана. Все эти события тесно связаны с распадом СССР и общественно-политическими и социально-экономическими процессами постсоветского периода и привели к изменению численного и этнического состава городов республики.

Ключевые слова: миграции, эмиграция, города Дагестана, новейшее время

Seferbekov R.I.,
Doctor of Historical Sciences,
Leading Researcher, Institute of History, Archeology and ethnography of the Dagestan Scientific
Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala

Rabadanova Z.R.,
Undergraduate student of the 2nd year of study of historical
Faculty of Dagestan State University, Makhachkala

MIGRATION PROCESSES AND EMIGRATION IN THE CITIES OF DAGHESTAN IN THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS

Summary. The article discusses migration processes and emigration in the cities of Dagestan during the Soviet and post-Soviet times. They originate in Soviet times and are associated with the resettlement of the mountaineers on the plain, as well as the emigration of Jews from the USSR. The post-Soviet period has given new impetus to these processes: the migration of the rural population to the cities has become uncontrollable, the emigration has become widespread. An outflow of the Russian-speaking population from Dagestan was added to the migration process. All these events are closely connected with the collapse of the USSR and the socio-political and socio-economic processes of the post-Soviet period and led to a change in the number and ethnic composition of the cities of the republic.

Keywords: migration, emigration, cities of Dagestan, modern times

*The publication was prepared in the framework of the research project No. 18-09-00420 supported
by the Russian Foundation for Basic Research*

Мигрантами принято считать лиц, изменяющих свое местожителство и переезжающие в другой регион одной и той же страны [4, с. 217]. Эмигрантом же называется лицо, покинувшее страну своего гражданства или постоянного проживания и выехавшее на постоянное жительство в другое государство [5, с. 603].

В постсоветское время в городах Дагестана развернулись процессы, связанные с миграцией и эмиграцией. Миграционные процессы были связаны, во-первых, в неконтролируемом перемещении в города сельского населения, а, во-вторых, оттоке из республики русских и русскоязычное население. Оба этих процесса изменили численный и этнический состав городов республики. Следует отметить, что миграция сельского населения происходила на всем протяжении существования советской власти в Дагестане как целенаправленная политика государства по переселению горцев на равнину [1; 2; 12; 15]. В постсоветский период она приняла неконтролируемый характер и была связана в основном с отсутствием работы и нормальных социально-бытовых условий для проживания в сельском населении в горах. Это отразилось и на демографической ситуации в республике, в частности на соотношении городского и сельского населения [13, с. 180-187]. По результатам Всероссийской переписи населения 2002 г. в общей численности населения в РФ оно составляло соответственно 73,3% и 26,7%, в СКФО – 49,0% и 51,0%, в РД – 42,8% и 57,2%. По итогам же переписи 2010 г. соотношение городского и сельского населения было следующим: в РФ – 73,7% и 26,3%, в СКФО – 49,2% и 50,8%, в РД – 45,2% и 54,8% [11, с. 27]. По результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., общая численность населения РД составляла 2.910.249 человек, из которых 1.315.882 были горожанами и 1.594.367 – сельским населением [10, с. 89].

Итак, как показывают результаты последних переписей населения, в Дагестане наметилась тенденция выравнивания соотношений городского и сельского населений республики. Если данная тенденция сохранится и дальнейшем, то в скором времени Дагестан из аграрной республики превратится в урбанизированную.

Как отмечают исследователи, за период 1989-2010 гг. численность всего населения РД увеличилась в 1,6 раз, а численность представителей дагестаноязычных и тюркоязычных народов Дагестана возросла в 1,7 раз. Этот рост был результатом естественного прироста, несмотря на относительно высокое 109 отрицательное сальдо миграции. При этом наиболь-

ший прирост численности зафиксирован у кумыков (1,9 раз) и лезгин (1,9), а также малочисленных агулов (2,0 раза) и цахуров (1,9 раз) [8, с. 109-110]. К началу 2010 г. численность населения РД составляла 2.737.300 человек (1,9% населения РФ, 29,6% – Северо-Кавказского федерального округа (СКФО)). По численности населения Дагестан занимает первое место среди семи республик и краев Северо-Кавказского федерального округа и 11-е место в Российской Федерации [7, с. 404]. За 2017 г. численность населения Дагестана увеличилась на 22 тыс. человек, составив на 1 января 2018 года 3 млн. 64 тыс. человек [16]. Эти данные свидетельствуют о положительной демографической динамике и неуклонном повышении численности населения республики.

Что же касается оттока русского и русскоязычного населения из Дагестана, то она была тесно связана с общественно-политическими и социально-экономическими процессами, происходившими в стране и регионе после распада СССР: непродуманные «либеральные реформы» 90-х гг. XX в. [14, с. 82-89], закрытие заводов и фабрик и как следствие – массовая безработица [19; 20], коснувшаяся прежде всего русского населения; война в Чечне в 1994-1996 и 1999-2009 гг., разгул преступности [3, с. 104-111].

Эмиграция из Дагестана горских и европейских евреев в Израиль, США, европейские страны началась еще в советское время – в 1970-е и последующие годы [6; 17, р. 177-178; 18, с. 305-321]. Особенно интенсивно миграции и эмиграция происходили в г. Дербенте – городе, где традиционно обитала наиболее многочисленная диаспора горских евреев. Анализ этнической демографии Дербента в постсоветский период показал, что преобладающим фактором, оказавшим влияние на трансформацию этнической структуры его населения, являлись миграционные процессы. Они были обусловлены влиянием различных социально-экономических, культурных и отчасти политических моментов. Миграции представителей русского, горско-еврейского, лезгинского населения, сопровождавшиеся динамикой в демографических процессах среди азербайджанского, кумыкского, даргинского, да и в целом всего населения Дербента не только существенно изменили численность населения, но и привели к значительной трансформации этнического состава, что, в свою очередь, преобразовало этнический облик древнего города [9].

Как указывал М.-Р.А. Ибрагимов, специфика миграционных процессов в Дагестане состоит в том, что с середины 1990-х годов в крае фиксируется значительный отток русского и русскоязычного населения. Из года в год сокращается численность русских, украинцев, горских евреев, армян и представителей других национальностей, в том числе, этнических дагестанцев. В связи с ростом национальной и социальной напряженности из-за войн и конфликтов на Кавказе, отсутствием личной безопасности многие горские евреи вынуждены были принять решение о репатриации. За 1990 – 2002 гг. из Дагестана в страны дальнего зарубежья (в основном в Израиль) выехало около 13 тыс. человек; при этом наибольшее число выбывших приходилось на 1994 – 1995 гг.: по 1,8-1,4 тыс. человек ежегодно [7, с. 405].

Таким образом, происходившие в Дагестане в советское и постсоветское время миграции и эмиграция были связаны с переселением горцев на равнину, эмиграцией евреев из СССР и оттоком русскоязычного населения из республики. Эти процессы были связаны с общественно-политической и социально-экономической ситуацией в стране и республике и привели к изменению численности и этнического состава населения городов Дагестана.

Библиографический список:

1. Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1920-1945 гг.): Документы и материалы. В 2-х т. Махачкала: ИД «Наука плюс», 2006 Т. 1. 348 с.
2. Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину (1946-1995 гг.): Документы и материалы. В 2-х т. Махачкала: ИД «Наука плюс», 2006 Т. 2. 220 с.
3. Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И. Русское население городов Дагестана: динамика численности и причины оттока в постсоветский период // Вестник Академии наук Чеченской республики. 2018. № 4 (41). С. 104-111.

4. Васильева Т.А. Мигранты // Большая Российская энциклопедия. В 30-ти т. М.: Большая Российская энциклопедия, 2012. Т. 20. 767 с.
5. Дипломатический словарь. В 3-х т. 4-е переработ. и доп. изд-е. М.: Наука, 1986. Т. 3. 750 с.
6. Еврейская эмиграция в свете новых документов / Под ред. Б. Морозова. Тель-Авив, 1998.
7. Ибрагимов М.Р.-А. Проблемы этнодемографического развития Дагестана постсоветского периода // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа»: Сборник кратких содержания докладов. Тбилиси-Гори-Батуми, 27-30 сентября 2010 г. Тбилиси, 2011. С. 404-405.
8. Ибрагимов М.-Р.А. Влияние миграций населения на этнополитическую ситуацию в Дагестане (конец XX – начало XXI в.) // Сборник научных статей Института социальных исследований ИнГГУ / Отв. ред. Сампиев И.М. Назрань, ООО «КЕП» 2016. С. 109-110.
9. Ибрагимов М.-Р.А., Халилова А.С. Трансформация этнической структуры города Дербента в постсоветский период // [Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2.](http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20707) URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20707> (дата обращения: 14.03.2019).
10. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. В 11-ти т. Т. 1. Численность и размещение населения: Официальное издание. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012.
11. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. В 11-ти т. Т. 11. Сводные итоги: Официальное издание. М.: ИИЦ «Статистика России», 2013.
12. Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор: Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб., 2011. 438 с.
13. Мирзабеков М.Я. Расселение населения и миграционные процессы в Дагестане в 1980-2010 гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 3 (116). С. 180-187.
14. Муслимова Н.Т. Либеральные реформы первой половины 90-х гг. XX в. и их влияние на экономику Дагестана // Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала, 2016. № 3 (47). С. 82-89.
15. Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20-70-е годы XX в.). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2000 335 с.
16. Рост, прирост и убыль в Дагестане. Каспийск лидирует, Юг и Север в аутсайдерах [Электронный ресурс] // Сайт медиа-сервиса «Обзор СМИ»; URL: <http://obzor-smi.ru/centr/21881-rost-prirost-i-ubyl-v-dagestane-kaspijsk-lidruet-yug-i-sever-v-autsajderakh.html> (дата обращения: 06.04.2018).
17. Tolts M. Demography of the Jews in the Former Soviet Union: Yesterday and Today // Jewish Life after the USSR / Eds. Z. Gitelman, with M. Glants and M.I. Goldman. Bloomington, IN, P. 177-178.
18. Флорсхайм Й. Эмиграция советских евреев в 1979-1988 гг. и ее влияние на советское еврейство // Яхадут зманену. 1990. Вып. 6. С. 305-321 (на иврите).
19. Эскеров Д.Б. Социально-экономические проблемы формирования рынка труда и управления занятостью в депрессивно-трудноизбыточном регионе. Махачкала: ИСЭИ ДНЦ РАН, 2000. 312 с.
20. Эфендиев И.И., Алиев Ш.М., Гимбатов Ш.М., Эльдаров Э.М. Занятость и отходничество сельского населения Дагестана. Махачкала: Изд. «Наука плюс», 2008. 200 с.

СЕКЦИЯ I. ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Балукова И.Б.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии,
Псковский государственный университет, г.Псков

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМ БРАКЕ У СОВРЕМЕННЫХ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Аннотация: В статье анализируются теоретические аспекты проблемы межнационального брака. Определено и содержательно наполнено понятие «представления». Представлены результаты эмпирического исследования особенностей представлений современных юношей и девушек о межнациональных браках.

Ключевые слова: семья, представления, межнациональный брак.

Balukova I. B.,

candidate of pedagogics, associate professor of Pskov SU, Pskov

IDEAS ABOUT INTERMARRIAGE IN MODERN BOYS AND GIRLS

Summary. The article analyzes the theoretical aspects of the problem of intermarriage. The concept of "representation" is defined and filled with content. The article presents the results of an empirical study of the features of the representations of modern boys and girls about intermarriages.

Key words: family, representations, intermarriage.

Проблема межнациональных отношений имеет глубокие социальные корни и обусловлена рядом социальных, психологических, исторических, религиозных и конфессиональных причин. Тем не менее, эти вопросы требуют своего разрешения, поскольку явление межэтнической брачности, как массового процесса заключения национально-смешанных браков, достаточно распространено.

Современная семья и ее проблемы служат объектом исследования ряда наук - психологии, педагогики, социологии, демографии, экономики. Каждый седьмой заключенный в России брак является межнациональным, а в советские времена этот показатель был еще выше [2, с.64].

Смешанные в национальном отношении семьи - средство интеграции общества. Образование этнически смешанных семей играет важную роль в процессе изменения этнического состава населения. Основная доля браков, в том числе и межнациональных, заключается людьми в молодом возрасте, что обусловлено свойствами репродуктивного периода. Поэтому особенно важно выявить особенности социальных представлений о межнациональном браке в сознании юношей и девушек.

Девальвация прежних ценностей затронула молодежь в большей степени, чем какую-либо иную возрастную группу, так как именно молодые люди в первую очередь реагирует на происходящие в обществе перемены. Специфика данной социальной группы состоит в том, что она находится в состоянии поиска. Система взглядов молодых людей не сформирована окончательно, и потому молодежь более восприимчива к новым ценностям. Можно предположить, что мир ценностей формирующейся личности, на которую оказывали влияние преобразования последних лет, стал более изменчив и противоречив.

Представления играют роль идентификаторов для отнесения индивидов к тем или иным социальным группам, т.к. они несут в себе специфическое определение объекта, понятное членам одной социальной группы; эти специфические определения складываются в общее видение реальности, присущее данной группе, которое может не совпадать или противостоят взглядам, принятых в других группах. Это видение реальности ориентирует дей-

ствия и взаимосвязи членов данной группы. С. Московичи считает, что человек смотрит на мир глазами группы, к которой он принадлежит, того социального окружения, в котором он находится [3, с.7].

Мнения о межнациональных браках часто противоречивы, эмоционально окрашены, носят иррациональный характер. В.А. Белянкина считает, что в основе этнопсихологических особенностей личности молодых людей лежит этническое самосознание, которое отождествляется с межнациональной идентичностью, что, в свою очередь, актуализирует определенные представления, основным содержанием которых являются показатели «негативизма», порога эмоционального реагирования, в том числе, и на межнациональные браки, выраженности агрессивных и враждебных реакций в отношении других этнических групп [1, с.15].

Высокая значимость и недостаточная практическая разработанность проблемы определили несомненную новизну данного исследования. Исследовательская работа имела целью изучить представления девушек и юношей в возрасте 19-25 лет о межнациональном браке и сравнить их. Нами была определена база исследования: опытный завод «Микрон» г. Великие Луки Псковской области. Выборку исследования составили 70 респондентов в возрасте 19-25 лет, из них: 35 - девушек и 35 юношей. Все испытуемые не имеют детей и не состоят в браке.

При определении методических средств, главное внимание уделялось максимальной надежности и адекватности параметрам, которые характеризуют тот или иной аспект представлений о межнациональном браке в современных условиях. Это обусловило применение в нашем исследовании следующих методик:

1. Методика Крита, Фабригара, Петти, предназначенная для измерения эмоциональной составляющей представлений о межнациональном браке.

2. Методика «Незаконченные предложения» - исследование когнитивного компонента установок на межнациональный брак (модифицирована автором исследования).

3. Шкальная техника для изучения поведенческого опыта - составлена на основе шкалы Лайкерта (модификация П.Б. Торопова) [4, с. 70].

4. Методика, предложенная П. Вержесом, предназначенная для выявления и анализа структуры представлений о межнациональном браке.

В эмпирическом исследовании использовались методы математической обработки данных: контент-анализ и U-критерий Манна-Уитни.

Мы выявили, что оценка межнационального брака зависит от субъективного внутреннего мира индивида, от степени его готовности принять новые культурные элементы как ценности. При этом существует такая тенденция, что респонденты, состоящие в браке, более негативно воспринимают межнациональные брачные союзы, чем те, кто в браке не состоит. Это объясняется тем, что брачная сфера является важной ценностью для индивида, поэтому многие из них реализуют потребность в браке посредством выбора партнёра другой национальности.

Определили ряд факторов, препятствующих созданию семьи с человеком другой национальности: религиозные предписания, нежелание приспосабливаться к чужим обычаям, жить в непривычной среде, неодобрение ближайших родственников, друзей и соседей. И молодое поколение, и родители нередко ставят возможность вступления в брак с человеком иной этнической принадлежности в зависимость от того, кто он по национальности. При этом проявляются как устойчивые предпочтения, так и явное отвержение определенных национальностей. Однако этнические установки, в том числе и по отношению к межнациональным бракам, можно изменить в сторону их большей лояльности.

Данные эмпирического исследования позволили сделать нам следующие выводы:

1. Представление о понятии «Межнациональный брак» у испытуемых юношей и девушек 19-25 лет ассоциируется в основном с получением гражданства в другой стране.

2. Установлено, что ведущим мотивом для вступления в межнациональный брак у молодых людей является любовь, затем следует выгода.

3. Основной причиной для отказа от вступления в брак, по мнению девушек, яв-

ляется отсутствие желания, и готовности для начала совместной жизни. У юношей это: несогласие родителей, друзей, а так же отсутствия готовности для начала более серьезных отношений.

4. По мнению респондентов, человек, вступив в межнациональный брак, должен знать традиции, обычаи культуры партнера.

5. Негативные аспекты межнационального брака связаны, главным образом, с религиозными различиями, считают девушки; различие в воспитании и культуре, непонимание и упреки со стороны общества, родителей, родных – по мнению юношей.

6. Не существует достоверных различий в степени выраженности поведенческого и эмоционального компонентов представления о межнациональном браке у молодых людей, как у девушек, так и у юношей.

7. Эмоциональный и поведенческий компоненты представлений о межнациональном браке у молодых людей слабо сформированы и очень ограничены.

Полученные результаты раскрывают возможность практического вмешательства в процесс формирования представлений о межнациональном браке у современных юношей и девушек путем моделирования как личностных, так и ситуативных побуждающих условий. Поэтому нами были разработаны практические рекомендации, направленные на оптимизацию представлений о межнациональном браке у молодых людей.

Данное исследование не исчерпывает всей полноты содержания изученной проблемы и открывает перспективные пути для дальнейшего научного поиска.

Библиографический список:

1. Белянкина В.А. Этнопсихологические особенности личности курсантов образовательных учреждений МВД России и их учет в психологическом обеспечении учебно-воспитательного процесса. / В.А. Белянкина. / Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – СПб., 2012. – 23 с.
2. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. - СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 2014. – 272 с.
3. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. №2. С. 3-14.
4. Торопов П.Б. Исследование установки на социальное содействие: методы и методики // Социальное содействие: опыт без границ. 2013. №1. - С.66-76.

Вигель Н.Л.,

доктор философских наук, доцент,
заведующая кафедрой философии

Ростовский государственный медицинский университет Минздрава РФ,
г.Ростов-на-Дону

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК «ИГРА ПО СВОБОДНОМУ ВЫБОРУ»

Аннотация. В статье рассматривается идентичность в ситуации постмодернизма как формирование по принципу «игры по свободному выбору».

Ключевые слова: идентичность, целостность, игра, постмодернизм.

Wiegel N.L.,

Doctor of Philosophy, associate professor,
RGMU, Rostov-on-Don

IDENTITY AS “GAME OF FREE CHOICE”

Summary. The article deals with the identity in the situation of postmodernism as a formation on the principle of “game of free choice”.

Key words: identity, integrity, game, postmodernism.

Тотальность и неизбежность игры, навязываемой в постсовременной ситуации человеку, создают ряд проблем, связанных с антропологической целостностью и субъективной стабильностью. Выбор игры в качестве жизненной стратегии существенно трансформирует проблему личностной идентичности: движущийся от истины и смысла к игре, от фиксированности к скольжению человек теряет потребность, а затем и способность к построению идентичности. Так, по мнению М.Фуко, человек изобретает для себя идентичность, или когерентность, когда душа его претендует на единообразие, в то время, как сейчас нужно вести речь о поиске бесчисленных начал, в которых растворяемся, «рассеивается» его «Я» [1-2]. Самоопределение по-прежнему остается проблемой, но при этом возможность самождественных реконструкций ставится под вопрос. Д.Келнер замечает по этому поводу, что идентичность в наше время становится игрой по свободному выбору, театральным представлением своего «Я», и что «вольности в резких сменах самоидентификации могут привести к потере контроля» [3, с. 212]. Это явление закономерно, если рассматривать проблему идентичности, вслед за Ж.Делезом, в качестве проблемы древовидной, или монологической культуры. З.Бауман пишет по этому поводу следующее: «Идентичность как таковая является изобретением модерна. Расхожие утверждения вроде тех, что модерн лишил идентичность «корней» или что модерн породил неотягощенную идентичность, являются плеоназмами» [3, с. 214].

Появляясь в отмеченное экспансией рациональности Новое время, эта проблема заключалась в том, как построить идентичность и сохранить ее целостность и стабильность. Что же происходит с идентичностью в эпоху постмодерна, проблема которого, как известно, заключается в том, как избежать фиксации и сохранить свободу выбора? Идентичность имеет статус проекта, так как идея ее появляется из косвенного утверждения неполноты действительности: между тем, что есть, и тем, что должно быть, человек наблюдает дистанцию, преодолевая которую, он ищет тождества с собой (строит свою идентичность). Выросшая из ощущения недоопределенности, проблема идентичности с самого начала была индивидуальной задачей. Бремя неясности лежало на плечах индивида и заставляло его постоянно чувствовать дистанцию между настоящим моментом жизни (актуальным «здесь и сейчас») и целью. Конституирующий принцип модерна - постоянное отталкивание от «вчера», чтобы вечно быть на пороге «завтра», дабы не впасть в «традицию» (Ю.Хабермас). Эта жесткая однонаправленность из настоящего в будущее превращает самоопределение в самопреодоление и формирует метафору жизни как пути.

Превнося смысл в путь, «человек идущий» определяет, что ему нужно делать, чтобы соответствовать своему проекту, то есть строит свою идентичность. В постмодернистской же ситуации, как это уже было отмечено, вместо метафоры пути появляется «сад расходящихся тропок». Непреодолимая дистанция между настоящим и целью пропадает, потому что «правила игры, в которую играют герои постмодерна меняются слишком быстро». Преодоление настоящего ради будущего оказывается теперь бессмысленным, так как определяющим футуральным моментом является только случай. Все фигуры игры жизни взаимозаменяемы, и ценность их определяется исключительно по их состоянию на данный момент.

Так идентичность становится «игрой по свободному выбору», которую З.Бауман характеризует следующим образом: «Ужас новой ситуации в том, что вся кропотливая работа по самоконструированию может пойти насмарку. Ее привлекательность - в независимости от прошлых жизненных перипетий, в невозможности окончательного поражения, в сохранении возможности для выбора... Загвоздка теперь не в том, как раскрыть, изобрести, соорудить, собрать, (даже купить) идентичность, но как избежать застревания на месте. Крепко сложенная и долговечная идентичность из достоинства превращается в недостаток...» [3, с.226]. Предлагаемое в постмодернистской ситуации игровое самоопределение, основанное на растождествлении субъекта, базируется на уверенности в том, что «в человеке со всей полнотой осуществляется потребность быть. Во многом это напоминает

ренессансные представления о человеке как микрокосме. Но не стоит забывать о том, что постмодернистская многоликость - знак деабсолютизированного мира, где человеку дано бесконечное число возможностей, но не дан критерий выбора.

Библиографический список:

1. Алоян Н.Л. Мифосимволическая реальность романтизма//Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 6. С. 96-99.
2. Алоян Н.Л. Свобода и необходимость в древнегреческой трагедии // Философия права. 2008. №3. С.77-80.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.

Виноградова Н.Л.,

доктор философских наук, профессор кафедры философии и права ВолгГТУ, г. Волгоград

Леонтьева Е.Ю.,

доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и права ВолгГТУ, г. Волгоград

О ВЗАИМОСВЯЗИ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: ЭТНОГЕНДЕРНАЯ КОМПОЗИЦИЯ И ЭТНОГЕНДЕРНЫЙ РЕЖИМ

Аннотация. Авторы рассматривают непосредственную взаимосвязь национальной и гендерной идентичностей и процесса их формирования. Обоснована необходимость использования понятий этногендерная композиция и этногендерный режим, как отражающих единство указанных идентичностей. Обозначены различные типы этногендерных режимов.

Ключевые слова: гендер, нация, идентичность, репрезентация, гендерные стереотипы

Vinogradova N.L.,

Doctor of Philosophy, Professor, VolgSTU, Volgograd,

Leontyeva E.Y.,

Doctor of Philosophy, Professor

Head of the Department of Philosophy and Law VolgSTU, Volgograd

ON THE RELATIONSHIP OF NATIONAL AND GENDER IDENTITIES: ETHNOGENDER COMPOSITION AND ETHNOGENDER MODE

Summary. The authors consider the direct relationship between national and gender identities and the process of their formation. The necessity of using the concepts of ethno-gender composition and ethno-gender regime, as reflecting the unity of these identities, is substantiated. Different types of ethnogender regimes are indicated.

Keywords: gender, nation, identity, representation, gender stereotypes

20 век – век распада империй, рождения новых национальных государств, утверждения либеральных ценностей и... эмансипации и феминизации, утверждения новых гендерных ценностей. Эти разные, на первый взгляд, процессы совпали по времени и возникает закономерный вопрос об их возможной (а может и непосредственной) взаимосвязи. по этому поводу. Профессор Н. Юваль-Девис пишет, что «конструирование нации обычно привлекает специфические представления о «мужском» и «женском» [8, p.11]. Буквально до недавнего времени (конец 20 века) взаимозависимость гендерных и этнонациональных черт человека практически не рассматривалась. Но с конца прошлого столетия появились как зарубежные, так и отечественные работы, вскрывающие и анализирующие взаимосвязь этих двух базовых

социальных характеристик. (Дж. Моссе, Т. Эриксен, Н. Ювал-Дэвис, Ф. Антиас, А.Макклинток, Г. Д. Гачев, И. Н. Тартаковская, О.В. Рябов и др.)

Так, В.М. Нилов, отмечает, что «говорить отдельно о классе, гендере, этничности и расе, неэвристично, потому что каждый контекст обусловлен синергетической связью этих категорий. Только в совокупности гендер, класс и раса (этничность) создают синдром социальной идентичности, а следовательно, и оказывают влияние на статус индивида» [4, с.124]. В настоящее время можно указать пять точек зрения относительно связи нации и гендера. Первая и вторая взаимно симметричны и говорят о том, что гендер не влияет на национальные характеристики, в тоже время национальность не воздействует на гендер (Э.Геллнер, Б.Тернер, М.Дели). В рамках третьей точки зрения системы гендерного и национального неравенства рассматриваются как одновременно сосуществующие. Четвертая указывает на изначальное деление на расы в зависимости от принадлежности к которым рассматривается связь с гендерными характеристиками (Б. Хукс). Пятая усматривает тесную взаимосвязь между гендерными и национальными (этническими) характеристиками. Как отмечает И.Н. Тартаковская, зависимость между гендерным и национальным «не может быть понята с помощью простого суммирования гендерной теории и теории нации/этничности» [6, с.45]. Мы поддерживаем последнюю точку зрения и в своих прежних исследованиях скрупулезно изучили вопрос о взаимовлиянии нации и гендера [1], и предложили использовать такие понятия как этногендерная композиция и этногендерный режим. И если первое представляет собой некоторую систему взаимодействия между нацией и полом в приватной и публичной сферах, то второе можно охарактеризовать как реализуемая в конкретных исторических, политических, географических, социальных условиях этногендерная композиция, то есть конкретный этногендерный режим.

И гендер, и нация являются социальными конструктами, задаваемыми человеку системой культуры, обычаев, традиций и в этом значимую роль играет конфессиональная принадлежность, язык, стиль одежды и взаимоотношений и прочее. Указанные атрибуты социальности нацелены на то, чтобы структурировать, упорядочивать социальность, вписать субъекта в «воображаемое сообщество», ту или иную ячейку, что и становится основанием для того, чтобы все пространство социального бытия было поделено на «Своих» и «Чужих». Признание субъекта в роли «своего» или «чужого» традиционно идет через систему знаков и символов, которые формируют ту самую «границу» между «чужими» и «своими». Один из ведущих российских исследователей национальных особенностей гендера О.В. Рябов пишет, что именно гендерный дискурс способен «выполнять функции маркера, механизма включения/исключения, конструирующего символические границы между сообществами. Поскольку конечность представляет собой одну из фундаментальных характеристик нации, постольку граница, отделяющая Своих от Чужих, – это ключевой элемент данного сообщества» [5, с.13].

Не требует доказательств тот факт, что национальные стереотипы, не имеют жесткой природной или физической привязки. Новорожденные дети фактически не могут быть идентифицированы с тем или иным этносом или нацией. Но уже с рождения, при первом обращении матери к ребенку начинают формироваться и задаваться этнонациональные стереотипы. Это происходит и через язык, и через формы обращения с новорожденными, и формы общения родителей друг с другом и с членами семьи, и через игры и т.д. Другими словами эти стереотипы формируются всей совокупной системой культуры конкретного сообщества, реализуя тем самым этногендерный режим. Именно отсутствие в национальном конструкте явного, бесспорного, физического основания, который в виде первичных половых признаков присутствует в гендере, и делает связку гендера и нации абсолютной. В процессе реализации традиционных гендерных ролей закладываются трансляция и формирование национальных стереотипов. «Важной функцией гендерных стереотипов в национализме является приближение идеи нации к повседневному опыту индивида» [5, с.14].

Анализ работ, исследующих роль женщины в различных этносах Юга России [2, 3, 7] позволяет сделать вывод, что именно женщина является основным субъектом, прививаю-

щим и формирующем у ребенка целостную социальную идентичность. В силу вековых устоев и традиций, занимаясь воспитанием детей в периоды длительного отсутствия мужа, женщина формирует всю совокупность не только национально-этнических и гендерных, но и гражданских и статусных различий, формирующих социальную идентичность. Конечно, подобное деление осуществимо только в теории, в процессе рефлексии по поводу происходящих событий, что и придает исследованиям четкость, структурированность, эффективность. Реальный процесс воспитания детей неделим по своей сути (континуален), и первоочередную роль в нем играет женщина, в процессе осуществления своей традиционной гендерной роли – матери, няни, кормилицы. Именно поэтому можно утверждать, что ответственность за формирование национально-этнических стереотипов лежит, прежде всего, на женщине, которая реализуя заданную ей гендерную роль в соответствующих традициях (в том числе и национально-этнических) воспитывает и девочек и мальчиков. Если возникает стремление женщины покинуть границы своей традиционной гендерной сферы (гендерного стереотипа), это может осуждаться в том числе и потому, что несет угрозу формированию стереотипов национально-этнического характера. Другими словами, с позиции традиционного общества пересмотр, переопределение, или репрезентация гендерных стереотипов грозит недостаточной сформированностью в том числе и национально-этнических признаков и принадлежности..

Однако, отметим, что большому, доминирующему этносу свойственен либеральный этногендерный режим, при котором этногендерная композиция тяготеет к изменчивости и ситуативным метаморфозам. Подобная вариативность допускает и связана с возможностью гендерных репрезентаций. Для небольших народностей и этносов подобный либерализм может быть губительными в силу необходимости сохранения себя как самобытной национально-этнической группы. Именно поэтому в данном случае реализуется традиционалистский этногендерный режим, проявляющийся в сохранении как этнических, так и гендерных традиций и стереотипов. Женщины и мужчины, как правило, неукоснительно следуют предписанным гендерным ролям, тем самым воссоздавая и поддерживая национальный конструкт.

Таким образом, нация и гендер образуют единую этногендерную композицию, которая реализует себя в конкретном этногендерном режиме. Последний зависит от социально-политического, экономического, культурного, духовного контекстов. Несовпадение этногендерных режимов у больших (титульных) и малых наций может становиться причиной конфликтных ситуаций, разрешение которых возможно только при условии понимания реальных причин, которые их порождают.

Библиографический список:

1. Виноградова Н.Л., Леонтьева Е.Ю. Особенности гендерной репрезентации в многонациональном регионе / Виноградова Н.Л., Леонтьева Е.Ю. // В мире научных открытий. –2014. № 11.3 (59). С. 1361-1373.
2. Елизаров А.Н. К концептуальной схеме анализа межэтнических браков // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: Материалы Международной научной конференции / Смоленск: Универсум, 2008. Т. 1. С. 221-225.
3. Межэтнические и конфессиональные отношения в Южном федеральном округе. Экспертный доклад / Под. ред. В. А. Тишкова, Л.Л. Хоперской, В.В. Степанова. – М. – Ростов-на-Дону, 2013. – 114 С.
4. Нилов, В.М. Этнические аспекты проблемы гендера и здоровья/ В.М. Нилов// Гендерные стереотипы современной России. М., МАКС Пресс, 2007. –С.123-131.
5. Рябов, О.В. Гендерное измерение национализма: Методологические проблемы исследования / О.В. Рябов // Вестник Ивановского государственного университета. 2008. № 3. С. 12-27.
6. Тартаковская И.Н. Гендерная социология. М., Вариант, 2005, -368с.
7. Трифонова, Т. Л. Особенности ценностных ориентаций современных межнациональных семей. URL:<http://cheloveknauka.com/osobennosti-tsennostnyh-orientatsiy-sovremennyh-mezhnatsionalnyh-semey#ixzz32Q8UQiRL>
8. Yuval-Davis, N. Gender and Nation / N. Yuval-Davis. London: SAGE Publ., 1997. 155 p.

Гавриленко М.В.,
кандидат исторических наук,
профессор Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ КОМАНДИРОВ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ВОИНСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности работы командиров в межнациональных воинских коллективах. Большое внимание в статье уделяется воспитательной и просветительской работе, направленной на сплочение многонациональных воинских коллективов.

Ключевые слова: межнациональные воинские коллективы, родной язык, культура общения, национальное самосознание.

Gavrilenko M.V.,
Candidate of Historical Sciences,
Professor, NVI, Novosibirsk

THE FEATURES OF WORK OF THE COMMANDERS IN THE INTERNATIONAL MILITARY UNITS

Summary. This article deals with the features of work of the commanders in the international military units. The great attention is paid to the educational and cultural work which is aimed to the team building of the international military units.

Key words: international military units, native language, communication culture, national identity.

В Новосибирском военном институте обучаются курсанты более 40 национальностей. Все они говорят на русском языке, который объединяет курсантов в единый воинский коллектив. Многонациональный состав воинских коллективов – важный фактор, определяющий состояние учебной и служебной-боевой деятельности, морально-психологический климат, правопорядок и взаимоотношения между военнослужащими. В многонациональных воинских коллективах идет активное развитие национального самосознания личности. В ходе знакомства с сослуживцами, культурой других народов военнослужащий глубже осознает себя как представителя иной, чем окружающие люди, нации. Руководить воинским коллективом – это значит не только командовать подчиненными, приказывать и требовать, но и постоянно воспитывать их, формировать здоровые внутриколлективные отношения, предупреждать негативные процессы, глубоко проникая в психику каждого подчиненного и психологию коллектива в целом [1, с. 360]. В войсках в непосредственный контакт вступают в большем масштабе и большее число национальностей, чем в обществе; здесь межнациональное общение зачастую разнообразнее, интенсивнее и к его состоянию предъявляются большие требования. Командиры межнациональных воинских коллективов должны ориентироваться или хотя бы иметь базовые знания по истории и культуре тех республик, откуда призваны их подчиненные, накапливать этот материал и систематизировать его, так как отдельные районы, местности могут иметь и имеют весьма существенные различия в обычаях, традициях. Организация повседневной жизни и деятельности частей и подразделений требует специальных усилий и мер по формированию высокой культуры межнационального общения, знания национально-психологических особенностей военнослужащих. Именно в этом заключается смысл работы командиров, направленной на более полный учет особенностей многонациональных воинских коллективов, которые являются как раз той сферой, где плодотворную работу с людьми, принадлежащими к разным национальным культурам, невозможно вести без знания и учета всех тонкостей дела. Особенность формирования культуры общения в воинском коллективе во многом определяется условиями ведения современного боя, применением новых видов коллективного оружия, которое требует особой сплоченности многонациональных воинских коллективов, высокой ответственности каждого военнослужащего перед своими товарищами, взаимопомощи и взаимовыручки, полного взаимопонимания. Основ-

ными направлениями работы по формированию культуры общения в воинских коллективах являются:

- пропаганда героических боевых традиций нашей Родины, традиций дружбы и взаимопомощи граждан России различных национальностей;
- широкое освещение достижений всех братских республик, их дружбы и сотрудничества.

В своей работе по формированию культуры общения между военнослужащими в воинском коллективе командир обязан в полной мере учитывать национальный состав подразделения. Как правило, в большинстве подразделений служат воины многих национальностей, населяющих Россию. Исходя из этого, командиру важно правильно скомплектовать отделения, экипажи, расчеты и взводы, равномерно распределить в них личный состав разных национальностей.

Командиру важно учитывать и тот факт, что некоторые молодые военнослужащие, особенно призванные из сельской местности, отдаленных районов нашей страны, впервые попадают в многонациональный коллектив, знакомятся с представителями других национальностей, их обычаями и традициями. Это вызывает необходимость прилагать дополнительные усилия по ускорению взаимной адаптации представителей различных национальностей в подразделении.

В часы воспитательной работы в роте целесообразно проводить мероприятия в помощь слушателям занятий, дополняющие и расширяющие их знания (выступления военнослужащих различных национальностей о своих республиках, краях, областях, округах, регионах и т.д.). В стенной печати, фотогазетах надо стремиться показывать успехи военнослужащих различных национальностей в боевой подготовке, спорте, их участии в общественной работе. Человек – существо национальное, поэтому активизировать человеческий фактор нельзя без учета национальных особенностей, интересов, самосознания личности военнослужащего[2, с. 171]. При оценке некоторых национально-психологических особенностей военнослужащих необходимо руководствоваться следующим методологическим положением: в психологии каждой нации есть положительные и отрицательные черты. Однако нельзя делить нации на «плохие» и «хорошие», как нельзя восхвалять народ за положительные черты и порицать за существующие отрицательные, поскольку психология нации отражает противоречивую социальную действительность, противоречивое развитие народов в прошлом. Недостаточная освоенность языка межнационального общения может быть серьезным препятствием на пути становления воинского коллектива. Особенностью общения в воинских подразделениях является использование единого языка – русского. На русском языке идет обучение военнослужащих, на нем пишутся приказы, уставы, инструкции и наставления, подаются команды. Сложность техники и оружия, высокие темпы и напряженность служебно-боевой деятельности подчас требуют от солдата молниеносной реакции на поданную команду, незамедлительного и ясного доклада. Серьезной проблемой становится увеличивающийся с каждым годом рост числа призывников, слабо владеющих русским языком, что существенно замедляет их воинское становление. С жителями больших городов обычно языкового барьера не возникает. Но есть ребята из глубинки, которые, хотя и изучали русский язык в школе, на практике с трудом осваивают специальные термины, связанные с изучением служебных обязанностей. Прочное знание русского языка позволяет военнослужащим быстро овладевать специальностью, правилами эксплуатации техники, осваивать свои уставные обязанности, а также духовно сближает представителей различных наций и народностей России, создает предпосылки для развития между ними отношений подлинной дружбы, взаимного доверия и коллективизма[3, с. 57]. В ходе личных бесед с подчиненными командир должен выяснить, как тот или иной военнослужащий владеет русским языком, какие языки народов России знает. Нельзя забывать и о том, что военнослужащим, для которых русский язык не является родным, важно сознавать, что и на своем родном языке говорить не стыдно и не зазорно, его нельзя забывать. Весьма целесообразным представляется нам организовывать поэтические вечера, где военнослужащие, представители различных национальностей, читали

бы стихи на родном языке с переводом на русский язык. На наш взгляд, это очень способствует сплочению межнационального коллектива.

21 февраля в мире отмечается День родного языка. В этот день и в нашем институте были организованы мероприятия, имеющее важное культурное и просветительское значение, которые были проведены заведующей библиотекой И. И. Толстой и библиотекарем читального зала Т. С. Глушковой. Курсанты 9 роты (башкиры, алтайцы, буряты, аварцы, лезгинцы, украинцы, армяне, русские) читали стихи на родных языках, рассказывали о культурно-историческом наследии своих народов. В течение этого литературно-музыкального вечера курсанты-участники говорили о том, что родной язык – это бесценный дар, величайшая ценность, которой наделен человек. В нем сосредотачивается генетическая память народа, его история и душа. Родной язык – это язык, на котором мы мыслим. Командиру воинского подразделения необходимо делать все для того, чтобы каждый военнослужащий, военнослужащий любой национальности, почувствовал в воинском коллективе тепло дружбы, товарищества и взаимопомощи, понял и осознал, что всех его сослуживцев объединяют единые цели, общегосударственные интересы, единая на всех Родина – Россия.

Библиографический список:

1. Дробижеева Л. М. Формирование культуры межнационального общения // Социальная политика и национальные отношения. М.: Мысль, 2018. С.166-180.
2. Есипова Д. И. Межнациональные конфликты в воинских коллективах: определение, причины, профилактика // Мир Кавказу. Антитеррористический фестиваль научной, студенческой и творческой молодежи. Сб. в 2-х т. Под редакцией П. Н. Ермакова, Ростов. Т 1., 2017. С. 359-362.
3. Национально-психологические особенности и их учет в деятельности командира части, М.: «Воениздат», 2017. 112 с.

Лебедева Н.В.,

кандидат психологических наук, доцент,
заведующая кафедрой педагогики и психологии начального и дошкольного образования
Псковский государственный университет, г. Псков,

Абибулаева Э.Л.,

магистрант кафедры теории и методики естественно-математического образования,
Псковский государственный университет, г. Псков

К ВОПРОСУ О ВОСПИТАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Аннотация. В статье доказывается актуальность проблемы воспитания у дошкольников этнической толерантности в изменяющейся поликультурной среде. Авторы уточняют ключевые понятия, обозначают проблемы и перспективы работы в данном направлении.

Ключевые слова: воспитание, толерантность, этническая толерантность, поликультурная среда

Lebedeva N.V.,

candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Pskov State University, Pskov

Abibulaeva E.L.,

undergraduate, Pskov State University, Pskov

TO THE QUESTION ABOUT UPBRINGING OF ETHNIC TOLERANCE OF PRESCHOOLERS

Summary. The article proves actuality of the problem of upbringing of ethnic tolerance of preschoolers in changing multicultural environment. The authors define key conceptions, problems and perspectives of work in this direction.

Key words: upbringing, tolerance, ethnic tolerance, multicultural environment.

Россия – полиэтническая (или многонациональная) страна, на территории которой проживают более ста девяноста различных этносов - народностей, наций, этнографических и национальных групп. Все они сохраняют своиобычаи, традиции, родной язык, имеют свои характерные черты и ценности. Большинство жителей нашей страны живут в мире и согласии с представителями других народностей и национальностей. С каждым годом увеличивается поток мигрантов в Российскую Федерацию, что делает проблемутолерантности к представителям других этносов и национальностей все более актуальной.

Дошкольная образовательная организация –то место, где ребенок учится устанавливать социальные контакты с людьми другой национальной и этнической принадлежности. Дошкольный возраст – время становления самосознания ребенка, развития его личности и индивидуальности. В современном детском садумогут пересекатьсяпредставители разных национальностей, религий, культур, традицийи т.д. На наш взгляд, одной из задач современной дошкольной образовательной организации является создание площадки для духовно-нравственного воспитания детей раннего и дошкольного возраста, для развития у них толерантного сознания. Ведь каждый ребенок, несмотря на его национальную принадлежность, должен, прежде всего, восприниматься и воспитываться как личность. Проблемы формирования личности, развития межнациональных отношений изучаются представителями разных наук: философии, психологии, социологии, педагогики, этнологии, культурологии и др. В педагогической, социологической, психологической литературеэти вопросы затрагивали в той или иной степени В.М. Золотухин [2], М.П. Мчедлов[6], А.А. Налчаджан [7] и др.

К примеру, В.М. Золотухин[2], опираясь на философский аспект толерантности, определяет ее, с одной стороны, как нравственный принцип, регулирующий поведение человека, формирующий особый тип мировоззрения, с другой, как практический инструмент, помогающий решать противоречия, не доводя их до конфликтов. Этническая толерантность, по мнению Н.М. Лебедевой[5], это отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре, а точнее, наличие позитивного образа иной культуры при одновременном позитивном восприятии собственной.

Актуальность темы нашего исследования подтверждается Конституцией Российской Федерации, в преамбуле которой подчеркивается многонациональность нашей страны: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле...»[3]. Статья 26 Главы 2 гласит: «...каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности. Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» [3].

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (Гл.1, Ст.5) указывается, что «право на образование в Российской Федерации гарантируется независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного, социального и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств» [10].

В Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования прописаны условия, необходимые для создания успешной социальной ситуации развития детей, соответствующей специфике дошкольного возраста. Одним из таких условий является «установление правил взаимодействия в разных ситуациях: создание условий для позитивных, доброжелательных отношений между детьми, в том числе принадлежащими к разным национально-культурным, религиозным общностям и социальным слоям...» [9].

Профессиональный Стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в дошкольном, начальном общем, основном общем, среднем общем образовании) (воспитатель, учитель)» определяет трудовые действия педагогов ДОО, одно из которых - «формирование у дошкольников толерантности и навыков поведения в изменяющейся поликультурной среде» [8].

Многие работы посвящены сегодня межнациональным отношениям, поликультурному образованию, воспитанию толерантности, межнациональным конфликтам и их послед-

ствиям. К примеру, ряд исследователей (Е.Л. Кудрина, Н.И. Гендина, М.В. Белозёрова и др.) в сборнике «Формирование толерантности в обществе, развитие межнационального общения и борьба с ксенофобией средствами культуры»[4] предлагают воспитывать толерантность при помощи пословиц и поговорок. По мнению авторов, народная мудрость, которая формировалась веками, подсказывает примеры того, как нужно относиться к многокультурному разнообразию мира. Так, в пословицах и поговорках говорится об опасности разжигания войн, межнациональных конфликтов и распрей.

Представляет интерес пособие Т.Н. Вострухиной «Воспитание толерантности у детей в условиях многонационального окружения»[1], в котором автор описывает опыт работы ДОО г. Москвы, раскрывает формы методической работы с педагогами, ориентированные на воспитание детей в духе толерантности

Таким образом, следует отметить, что проблема толерантности изучается как на федеральном уровне, так и на региональном, а также на уровне конкретной образовательной организации. Это еще раз свидетельствует о том, что сегодня нельзя ограничиваться знаниями только о своей культуре; необходимо иметь хотя бы элементарные представления о многонациональности нашего общества и многообразии народных культур.

Анализ нормативных документов, психолого-педагогической литературы и педагогической практики по проблеме воспитания этнической толерантности у детей дошкольного возраста позволил выявить ряд противоречий между:

- 1) активно изменяющимся обществом с большим потоком мигрантов и неготовностью российского общества к их адекватному восприятию;
- 2) увеличением числа мигрантов и отсутствием необходимого сопровождения социально-психологической адаптации детей мигрантов;
- 3) потребностью педагогов ДОО в программах по воспитанию у детей дошкольного возраста этнической толерантности и отсутствием типовых программ или их недостаточной теоретической обоснованностью.

В связи с этим мы поставили перед собой следующие задачи:

1. Разработать критерии оценки этнической толерантности детей дошкольного возраста.
2. Выявить уровень этнической толерантности у детей старшего дошкольного возраста.
3. Спроектировать программу воспитания у дошкольников этнической толерантности в изменяющейся поликультурной среде.
4. Теоретически обосновать и экспериментально доказать эффективность разработанной программы по воспитанию у детей дошкольного возраста этнической толерантности.

Библиографический список:

1. Вострухина Т.Н. Воспитание толерантности у детей в условиях многонационального окружения. М., 2010.
2. Золотухин В.М. Две концепции толерантности. Кемерово, 1999.
3. Конституция Российской Федерации // URL://<http://www.consultant.ru>
4. Кудрина Е.Л. и др. Формирование толерантности в обществе, развитие межнационального общения и борьба с ксенофобией средствами культуры. Кемерово, 2009.
5. Лебедева Н.М. Этническая и кросс-культурная психология. М., 2011.
6. Мчедлов М.П. Толерантность. М., 2004.
7. Налчаджан А.А. Этнопсихология. СПб., 2004.
8. Профессиональный стандарт "Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)" // URL://<http://www.consultant.ru>
9. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования // URL: // <http://www.consultant.ru>
10. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" // URL://<http://www.consultant.ru>

Лукьянов Г. И.,
доктор философских наук, профессор кафедры экономики и менеджмента
Волжский политехнический институт, филиал ВолгГТУ,
г. Волжский

ФЕНОМЕН НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СИТУАЦИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Исследуются теоретические основания осмысления феномена национальной идентичности в ситуации глобализации. Основываясь на идее разрастания сложности современного мира, автор констатирует необходимость рассмотрения национальной идентичности как фактора, оказывающего значительное влияние на динамику процессов глобализации современного общества. Обосновывается необходимость исследования проблемы национальной идентичности как многоуровневой и многоплановой в современных условиях.

Ключевые слова: национальная идентичность, глобализация, культурная идентичность, социальные трансформации, социальная динамика, кризис идентичности, модернизация, репрезентация общества.

Lukyanov G. I.,
Doctor of Philosophy, Professor, VPI (branch) VSTU, Volzhsky
**THE PHENOMENON OF NATIONAL IDENTITY
IN THE SITUATION OF GLOBALIZATION**

Summary. The theoretical bases of judgment of a phenomenon of national identity in a globalization situation are investigated in the article. Based on idea of growth of complexity of the modern social world, the author states need of consideration of national identity as the factor having considerable impact on dynamics of process of globalization of modern society. Need of research of a problem of national identity as multi-level and multidimensional locates. Also in work the attention to the arisen crisis of identity in modern conditions is focused.

Keywords: national identity, globalization, cultural identity, social transformations, social dynamics, identity crisis, modernization, society representations.

Повышенная динамичность социокультурных изменений, сложность радикальных преобразований в политической, экономической, социальной, духовно-нравственной сферах общества, проблемы этнической и национальной идентичности в современном мире порождает необходимость их научной и философской рефлексии. Мы живём в эпоху быстрых перемен, поиска новых путей стратегического развития и смысло-жизненных ориентиров. Глобализация, оказывая неравномерное влияние на все стороны общественной жизни, инспирирует потребность в более адекватном понимании и осмыслении феномена национальной идентичности в современном полиэтничном социуме. Свидетельствует о том, что помимо всегда имеющий место не столько явно доминировавшие в прошлом политико-идеологические причины, сколько объективно существующие проблемы. Национальные общества амбивалентно, на первый взгляд, иногда реагируют парадоксально на экзогенные глобальные риски. С одной стороны, они могут отзываться подъёмом национального самосознания и даже его политизацией, с другой стороны, снимать, элиминировать важные культурные барьеры, защищающие стержень национальной культуры, т.е. её ценность.

Методология познавательных культур эффективна в смысле творчески понятного диалога мировоззрений. Профессор М. И. Билалов справедливо отмечает: “Сегодня реальный диалог это скорее соперничество, столкновение, конфликт, открытое или скрытое навязывание ценностей Запада и Востока друг к другу. Но диалог не есть простое отстаивание и консервация одной позиции с толерантностью к другой. Толерантность должна быть результативной, способом прислушаться к позиции чужого, совершенствовать свое понимание. Результат диалога должен вылиться в трансформацию ценностей, обслуживающих глобализированные сферы человеческого общежития, в первую очередь фундаментальных идеалов – свободы, прав индивида и социума, целевой и ценностной рациональности, либеральной и консосциональной демократии и др.” [5, с.9].

Проблема исследования национального самосознания тесно сопряжена с концептами “этничность” и “идентичность”, которые на сегодняшний день являются дискуссионными, противоречивыми и остроактуальными, причём в значительной степени это связано с активизацией процессов глобализации, ожесточённого геополитического противоборства сверхдержав, несовместимости интересов и характерных особенностей автохтонной народной культуры и технократической цивилизаций. Современная социальная динамика российского общества достаточно трудноописуема и весьма противоречива в силу множества объективных факторов и субъективных причин, среди которых особое место занимают разрастания “комплексности”, “сложности” социальной системы, появления пластической трансформации социальности и разнообразных новых векторов развития.

“Качественные характеристики и количественные показатели, сложившиеся за годы российских реформ, на основе которых представляется возможным обозначить уровень трансформации в сферах экономики, политики, социальной дифференциации, социального неравенства, социальной повседневности, позволяют сделать важное заключение: за годы преобразований российское общество сформировалось как новая социальная реальность. Понятие социальная реальность отображает собственно социальные отношения и, кроме того, в целом, обусловленность и упорядоченность - изменчивость событий социального мира” [3, с.66].

Далеко не случайно в этой связи множатся различные репрезентации современного общества, которые отражают, прежде всего, социальные трансформации, которыми следует понимать “совокупность системных изменений социальной сферы общества” [4, с.83]. Системные изменения, безусловно, касаются всех социальных явлений и феноменов, включая и феномен идентичности. Хотя отдельная идентичность бытует на уровне индивидуальных событий, это является промежуточным, кратковременным, поскольку идентичность существует благодаря совместной деятельности различных и многочисленных участников. Например, в буддийском мире не только люди, но и те, кто ими не являются, обладают равными правами. Буддийский мыслитель Ким Ирноп говорил: “Мир Будды – мир абсолютного равенства, в котором даже песчинка имеет право утверждать, что она есть будда.”

Генерация глобализационными трансформациями кризисных ситуаций создает условия для генерации кризисных явлений, которые существенным образом оказывают влияние на мировоззрение индивидов, а вслед за этим и на их идентичность. В рамках антропологического подхода происходит фактически совмещение рассмотренных выше точек осмысления природы идентичности. С одной стороны, исследовательский интерес сосредоточен на индивидуальной идентичности социального субъекта, совокупности со сосредоточенностью на рассмотрение социальной структуры общности, особенно группы, в которую включён человек. С другой стороны, вызывает интерес коллективная идентичность, в значении принадлежности к социальной общности, включая, и нацию. В этом, антропологическом аспекте, педантичность, с определенной долей условности, приобретает культурную референцию, становясь “культурной идентичностью”. Именно культурная идентичность, “выступая в качестве основы для консолидации группы, сообщества, государства, способна преодолеть чувство неуверенность, тревоги и обеспечить отдельных индивидов и всё общество в целом устойчивыми ориентирами развития” [2, с.68].

Разработка стратегии “этнологического наследия” рассмотрение идентичность в значительной степени сближают исторический и антропологический подходы. Исследование национальной идентичности, и адекватная репрезентация способствует пониманию трендов и чётр будущего социального развития. В условиях глобализации, следует обратить внимание на то, что если обстоятельно рассматривать через бинарную оппозицию “коллективный” – “индивидуальный” чувство принадлежности к социальной общности, то становится очевидным, что его природа дуалистична. В современном обществе индивид сам свободен во многом конструировать и конструировать свою идентичность, вплоть до отказа от какой-либо принадлежности к общности” [1, с.256]. Глобализация делает более доступным знакомство с различными стратегиями и стилями индивидуального поведения, что способствует

гибкому формированию индивидуальной идентичности. Но само явление принадлежности к какой-либо социальной общности со всей неизбежностью является коллективным, тогда как выбор общности во много индивидуализирован.

Библиографический список:

1. Александров Д.С., Лукьянов Г.И. Поиски идентичности как процесс формирования национального сознания // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. №3. с. 256- 258.
2. Васильева Е.Ю., Ерохин А.М. Роль культуры и культурной идентичности преодоление социальных рисков // Вестник Ставропольского Государственного Университета. 2012. №1. с. 64-69.
3. Лукьянов Г.И. Трансформационные процессы в современном российском обществе как отражение в динамики новый социальной реальности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2017.№4. с. 64-67.
4. Лукьянов Г.И., Чередниченко И.А. Разработка теоретических аспектов определения социальной трансформации // Политика и общество. 2012. №12. с. 82-89.
5. Чумаков А.Н., Королев А.Д. Философия. Толерантность. Глобализация. К итогам VII Российского философского конгресса// Вопросы философии. 2016. №7. с. 5-20.

Магомедова М.З.,

кандидат философских наук, доцент
кафедры гуманитарных дисциплин,

Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала

ЭТНИЧЕСКАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация. Статья посвящена различию понимания сущности этнической и национальной идентичности в глобализирующемся мире. Автор рассматривает социокультурную идентичность как многоуровневую матрицу, элементы которой имеют взаимосвязанные подуровни, которые в свою очередь тоже структурируются. Приведена операционализация понятий «нация», «этнос», «идентичность» в рамках различных теоретических подходов. Разграничение этнической и национальной идентичностей проводится на основании связи первой с культурными процессами, а второй – с понятием государства и концепцией гражданина.

Ключевые слова: идентификация, этническая идентичность, национальная идентичность, нация, государство, этнос, россиянин

Magomedova M.Z.,

Ph. D. in Philosophy, Associate Professor, DSUNE, Makhachkala

ETHNIC AND NATIONAL IDENTITY IN THE MODERN WORLD

Summary. The article is devoted to the difference in the understanding of the essence of ethnic and national identity in a globalizing world. The author considers socio-cultural identity as a multi-level matrix, the elements of which have interrelated sublevels, which in turn are also structured. The operationalization of the concepts “nation”, “ethnos”, “identity” within the framework of various theoretical approaches is given. The distinction between ethnic and national identities is based on the relationship of the former with cultural processes, and the latter with the concept of the state and the concept of a citizen.

Key words: identification, ethnic identity, national identity, nation, state, ethnos, Russian

Социокультурная идентичность в современном мире имеет многоуровневую структуру, интегрирующую в себе общероссийскую гражданскую, региональную, этническую, религиозную и др. идентичности. Элементы многоуровневой конфигурации идентичности не изолированы друг от друга, а тесно взаимосвязаны между собой. Поэтому иногда в научной литературе понятия этническая и национальная идентичность употребляются как синоними-

ческие, и это нельзя считать большой ошибкой, т.к. понятия «этнос», «этничность» являются базовыми для этнической идентификации, а понятие «нация» определяется как государственная форма этнической общности людей. Это символическая социальная структура, которая определяет принадлежность человека или социальной группы к определенной общности граждан того или иного государства. «Нация, в отличие от этноса, ... это государственная, социальная, культурная принадлежность индивида, а не его антропологическая и этническая определенность» [3, с. 16]. Нация не является высшей стадией развития этноса, она «возникает как продукт активности институтов государства и развивается вокруг «каркаса» его институтов» [1, с. 15].

Этатистская интерпретация понятия «нация» используется в контексте «гражданская нация», «нация – государство», «общность граждан», т.е. как государственно-политическое образование. Кроме того, распространенная ещё не так давно установка на то, что в условиях глобализации произойдет замещение этнической идентичности национальной, не подтверждается практикой. Не приживаются также тишковские утверждения «нация – продукт веры» [5, с. 36], «многонародная нация» вместо понятия «многонациональный народ» [7, с. 142]. В.А. Тишков интерпретирует этническую общность как социальную конструкцию, возникающую и существующую в результате целенаправленных усилий политиков и творческой интеллигенции для достижения коллективных целей, прежде всего обеспечения социального комфорта в рамках культурно однородных сообществ [6, с. 60].

Общероссийская идентичность в нашей стране пока еще не сложилась ни на культурном уровне, ни на институциональном. А закрепленная в Конституции Российской Федерации ориентация на нее не дает четкого понимания сущностного содержания понятия «россиянин». Общероссийская идентичность по своей сути должна совмещать и гражданскую, и этническую идентичность.

Этническая идентичность, являясь частью социокультурной идентичности, сама состоит из нескольких уровней. «Первый уровень – это классификация и собственно идентификация, являющиеся основанием для формирования оппозиции «мы – они». Второй уровень составляет «формирование образов», т.е. приписывание этническим общностям определенных культурных, статусных и т.п. характеристик. Третий – уровень этнической идеологии, под которым понимается «более или менее связный взгляд на прошлое, настоящее и будущее своей собственной группы в отношении к иным этническим группам» [4, с. 10-11].

Формирование этнической идентификации возможно в трех направлениях. Во-первых, этническая идентификация происходит на основе подражания, т.е. индивид осознанно копирует стереотипы поведения той этнической общности, в которой он воспитывается и живет. Во-вторых, она может осуществляться на основе принуждения. Такими орудиями принуждения служат традиции и ценностные ориентации общества. В-третьих, этническая идентификация может осуществляться на основе свободного и осознанного выбора. Иногда человек отказывается от национальности и становится космополитом, человеком всего мира. В данном случае отказ должен быть основан только на свободном выборе человека.

Принадлежность к этнической группе является одним из средств приспособления, лучшей ориентации и достижения определенных социальных целей в современном мире. Это также способ выделиться, обратить на себя внимание, через этническую принадлежность повысить свою ценность. Для многих культур мира это очень важный момент, так как самобытность, отличность от большинства начинает занимать достаточно высокое место в иерархии современных жизненных ценностей. Как своего рода компромисс между социальной нестабильностью и потребностью в защищенности – этническая идентичность становится для многих универсальной формулой ответа на вопрос о смысле жизни и социального бытия. Потому как идентичность является одним из важнейших механизмов личностного освоения социальной действительности, лежащего в основе формирования системы личностных смыслов. В соответствии с субъективно определяемыми идентификациями человек организует и направляет своё поведение. Этническая идентичность выступает мощным фактором формирования этнических групп и их социальных связей. Следовательно, идентификация с

большой этнической общностью может служить достаточно сильным катализатором социального поведения и политического действия. Поэтому распространенность определенной групповой идентификации (в частности, этнической) может стать и одним из факторов прогноза возможного направления политического развития общества. Этническая идентичность является одновременно важнейшим средством легитимации и делигитимации политической власти в переходном обществе, поскольку она легитимирует деятельность национальных элит и создает необходимые предпосылки для этнополитической мобилизации.

При формировании социокультурной идентичности индивид, чтобы уйти от переживаний, связанных с принадлежностью к той или иной этнической группе, может опереться на национальную идентичность. Или причислить себя к наднациональным общностям – европейцам, азиатам, гражданам мира, т.е. декларировать космополитическую идентичность. Однако вытеснение из структуры социокультурной идентичности одной из её важнейших составляющих – этнической идентичности – грозит, с одной стороны, потерей целостности Я-образа, а с другой – потерей связей с какой бы то ни было культурой.

Демаркацию этнической и национальной идентичностей можно провести и на том основании, что этническая идентичность более тесно связана с культурными процессами, а национальная – с понятием государства и концепцией гражданина. В связи с этим национальная идентичность является более широким понятием, так как национальная идентичность включает в себя людей различного этнического происхождения и задает параметры отличия граждан одного государства от другого, одновременно позволяя людям одной этнической общности определять себя как граждан разных государств и членов разных национальных образований [2].

Библиографический список:

1. Дахин, А.В. Соотношение этнической и национальной идентичности. Россия, Южная Корея, Канада // Философские науки. 2003. № 9. с. 5-23.
2. Медова Ю.А. О соотношении этнической и национальной идентичности //URL://<https://www.socionauki.ru/journal/articles/130986/>
3. Межуев В.М. Идея национального государства в исторической перспективе // Полис. 1992. № 5-6. С.10-16.
4. Скворцов Н.Г. Этничность и трансформационные процессы // Этничность. Национальные движения. Социальная практика: Сб. статей. – СПб., 1995. - 336 с.
5. Тишков В.А. О нации и национализме // Свободная мысль. 1996. № 3. С.30-38.
6. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
7. Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука. 2001. - 240 с.

Митрофанов А. А.,

аспирант, Северо-Кавказский социальный институт, г. Ставрополь

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Аннотация. В статье рассмотрены процессы, происходящие в сфере функционирования традиций и социального мифа. Показана взаимосвязь традиций, социального мифа с элементами политической системы. Указывается, что в современных условиях глобализации социальные практики в определенных сферах жизнедеятельности социальных субъектов всё больше унифицируются.

Ключевые слова: общество, традиция, инновации, социокультурная среда, глобализация, социальный миф, социальный субъект, деятельность, рационализация социальной жизни.

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN A GLOBALIZING WORLD

Summary. In article the processes happening in the sphere of functioning of the social myth are considered. The interrelation of the modern social myth with elements of political system is shown. It is specified that in the conditions of globalization social practitioners in certain spheres of activity of social subjects are more and more unified.

Keywords: society, tradition, innovations, socio-cultural environment, globalization, social myth, social subject, activity, rationalization of social life.

Сегодняшние социокультурные процессы - это ускорение социальной динамики, глобализация общественных процессов, активизация этнических и конфессиональных движений. “Формирующийся тип мышления является многокомпонентным, охватывает различные аспекты изменяющейся реальности. Чтобы найти успешные ответы на возникающие вызовы и уменьшить ситуацию риска, современной цивилизации нужен высокий уровень самосознания, достаточная степень развития интеллекта и его способности влиять на рационализацию социальных процессов” [2, с. 17].

Диалог культур в современном мире стал неотъемлемой частью цивилизационных отношений, их характерной чертой, при этом содержание и формы диалога определяются конкретными социокультурными факторами. Феномен общественного сознания, по мере его философского осмысления, конкретен, поскольку относится к определенной совокупности личностей, объединённых общностью менталитета, языка, традиций, культуры, государственной и экономической жизни. Социальный мир продолжает жить традициями предшествующих поколений, в который немало жизнеспособного, культурно и социально значимого. Особо важное значение для удовлетворения духовно-культурных потребностей человека, утверждение нового социокультурного порядка имеет исследование новаций, природы и специфики новационной деятельности. Инновация является не только одним из факторов развития культуры, но, прежде всего, сложным социокультурным феноменом.

В последнее время мы вполне осознанно стали ощущать глобальные проблемы. Мир развивается в условиях всеобщей технизации социальной жизни. Ключевую роль техники в современном обществе отличали многие философы. К. Ясперс констатировал тот факт, что “мы уже давно живём в техническом мире, где, в отличие от прошлых времён, имеет место подлинное господство человека (и общества) над природой” [5, с. 207]. Технический насыщенный и организованный быт уравнивает все слои общества в едином восприятии всего и вся. Техника не только объединяет нас, она ещё унифицирует наши мысли и чувства, распространяя и навязывая всем нам одни и те же подходы и стандарты взгляд критерии и оценки. Человечество стоит на пороге новой научно-технической революции, которую осуществляют нанотехнологии.

В кризисных состояниях социума проблема формирования личности, это проблема традиций и инноваций, определённая социальная селекция традиций как инструмент модернизации. Каждая эпоха выбирает себе в прошлом, иногда стихийно, иногда осознанно, близкие ей по духу традиции, служащие коррелятором её опыта. Без традиций, их формирующей способности обеспечивать изо дня в день воспроизведение требуемых нравственностью отношений и поступков в современных социальных условиях не обойтись. По мнению Э. С. Маркаряна: “Если подходить к изучению традиции с точки зрения динамики, то стать жесткое противопоставление оказывается неправомерным, ибо любая новация, если она принимается множеством входящих в ту или иную группу людей, превращается в традицию. Поэтому динамика духовной традиции - это постоянный процесс преодоления одних видов социально организованных стереотипов и образования новых. Он выступает в качестве стержня социальной самоорганизации” [4, с. 155].

В современном обществе тем или иным образом востребованы и традиции и мифы. Очевидно, что традиции в современном социальном мире востребованы в силу того, что они позволяют в обществе поддерживать и воспроизводить культуру в условиях динамичного изменения социальной системы. Традиция представляет собой сложное социальное образование, имеющее универсальный характер, является необходимым условием исторического развития, составляет важный аспект движения общества от прошлого к будущему. Традиция, как целостная система, состоит из различных компонентов и имеет определенную внутреннюю организацию и структуру. В системе традиции выделяют два основных структурных уровня: ментальный (внутренний) и поведенческий (внешний). Каждая традиция переживает становление, трансляцию и обновление. Можно отметить историческое существование традиции и на микро и макроуровне, а также в рамках определённой эпохи, страны и вне этих рамок, заимствуясь другими культурами.

Деятельность социальных субъектов особенно в условиях её поведения в рамках определенных повседневных рутинизированных практик весьма сложно укладывается в рационально-логические схемы. Ведь только изучая прошлое, проверяя возможные варианты и уточняя прогнозы (поскольку число вариантов всегда ограничено), можно предсказать черты будущего. Хорошее знание достаточно большого числа соответствующих ситуаций в прошлом позволяет строить наиболее, а потому практически верные прогнозы. Таким образом, познанное прошлое воплощается в настоящее. Даже в современном обществе такая деятельность в силу её постоянного повседневного воспроизводства довольно легко поддаётся технологизации. «Однако технологизация эта, приводясь на рациональных и даже «научных» основаниях (нервно-лингвистическое программирование), своей целью ставит не помочь субъекту в большей части рационализировать его жизнь, а разбудить в нём чувства и представления, выгодные, например, представителям социальной системы и определённым политическим институтам (государственной власти)» [3, с. 86].

Социальный миф, связанный с традицией, служит в качестве эмоционально окрашенного паттерна, образца, лекала поведения отдельного социального субъекта. Но, если политические структуры внедряют удобные им идеологии и социокультурные установки путем длительной пропаганды через средства информации в глубины сознания масс, пытаются превратить их в социальные мифы, то такие «молодые» социальные мифы могут быть созвучны традициям определенного общества, а могут и противоречить социокультурным традициям.

При этом социальный миф, связанный с традицией, не только позволяет полноценно воспроизводить ожидаемый в рамках определённой социально-культурной среде образец поведения, но также способствует сохранению стабильности социальной системы. Традиции способствуют не только сохранению и укреплению таких мифов, но при определённых условиях в процессе обращения к традиционным практикам могут активно продуцировать мифы. Социальная экспектация является наиболее важной характеристикой поведения социальных субъектов в условиях доминирования ориентации на традиции в социум. Развиваясь, традиционная сфера социальной жизни, воспроизводит устойчивое, системное, изменяет формы своего правления в соответствии с новой исторической обстановкой. Традиции и инновации детерминируют деятельность человека, и пронизывают её во всех направлениях.

Сегодня поиск новых приоритетов общественного развития и иных мировоззренческих ориентаций становится актуальной задачей духовно-культурного обновления общества. «В условиях глобализации формирование личности будет происходить в рамках культуры, этноса, нации, цивилизации. В этом контексте вновь актуализируются традиционные вопросы взаимоотношения традиции и новации, общего и национального особенного. Между тем культурная глобализация влечет за собой глубокие и сложные изменения, «грозящие современному человечеству новыми социокультурными рисками». Как правило, эти риски связаны с изменениями информационно-коммуникативных систем и технологий, а также партикулярным и универсальным в культуре» [1, с. 257].

Библиографический список:

1. Александров Д. С., Лукьянов Г. И. Поиски идентичности как процесс формирования национального сознания // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. №3. с. 256-258.
2. Лукьянов Г. И. Глобализация риска в обществе поздней современности // Известия высших учебных заведений Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. 2005. №4(29). с. 12-20.
3. Лукьянов Г. И., Митрофанов А. А. Современные социальные мифы в деятельности социального субъекта // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2017. №6. с. 85-88.
4. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. М.: "Наука", 2001.
5. Ясперс К. Энциклопедия "Кругосвет". Духовная ситуация времени. М., 2000.

Панфилова Т.В.,

доктор философских наук, профессор кафедры философии им. А.Ф.Шишкина,
МГИМО-Университет МИД России, г. Москва

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: РАДИ ЧЕГО?

Аннотация. Диалог культур – не самоцель. Его продуктивность определяется целью: совместная деятельность по совершенствованию общественных отношений и гуманизации общества. Необходимо выработать общественный идеал, указывающий перспективу развития страны.

Ключевые слова: диалог культур, идеология потребительства, общественный идеал, «культурная революция».

Panfilova T.V.,

Doctor of Philosophy, Professor, MGIMO, Moscow

DIALOG OF CULTURES: WHAT FOR?

Summary. Dialog of cultures is not an end in itself. Its productiveness is determined by the purpose to act jointly to improve social relations and to humanize our society. The social ideal is needed to indicate the perspective of the country.

Key words: dialog of cultures, ideology of consumerism, social ideal, "cultural revolution".

Словосочетание «диалог культур» стало на сегодня настолько расхожим, что мы перестали задумываться над тем, зачем он нужен – этот самый «диалог культур». Кажется само собой разумеющимся, что раз уж существуют разные культуры, значит их представители должны общаться. Вот мы и встречаемся на конференциях, разговариваем, затем излагаем сказанное на бумаге. Получается публикация, которую мы включаем в отчёт о научной работе. А проблемы как были, так и остались.

К примеру, сошлюсь на свою давнюю статью, посвящённую межкультурному общению [4, с. 21-28]. В ней показано, что в действительности имеет место не «диалог культур», а межкультурное (точнее даже «межэтническое») общение, причём осуществляется оно разными субъектами, на разных уровнях и с разными целями. Как именно оно осуществляется и ради чего – вот что составляет общественно значимую проблему, решать которую следует не призывами к толерантности, а совершенствованием общественного устройства в направлении его гуманизации, причём на первый план выходят области образования и воспитания.

Статья была своевременно опубликована. Никто против её положений не возражал. Что изменилось с тех пор? Мы продолжаем делать ставку на воспитание толерантности, зато идея воспитания полноценной культурной личности, способной самостоятельно принимать решения и нести ответственность за свои поступки, по-прежнему не в моде. Больше того, сам воспитательный процесс полноценной личности практически вытеснен из системы образования, тогда как пресловутый ЕГЭ по-прежнему вынуждает и учителей, и учащихся отно-

ситься к образованию как к набору полезных навыков и разрозненных обрывков знаний, но не как к творческому процессу по освоению культуры человечества. В этих условиях «диалог культур» превращается в пустую говорильню, за которой жизненная позиция участников диалога в принципе не просматривается. Да и откуда взяться «жизненной позиции», если учащегося учат не тому, что он должен собственным трудом осваивать культурный багаж человечества, а тому, что учебное заведение – это рынок образовательных услуг, на котором за соответствующую плату можно приобрести всё желаемое. То, что учащийся, не получивший должного образования, способен пожелать только каких-то потребительских благ, а вообще не приобщения к культуре, совершенно не смущает разработчиков нашей системы образования. Напротив, всё это прекрасно укладывается в печально знаменитый призыв одного из прошлых министров образования - «воспитывать потребителя». Потребительскому отношению к культуре – будь то культура собственного народа или какого-то другого – полностью соответствует призыв к толерантности: относись терпимо (проще говоря, равнодушно!) к любому человеческому проявлению, особенно если оно опирается на некие традиции. И в самом деле, о чём волноваться? С точки зрения постмодернизма, ещё не полностью вышедшего из моды, поиск истины равносильно стремлению к власти, а это нехорошо. Не надо искать никаких истин, не надо доказывать свою правоту. Все точки зрения допустимы и равноценны, и все их надо спокойно принимать.

Самое время задаться вопросом, нужен ли нам такой диалог? Может, поступим проще: заранее договоримся о том, что мы готовы принять любое положение, которое дальше будет озвучено. Это не значит, что мы с ним согласимся, да нашего согласия никто и не требует. Наши собеседники будут говорить что-то своё, мы – своё. Толерантность соблюдена. Даже слушать друг друга необязательно: мы ведь заранее на всё согласны.

Будучи принципиальной противницей постмодернизма и сторонницей осмысленного и ответственного поведения личности, считаю необходимым подчеркнуть: диалог – не самоцель. Это средство для осуществления цели, определяющей содержательность и продуктивность диалога. Достичь желательного для нас взаимопонимания представителей разных культур удастся в том случае, если они совместно делают общее благое дело по совершенствованию общества, в котором мы живём. Имеется в виду не только российское общество, но и глобализирующееся человечество, в которое мы тоже уже включены. В идеале такой целью должен был бы стать «глобальный этос» - идея, разработанная А.А.Гусейновым [1, с. 170-186; 2, с. 130-141]. Поскольку, однако, как показано автором, человечество ещё недоразвилось до такого состояния, чтобы реализовать гуманистический идеал на практике, автор предлагает для начала определить искомую систему норм «не как содержательную позитивную программу, а как совокупность безусловных запретов» [2, с. 140]. Мысль интересная и заслуживающая обсуждения.

Соглашаясь с тем, что человечество не готово пока воплотить «глобальный этос» и объединиться на основе гуманизма, считаю целесообразным выработать некую промежуточную цель, в перспективе, конечно, содействующую внедрению гуманизма в общемировую практику, а на нынешнем этапе направленную на совершенствование внутрироссийской системы общественных отношений. Давно пора признать, что российское общество прозябает в состоянии стагнации, а то и разложения, в первую очередь, потому, что нами утрачена перспектива. Обычно её осмысливают в виде «общественного идеала». Правда, термин «общественный идеал» сегодня мало кто принимает всерьёз, ибо официально признано, что мы отказались от общегосударственной идеологии. По-моему, это всего лишь лукавство. В действительности же провозглашённая «деидеологизация» означает господство потребительской идеологии, т.е. идеологии, вроде бы никем не навязываемой, а как будто бы само собой разумеющейся. В противовес «деидеологизации» считаю официальное признание идеологии велением времени. В самом деле, в каких из ныне существующих общественных систем, помимо России, реализован отказ от идеологии? Самые громогласные заявления на эту тему прикрывают действительное следование идеологическим требованиям. Гораздо разумнее не идти на поводу у наших заклятых «друзей», заинтересованных в идеологическом разоруже-

нии России, а озаботиться тем, чтобы не превращать общественные идеалы в омертвлённые схемы, которые обычно, к сожалению, и называют «идеями», хотя человеческого содержания в них уже не осталось.

Думаю, что понятие «идеал» («общественный идеал») заслуживает возрождения, но при самом серьёзном переосмыслении его содержания. В то же время не могу согласиться с тем, чтобы считать его «утопией» [1, с. 186]. Из того, что идеал не может быть реализован уже сейчас, не следует его утопичность. На то он и идеал, чтобы напоминать нам о цели нашей деятельности, которая, в свою очередь, будет переосмысливаться по мере её осуществления.

В нашей недавней истории такой промежуточный проект уже существовал. Назывался он «советский человек как новая историческая общность», причём человек рассматривался как ответственный субъект деятельности по совершенствованию советского общества. Нам не удалось его реализовать в полной мере, а жаль! В каком ещё обществе мы найдём такой идеал: «Человек человеку друг, товарищ и брат». Правда, когда он был провозглашён, мы – помнится – восприняли его с усмешкой: так далёк от реальности он был! По прошествии времени и в связи с «возвращением в цивилизацию», как называют этот шаг современные либералы, но который в действительности оказался для России возвращением в мир чистогана на правах полуколонии, поставщика природных ресурсов и человеческого материала, стало понятно, что мы тогда пытались основать цивилизацию нового типа, – цивилизацию, основанную на человечности. Пытались неуклюже, упрощённо, нескладно. Зато не сидели сложа руки, а всё-таки пытались что-то улучшить, и нельзя сказать, что бы совершенно бесполезно. Увы, плоды оказались не столь сладки, как хотелось бы. Но они были! И основа для международного взаимодействия была заложена.

Вспоминая студенческие строительные отряды, в которых принимали участие не только представители всех народов Советского Союза, но и многих стран социалистического лагеря, диву даёшься, как нам удавалось обходиться без проблемы «диалога культур». А всё очень просто: когда есть общее дело, значимое не только для каждого из участников, но в конечном счёте и для всей страны, общий язык находится без труда.

Можно ли вернуть утраченное единство? Боюсь, что тот исторический шанс создать цивилизацию нового типа безнадежно упущен. Теперь уже надо не возвращать старое, а создавать новое. Полагаю, что новый общественный идеал должен охватывать все стороны общественной жизни и, в первую очередь, сферу образования и воспитания. До тех пор пока наша система образования нацелена на воспитание потребителя, рассуждения о «диалоге культур и культуре диалога» бессмысленны. Чтобы вырваться из пут потребительской идеологии, похоже, потребуются новая «культурная революция» в том широком общественном смысле, какой придавался ей в первые десятилетия советской власти. По этому вопросу отсылаю читателя к сравнительно недавно опубликованной статье [4]. Думаю, что только в ходе осуществления новой «культурной революции» мы сможем удовлетворительно ответить на ряд вопросов, которые сегодня кажутся трудноразрешимыми. Например, соотношение традиций и новаций в культуре. Пока мы не включились в совместное культурное строительство, в ходе которого выявится ценность и традиций, и новаций, наши рассуждения останутся пустыми словопрениями.

Подводя итог сказанному, предлагаю сосредоточиться на осмыслении будущего нашей страны и проблемах его достижения. Разумеется, их теоретическое осмысление и обсуждение совершенно необходимы. Важно, однако, чтобы они имели практическую направленность, предполагающую совершенствование общества.

Библиографический список:

1. Гусейнов А.А. О возможности глобального этоса // Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты / отв. ред. В.С.Степин, А.А.Гусейнов; Ин-т философии. М., Наука, 2005. 428 с.

2. Гусейнов А.А. Человек, человечество, человечность // Институт человека: Идея и реальность / Отв. ред. Г.Л.Белкина; Ред.-сост. М.И.Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2018. 348 с., цв. вкл.
3. Панфилова Т.В. Культурная революция: размышления о прошлом в назидание будущему // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 4. С. 104 – 115.
4. Панфилова Т.В. Межкультурное общение: социологические и социально-психологические проблемы // Репутациология. 2010. № 2. С. 21 – 28.

Рамазанов Р.О.,
кандидат политических наук,
научный сотрудник отдела социологии
ИИАЭ ДНЦ РАН г. Махачкала

РАЗВИТИЕ ИСЛАМСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования исламского самосознания, обозначена структура идентичности дагестанских мусульман, выделены национальный и религиозный уровни проявления самосознания последователей исламского вероучения.

Ключевые слова: дагестанские народы, дагестанское общество, исламское самосознание, ислам, этноконфессиональная идентичность.

Ramazanov R.O.,
Ph. D. in political science,
the Institute of history, archeology and ethnography
Daghestan scientific center, Makhachkala

DEVELOPMENT OF ISLAMIC CONSCIOUSNESS IN MODERN WORLD

Summary. The formation of Islamic identity is considered in the article. There is structure of identity of daghestanian muslims. National and religious levels of muslim identity are defined.

Keywords: daghestanian nations, daghestanian society, Islamic identity, islam, ethno-confessional identity.

Активисты от ислама сегодня чрезвычайно популярны, многие политические процессы отражают возросшую роль ислама. Исламизм связан с проявлением религиозной нетерпимости, массовыми политическими протестами и сменой режимов, международным экстремизмом и терроризмом, вооруженными конфликтами, проблемой интеграции европейских мусульман. Феномен ислама в политике трудно объяснить, опираясь на привычный рационалистический подход, исламизм не укладывается в рамки западной модели развития, следуя европоцентричным историческим шаблонам трудно оценить соотношение ислама и демократии. Представляется важным внимание к изменениям в исламском самосознании и поведении мусульман. В этой связи исследование исламского самосознания дает возможность понять, как формируется поведение мусульман в политике, как на поведение в политике воздействуют ожидания, мотивация, ценности, ориентиры.

По данным ученых ИМЭМО «многомерный конфликт идентичностей... – между носителями разных культурных норм и практик, между автохтонными и инокультурными группами, между центром и регионами – выдвигается на роль ключевого фактора политических и социокультурных трансформаций» [3, с. 352]. В этой связи возникают вопросы, ответы на которые следует искать в специфике ислама как религиозной системы и его влиянии на исламское самосознание, в особенностях структуры идентичности в мусульманских странах, в динамике ее изменений.

Исламизм берет свое начало в такой интерпретации ислама, которая предполагает активное участие верующих в общественно-политической и экономической жизни общества. По мнению мусульманского мыслителя Т. Рамадана *шахада* как свидетельство веры в единого Бога «является самым чистым выражением сути мусульманской идентичности вне време-

ни и пространства» [4, с. 288]. Кроме того, на исламское самосознание большой отпечаток оказывает многоликость арабо-исламского мира. По мнению известного исламоведа Э. Саида, мусульманский мир не монолитен и не статичен, он состоит из множества общин и отличается культурно-исторической, этнической, географической и политической гетерогенностью [5, с. 416]. Так, по мнению египетского историка М. Хана, существует семь основных источников формирования египетской идентичности – четыре исторических и три географических: фараонское и греко-римское наследие, коптская культура, ислам, арабский, средиземноморский и африканский цивилизационные компоненты [7].

Вполне обоснованно можно утверждать, что в исламе множество течений, направлений и школ, которые формируют разнообразие мира ислама. В исламской культуре есть те, кто не принимает разнообразия в интерпретации вероучения, и есть те, кто допускает возможность иного подхода в вере. Демократизм ислама как религии выражается также в том, что верующие могут сочетать следование основным догматам религии с не противоречащими Корану и сунне местными культурными обычаями.

В странах своего проживания мусульмане взаимодействуют с различными типами общественно-политической реальности и разделяют широкий спектр политических ориентаций – от неопатримониальных до демократических. В той или иной степени, важную роль в политике продолжают играть семейно-родовые, клановые и иные аскриптивные связи и лояльности. Наконец, они могут быть в обществе и большинством, и меньшинством и в последнем случае испытывать трудности с позитивным формированием идентичности.

Таким образом, для процессов исламизации роль ислама как источника социально-политической идентификации и исламизации трудно переоценить. Как известно, ислам является не только религией, но и системой знаний, утверждающей принципы социальной справедливости и гармонии в обществе. Эта система знаний находит свое выражение в шариате, который представляет собой не просто собрание норм мусульманского права, но и путь очищения и спасения.

На процессы исламизации влияют, по мнению И.В. Кудряшовой, такие черты ислама как доступ к священному тексту всех членов общины и возможность свободной интерпретации священного текста [2]. Специфика исламского самосознания проявляется также в шиизме, где преобладают представления о власти, идущей от Бога. Здесь особое значение имеет принцип имамата и догмат о «скрытом имаме», наряду с особой организацией и статусом шиитских улемов, важнейшей ролью духовного руководителя общины, считающегося рупором «сокрытого имамата». Кроме того, на процесс исламизации влияет также то, что ислам, как и любая религия, может служить целям сакрализации сказанного или сделанного и тем самым исключать альтернативные подходы.

В 1990-х и 2000-х годах мир заметно изменился, распался биполярный миропорядок, возникла тенденция к однополярному миропорядку. Это актуализировало проблемы встраивания стран мусульманского Востока в новую международную систему отношений, возникла необходимость в политических реформах. В итоге в мусульманских странах прошли умеренно-альтернативные выборы, расширилось участие партий в представительных органах власти, возникли неправительственные организации. При этом авторитарные режимы препятствовали свободному гражданскому участию, жестко контролируя политическую ситуацию через неформальные сделки с традиционными лидерами и репрессии.

В мусульманских странах, по мнению А.М. Спигела, формируется «исламистский плюрализм» из конкурирующих друг с другом исламистских партий и организаций. Как считает А.М. Спигел, изучавший мировоззрение молодых марокканских исламистов из Партии справедливости и развития (ПСР), а также полулегальной ассоциации «Аль-Адль валь-ихсан» исламистские группы могут солидаризироваться с неисламистами по многим вопросам (нарушение прав человека, борьба за освобождения Палестины и др.). Следует отметить, что А.М. Спигел выделил три типа исламского самосознания: 1. «автономный исламист», 2. «восходящий исламист» и 3. «исламист-альтруист». Первый тип исламского самосознания предполагает понимание исламистом своей деятельности как пути к независимому, автоном-

ному существованию. Для «восходящего исламиста» партийная деятельность представляет собой новые возможности. Это может проявляться как в вертикальной мобильности (ПСР), так и в ощущении роста собственных возможностей, «внутренней силы» («Аль-Адль»). «Исламист-альтруист» рассматривает политическую деятельность как возможность служить родине, своим согражданам. При этом члены обеих организаций подчеркивают, что их работа дает им самим очень много: репутация, высокий общественный статус [6, с. 19]. Определенная дифференциация прослеживается и в исламском самосознании *салафитов*. По мнению М. Абу Руммана, в настоящее время в их среде действуют четыре типа представлений: а) первый тип представлений отличается продвижением исламского призыва и образования при обходе вопроса о политическом участии; б) второй тип представлений отличается покорностью воли правителя, а любая политическая оппозиция рассматривается как нелегитимное неповиновение и отвергается; в) третий тип представлений отличается требованием о вооруженном джихаде против светских режимов и выступлением за радикальные изменения («Аль-Каида» и др.); г) четвертый тип представлений отличается возможностью мирной политической деятельности, приятием оппозиционной деятельности как законной [1, с. 191].

Сочетание национальной идентичности, религиозного самосознания и демократических ориентиров в мусульманских странах и феномен «исламистского плюрализма» вызывает много споров относительно роли ислама в демократическом политическом процессе. Однако спор этот носит во многом искусственный характер. В зависимости от интерпретации ислам приобретает то или иное социальное звучание в рамках определенного политического контекста. Политическое и социально-экономическое развитие ведет к распространению светских ценностей, что влияет на самосознание мусульман, выражение ими своей религиозности.

Библиографический список:

1. Abu Rumman M. I Am a Salafi. A Study of the Actual and Imagined Identities of Salafis // Amman: Friedrich-Ebert-Stiftung Jordan & Iraq. 264 p.
2. Кудряшова И.В. Исламская цивилизационная доминанта и современное развитие мусульманских политий // Политическая наука. М.: РАН. ИНИОН, 2003 № 2 С. 87 – 117.
3. Мир – 2035. Глобальный прогноз / Под ред. акад. А.А. Дынкина М.: Магистр, 2017. – 352 с.
4. Muslim Millennial Attitudes on Religion & Religious Leadership: Arab World / Tabah Foundation. http://mmasurvey.tabahfoundation.org/downloads/mmgsurvey_full_En_web.pdf (Дата обращения: 26.07.2018).
5. Roy O. The Transformation of the Arab World // Journal of Democracy. 2012. Vol. 23, No 3. Pp. 5 – 18.
6. Spiegel A.M. Young Islam. The New Politics of Religion in Morocco and the Arab World. Princeton: Princeton University, 2015. – 264 p.
7. Халиль М. Проблемы идентичности в современном египетском обществе // Россия и мусульманский мир. 2009 №10. С. 170 – 182.
8. Шахбанова М.М. Проблема веротерпимости в Республике Дагестан: состояние и тенденции // Научная мысль Кавказа. 2008. № 1. С. 66–74; Шахбанова М.М. Межконфессиональный диалог: место и роль в современном обществе (по результатам социологического исследования в Дагестане) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 1. С. 29 – 32; Шахбанова М.М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала: АЛЕФ, 2016. 358 с.

Семенов И.Г.,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
ИИАЭ ДНЦ РАН, г. Махачкала

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ МОДЕЛИ ЭТНОГЕНЕЗА ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ

Аннотация. Формирование горских евреев в качестве особой еврейской группы связано с Восточным Кавказом, а именно с территорией современных Азербайджанской Республики и Республики Дагестан. Наиболее ранняя еврейская группа данного региона своим происхождением связана с Сасанидским Ираном. Миграция иранских евреев на Восточный Кавказ относится к VI в. н.э. Позднее в состав общины горских евреев интегрировалась незначительная часть курдистанских евреев-лахлухов, мигрировавших в XIX – начале XX в. на Кавказ.

Ключевые слова: горские евреи, модель этногенеза

Semyonov I.G.,
Doctor of History, leading scientific worker IIAE DSC RAN, Makhachkala

GENERAL FEATURES OF THE MODEL OF ETHNOGENESIS OF THE MOUNTAINS JEWS

Summary. The formation of Mountain Jews as a special Jewish group is associated with the Eastern Caucasus, namely with the territory of the modern Azerbaijan Republic and the Republic of Dagestan. The earliest Jewish group in the region its origin is related to the Sassanid Iran. Migration of Iranian Jews in the Eastern Caucasus belongs to the VI century AD. Later, an insignificant part of the Kurdish Lakhluh Jews who had migrated to the Caucasus in the XIXth and early XXth century were integrated into the community of Mountain Jews.

Key words: Mountain Jews, model of ethnogenesis

Формирование горских евреев в качестве особой еврейской группы связано с Восточным Кавказом, а именно с территорией современных Азербайджанской Республики и Республики Дагестан. Первое надежное свидетельство о евреях этого региона относится к VII в. н.э. С опорой на показания письменных источников можно утверждать, что эта еврейская община не прекращала своего существования на протяжении всего средневекового периода. Достаточно уверенно можно говорить также о том, что наиболее ранняя еврейская группа данного региона своим происхождением связана с Сасанидским Ираном. Имеются веские основания полагать, что первая миграция иранских евреев на Восточный Кавказ относится к VI в. н.э. (см.: [8; 9]). Миграции евреев из Ирана на Восточный Кавказ происходили и позднее, но они, судя по всему, были сравнительно малочисленными. Из этого должно следовать, что основной костяк еврейской общины данного региона был заложен в сасанидский период.

Что же касается более поздних миграций евреев на Восточный Кавказ, то можно отметить, что в XIX – начале XX в. туда мигрируют лахлухи – арамеоязычные евреи Курдистана (о них см.: [4]). Незначительная их часть интегрировалась в состав горско-еврейской общины.

Можно также напомнить, что в 1614-15 г. шах Аббас I переселил 1200 еврейских семей из кахетинского города Загами в свою новую резиденцию в г. Фарахабад в Гиляне (обзор источников и историографии представлен в работах М.С. Куповецкого [5; 6]). После указанной депортации в Кахетии почти не осталось евреев. Имеются основания полагать, что евреи, переселенные в Фарахабад, являлись носителями того же языка, что и остальные восточнокавказские евреи. В XVIII – начале XX в. практически все они постепенно мигрировали из Гиляна на Восточный Кавказ и реинтегрировались в состав горско-еврейской общины.

Стоит также отметить, что постулируемая в ряде публикаций возможность интеграции иудейских хазар в состав восточнокавказской еврейской общины [1; 2; 3] противоречит источникам: хазары в 965 г., еще до падения своего государства, приняли ислам [8].

Библиографический список:

1. Ихиллов М.М. Горские евреи // Народы Дагестана. М.: изд-во АН СССР, 1955.
2. Ихиллов М.М. Горские евреи // Народы Кавказа. М.: АН СССР, 1960.
3. Ихиллов М.М. Горские евреи (из неопубликованного) // Ихиллов Михаил Мататович: ученый, воин, гражданин. Сб. ст. / Сост-ль Г.Б. Мусаханова. Махачкала: Издательский дом «Народы Дагестана», 2004. С. 41–65.
4. Крупник И.И., Куповецкий М.С. Лахлухи – курдистанские евреи в СССР // Советская этнография. 1988. № 2.
5. Куповецкий М.С. К исторической демографии этнотерриториальных групп горских евреев Азербайджана в XVII–XIX вв. // Studia Anthropologica: Сб. статей в честь проф. М.А. Членова / Редакторы-составители А.М. Федорчук и С.Ф. Членова; научный редактор А.В. Белова. М.; Иерусалим: Мосты культуры/ Гешарим, 2010.
6. Куповецкий М.С. Евреи Кахетии в XIV–XVII вв. // Страницы истории и культуры евреев Грузии (по следам экспедиции 2013 г.) / Отв. ред. М. Членов. М., 2014.
7. Новосельцев А.П. Христианство, ислам и иудаизм в странах Восточной Европы и Кавказа в средние века // Вопросы истории. 1989. № 2.
8. Семенов И.Г. О происхождении горских евреев. М.: Солист, 1997.
9. Семенов И.Г. О ранних контактах восточнокавказских евреев и хазар // Материалы Международного научного симпозиума «Горские евреи Кавказа». 24–26 апреля 2001 г., Баку – Куба – Красная Слобода. Баку: Элм, 2002. С. 35–47.

Тюгашев Е.А.,

кандидат философских наук, доцент
кафедры теории и истории государства и права,
Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Аргументируется необходимость различения понятий идентичности, идентификации, самоидентификации и самосознания. Уточнен эпистемологический статус понятия идентичности. Идентичность определена как коэкзистентность экзистенции.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, самоидентификация, самосознание, экзистенция, коэкзистенция.

Tyugashev E.A.,

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
NSU, Novosibirsk

EXISTENTIAL AND PHENOMENOLOGICAL CONCEPT OF IDENTITY

Summary. The necessity of distinguishing the concepts of identity, identification, self-identification and self-consciousness is substantiated. The epistemological status of the concept of identity is redefined. Identity is defined as coexistence of existence.

Key words: identity, identification, self-identification, self-consciousness, existence, coexistence.

Принятое в этнокультурном дискурсе отождествление самосознания, самоидентификации и идентичности индивида неудовлетворительно по трем причинам. Во-первых, такое отождествление противоречит понятиям идентичности и идентификации, терминологически закрепленным в нормативных правовых актах. Во-вторых, игнорируется понимание идентичности, представленное в естественных, технических и связанных с ними общественных науках. В-третьих, оставляется в стороне абстрактно-философское понимание идентичности как тождества. Риторика идентичности должна учитывать указанные обстоятельства и формировать более общий концепт идентичности.

На наш взгляд, идентификация – задача феноменологического уровня, задача работы с эмпирически данными явлениями. Именно на этом уровне объекты воспринимаются как отдельные, единичные и конкретные, данные в пространственно-временной ограниченности и определенности. Здесь же возникают сомнения в аутентичности бытия, адекватности распознавания объектов.

Объект как единичное (даже в его массовости) выступает перед нами, существует. Его экзистенция, идентифицируемая нами, обусловлена нашей собственной экзистенцией. Поэтому категорию идентичности представляется правильным позиционировать как категорию экзистенциальной феноменологии.

Отмечалось, что интерес к проблеме идентичности обусловлен экзистенциальной потребностью человека в укорененности, обретении единства с окружающим миром [5, с. 219]. В связи с этим обращается внимание на продуктивность экзистенциального аспекта изучения идентичности. Идентичность определяется как достижение определенной экзистенциальной позиции, противостоящей одиночеству и отчаянию. Эта позиция предполагает ограничивающее и одновременно сопричастное отношение к миру [8, с. 16].

Но идентичность – это не столько достигаемая позиция, а актуальная реальность, возможно, по-разному отображаемая в различных идентификациях и самоидентификациях. Это некоторая неотъемлемая характеристика экзистенции, существующая в ее отношениях с миром. Именно об этом писал Н. Аббаньяно: «Существование постоянно ставит меня перед лицом другого: я могу как-то существовать, лишь если сосуществую, ибо я могу определиться в какой-то задаче, функции, действии, чувстве, лишь определяя в то же самое время других, связанных со мною непосредственно или опосредованно в задаче, в функции, в действии или в присущем мне чувстве ... На вопрос: что такое другие? я могу ответить, лишь отвечая на другой вопрос: что такое я для самого себя?» [1, с. 139–140].

Идентичность – феномен экзистенции и постигается феноменологически. Отнесение идентичности к экзистенции выдвигает вопрос о ее месте в структуре экзистенции. Ближайшим претендентом на роль экзистенциального коррелята идентичности является *коэксистенция*. Аббаньяно убежден, что экзистенция коэксистенциальна: «Коэксистенция выражает изначальную форму экзистенциальной трансценденции. Отношение с самим собой и миром изначально является отношением существа с другим существом, человека с человеком» [1, с. 176].

Значимость эффекта коэксистенциальности подчеркивается в японской философии, следующей убежденности буддизма в пустотности сущего. «Японская культура не строится на необходимости достижения единства “я”, – пишет О.С. Новикова, – и в этом смысле не стремится к идентификации себя как единой, субстанционально понятой личности. Наоборот, японцу предписано быть разным в зависимости от ситуации коммуникации и ее характера» [6, с. 52].

Вацудзи Тэцуро пришел к выводу о тщетности поиска индивидуальности внутри сознания «я»: «Сами по себе индивиды пусты: их создает только отрицание той общности, к которой они принадлежат» [3, с. 339]. Только внешнее окружение, интегрируемое в индивида, конституирует его идентичность. Согласно Нисида Китаро, не существует абсолютно независимого личного “я”: «Я становится “я” только посредством узнавания другого, равно как другой становится “другим” только благодаря признанию его мною» [4, с. 396].

Интерпретация идентичности как коэксистенции не противоречит привычной феноменологии идентичности человека. Но общенаучное понятие идентичности относит ее не только к человеку, но и к любому объекту, который экзистенцией, казалось бы, не является. В японской философии выдвинута идея коэксистенциальности как свойства любого сущего. Нисида Китаро допускал, что «некто, противостоящий индивиду и способствующий определению его как индивида в диалектической корреляции “я – другой”, может быть не обязательно человеком или обществом, но также естественным природным окружением» [4, с. 396-397]. Он также утверждал: «Когда мир осознает /себя/, осознает себя и наше “я”. Когда наше “я” осознает себя, мир осознает себя» [4, с. 401].

В связи с этим уточним объем понятия «экзистенция». По К. Ясперсу, не в кажимости, а в действительности в него входят только люди [10, с. 428]. Сравнивая человека с камнем, деревом и орлом, М. Хайдеггер общее между ними видел в том, что они внедрены в бытие и принадлежат ему [9, с. 73]. Отличие человека как мыслящей сущности состоит в открытости бытию, благодаря чему бытие присутствует в человеке. «Человек и бытие вверены друг другу. Они принадлежат друг другу» [9, с. 74].

Взаимопринадлежность человека и бытия действительно выражает природу идентичности. Но отрицание возможности «внедрения» бытия в другие объекты сомнительно в разных смыслах.

Описывая отдельные пограничные ситуации (смерть, страдание, борьба, вина), Ясперс признавал, что животное испытывает те же аффекты, что и человек. Но он не признавал за животными аффектами статус экзистенциалов, так как полагал, что они «слепы» и не прозревают пограничные ситуации, не осознают и не предвидят их [10, с. 223–253].

Такая квалификация нам кажется ограниченной. Более точен Х. Ортега-и Гассет. В отношениях человека и животного (в отличие от отношений с растением и камнем) наблюдается, на его взгляд, разительная перемена, состоящая в том, что человек для животного существует, так как животное ожидает действия человека, готовится к нему и отвечает на него. «Иначе говоря, не только животное для меня существует, я сам тоже существую для него, я для него – другое животное», – заключал он [7, с. 539]. Поэтому отношения человека с животным взаимны.

Понятие экзистенции как человеческого существования, по-нашему, мнению, не следует необоснованно сужать, как это предложено в экзистенциализме. Камень тоже экзистировать, осуществляет «выход из себя», «бытие-впереди-самого себя», имеющее перспективу. И в этой перспективе нельзя отказывать всему, что бытийствует в мире. Такое широкое понимание экзистенции Хайдеггер намечал в понятии *фактичности*. Как констатирует П. Александрович, фактичность – это конкретное существование, «постоянно и самообновляющееся, интерпретирующее себя в качестве озабоченного сущего движение» [2, с. 13]. Следовательно, возможность более широкого понимания экзистенции была, но она не реализовалась в философском процессе.

Поэтому экзистенцию можно интерпретировать широко, не сводя ее только к человеку. А идентичность – это коэкзистенция или, более точно, *коэкзистентность* экзистенции. Ситуацию коэкзистенции Хайдеггер понимал как взаимопринадлежность, а Ортега-и-Гассет – как взаимность. Эти термины фиксируют способность к интеграции и аффилиации при самосохранении, что и учитывается в понятии этнической идентичности.

Библиографический список:

1. Аббаньяно Н. Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм. СПб., 1998.
2. Александрович П. Возникновение и значение понятие фактичности (Faktizitat) в философии М. Хайдеггера // Философия Мартина Хайдеггера и социокультурные тренды современности. Мурманск, 2015.
3. Карелова Л.Б. Философско-антропологические взгляды Вацудзи Тэцуро в контексте его полемики с западноевропейской мыслью первой половины XX в. // Историко-философский ежегодник'2009. М., 2010.
4. Карелова Л.Б. Модели личности в японской мысли XX века в контексте проблемы соотношения «я» – «другой» // Историко-философский ежегодник'2010. М., 2011.
5. Малыгина И.В. Методологические дискурсы этнокультурной идентичности: ресурс взаимодополнительности // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5.
6. Новикова О.С. Особенности социальной самоидентификации при переходе от традиционного общества к современному (на примере Японии): дис ... канд. филос. наук: 09.00.11. Новосибирск, 2016.
7. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997.
8. Сапожникова Р.Б. Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер.: Психология. 2005. Вып. 1.
9. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991.
10. Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М., 2012.

Хан Ш.Д.,
младший научный сотрудник,
Институт философии РАН, г. Москва

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР*

Аннотация. В статье рассматривается понятие культурной идентичности, проводится анализ проблемы культурной идентичности в современном мире. Рассматривается, как изменяются культурные идентичности в современном мире под воздействием процессов глобализации.

Ключевые слова: культурная идентичность, глобализация, культура, национальная идентичность, мультикультурализм

Khan S.D.,
Junior Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow

THE PROBLEM OF CULTURAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF A DIALOGUE OF CULTURES

Summary. The article discusses the concept of cultural identity, analyzes the problem of cultural identity in the modern world. It considers how cultural identities change in the modern world under the influence of globalization processes.

Key words: cultural identity, globalization, culture, national identity, multiculturalism

**Доклад подготовлен при поддержке гранта Президента РФ МД-178.2019.6.*

В научной литературе не наблюдается строгого разграничения культурной, национальной и этнической идентичностей. По мнению некоторых исследователей, каждый индивид обладает несколькими идентичностями, при этом культурная рассматривается ими как одна из многочисленного ряда, в который входят профессиональная, политическая, этническая, территориальная, религиозная, гражданская и иные идентичности [2, с.28].

Сторонники мультикультурализма выступают за культурное многообразие, а также за расширение возможностей идентификационного выбора. Согласно мнению этих ученых человек в современном мире обладает множественной культурной идентичностью. Он скорее является частью всего человечества, и в его сознании, таким образом, одновременно могут существовать несколько идентичностей, имеющих определенную иерархию.

Согласно мнению других исследователей культурная идентичность представляет собой некий итог всех присущих человеку идентичностей. Культурная идентичность человека формируется в результате длительного процесса социокультурного усвоения, поскольку человек упорядочивает свою жизнедеятельность таким образом, чтобы принимать и осваивать ценности и нормы окружающих его людей [4, с.24].

Простыми словами, культурная идентичность – это причастность человека к определенной культуре. Данная причастность является осознанным принятием индивидом основополагающих характеристик, которые приняты в данном обществе, она основана на самоотжествлении личности именно с данным обществом, с его культурной традицией. При этом стоит отметить, что культурная идентификация часто бывает неосознанной: человек редко задумывается о том, что он является носителем определенной культуры: культурная идентичность представляется чем-то само собой разумеющимся, тем, что является для нас привычным способом существования. Субъектом определенной культуры человек начинает представлять себя тогда, когда происходит его взаимодействие с представителями других культур, его столкновение с другими ценностями и типами поведения. В данном случае осознание своей принадлежности к определенной культуре помогает представителям различных культур предугадывать и заранее прогнозировать поведение друг друга, что с одной стороны может облегчать процесс общения, но с другой стороны – при незнании или неправильной трактовке тех или иных культурных традиций может приводить к недопониманиям, которые способствуют развитию различных конфликтов, противопоставлений и противоборства [3].

Таким образом, культурная идентичность является осознанным принятием человеком культурных норм и образцов поведения, а также ценностных ориентаций и языка того общества, в котором он живет. Индивид отождествляет себя с культурными образцами именно этого общества, при этом культурная идентичность является совокупностью конкретных устойчивых качеств, которые влияют на восприятие нас другими людьми, вызывая у них чувство симпатии или антипатии [6].

Когда мы говорим о культурной идентичности, то подразумеваем отождествление человека с определенными нормами, ценностями и образцами поведения. Основным источником, благодаря которому складывается самосознание индивида, выстраивается иерархия его ценностей, норм и духовного содержания, являются исторически сложившиеся культуры. Однако мы постоянно наблюдаем в истории процессы интеграции в различных областях, таких как политика, культура, экономика. Поэтому, говоря о мировой культуре, мы подразумеваем совокупность национальных культур [3].

Говоря о культуре, мы подразумеваем определенный опыт каждого народа, организованный и упорядоченный. С детства каждый человек осваивает культуру своего народа, при этом происходит его приобщение к накопленному мировому опыту. На протяжении всей истории человечества мы наблюдаем столкновение различных культур и цивилизаций, в результате такого культурного диалога или взаимодействия происходит обогащение каждой культуры. Одни из лучших достижений национальной культуры становятся интернациональными, они приобретают мировое признание, поскольку эти достижения транслируют общечеловеческие ценности [5].

Однако в современном мире наблюдается экспансия западной культуры, которая, согласно мнению многих ученых, нацелена на слом национально-культурной идентичности. Условия жизни постоянно меняются и появляются нововведения, которые не могут не влиять на традиции, несмотря на их устойчивость. Благодаря этому происходит развитие человеческой культуры.

Тем не менее, глобальная культура, которая в наши дни играет все более важную роль, направлена на усреднение ценностей. Такая культура является культурой для всех, то есть наблюдается унификация культуры, в результате чего за единую модель принимаются западные ценности, что является достаточно сильным испытанием для национальной и культурной идентичностей [1, с.36].

Что мы подразумеваем, когда говорим об унификации культур? В первую очередь это создание популярной массовой культуры, самовыражением которой является поп-культура – продукт глобального информационного пространства. Данная культура не имеет своих национальных корней, а ее важнейшим фактором является массовость и скорость распространения. Еще одним важным следствием данного процесса является господство английского языка, считающегося международным. Несмотря на то, что язык является базовой составляющей культуры и одним из ключевых элементов национального самосознания, в обществе используется английский язык для удобства в общении. При этом происходит отказ от знания и изучения других языков, в какой-то мере и от своего собственного [4].

Одним из способов противостояния данному процессу является процесс изоляции и самоизоляции культур различных стран и государств, что само по себе ведет к увеличению напряженности между культурами разного типа.

Однако вопрос об изоляции страны и соответственно ее культуры с целью противостояния процессам глобализации является достаточно противоречивым. Противодействуя с одной стороны глобализации, при этом изоляция культуры подразумевает запрет каких-либо изменений, и пресечение влияний извне. В этом случае происходит консервация данной культуры, она перестает развиваться, что может также привести к ее вымиранию, поскольку для того, чтобы существовать и развиваться, любая культура должна находиться в постоянном диалоге и взаимодействии с другими культурами.

Основным принципом сосуществования различных культурных миров является принцип мультикультурализма. Политика мультикультурализма направлена на сохранение и раз-

вите культурных различий в мире, и одним из ее аспектов является требование параллельного существования различных культур с целью их обогащения и развития. Однако на практике данный принцип, напротив, зачастую трансформируется в утверждение о существовании доминирующих культур и ведомых культур, являющихся периферийными, что затрудняет ведение равного культурного диалога.

Основным центром и ядром культуры являются ценности и представления, поведенческие коды, которые определенным образом упорядочивают поведение индивида. В результате их принятия и усвоения происходит формирование социокультурной идентичности. Одним из важных последствий процесса глобализации является актуализация культурной идентичности. В данных условиях, основной задачей для региональных этнических культур является сохранение их культурной идентичности и самоопределение в условиях глобального мира. Безусловно, при сильной активации процесса глобализации этнические культуры претерпевают трансформацию на глубоких уровнях. Поэтому изменения, которые связаны с процессом глобализации, обострили многие вопросы, затрагивающие проблемы культурной идентичности. Для некоторых данный процесс влечет за собой свободу и развитие, в то время как для других в процессе глобализации происходит утрата национальной культуры. В связи с этим страны должны вырабатывать определенную политику, которая будет способна защищать их культуры от сильного влияния и давления других культур, но при этом не делает культуру своей страны закрытой и неспособной к развитию и обогащению за счет взаимодействия и общения с другими культурами.

Библиографический список:

- 1.Бауман З. Идентичность в глобализирующемся мире. М., 2002.
- 2.Дзякович Е.В. Идентичность, идентификация, инсценировка в развитии глобальных и локальных социокультурных процессов современности. М., 2010.
- 3.Матузкова Е.П. Культурная идентичность: к определению понятия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 2. С.62-68
- 4.Миронов В.В. Глобализация и угрозы унификации// Век глобализации. 2012. № 1 (9). С.20-33.
- 5.Русских Л.В. Идентичность: культурная, этническая, национальная// Вестник южно-уральского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. 2013. № 2. С.178-180.
- 6.Эрикссон Э. Детство и общество. Спб., 1996.

Шахбанова М.М.,

доктор социологических наук,
ИИАЭ ДНЦ РАН, г. Махачкала

ФАКТОРЫ ДЕКОНСОЛИДАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ДАГЕСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье проанализированы социальные факторы, влияющие на процесс формирования межнационального согласия в современном дагестанском обществе. По результатам исследования установлено, что деконсолидации дагестанского общества способствует низкий уровень материального благополучия дагестанцев, нерешенность социально-экономических и территориальных вопросов, которые в совокупности способствуют дестабилизации межнациональной ситуации в республике.

Ключевые слова: дагестанские народы, социальное самочувствие, межэтническое согласие, межнациональная коммуникация, интолерантность.

FACTORS OF DECONSOLIDATION OF MODERN DAGHESTAN SOCIETY

Shakhbanova M.M.,

Doctor of sociological sciences,
senior research of Institute of History, Archeology and Ethnography
of the Dagestan Sciences scientific center of Russian Academy of sciences

Summary. The social factors were analyzed by us in this article affecting the process of formation of inter-ethnic harmony in modern Dagestan society. According to the results of the study, it was established that the social well-being of the Dagestan peoples is adversely affected by the low level of their financial situation and the unresolved socio-economic and territorial issues. The last contribute to the destabilization of the interethnic situation in the republic together.

Keywords: Dagestan peoples, social well-being, inter-ethnic harmony, interethnic communication, intolerance.

Отечественные исследователи отмечают, что в Советском Союзе, несмотря на существование множества социальных проблем (низкий уровень жизни населения, отсутствие развитой инфраструктуры и т.д.) принципы равенства граждан и социальной справедливости декларировались при распределении материальных благ [2, с. 80].

Изучение проявления социального неравенства в разных социальных сферах показывает, что экономическая, социальная и политическая формы неравенства обостряются, следствием чего является маргинализация населения, более того, процессы социального расслоения в российских условиях характеризуются высокими темпами и разнонаправленностью. Это приводит к еще большему отдалению наиболее обеспеченных групп (по оценкам исследователей, до 8 % населения) от слоев, находящихся за чертой бедности [1, с. 12]. Таким образом, констатация российскими исследователями наличия неравенства закономерно предполагает необходимость формирования новой стратегии социально-политического развития, причем значимым в данном направлении является социальная политика, ориентированная на консолидацию общества, политическое согласие и взаимодействие различных социальных групп. Рассматривая роль социального неравенства в процессах формирования межнационального согласия, нельзя придерживаться при анализе явления «неравенство» исключительно критического подхода, потому что оно (неравенство) может выполнять и конструктивную функцию, следовательно, быть полезным для развития общества: «неравенство в доходах, если оно обеспечивает экономический динамизм и социально-политическую стабильность, является нормальным» [3, с. 233].

Проведенные в постсоветский период непродуманные социально-экономические реформы, экономический кризис и ряд других факторов способствовал ухудшению материального положения российского населения, неравенству доходов, снижению социального самочувствия, которые в комплексе дестабилизируют ситуацию в целом в России, в том числе и в Дагестане, а это, в свою очередь, может явиться существенной помехой при формировании межнационального согласия в обществе.

Сохранение позитивного межэтнического климата и межнационального согласия возможно при устранении базы существования материального неравенства, при одновременном поиске механизма его быстрейшего выравнивания. В современном российском обществе имеется социальное неравенство, более того, не наблюдается ее понижение, порой можно констатировать расширение границ, и что самое опасное в данной ситуации. Иными словами, социальное самочувствие является одним из важнейших ресурсов сохранения и поддержания межэтнического согласия, но при этом возрастает необходимость объяснения причин существующего неравенства и поиска пространства взаимного интереса в дальнейшем развитии общества. Кроме того, как уже было отмечено, в настоящее время, к сожалению, не наблюдается уменьшение социального неравенства, а происходит противоположный процесс – расширение его границ при одновременном придании социальным вопросам этнического оттенка, что может иметь далеко идущие негативные последствия для межнациональной сферы.

При изучении социального самочувствия дагестанских народов представляется важным выявить факторы роста межнационального противостояния между ними, основа возникновения этноконфликтов. Поэтому при изучении ресурса межнационального согласия в республике, возможности появления межэтнического противостояния представляется необходимым показать факторы, способствующие ухудшению взаимоотношений между дагестанскими народами и респондентам был задан вопрос «Как Вы думаете, каковы причины

возможного появления межнационального противостояния между дагестанскими народами?». По результатам нашего исследования фактором возможного появления межнационального противостояния между дагестанскими народами является «территориальные споры, проживание на исторической территории одного народа других народов» (37,4 %) и по этнической принадлежности данное суждение разделяет больше половины опрошенных кумыков, лакцев и чеченцев, одна треть аварцев, каждый пятый опрошенный среди русских и лезгин, каждый седьмой в подгруппе даргинцев. Второе ранговое место занимает позиция «низкий уровень социально-экономического развития республики» (32,5 %) и она ближе одной второй части в подгруппе даргинцев, лезгин и русских, каждому третьему из подмассива аварцев, каждому четвертому опрошенному среди чеченцев и лакцев, каждому пятому опрошенному среди кумыков. Кроме того, опрошенных дагестанских народов заметно волнуют «особенности земельной реформы, проводимой руководством Дагестана без учета мнения проживающих на этих территориях народов» (26,4 %), причем на нее указывает каждый второй опрошенный среди кумыков, одна треть чеченцев, каждый четвертый в аварской и лакской подгруппе, каждый седьмой опрошенный среди даргинцев и лезгин, доля таковых существенно меньше в подмассиве русских. Четвертое ранговое место по всему массиву занимает «коррупционная схема передачи земли в частные руки» (23,7 %), отмеченная каждым третьим опрошенным среди лакцев, одной четвертой частью аварцев, даргинцев, лезгин, русских и чеченцев. Далее каждый пятый опрошенный по всему массиву причиной возможного появления межнационального противостояния между дагестанскими народами считает «ошибки республиканских органов государственной власти в национальной политике»; по этнической принадлежности данное суждение разделяет одна четвертая часть в подгруппе даргинцев, кумыков, чеченцев, лезгин, каждый седьмой из подмассива аварцев и каждый десятый среди русских. Спровоцировать межнациональный конфликт может «конкуренция за рабочие места» (16,7 %), волнующая каждого четвертого опрошенного среди даргинцев, каждого пятого опрошенного среди лакцев и лезгин, каждого шестого опрошенного среди аварцев, а среди кумыков, русских и чеченцев статистически небольшая доля опрошенных усматривает в нем конфликтный потенциал. Не менее конфликтогенным фактором является миграционный процесс, отмеченный одной шестой частью по всему массиву и доля таковых заметно больше среди респондентов кумыков (каждый третий опрошенный), русских и чеченцев (каждый четвертый опрошенный), даргинцев (каждый шестой опрошенный) и заметно меньше в подгруппе аварцев, лакцев и лезгин.

Политика переселения с горных районов республики на равнинные территории в наибольшей степени затронули аварское и лакское население, что было неоднозначно воспринято принимающим обществом и заметно претензии исторически проживавших на низменности народов усилились в постсоветский период (16,1 %). С небольшой разницей от предыдущей позиции располагается суждение «издержки воспитания и утрата принципов интернационального воспитания» (16,0 %), и, по сравнению с другими опрошенными, больше всего указавших на данный фактор в подмассиве русских (каждый второй опрошенный), каждый четвертый опрошенный среди лезгин, каждый пятый опрошенный среди лакцев, в то время как в других подгруппах доля таковых заметно меньше, особенно среди чеченцев. Далее с издержками воспитания тесно связана «низкая культура межнационального общения» (14,2 %), на которую указал каждый второй из подгруппы русских, каждый пятый среди лезгин, каждый восьмой среди аварцев, даргинцев, кумыков и менее 10 % среди респондентов лакцев. Межнациональное противостояние также может спровоцировать «конкуренция за землю» (13,8 %), подчеркнутая каждым пятым опрошенным среди лакцев, каждым седьмым в подгруппе аварцев и даргинцев, каждым восьмым из подмассива чеченцев и кумыков. В ухудшении, впрочем, как и в улучшении характера межнациональной коммуникации, определенную роль могут сыграть неформальные этнические лидеры (12,0 %) и, по мнению каждого шестого опрошенного среди даргинцев, русских и лезгин, каждого девятого опрошенного среди аварцев и лакцев, их деятельность может спровоцировать межнациональный конфликт. Не менее важную роль в обострении межнациональных отношений может сыграть

кадровый вопрос и хотя, по всему массиву опрошенных, он располагается на последнем месте (9,8 %), но на него указывает каждый четвертый опрошенный среди чеченцев и каждый десятый опрошенный среди русских.

Библиографический список:

1. Неравенство в современном обществе. Политические и социальные аспекты: сборник статей / Отв. ред. О.М. Михайленок, В.В. Люблинский. М.: Институт социологии РАН, 2015. – 293 с.
2. Ресурс межэтнического согласия в Москве [Электронный ресурс] / Рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2014. – 124 с.
3. Социальное неравенство и публичная политика / Ред. кол. В.А. Медведев, М.К. Горшков, Ю.А. Красин. М.: Культурная Революция, 2007. 336

Юсупова Г.И.,
доктор философских наук, главный научный сотрудник РЦЭИ ДНЦ РАН,
г. Махачкала

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ МАКРОИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты противодействия распространению идеологии религиозного экстремизма в молодежной среде северокавказского социума. Одним из факторов такого противодействия становится современная тенденция развития российской гражданской макроидентичности.

Ключевые слова: гражданская макроидентичность, религиозный экстремизм, терроризм, Северный Кавказ, безопасность, идентификационный кризис

Yusupova G.I.,
Doctor of philosophy, the main scientific researcher of RCI DNC RAN, Makhachkala

THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN CIVIL MACROIDENTITY AS A FACTOR OF COUNTERING THE IDEOLOGY OF EXTREMISM

Summary. The article deals with some aspects of countering the spread of the ideology of religious extremism among the youth of the North Caucasian society. One of the factors of such counteraction is the current trend of development of the Russian civil macro-identity.

Keywords: civil macro-identity, religious extremism, terrorism, North Caucasus, security, identification crisis

Идентификационный кризис в глобализирующемся мире породил проблему необходимости социального проектирования и конструирования современной идентификационной парадигмы. Она должна быть приспособлена к современным реалиям и условиям. Но ее невозможно создать на пустом месте. В нее должны быть адаптированы предыдущие идеологические установки, социокультурные приоритеты, этнокультурные традиции и опыт.

Религиозный экстремизм представляет серьезную угрозу современным идентификационным процессам на Северном Кавказе, этноконфессиональной стабильности и безопасности региона. По мнению И.П. Добаева, он стал идеологическим фокусом распространенной в современном социальном пространстве северокавказского региона формы девиантного поведения определенной части молодежи. На Северном Кавказе столкнулись две формы религиозной идентичности: исходная традиционная и ваххабитская идентичность, привнесенная извне. [4, с.98]

Сепаратистская и религиозно-экстремистская деятельность исламских радикалистов на Северном Кавказе, меры противодействия повлекли за собой колоссальные разрушения, детерминировали две военные компании в Чеченской Республике, привели к многочисленным жертвам. [2, с.114] Гадаев В.Ю. выделяет сущностные характеристики молодежного религиозно-политического экстремизма как особой формы девиантного сознания и противо-

правной деятельности: стремление к завоеванию политической власти и созданию исламского государства; приверженность идеологии иррационального экстремизма, неадекватных действий. [3, с.121]

Эффективным средством противодействия идеологии экстремизма и терроризма должна стать многоуровневая система воспитания общероссийского гражданского самосознания. Задача социального моделирования новой российской гражданской макроидентичности четко формулируется во всех нормативно-правовых документах Российской Федерации, принятых в последние годы и отражающих стратегический курс государственной национальной политики и приоритеты национальной безопасности. Данный вопрос активно обсуждается и исследуется зарубежными и отечественными учеными.

В.И. Немчина рассматривает особенности развития коллективных идентичностей как социокультурных конструктов. По ее мнению, данный процесс включает в себя ментальное коллективное осмысление и трансформацию транслируемой из поколения в поколение этнокультурной информации, адаптирование методов передачи рациональных установок, разработку новых способов регулирования оптимальных социальных отношений, предопределенных традиционной системой коллективных архетипов, традиционными этнокультурными символами, ценностями, стереотипами индивидуального и коллективного поведения. Так как глобализация разрушает политические, экономические, культурно-исторические, этнические и религиозные границы, индивид привыкает идентифицировать себя в многоуровневом, иногда параллельном масштабе. Поэтому она предлагает рассматривать коллективные идентичности как коммуникативные конструкты, которые следует эмпирически правильно интерпретировать. [7, с.45-51]

В результате длительного по времени процесса формирования коллективных идентичностей, реализации их интегративных и дезинтегративных функций, они могут выполнять роль индикатора внутреннего состояния сообщества как поликультурной социальной системы. Основным объектом формирования новой российской макроидентичности является молодежь. Одновременно она выступает активным субъектом социального воспроизводства, главным инновационным потенциалом общества. Объективно она выступает в роли не только объекта социальных инноваций, но и их активного субъекта.

Среди политических ориентаций современной молодежи исследователи выделяют две тенденции: «с одной стороны, чувство безысходности, неверие в свои силы, размытость и конформность идеалов, сориентированных на личное благополучие, не позволяют сформировать широкое политическое представительство молодежи; с другой стороны, агрессивность и репрессивность сознания, выливающиеся в озлобленность и экстремизм в молодежной среде, могут привести молодых в стан политических авантюристов, деструктивных сил, явиться основой для формирования молодежных асоциальных группировок». [8, с.65-73]

На Северном Кавказе столкнулись две полярные формы идентичности: исходная традиционная идентичность и привнесенная религиозными экстремистами «ваххабитская» идентичность. Суфизм и ваххабизм являются противоположными полюсами, главными антогонистами на северокавказском общеисламском поле, а потому конфликт между ними носит ценностный, непреходящий характер, решить который путем уступок и компромиссов вряд ли удастся. [5, с.52-64]

В современной российской антитеррористической стратегии концептуализированы важнейшие принципы государственной политики в сфере противодействия террористической и экстремистской деятельности, сформулированы цель, задачи, главные детерминанты функционирования общегосударственной системы противодействия терроризму. Государственная комплексная программа противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013-2018 годы» определила цель, задачи, важнейшие направления государственной политики в сфере противодействия терроризму и идеологии экстремизма. Государственная программа «Информационное противодействие идеологии терроризма и экстремизма в Республике Дагестан на 2014-2016 годы» определяет региональный аспект реализации стратегических задач государства в сфере противодействия идеологии религиозного экс-

тремизма. В этих нормативных документах четко выражена настоятельная потребность усиления эффективности противодействия идеологии религиозного терроризма. Сложность реализации данной задачи заключается в том, что трудно это сделать в условиях идеологически дезориентированного общества.

Уже опубликовано много работ по проблемам этноконфессиональной толерантности как средства противодействия идеологии религиозно-политического экстремизма. Исследователи понимают под толерантностью, прежде всего, характеристику межэтнической и межконфессиональной интеграции, для которой свойственно «позитивное отношение к своей этнической культуре и к этническим культурам групп, с которыми данная группа вступает в контакт». [1, с.28-36] В отечественном научном дискурсе понятие толерантности трактуется неоднозначно. Мы полагаем, правильнее применять термин терпимость. Исследователи отмечают намечившиеся изменения в иерархии ценностей молодежи. Наряду с ростом значения самостоятельности, благожелательности и достижения, усилилась значимость для современной российской молодежи категории безопасности. [6, с/10-17]

Сегодня проблема заключается в настоятельной потребности разработки научно обоснованной стратегии идеологического противодействия религиозному экстремизму и терроризму, опирающейся на весь имеющийся потенциал информационных средств государства. Это позволит повысить эффективность обеспечения духовной безопасности общества. Вполне очевидно, что развитие общероссийской макроидентичности невозможно без создания соответствующей идеологической парадигмы.

Библиографический список:

1. Алибекова С.Я., Мусаева С.И. Этническая толерантность в культурном наследии. Общедагестанское единство как фактор стабильности и безопасности: истоки и перспективы. Материалы республиканской научно-практической конференции. Махачкала, РЦЭИ ДНЦ РАН, 2014. С. 28-36.
2. Акаев В.Х., Нанаева Б.Б. Социально-политический феномен «исламизм» на Северном Кавказе: особенности проявления и меры противодействия. Нормативно-правовые и научно-методические основы противодействия экстремизму и терроризму. Грозный, ГГНТУ, 2018. С. 114.
3. Гадаев В.Ю. Проблемы религиозно-политического экстремизма в молодежной среде. Нормативно-правовые и научно-методические основы противодействия экстремизму и терроризму. Грозный, ГГНТУ, 2018. С. 121.
4. Добаев И.П. Причины и последствия раскола мусульманской элиты на Северном Кавказе. Актуальные проблемы Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение. 2018. №97. Ростов-на-Дону, фонд науки и образования, 2018. С. 98.
5. Добаев И.П., Анисимова Н.А. Причины и основные направления политизации и радикализации ислама в Российской Федерации. Гуманитарий Юга России. 2013. №3. С. 52-64.
6. Магомедов П.Ш., Чанакаев Г.М., Сайбулаева Д.Г. Индивидуальные ценности россиян в современных исследованиях. Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «психолого-педагогические науки». 2017. №4. С. 10-17.
7. Немчина В.И. Национально-культурные коллективные идентичности в глобализирующемся мире. Гуманитарий юга России. 2013. №3. С.45-51.
8. Погосян Л.А. Влияние процессов социализации, адаптации и идентификации на формирование политической культуры молодежи. Гуманитарий Юга России. 2013. №3. С.65-73.

Яхьяев М.Я.,
доктор философских наук, профессор,
декан факультета психологии и философии,
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

К ВОПРОСУ О ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Аннотация. Исходя из того, что в условиях цивилизационного «разворота» России к Востоку проблема цивилизационной идентичности Северного Кавказа приобрела особое звучание, в статье на основе анализа цивилизационной специфики и общих особенностей местных обществ обосновывается вывод о том, что северокавказский регион объективно не является ни самостоятельным цивилизационным образованием, ни самобытной локальной цивилизацией. На сегодня Северный Кавказ остается самобытным субрегионом российской цивилизации со своей социокультурной спецификой, которая определяется его социально-экономической многоукладностью, социально-политическим разнообразием и плюрализмом, полиэтничностью и поликультурностью. Его самобытность – это самобытность вторичного, подчиненного социального организма в составе более масштабной цивилизации, что, в свою очередь, является результатом взаимного влияния региональной социально-исторической уникальности и общероссийской самобытности.

Ключевые слова: Северный Кавказ, культура, цивилизация, идентичность, самобытность

Yakhyayev M.Ya,
Doctor of Philosophy, Professor, DSU, Makhachkala

TO THE QUESTION OF CIVILIZATION IDENTITY OF THE NORTH CAUCASUS

Summary. According to the fact of civilization «turn» of Russia to the East the problem of civilization identity of the North Caucasus has got especial sense, the article concludes on the base of analysis of civilization specification and common features of local societies, that North Caucasian region objectively is not either independent civilization formation, nor original local civilization. For today North Caucasus is original sub-region of Russian civilization with its socio-cultural features, that defines by social-economic multiformity, social-politic diversity and pluralism, poliethnicity and multiculturalism. Its originality is originality of secondary social organism in the composition of more ambitious civilization, as the result of mutual influence of all-Russian originality

Keywords: North Caucasus, culture, civilization, identity, originality

Для многонационального и поликонфессионального российского общества, которая все больше позиционирует себя как самобытная евразийская цивилизация, основанная на идеологии российского консерватизма, традиционных нормах и ценностях, религиозной православной духовности все возрастающее значение приобретает проблема цивилизационной идентичности конкретного региона, отличающегося своей социокультурной самобытностью от иных российских регионов с преимущественно русской культурой идентичностью. Обостренное звучание этой проблемы в последние годы провоцируется еще и очевидным цивилизационным «разворотом России» к Востоку, который не в последнюю очередь детерминирован изоляционистской политикой, проводимой США и его западными партнерами по отношению к России.

Особую значимость проблема идентичности имеет для северокавказского региона Российской Федерации. Как Северному Кавказу выразить и сохранить свою социокультурную уникальность, в условиях, когда российское государство, декларируя особое отношение к народам и культурам с общими корнями и историей, в действительности проявляет исключительную приверженность идеалам славянофильства и православной церкви? Практический аспект проблемы состоит в том, будет ли цивилизационная самоидентификация северокавказского региона способствовать интеграционным процессам в российском обществе или же дальнейшее углубление социокультурной самобытности региона приведет к расшатыванию

и без того не устойчивого единства и целостности российской цивилизации, а то и вообще к отторжению Северного Кавказа от Российского государства?

Выявление реальных тенденций трансформации цивилизационной специфики северокавказского региона является необходимой основой решения и такого вопроса: а не приведет ли социокультурный процесс в России к стиранию региональных цивилизационных различий путем поглощения одних культур другими (гомогенизации или конвергенции при растущей схожести и сближении). Или же напротив, эти различия укрепятся и увековечатся как столкновение разнородного внутри одной цивилизации. Для Северного Кавказа не исключена и третья модель развития по пути культурной гибридизации или постоянного смешения, синкретизма, креолизации, метисизации и пр., что будет грозить эрозией межкультурных границ, и может обернуться потенциальной утратой этничности и идентичности региона.

Некогда единая советская социалистическая цивилизационная идентичность и интеграция северокавказского региона в советское общество были разрушены в результате шоковых рыночных реформ 90-х годов прошлого столетия. Именно в тот период на Северном Кавказе, ввергнутом в кризисное состояние, активизировались центробежные силы, спровоцировавшие региональный сепаратизм, религиозный ренессанс, дремучую культурную архаику и прочие регрессивные процессы. Отход от советской социокультурной идентичности запустил не только процессы ревизии политического и культурного самосознания местных сообществ, он одновременно актуализировал и поиски новой идеологии цивилизационной идентичности Северного Кавказа, современной модели его интеграции в Российское цивилизационное пространство. Однако поиски новой модели его интеграции в российскую цивилизацию осложнялись тем, что регион за всю свою историю так и не стал неким единым экономическим, социально-политическим, территориальным образованием.

Северный Кавказ и сегодня остается довольно сложным конгломератом местных обществ, между которыми наличествуют не только общие моменты, но и весьма существенные отличия. Элементы местной культурной архаики в регионе причудливым образом сочетаются и взаимодействуют с элементами самых разных культур и цивилизаций: российской, западной, исламской. Больше того, здесь прослеживаются социокультурные составляющие и влияния самих различных социально-экономических укладов хозяйствования: патриархально-родового, аграрного, современного индустриального, постиндустриального, остатки советского и современного российского рыночного укладов. В совокупности все эти особенности Северного Кавказа как региональной системы самобытных единичных элементов российского общества и определяют, как его неоднозначность, так и сложность цивилизационной идентичности, а также существование множества ее интерпретаций и непрекращающуюся полемику между конкретными версиями.

В попытках определения цивилизационного статуса Северного Кавказа мы исходим из того, что административные или географические деления по отношению к региону не только не соответствуют реальным социокультурным дроблениям, но и в ряде мест усугубляют это дробление. И, тем не менее, отвлекаясь от ряда значимых социокультурных особенностей местных сообществ, можем утверждать, что в цивилизационном аспекте Северный Кавказ является совокупностью уникальных социально-исторических организмов, интегрированных в российское цивилизационное пространство, в которое включены: Дагестан, Чечня, Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария и Адыгея. Как отмечают некоторые исследователи, все эти самобытные социальные организмы Северного Кавказа могут быть охарактеризованы по ряду значимых критериев: географическая среда, этнический состав населения, геополитическое расположение, культурные характеристики, степень интеграции социально-исторических организмов [2, с. 96].

Сегодня на Северном Кавказе наблюдается своеобразное преломление влияния Западных и Восточных цивилизаций, и в особенности российской цивилизации, где нет ни прямого заимствования, ни поглощения местной культуры внешней цивилизационной культурой. Все внешние и внутренние культурные влияния трансформируются и переплавляются в цивилизационное и культурное своеобразие региона под сложным и динамичным взаимо-

действием двух тенденций: 1) дезинтеграционная тенденция (кросскультурная, пересечение, столкновение, конфликт цивилизаций и культур) и 2) интеграционная (специфический цивилизационный синтез различных культурных влияний и цивилизационных элементов).

Ключевым вопросом цивилизационной идентичности Северного Кавказа является также вопрос о степени единства составляющих его обществ. Можно ли говорить о некоем родстве, единстве, синтезе северокавказских сообществ или об их общности? Фактически это и есть вопрос о цивилизационном статусе Северного Кавказа. Если это статус локальной цивилизации, то речь необходимо вести о выделении неких интегральных критериев, образующих основу северокавказской цивилизации. А затем о балансе цивилизационных критериев и местной самобытности обществ, составляющих северокавказскую цивилизацию. Однако нам кажется, что говорить о Северном Кавказе как самобытной локальной цивилизации, было бы искусственной натяжкой по той простой причине, что здесь еще не выражено интегративное начало. И поэтому Северный Кавказ сегодня объективно не является ни единым самостоятельным политическим образованием, ни системой самостоятельных государств. Северокавказские республики, будучи административными субъектами Российской Федерации, включены в российское цивилизационное пространство. По этой причине самобытность Северного Кавказа предстает самобытностью вторичного, подчиненного социального организма в составе более масштабной цивилизации, что является результатом взаимного влияния местной, региональной социально-исторической самобытности и общероссийской самобытности.

Таким образом, Северный Кавказ сегодня не является ни самостоятельным цивилизационным образованием, ни самобытной локальной цивилизацией, он остается геополитическим регионом российской цивилизации со своей социокультурной спецификой, которая определяется его социально-экономической многоукладностью, социально-политическим разнообразием и плюрализмом, полиэтничностью и поликультурностью. Другими словами Северный Кавказ – это самобытный субрегион России, состоящий из автономных социальных организмов, обладающий некими формальными признаками общности, но не образующий на сегодня некий цивилизационный синтез. Самобытность каждого из обществ, образующих географически регион Северного Кавказа, является результатом синтеза или сочетания местных особенностей и общероссийских цивилизационных черт, а также влияния глобализационных процессов, развертывающихся в современном мире.

Библиографический список:

1. Гаджиев К.С. Кавказский узел в геополитических приоритетах России. М., 2010.
2. Гурбанов Э.А.-О. Северный Кавказ как субъект социокультурной идентичности // Вестник ДонГАУ. 2012. № 3.
3. Яхьяев М.Я., Поломошнов А.Ф., Гурбанов Э.А.-О. Социокультурная идентичность Северного Кавказа в составе России. Научная монография. М.: Парнас, 2013.

СЕКЦИЯ II. МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Алилова К.М.,
доктор философских наук,
профессор кафедры онтологии и теории познания ДГУ;
профессор кафедры гуманитарных дисциплин ДГУНХ, г.Махачкала

ЭКОЛОГИЯ КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНЫХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Никогда не поздно посадить дерево: пусть плоды не тебе достанутся, но радость жизни начинается с раскрытия первой почки посаженного растения.
Константин Паустовский

Аннотация. В данной статье проанализирована проблема межрелигиозного и межкультурного диалога в современном мире. Затронуты проблемы дагестанской молодежи. Определяется значение экологии как объединяющего фактора в межкультурных и межконфессиональных взаимодействиях.

Ключевые слова: религия, экология, диалог, современность, культура

Alilova K.M.,
Doctor of Philosophy, Professor of DSU;
Professor of DSUNE, Makhachkala

ECOLOGY AS A FACTOR OF INTERCULTURAL AND INTERFAITH COMMUNICATION

Summary. This article analyzes the problem of interreligious and intercultural dialogue in the modern world. Problems of the Dagestan youth are mentioned. The importance of ecology as a unifying factor in intercultural and interfaith interactions is determined.

Key words: religion, ecology, dialogue, modernity, culture

Сегодня в мире происходят очень серьезные процессы дифференциации по межконфессиональным и межнациональным признакам, поэтому этнокультурные проблемы приобрели особую актуальность. Они связаны с социальными и культурными процессами, происходящими в стране и мире

Мир нестабилен, экономическая и политическая ситуация в мире к началу XXI века создает кризисы различного масштаба и типа, том числе и экологические, которые, возможно, являются важнейшими. Эти процессы возникают в результате глубинных изменений, ориентированных на модернизацию, техногенное развитие и внедрение не слишком совершенных технологий. Все это приводит к духовному оскудению.

Как известно природа пустоты не терпит. Это же относится и к духовной жизни людей. Поэтому в результате кризиса в современной России наблюдается резкий рост интереса к религии, особенно у молодежи, связанный с кризисом во многих областях жизни. Если говорить о Дагестане, то этот процесс получил просто грандиозные масштабы. Молодёжь не имеет работу, не может получить достойное образование. Закрываются филиалы ВУЗов в других городах. На наш взгляд, этого делать нельзя, т.к. не каждый молодой человек или девушка могут приехать в столицу учиться, Чем молодёжь будет на улицах, пусть сидят на лавочках, набираются знаний. К окончанию ВУЗа они уже повзрослеют и поумнеют. А если работодатели не хотят брать на работу после филиала, так пусть не берут. Устроится куда-нибудь по другой специальности, но это уже будет взрослый человек, с определенным мировоззрением и сознанием. Он будет меньше подвержен опасному влиянию.

Поэтому заполнения духовной пустоты, к сожалению, проявляется в увеличении числа религиозных организаций, строительства мечетей, изданием большого количества религиозной литературы, ростом террористических актов под религиозным знаменем и отсутствием подъема духовно-нравственного состояния общества, особенно молодежи, которая зачастую довольствуется лишь внешней атрибутикой веры, выполнением религиозных обрядов, а не содержательной глубиной религиозной морали [6,34]. В результате, вместо того, чтобы объединять, все это разъединяет людей, а конфликты являются проявлениями духовной неадекватности.

Сейчас важно найти то, что объединило бы людей, а не разъединяло. Таким объединяющим фактором может быть экология. Духовная жизнь человека - это мера культуры. Культура, взрастившая технократическую цивилизацию, оказалась неадекватной природе. Отчуждение человеческой культуры от природы привело к духовному обнищанию человека, формированию системы ценностей общества потребления, основанной на эгоизме и практицизме. Но индустриальная эпоха подошла к концу, породив глобальные кризисы. Выход из тупика современной цивилизации напрямую зависит от качества сознания и установок, тенденций новых поколений, определяющихся системой образования и культуры.

Культура дагестанской молодежи, к сожалению, оставляет желать лучшего. Молодые люди весьма чувствительны к криминализации государственной и общественной жизни. Это рассматривается ими как основание для формирования личной позиции в данной сфере и как оправдание собственных противоправных действий. Еще одна причина такого рода ответов, это отсутствие реальной возможности зарабатывать своим трудом для решения своих насущных проблем, которое провоцирует молодежь к преступным и аморальным деяниям. Исследователи в этой связи отмечают следующую особенность современного менталитета дагестанской молодежи – ориентация на денежный успех, определенную склонность к риску, деловую хватку [1,76]. В настоящее время необходимо пересмотреть образ мира и место человека в нем. В этом должна помочь энвайронментальная философия. Так как все начинается с образования и воспитания, именно через такую философию нужно попытаться внести в души людей новые экологические принципы, экологические ценности. К сожалению, сегодня человек выполняет двойную роль на Земле — создателя и разрушителя. В свое время Аристотель указывал на ограниченность интеллектуальной силы, не опирающейся на мораль: «Природа дала человеку в руки оружие — интеллектуальную и моральную (силу), но он может пользоваться этим оружием и в другую сторону, поэтому человек без нравственных устоев оказывается существом нечестивым и диким» [2,288].

Углубление экологического кризиса заключается и в том, что человек не осознает или игнорирует экологические проблемы общества. Даже там, где не хватает осознания по проблемам окружающей среды, краткосрочные экономические интересы отдельных людей, групп или государств нередко мешают принятию обязывающих постановлений и других средств для защиты окружающей среды [4,95].

Одним из основных аспектов образовательной деятельности, связанной с активизацией у молодежи духовных начал, должна стать, на наш взгляд, направленность на уяснение того, что сознание человека является частью большего целого, что интерес к себе постепенно должен превратиться в групповой интерес. Именно в этом состоит главная задача всякого истинного образовательного начинания, которое непосредственно связано с развитием любви и мудрости. Мудрость есть любовь в проявленной активности. Любовь к себе (самосознание) и любовь к окружающим (групповое сознание) переходят в любовь к Природе.

Религия в целом, как форма общественного сознания, духовная и нравственная сила, должна стремиться к диалогу со всем миром, который не всегда следует нравственным путям, преодолевая глобальные проблемы современности, например, такие, как экологический кризис, терроризм, бедность. В основе всех религий лежат универсальные общечеловеческие ценности (терпимость, любовь, сострадание и т.п.), которые позволяют религии стать «хозяйкой» культурного развития [3,432]. Это подтверждают и В.Е.Черникова и Л.А.Волова: «Содействие созданию атмосферы толерантности во взаимоотношениях между представителями разных конфессий, между верующими и неверующими – это область государственных интересов, так как конфликтность в этой сфере может вести к нарушению социально-политической стабильности» [5,137]. Экология, как наука о нашем общем доме – Земле, мо-

жет стать основой диалога цивилизаций, а также межкультурного и межконфессионального сотрудничества. С этой точки зрения понимание соотношения религиозных традиций и культурно - бытового уклада с основами хозяйственной деятельности чрезвычайно важны, особенно, когда эта деятельность оказывает разрушающее воздействие на природу. Поэтому опора на духовные ценности всех религий может сыграть значительную роль в формировании экологического мировоззрения. Исходя из этого разработка религиозно - этических основ экологии представляет несомненный научный интерес.

Данным проблемам представители философско-теологической мысли посвящали всегда много внимания. К таким ученым следует отнести: Н. Бердяева, Н. Лосского, Папу Иоанна Павла II, Г. Сковороду и др. Это объясняется тем, что сегодня человеческая цивилизация находится в состоянии беспрецедентного кризиса, который может положить конец существованию человека и человечества. П.А. Флоренский отмечал, что «уже давно, вероятно с XVI века, мы перестали охватывать целые культуры как свою собственную жизнь, уже давно личность, за исключением очень немногих, не может подняться к высотам культуры, не терпя при этом величайшего ущерба» [7,345]. Ухудшающее состояние окружающей среды лишает смысла саму идею прогресса и делает апокалипсис реальной опасностью XXI века, а тогда не будут нужны ни полеты в космос, ни научные открытия, ничего. Человек будет думать только о том, чтобы выжить. Очень мудро когда - то писал Ф. Энгельс: «Не будем... слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит». Человечество не должно забывать этих слов и стараться через диалог культур и религий воспитывать уважение к окружающей нас природе для того, чтобы сохранить самое дорогое – жизнь на Земле, а культурная эволюция человека должна приспособливаться к естественной эволюции природы.

Библиографический список:

1. Асваров Н. А. Особенности правосознания молодежи Дагестана. Вестник Кемеровского государственного университета 2015 № 2 (62) Т. 5. С.76.
2. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории/Аристотель. Мн.: Литература, 1998. С. 288.
3. Марков Б.В. Философия для бакалавров и специалистов. СПб.: Питер, 2012. С.432.
4. Пришляк Н.Б. Религиозный диалог как важная предпосылка в преодолении экологических проблем современности. Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2016. № 24 (245). Выпуск 38. С. 95.
5. Черникова В.Е., Волова Л.А. Межкультурная коммуникация в поликультурном пространстве: основные черты и особенности. Пятигорск, 2005. С.137.
6. Шихалиева Д.С. К вопросу о религии и нравственности. Ислам и естествознание. Тезисы докладов регионального научно-практического семинара. - Махачкала, 2004. С. 34.
7. Флоренский П.А. У водораздела мыслей. Т. 2. М., 1990. С. 345.

Баньковская Ю.Л.,

кандидат философских наук, доцент

кафедры социально-гуманитарных дисциплин

Белорусский государственный аграрный технический университет, г. Минск

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ КАК СПОСОБ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ

Аннотация. Трансформация социокультурного пространства, сопровождаемого региональной дифференциацией культур и мультикультурацией, содействует формированию множества межконфессиональных конфликтов и противоречий в этноконфессиональных взаимоотношениях. Исследование сущности межконфессионального диалога практически значимо, ибо эскалация конфликта может привести к разрушению мировой стабильности, кровопролитным войнам.

Ключевые слова: конфликт, межконфессиональный конфликт, диалог, взаимодействие, урегулирование

INTERFAITH DIALOGUE AS A WAY OF RESOLVING CONFLICTS

Summary. Transformation of socio-cultural space, accompanied by regional differentiation of cultures and multiculturalism contributes to the formation of many interfaith conflicts and contradictions in ethnic and religious relations. The study of the essence of interfaith dialogue is practically significant, because the escalation of the conflict can lead to the destruction of world stability and bloody wars.

Key words: conflict, interfaith conflict, dialogue, interaction, resolution.

Процесс постоянного самообновления традиционных форм культуры посредством трансформации социальных ценностей и норм, возникновение новых ценностно-нормативных стандартов, не существовавших в культуре ранее, объединение региональных культур благодаря синтезу ценностных систем в единое культурное пространство характеризуют современный этап мирового развития. Исчезают барьеры между культурно-цивилизационными системами, что содействует интенсификации межцивилизационных контактов. В современном обществе конфликт ценностей представляет собой одну из наиболее значимых проблем функционирования социальной системы, поскольку он связан с фундаментальными вопросами человеческого бытия.

Одной из причин возникновения конфликтов в современном обществе стал кризис ценностно-нормативной системы, унификация мира, предполагающего универсализацию какой-либо одной культурной парадигмы. Для современного этапа функционирования общества присущи такие черты, как потеря идентичности и культурной автономии, смена приоритетов и ценностей людей. «Моральные ценности и культура: конфликты в этой области возникают тогда, когда государство навязывает собственные ценности людям, принадлежащим другой цивилизации» [3, с. 325].

Трансформация культуры снижает устойчивость и стабильность социальной системы. Ее подверженность внешнему влиянию ведет к ослаблению собственных традиций и утрате национального колорита. В такой ситуации возникает опасность кризиса культуры, ее регрессивного развития. Более того, для современных конфликтов присуща тенденция к быстрому разрастанию, вовлечению в свою сферу новых участников посредством воздействия на их систему ценностей и социокультурные архетипы.

Процессы глобализации привели к трансформации сферы межконфессиональных взаимодействий людей, приводя к расширению области человеческих знаний о различных конфессиях, существующих в мире. Данного рода конфликт возникает как внутри одной конфессии или религиозного направления, так и между различными конфессиями. Межконфессиональный конфликт – это конфликт между социальными группами, относящимися к разным конфессиям или обладающими различными религиозными убеждениями. Он представляет собой сложное многофакторное системное общественное явление, характеризующееся нелинейной динамикой существования и развития макросоциальных изменений.

Конфликты между сторонниками различных вероисповеданий содействуют образованию и распространению в межконфессиональной среде новых религиозных движений, приводящих к обострению наличных противоречий и формированию новых причин для противоборств. Содействуя эскалации социальной напряженности, религиозные конфликты нередко сопровождаются проявлениями агрессии, насилия и нетерпимости. Являясь одним из значимых факторов социокультурного развития, религия воздействует на процессы последующей радикализацией этноконфессиональной идентичности. Она способствует формированию культурного самоопределения не только отдельных субъектов, но и целых социальных групп. Результатом данного процесса является актуализация таких деструктивных явлений, как радикальный этнический национализм и экстремизм в религиозной сфере.

Можно выделить такие факторы, содействующие возникновению межконфессиональных конфликтов, как поликонфессиональный характер общества, наличие множества, отлич-

чающихся между собой в этническом и религиозном отношении, исторически сложившихся общностей, дискриминация отдельных религиозных групп, проявляющаяся в преобладании представителей определённой конфессии, представляющих собой наиболее многочисленную религиозную группу, подавляющую или даже оскорбляющую религиозные чувства представителей небольших по численности религиозных конфессий. Нетерпимость по отношению к людям, придерживающимся иной религиозной доктрины, стремление навязать им свои убеждения и воззрения также является основанием, содействующим формированию конфликтов. Иным конфликтогенным фактором является внутренне присущая религиям тенденция к расширению своего влияния на новые социальные общности, что приводит к неизбежным противоречиям, вследствие соперничества между различными конфессиями за доминирование в обществе. Религиозный фундаментализм также является одним из оснований обострения противоречий и проявляется в попытке сохранить фундаментальные основания религии в условиях трансформации социальных ценностей.

Динамика развёртывания этноконфессионального конфликта непредсказуема. Конфликт может как поспособствовать качественному преобразованию социальной системы благодаря разрешению и урегулированию наличных противоречий посредством выработки новых механизмов дальнейшего взаимодействия религиозных объединений, так и привести к крупномасштабным катастрофическим явлениям, выходящим за пределы одного государства. Следовательно, необходимо их урегулирование, одним из наиболее эффективных способов которого выступает межконфессиональный диалог.

Стремление сторон к диалогу, к выявлению обоюдных ценностей и целей – это наиболее важный шаг для разрешения конфликтной ситуации. А.П. Садохин обращал внимание на тот факт, что необходимо создание условий адекватного понимания культурных ценностей других народов, продуцируя формирование взаимной заинтересованности партнёров друг в друге, их готовность к принятию участия в межкультурном общении [2, с. 251].

Достижение гармоничного взаимодействия конфессиональных групп, культур и ценностных систем, изменение динамики миграционных процессов, актуализация возможностей мультикультуралистской политики становятся значимыми тенденциями развития современного общества. «Мультикультурализм как политика, направленная на сохранение самобытности и уникальности различных культур в условиях существования единого государства» [1, с. 187] соответствует критериям демократичности и плюрализма, формирует толерантное отношение к традиционным ценностям мигрантов.

Межконфессиональный диалог представляет собой наиболее конструктивный способ разрешения противоречий посредством речевой коммуникации. Они позволяют найти новые возможности стабильного существования системы в ситуации конфликта. Он представляет собой общение, основанное на обмене информацией между сторонами посредством общей системы символов. Она выступает формой и способом конфликтного взаимодействия, ибо ни одно социальное взаимодействие не обходится без коммуникации. Благодаря ей они могут понять сущность противоречий, приведших к дестабилизации системы и выработать меры по их разрешению.

Коммуникация представляет собой необходимое и всеобщее условие жизнедеятельности и существования общества. Она является существенным элементом социокультурных взаимодействий, что позволяет говорить о важной роли межконфессионального диалога в установлении, сохранении социального порядка. Специфика коммуникативных технологий разрешения конфликта заключается в преобразовании способа взаимодействия конфликтующих сторон посредством модификации механизмов информационного обмена и усиления его регулятивного эффекта.

Стремление сторон к диалогу, к выявлению обоюдных ценностей и целей – это наиболее важный шаг для разрешения конфликтной ситуации. Ликвидация глобальных конфликтов особенно актуальна в современном обществе, когда реально существует угроза взаимного уничтожения. Основным средством разрешения конфликтов является изменение менталитета конкретного человека и сообщества в целом, его формирование на основании таких

ценностей, как уважение к различным религиозным верованиям и к традициям всех окружающих людей, толерантное отношение к иным мировоззренческим ориентирам, терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям.

Библиографический список:

1. Бурганова, И.Н. Перспективы мультикультурной политики в контексте культурных противоречий в европейском союзе / И.Н. Бурганова. // Инновации в науке: сборник статей по материалам ХLI международной научно-практической конференции. Новосибирск: СибАК, 2015. С. 176-180.
2. Садохин, А.П. Компетентностный подход в диалоге культур: сущность и базовые показатели / А.П. Садохин // Межкультурный и межрелигиозный диалог в целях устойчивого развития. Материалы международной конференции. М.: Изд-во РАГС, 2008. С. 251–255.
3. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. М.: АСТ. Спб.: Terra fantastica, 2003. 603 с.

Мухамеджанова Н.М.,

доктор культурологии, доцент
кафедры философии, культурологии и социологии,
Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация. В работе исследуется специфика взаимодействия культур в полиэтническом Оренбургском регионе. Автор показывает, что особенностями межкультурного взаимодействия в регионе были комплементарность, иерархичность, полифонизм, толерантность. Результатом межкультурного взаимодействия стала полифоничная культурная среда, являющаяся основой межкультурного согласия в регионе и средством социализации личности.

Ключевые слова: социокультурный регион, этнические культуры, межкультурное взаимодействие, полифоничная среда.

Muhamedzhanova N.M.,

Doctor of Cultural Studies, Associate Professor,
OGU, Orenburg

INTERACTION OF CULTURES IN THE POLYETHNIC REGION

Summary. The paper studies the specificity of the interaction of cultures in the multi-ethnic Orenburg region. The author shows that the features of intercultural interaction in the region were complementarity, hierarchy, polyphony, tolerance. The result of intercultural interaction was the polyphonic cultural environment, which is the basis of intercultural harmony in the region and a means of socialization of the individual.

Key words: socio-cultural region, ethnic cultures, intercultural interaction, polyphonic environment.

Актуальность проблем социокультурной регионалистики в российской гуманитарной науке связана с активизацией ряда общественно-исторических процессов: на мировом уровне – это процессы глобализации и локализации; на национальном – процессы суверенизации в постсоветском геополитическом пространстве; на локальном уровне – рост этнического самосознания у народов, совсем недавно входивших в единую историческую общность «советский народ». Процессы регионализации в современной России – это процессы трансформации единого монокультурного пространства в гетерогенное, поликультурное, характеризующееся разнообразием качественных и количественных характеристик входящих в него регионов [2, с. 3].

Одним из таких субблокусов России является Оренбуржье – уникальный социокультурный регион, возникший в ходе территориальной экспансии российского государства на Восток. Положение на стыке между Европой и Азией, на пересечении миграционных, торговых путей обусловило то обстоятельство, что Оренбуржье в течение многих веков было зо-

ной, где сосуществовали и продуктивно взаимодействовали представители самых разных культур, принадлежащих разным цивилизационным системам: христианской, исламской, буддистской, языческой и т.д. Особое географическое положение определило высокую степень культурного разнообразия и интенсивности межкультурных коммуникаций в регионе.

Характер межкультурного взаимодействия в регионе обуславливался такими факторами, как общность природно-экологических условий жизни народов, определяющих их адаптацию к окружающей среде и особенности хозяйственно-бытовой и духовной культуры; общность исторической судьбы и социально-экономического, политического положения народов в составе российского государства; сходство «идеального ресурса» межкультурного взаимодействия, то есть сходство базовых ценностей, установок и норм, характерных для локальных культур. Вследствие данных факторов в самом «сердце Евразии» сформировался регион, который, с одной стороны, представляет собой уникальное явление со специфической культурой, идентичностью и типом личности [4]; с другой – является отражением универсальных черт, свойственных как России в целом, так и многим российским регионам (культурная гетерогенность, открытость, пограничность и т.д.).

Межкультурные коммуникации в полиэтническом Оренбургском регионе характеризуются следующими особенностями:

1) *комплементарность*. Народы региона заселяли край в режиме комплементарности, в разных природно-экологических нишах: русские – в долинах рек, казахи и башкиры – на водоразделах; осваивали различные виды хозяйственно-экономической деятельности: русские и чувашаи – земледелие, башкиры и казахи – скотоводство, татары – торговлю и т.д.;

2) *иерархичность*. Наряду с равноправным культурным обменом в процессах межкультурного взаимодействия и обмена складывалась ситуация, когда одна из этнических культур выступала донором, а другие – реципиентом. В качестве центра инновационных процессов и культуры-донора в регионе выступала русская культура как культура наиболее многочисленного и развитого этноса, выполняющего роль посредника между самобытными культурами региона и носителя универсальных смыслов;

3) *полифонизм* во взаимодействии культур, который является расширенной, усложненной формой диалога, поскольку в процессах межкультурного взаимодействия принимало участие множество культур, групп, субъектов деятельности. «Наложение друг на друга синхронно-диахронных связей в процессах взаимодействия, а также прямое и косвенное участие разных субъектов делает эти процессы вариативными с точки зрения позиций, ценностных ориентаций, предпочтений» [3, с. 95] и превращает диалог в полилог;

4) *толерантность*, в основе которой – уважительное отношение к образу жизни и культуре других народов; восприятие «инаковости» не как свидетельства «отсталости» или «дикости» этих народов, а как специфических проявлений самобытного уклада жизни. Как отмечают ученые, «нигде более не наблюдалось в истории столь продуктивной кооперации и адаптации разных культурных начал» [2, с. 15], как в Южно-Уральском регионе.

Следует отметить, что в ходе межкультурного взаимодействия происходило усложнение и развитие этнонациональных культур, появление новых культурных форм и практик. Межкультурные контакты, осуществляемые на основе диалога, приводили к появлению уникальных социокультурных инноваций, позволяющих народам региона успешно адаптироваться к процессам, происходящим в российском обществе. Такой инновацией в мусульманских культурах региона на рубеже XIX-XX веков стало реформаторское движение (джадидизм), одним из центров которого был Оренбург. При этом процесс межкультурного взаимодействия носил двусторонний характер: изменялись не только культуры автохтонных народов региона, но и сама русская культура под влиянием тюркских, финно-угорских групп населения.

Здесь в культурно гетерогенном регионе в течение многих веков происходила «универсализация» и «кристаллизация» общего социокультурного пространства, вырабатывались надэтнические и надконфессиональные нормы жизнедеятельности и общежития народов, формировались приемлемые способы преодоления тех проявлений этничности, которые препятствовали позитивной коммуникации индивидов и групп. Результатом межкультурного взаимодействия народов региона стало в определенной степени согласование их культурно-

нормативных систем и формирование некоего общего культурно-информационного пространства – сложной, полифоничной культурной среды, несущей в себе множество самых разнообразных значений и смыслов.

Такая полифоничная культурная среда способствует воспроизводству личности с «расширенной ментальностью», которая предполагает

- 1) готовность оценивать всех людей независимо от их пола, этнической, расовой, культурной принадлежности на основе морального критерия как заслуживающих морального уважения;
- 2) способность взаимодействовать и договариваться с людьми самых разных взглядов и убеждений, а также критически оценивать свои предпочтения и пристрастия с позиций всеобщей нравственности;
- 3) осознание себя не только как членов какого-либо этнического сообщества или группы, но и как автономных личностей, нравственных существ, граждан одного государства;
- 4) осознание того, что принадлежность к тому или иному этническому сообществу не должна быть основана на ущемлении прав других людей, групп, сообществ [1].

Сегодня на территории Оренбуржья проживают представители более 100 народов России, наиболее многочисленными из которых являются русские, татары, казахи, башкиры. При этом полиэтничность региона сегодня также усиливается, поскольку именно регионы, подобные по своим культурным характеристикам Оренбургской области, в периоды активизации миграционных процессов часто становятся центрами притяжения для инокультурного населения, аккультурация которого в полифоничной культурной среде носит менее болезненный характер.

Таким образом, в ходе межкультурного взаимодействия в регионе происходила «взаимная притирка культурных различий» [1], которая стала основой межкультурного согласия в регионе и интеграции народов в российское социокультурное пространство без утраты их этнокультурной специфики. А значит, в современных условиях глобализации, роста миграционных потоков, усиления межкультурных контактов опыт взаимодействия народов Оренбуржья может быть полезен как для российских регионов, так и для стран Европы, переживающих сегодня «испытание культурой».

Библиографический список:

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003.
2. Казакова Г.М. Регион как субкультурный локус (на примере Южного Урала): автореферат дисс. ...д-ра культур.: 24.00.01; МГУКИ. М., 2009.
3. Каяк А.Б. Методология исследования культурных обменов в музыкальном пространстве. М., 2006.
4. Мухамеджанова Н.М. Региональная культура как отражение цивилизационной специфики России (на примере тюркских народов Волго-Уральского региона) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. №1-1(51). С. 39-46.

Пацукевич О. В.,
старший преподаватель
кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, г. Горки

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. В представленной автором статье рассматриваются особенности формирования современной политико-правовой модели регулирования конфессиональных отношений в Республике Беларусь. Особое внимание обращается на анализ соответствующих законодательных документов.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, диалог, закон, законодательство, конституция, нормативно-правовой акт.

LEGAL MODEL OF ADJUSTING OF CONFESSIONAL OF RELATIONS IS IN REPUBLIC OF BELARUS

Summary. In the article presented by an author the features of forming of modern legal model of adjusting of confessional relations are examined in Republic of Belarus. The special attention applies on the analysis of corresponding legislative documents.

Keywords: state-confessional relations, dialogue, law, legislation, constitution, normatively-legal act.

В настоящее время актуализировалась проблематика изучения государственно-конфессиональных отношений в Республике Беларусь в силу прогрессирующей религиозной активности населения, оказывающей серьезное влияние на социум. О возросшей значимости данной проблемы в общественном сознании людей свидетельствует ее комплексная оценка Уполномоченного по делам религий и национальностей Беларуси Л. Гуляко. По его мнению, конфессиональный фактор стал играть заметную роль в общественно-политической жизни общества в силу того, что с религией люди во все времена связывали гарантии духовной стабильности, порядка, незыблемости нравственных устоев общества [1, с. 15].

В этой связи возникает общественная потребность в формировании такой религиозной политики с учетом интересов представителей всех конфессий на территории нашего государства, которая позволила бы установить конструктивный и продуктивный диалог между различными религиозными направлениями.

На данный момент конфессиональное пространство нашего государства представлено следующим образом. Согласно официальным данным, размещенным на сайте Уполномоченного по делам религий и национальностей Республики Беларусь, на 1 января 2017 г. было зарегистрировано 25 религиозных конфессий и направлений. Такой показатель, как общая численность религиозных организаций в настоящее время достиг отметки в 3532 единиц. Более того, в нашем государстве насчитывается 174 религиозные организации, имеющие общеконфессиональный статус и осуществляющие свою религиозную деятельность в соответствии с официально утвержденными уставами. Их состав представлен следующим образом: 49 религиозных объединений, 37 миссий, 44 монастыря, 16 братств, 10 сестричеств, 18 духовных учебных заведений [5].

Необходимо обратить внимание на то, что в последние несколько десятилетий, в Беларуси серьезно трансформировалась сама структура государственно-конфессиональных отношений. С учетом анализа динамики религиозной ситуации в Республике Беларусь и отражения ее в соответствующих нормативно-правовых актах исследователи выделяют три периода эволюции государственно-конфессиональных отношений в стране. Начальный период приходится на 1991-1994 гг. и характеризуется провозглашением суверенитета Республики Беларусь, что, в свою очередь, повлекло принципиальное изменение отношения к религии. Его следствием явилась отмена всяческих ограничений деятельности религиозных организаций, существовавших еще в советский период.

Распад СССР повлек за собой существенные изменения религиозной ситуации в республике, потребовавшие закрепления правового статуса религиозных организаций на законодательном уровне. Основным правовым актом, определяющим основы функционирования религиозной сферы в нашей стране, стала Конституция Республики Беларусь. В ней были закреплены основные права граждан, принципы, на которых выстраивается религиозная жизнь в государстве [2].

Однако появлению вышеуказанного нормативно-правового акта предшествовало обсуждение и утверждение Закона «О свободе совести и религиозных организациях» от 17 декабря 1992 г. Его принятие определяло механизмы регулирования отношений в сфере религиозного самоопределения граждан и конфессиональной политики в постсоветский период времени. В соответствии с ним гарантировались права граждан на определение и выражение свое-

го отношения к религии и исполнение соответствующих обрядов, на равенство граждан перед законом независимо от отношения к религии [3].

Следующий период приходится на 1995-2000 гг. и характеризуется пересмотром некоторых норм законодательства о свободе совести и уточнением политики государства в делах религий. Так, в 1995 г. в действующий Закон «О свободе и религиозных организациях» было внесено 13 изменений и дополнений, касающихся различных аспектов государственно-конфессиональных отношений. Например, согласно ст. 7 выносился запрет на деятельность религиозных организаций, направленных против суверенитета Республики Беларусь, ее конституционного строя, гражданского согласия или связанная с нарушением прав и свобод граждан. Более того, были уточнены и конкретизированы условия, связанные с деятельностью религиозных организаций, а именно согласно ст. 18 закреплены условия прекращения деятельности религиозных организаций [4].

Необходимость выработки четкой и системной политики регулирования государственно-конфессиональных отношений нашли свое отражение в новой редакции Закона Республики Беларусь «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях», который вступил в силу 16 ноября 2002 г.

Актуальность данного документа проявляется в том, что он в перспективе создает принципиально новую политико-правовую реальность, гарантирующую социальные условия и средства для реализации свободы совести в контексте неотъемлемого права человека.

Принципиальная новизна принятого в нашем государстве нормативно-правового акта в том, что он конкретизировал конституционную норму об учете культурно-исторической роли конфессий в Беларуси. В преамбуле представленного документа признается «определяющая роль православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных, государственных традиций белорусского народа; духовная и историческая роль Католической церкви на территории Беларуси; неотделимость от общей истории народа Беларуси и Евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама...» [4].

Реализация данного закона позволила укрепить государственные приоритеты в конфессиональной политике, усилить контроль над соблюдением законодательства о свободе совести и вероисповеданий, о религиозных организациях.

Таким образом, наше государство осуществляет конфессиональную политику исключительно в правовом формате и только правовыми методами. От стремления и способности традиционных конфессий и государства наладить межконфессиональный диалог зависит не только устойчивое развитие всего общества, но и его безопасность, а также эффективность противостояния внешним угрозам. В этой связи ныне действующее законодательство Республики Беларусь создает эффективное правовое поле, в котором гражданам гарантируются их конституционные права на свободу совести и вероисповедания, а религиозным организациям предоставляются широкие возможности для осуществления полноценной деятельности. В нашей стране созданы комфортные правовые условия для деятельности всех религиозных организаций независимо от их конфессиональной принадлежности и организационной структуры. Благодаря этим мерам религиозная ситуация в республике остается стабильной, прогнозируемой и управляемой. Необходимо отметить, что существующие ныне формы межконфессионального взаимодействия позволяют эффективно осуществлять обратную связь государства с различными конфессиями, разрешать проблемные ситуации путем диалога и конструктивного сотрудничества.

Библиографический список:

1. Гигин, В. Ф. Уникальный опыт Беларуси /В.Ф. Гигин // Белорусская думка. 2009. № 5. С. 14-19.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). Минск: Амалфея, 2005. 48 с.
3. О порядке введения в действие Закона Республики Беларусь «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях»: Постановление Верховного Совета Республики Беларусь 17 декабря 1992 г. № 2055-ХІІ //Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь, 1993 г., № 2., ст.19.

4. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях»: Закон Респ. Беларусь // Нац. Реестр правовых актов Республики Беларусь. 2002. № 18. 2/886.

5. Справка о религиозной ситуации и религиозных организациях в Республике Беларусь // Офиц. Сайт аппарата Уполномоченного по делам религий и национальностей. 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.belarus21.by/ru/main-menu/religion/sotr/new-url-199888707>. Дата обращения: 11.04.2017.

Рогочая Г.П.,
кандидат философских наук, доцент
кафедры политологии и политического управления,
Кубанский государственный университет, г.Краснодар

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕДИАЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА)

Аннотация. На сегодняшний день способы улучшения межнациональных и межконфессиональных отношений, выбора оптимальных форм и методов разрешения конфликтов, возникающих в процессе конфликтного взаимодействия, вышли в ряд наиболее острых задач. Исследование традиционных форм разрешения конфликтов предполагает, с одной стороны, изучение сложившихся в этнических и религиозных культурах практик и процедур мирного урегулирования конфликтов. С другой стороны, необходимо понимание того, кто может выступать в качестве посредника (медиатора).

Ключевые слова: конфликт, медиация, традиция, этнос, религия

Rogochaya G.P.,
candidate of philosophical Sciences, associate Professor
Kuban state University, Krasnodar

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF MEDIATION (ON MATERIALS OF THE EXPERT SURVEY)

Summary. For today, the ways to improve interethnic and interdenominational relations, the choice of optimal forms and methods of conflict resolution arising in the process of conflict interaction, came out in a number of the most pressing problems. The study of traditional forms of conflict resolution involves, on the one hand, the study of the practices and procedures for the peaceful settlement of conflicts in ethnic and religious cultures. On the other hand, it is necessary to understand who can act as a mediator (mediator).

Key words: conflict, mediation, tradition, ethnos, religion

На сегодняшний день способы улучшения межнациональных и межконфессиональных отношений, выбора оптимальных форм и методов разрешения конфликтов, возникающих в процессе конфликтного взаимодействия, вышли в ряд наиболее острых задач, от решения которых зависит устойчивость социума.

Вопросы взаимовлияния, взаимопроникновения разных культур, их адаптации и ассимиляции – это вопросы не только о соотношениях различных «картин мира», сложившихся в этнических, национальных или религиозных культурах, но и вопросы построения конструктивной коммуникации между представителями различных культур. Не только диалоговые практики, но и способы конфликтного взаимодействия имеют этническое и религиозное своеобразие, обусловленное этно-религиозной картиной мира, особенностями этнической психологии.[1]

Исследование традиционных форм разрешения конфликтов предполагает, с одной стороны, изучение сложившихся в этнических и религиозных культурах практик и процедур мирного урегулирования конфликтов. С другой стороны, необходимо понимание того, кто может выступать в качестве посредника (медиатора). Существует ли культурная обусловленность социально-демографических и социально-психологических характеристик посредника (медиатора). Если практики конфликтного разрешения в традиционных культурах описаны, как дореволюционными, так и современными авторами, то культурно обусловленные соци-

ально-психологические и социально-демографические характеристики на сегодняшний день не исследованы.[2] В целях разработки инструментария к решению данной задачи, нами были взяты несколько экспертных интервью у профессиональных медиаторов, являющимися представителями нескольких этносов Северного Кавказа, а также у медиаторов исповедующих ислам.

Эксперты из Адыгеи и Карачаево-Черкесии, отметили отсутствие законодательно оформленных традиционных институтов в практике конфликто разрешения, но указали на обязательную необходимость учитывать традиционные нормы адата и правила поведения, принятые в традиционном сообществе. Эксперт из Адыгеи сделала акцент на толерантности адыгской культуры, но отметила, что на ее взгляд именно толерантность размывает традиционный характер культуры. Ключевым является жизненный опыт и неукоснительное соблюдение неписаного закона Адыгэ-Хасэ».

Медиаторы, позиционирующие себя, прежде всего, как представителей конфессиональной культуры (мула из Татарстана и новообращенная в ислам русская из Москвы), отметили, что главной особенностью примирительной процедуры является ее соответствие нормам шариата. Из самой процедуры медиации они отметили эффективность техник коммуникации применяемых в обычной процедуре, как инструмента приведения к диалогу и согласию сторон. Описывая свой опыт урегулирования споров между представителями различных кавказских этносов эксперт ссылаясь не только на нормы исламского права, но и отмечала использование техники активного слушания, психологической поддержки сторон в конфликте, необходимость владения базовыми конфликтологическими знаниями для системного анализа конфликта.

Полученные результаты, демонстрируют наличие определенной национально обусловленной специфичности понимания и отношения к практикам посредничества и процедуре медиации. Исследование в данном направлении может способствовать расширению и углублению знаний в поле проблем межкультурной коммуникации и диалоговых практик конфликто разрешения.

Библиографический список:

- 1.Бабич И. Возрождение института медиаторства в горских сообществах Северного Кавказа в советские и постсоветские годы (1950- 2000гг.)/Вестник восстановительной юстиции. Вып.8. М.,2011.
- 2.Оппенгеймер Г. Историческое исследование о происхождении наказания. М., 2012 (репринтное издание: СПб., 1914).

Сеидова Г. Н.,

кандидат философских наук, профессор
кафедры юридических и гуманитарных дисциплин филиала ДГУ, г. Дербент

Шахбанова М. М.,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
ИИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

Загирова Э. М.,

аспирантка, РЦЭИ ДНЦ РАН Махачкала

ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ

Статья выполнена в рамках проекта РФФИ 18-011-00367 «Этническая и религиозная идентичности горских евреев Северного Кавказа: состояние и тенденции».

Аннотация. В статье рассматривается вероисповедание горских евреев, религиозные праздники иудаизма, индикаторы осознания родства со своей этнической общностью.

Ключевые слова: горские евреи, иудаизм, религия, религиозные праздники

Seidova G.N.,
Ph. D. in philosophy, professor in the department of judicial and humanitarian subjects of
Dagestan State University, Derbent
Shahbanova M. M.,
Doctor of Sociology, Senior researcher in the Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Science, Makhachkala
Zagirova E. M.,
Center of Ethno-Political Research of Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Science, Makhachkala

FAITH AND RELIGIOUS HOLIDAYS OF MOUNTAIN JEWS

Summary. In the article there is faith and religious holidays of mountain Jews, indicators of consciousness of belonging to ethnic community.

Keywords: mountain Jews, Judaism, faith, religious holidays

В начале 1990-х – годы кризиса идентичности советских людей, враз ставших россиянами, в условиях идеологического вакуума на постсоветском пространстве многие российские народы обратились к «исконным корням народа», «вере предков» [1], соответственно, они стали уделять огромное значение религии и конфессиональным предписаниям на бытовом уровне. Несмотря на стремление Советского государства ограничить роль религиозного компонента в различных социальных сферах, он не терял своей значимости и для массового сознания было характерно восприятие религии, как части национальной культуры своего этнического образования.

Научное сообщество не теряет интереса к существовавшим и, по сей день, функционирующим в северокавказском регионе религиозным учениям и культовому поведению их последователей [2]. Если обратиться к истории горских евреев, то, по мнению И.Г. Семенова, «как особая субэтническая группа горские евреи сформировались на Восточном Кавказе – на территории Дагестана и Азербайджана. Между собой они разговаривают на так называемом еврейско-татском языке, в основе которого лежит диалект среднеперсидского, используется значительный пласт лексических заимствований из арамейского и древнееврейского, а также из современного азербайджанского, кумыкского и других языков» [3, с. 191].

Исследователи этнической идентичности, индикаторов ее воспроизводства у горских евреев одним из существенных маркеров, наряду с национальным языком, национальными традициями и обычаями отмечают религию, в данном контексте иудаизм, как этнообъединяющий признак [4]. Общий этноним (juhur), единый язык (juhuri), единое вероисповедание (иудейство), наряду со спецификой выполнения религиозных обрядов выступают индикатором измерения этничности горских евреев, более того, они способствовали формированию осознания своей национальной принадлежности и родства у дисперсно проживавших на значительной территории Кавказа горских евреев. Кроме того, исследователи горских евреев отмечают их ориентированность на обозначение своей социальной дистанцированности от евреев – ашкенази, к которым они испытывали неоднозначное отношение. Так, по мнению И.Г. Семенова, по мере повышения образовательного статуса, вернее, численности образованных людей в горско-еврейской среде, стали «отходить от религии и традиционных норм, менялось их отношение к "еврейскости" ашкеназов. Хорошо образованные горские евреи уже не могли упрекать их в нерелигиозности, поскольку, как правило, и сами особым прилежанием в этой сфере не отличались» [5, с. 195].

По мнению В.И. Козлова, «у каждого народа имеются свои особенности в области материальной и духовной культуры; иногда те или иные элементы культуры становятся символами этнической принадлежности» [6, с. 26]. Для горских евреев такими идентификаторами, свидетельствующими об их принадлежности к еврейскому народу являются: 1. родословная, которая ведется от колен Вениаминова и Иудова; 2. сказания, легенды и предания; 3. зна-

чальная конфессиональная принадлежность к иудаизму; 4. следование традиционной еврейской пище и ее особенностям; 5. следование в недалеком прошлом традиционной системе образования, поселениям, жилищу, быту. [7, с. 2000]

Религиозные предписания иудаизма позволяют употреблять в пищу мясо животных и птицы, убой которых произведен специальным резником (шоихетом) и только такое мясо считалось кошерным, следовательно, дозволенным. И по сей день не утратило своего значения табу на одновременное приготовление и употребление молочных и мясных блюд. Кроме того, сама территория проживания оказала заметное влияние на общественный быт горско-еврейского населения. Однако традиционные обряды и праздники по-прежнему составляют особый разряд, напрямую связанный с иудаизмом. Это: 1. Песах – пасха, весенний праздник, отмечаемый в память Исхода евреев из Египта; 2. Пурим – праздник, учрежденный в память о чудесном избавлении евреев Ахеменидской империи от уничтожения; 3. Симхат-Тора – «праздник Торы», праздник почитания Торы; 4. Суккот – «Шалаш, кущи», дань библейскому предписанию, согласно которому евреи должны неделю проводить в шалаше; 5. Рош ха-Шана – еврейский Новый год; 6. Шавуот – «мед», праздник, во время которого принято есть сладости; 7. Тиша бе-Ав – «День траура», день поминовения родственников, в первую очередь родителей; 8. Иом-Киппур – «Судный день; День всепрощения», день искупления, праздник Очищения, день поста, покаяния, отпущения грехов; 9. Ханука – или «Праздник Маккавеев», праздник освящения.

Синагога для евреев является средоточием общинно-религиозной жизни. В XIX веке на Кавказе было 43 синагоги, 48 раввинов, из них два главных: один ведал общинами Центрального Кавказа, другой – Северного Кавказа [8]. Независимо от государства проживания, евреи неукоснительно следуют единым правилам Субботы (Шабат), когда на закате солнца в пятницу служитель синагоги оповещает о наступлении Субботы. В это время зажигают лампы, ибо с наступлением субботы нельзя трогать огонь, поэтому еду готовят заранее. Более того, в субботу нельзя заниматься чем-либо, которое можно назвать работой.

Библиографический список:

1. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2013. 485 с.
2. Анисимов И.Ш. Кавказские евреи – горцы. М., 1888; переиздание. М.: Наука, 2002; Альтшулер М. Евреи Восточного Кавказа. Иерусалим, 1990 (на иврите); Горские евреи. История. Этнография. Культура. Иерусалим-Москва: ДААТ/Знание, 1999; Мурзаханов Ю.Н. Горские евреи. Аннотированный библиографический указатель. Часть I. XVIII – начало XX веков. М.: ЧОРО, 1994; Черный И.Я. Горские евреи. В кн.: Сборник сведений о кавказских горцах, Вып. III, отд. II, 1870; Шапиро В.П. Горские евреи // Сборник статей и материалов. Иерусалим: изд. Евр. ун-та, 1983; Давид И. История евреев на Кавказе. Т. I – II. Тель-Авив: Изд-во «Кавкасион», 1990.
3. Семенов И.Г. Горские евреи. Некоторые аспекты этнической идентификации (конец XIX – начало XXI века) // Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований. 2003. № 3 (27). С. 191 – 192.
4. Шахбанова М.М., Лысенко Ю.М. Этническая идентичность горских евреев: культурные установки и автостереотипы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 4. С. 235 – 241.
5. Семенов И.Г. Горские евреи. Некоторые аспекты этнической идентификации (конец XIX – начало XXI века) // Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований. 2003. № 3 (27). С. 191 – 192.
6. Козлов В.И. Этническая демография. М.: Статистика, 1997. 240 с.
7. Гусейнов Р. Иудаизм на Кавказе // Кавказ и глобализация. 2008. Т. 2. Вып. 3. С. 194 – 204.
8. Анисимов И.Ш. Кавказские евреи – горцы. М.: Типография Е.Г. Потапова, 1888. 158 с.

Халидова О.Б.,
кандидат исторических наук, научный сотрудник
ИИАЭ ДНЦ РАН, г. Махачкала

НЕОПРОТЕСТАНТЫ В ДАГЕСТАНЕ: СОЦИАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ НА ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. В центре исследовательской идеи автора показать особенности развития религиозного пространства Дагестана в постсоветский период под влиянием трансформационных процессов в обществе. Кризис в обществе спровоцировал «наплыв» западных миссионеров в республику, что было воспринято весьма неоднозначно. Отсутствие вероисповедных, религиозно-национальных или каких-либо иных ограничений для ведения миссионерской деятельности, с легкостью адаптировала их к этническим особенностям регионов, что обнаружило себя в национальном составе их адептов. Постепенные трансформации постсоветского социального пространства приводят к изменениям и в миссионерской деятельности неопротестантов Дагестана в сторону спада, что также демонстрируют результаты социологического исследования автора.

Ключевые слова: Россия, Дагестан, религия, неопротестанты, евангельская миссия

Khalidova O.B.,
PhD in Historical science, Researcher of Institute of History, Archeology and Ethnography of
Dagestan scientific center of the Russian Academy of Science, Makhachkala

NEOPROTESTANTS IN DAGESTAN: SOCIAL REACTION TO THE CHALLENGES OF THE PRESENT

Summary. The author has research idea to show the features of the development of the religious space of Dagestan in the post-Soviet period. The ensuing crisis in society provoked the "influx" of Western missionaries to the republic. It was perceived rather ambiguously. They adapted to the ethnic characteristics of the regions easily because they have not religious, religious-national or any other restrictions for missionary activity. This was reflected in the national composition of their adherents. The gradual transformations of the post-Soviet social space lead to changes in the missionary activity of the neo-Protestant of Dagestan in the direction of recession. It is also demonstrated by the results of the author's sociological research.

Keywords: Russia, Dagestan, religion, neo-protestants, evangelical mission

Сложившаяся в России в 1990-х годах новая социально-экономическая и общественно-политическая ситуация, резко возросший интерес к религии как социокультурному явлению, ее роли в истории и культуре обусловили кардинальные изменения места и роли религиозных организаций в жизни нашего общества. На данный факт совершенно справедливо указывают отечественные исследователи, отмечая, что «показатели религиозной ситуации за последние десятилетия демонстрируют нам высокий уровень религиозной самоидентификации россиян» [1, с. 45].

Результатом религиозного ренессанса явилась и активность протестантов в стране, в том числе и в поликонфессиональном Дагестане.

Появление их на Северном Кавказе, в частности, в Дагестане, было продиктовано с одной стороны, многоаспектной переселенческой политикой Российского государства, с другой – миссионерской активностью западных протестантских проповедников. Противосектантское направление в политике государства и миссионерской деятельности Православной церкви на Северном Кавказе в начале XX в. возводилось в ранг чуть ли не важнейшей задачи государства.

После революции, на протяжении всего периода 1920-х гг., когда советская власть поначалу еще сохраняла лояльное отношение к сектантам (здесь – протестанты), география их расселения на территории ДАССР была довольно обширна и распространялась в основном на хутора и станицы. Это были общины баптистов, евангельских христиан и адвенти-

стов седьмого дня. Самой большой по численности была община баптистов г. Кизляра. По национальному составу паства состояла в основном из крестьян русской принадлежности.

В 1940–1960-е гг. советские власти, в том числе республиканские, в отличие от 1920–1930-х гг., стремились не просто вообще запретить деятельность религиозных организаций, а поставить их под свой контроль. Поэтому нормативно-правовые методы сочетались с административными. К концу 1960-х гг. в республике имелись многочисленные группы сектантов, основными из которых были Евангельские христиане-баптисты. По мнению властей, наиболее близкая схожесть с православной религией позволяла баптистам оставаться в более «привилегированном» положении сравнительно с остальными протестантами в республике.

К середине 80-х гг. XX в. сохранение стабильности и сдерживание деятельности религиозных объединений приходит на смену форсированному вытеснению религии из общественной жизни в рамках вероисповедного законодательства. Подобные перемены отразились на положении изучаемой нами конфессии. В Махачкале была зарегистрирована община ЕХБ, что позволило ей наравне с другими религиозными организациями республики (православными, исламскими и иудейскими) предоставлять сведения о религиозной обрядности Уполномоченным Совета по делам религии по ДАССР.

Изменение государственно-конфессиональных отношений в нач. 1990-х гг., распад СССР, широкое повсеместное развитие процессов демократизации и гласности предоставило возможность религиозным организациям не только динамично развиваться, но и оказывать влияние на общественные устои в России. Одним из динамично развивающихся религиозных направлений этого периода становится протестантизм, по темпам роста значительно опередив т. н. «традиционные» религии и церкви. Ярким примером в этом отношении может служить и Дагестан. Здесь сложившаяся социально-экономическая и общественно-политическая ситуация в 1990-е гг., вызвала нарастание эсхатологических настроений в обществе, создав успешную почву для проповеднической деятельности протестантских миссий. Отсутствие каких-либо условностей, непризнание вероисповедных, религиозно-национальных или каких-либо иных ограничений для миссионерской деятельности ставило перед «евангелистами» главную задачу – распространение своей веры. Часто проповедуя в массовых аудиториях в начале 1990-х гг., в качестве объекта своей проповеди они видели каждого человека независимо от его этнической и религиозной принадлежности. Это, в свою очередь, вызывало определенные разногласия со стороны представителей традиционных конфессий республики.

Однако постепенные трансформации в культурной и религиозной самоидентификации населения привели и к метаморфозам в миссионерской практике протестантов. Преимущественно атеистическое общество в начале 1990-х, которое после распада прежних идеологических представлений переживало период мировоззренческой дезориентации, на смену которого пришло позиционирование большинства граждан России себя с традиционными религиями своей страны, привело к тому, что значительно замедлился рост количества протестантских церквей по РФ и принявших крещение адептов в них. Определенную черту под периодом религиозных свобод и активного благовестия подвели и принятые в 2016 году «антимиссионерские законы».

Результаты евангельской миссии стали немногочисленны и в Дагестане. Все реже мы стали наблюдать людей, распространяющих религиозную литературу на улицах республики и делающих попытки популяризировать свое учение. Все больше протестанты предпочитают оставаться в тени, не вступая в контакты с иными религиозными организациями или органами власти.

Однако, сама природа протестантов воспитывает в них не только желание, но и обязательство к миссионерской практике. При разработке мер по духовно-нравственному воспитанию протестантские идеологи нацелены, прежде всего, на то, чтобы все потребности верующих в социальной деятельности трансформировать в религиозные и поставить их на службу церкви. А это, в свою очередь, призывает к активизации религиозной практики. Проведенный социологический опрос с целью выявления характера миссионерской деятельности

и отношения к «прозелитической» практике протестантов в дагестанском обществе показал наличие мнения об исключительности своего вероучения с мотивацией его «совершенности и правильности» и позитивного отношения к прозелитизму только при условии ненасильственного и мирного его распространения [3]. Однако, какие-то ни было «прозелитические» практики со стороны протестантов все чаще рассматриваются как направленные против основ социального, а то и государственного устройства.

Сегодня в республике из 41 христианской организации 26 являются протестантскими общинами. Правовой статус рассмотренных выше религиозных объединений в республике не определен, а именно их права наравне с другими религиозными организациями осуществлять свою религиозную и миссионерскую деятельность, заниматься благотворительностью. Но в большинстве своем общественное мнение высказывается за немедленное запрещение их деятельности, называя их тоталитарными сектами и усматривая в них угрозу традиционному дагестанскому обществу [2, с. 189].

С другой стороны, на наш взгляд, на конфессиональную обстановку оказывают влияние такие факторы как политические, экономические, социальные. В этой связи отсутствует необходимость использования лишь запретительных методов контроля над деятельностью рассматриваемых нами групп. Необходимо периодически информировать общество о конфессиональной обстановке в республике, в том числе и в религиозных общинах. Проведение мониторингов, социологических опросов среди населения тоже несут в себе дополнительную информационную нагрузку для населения. Наиболее важным является введение в качестве обязательной дисциплины «Истории религии», в рамках этого курса учащиеся могут познакомиться с институтами религии, ее происхождением, основными функциями, местом в обществе и т. д. В целом, на сегодняшний день, обстановка в сфере государственно-конфессиональных отношений в Республике Дагестан остается стабильной.

Библиографический список:

1. Каргина И.Г. Самоидентификация верующих: социальная мотивация // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 45-53.
2. Курбанов М.Р., Курбанов М.Г. Религии в истории народов Дагестана. Махачкала: Издательский дом «Народы Дагестана», 2006. 376 с.
3. Халидова О.Б. Протестанты в Дагестане: историко-социологическое исследование. Махачкала: АЛЕФ, 2018. 208 с.

СЕКЦИЯ III. ДИАЛОГ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И СВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Асалиева Ф.А.,
старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин,
Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала

РЕЛИГИЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В ДАГЕСТАНЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ К СВОБОДЕ СОВЕСТИ

Аннотация. В статье рассматривается, и анализируются отношения религии и государственной власти на примере Дагестана конца 19 века по настоящее время. Раскрывается место и роль религии в обществе, а также как исторически проходил путь к свободе слова в Дагестане.

Ключевые слова: свобода совести, религия, государство

Asaliev F. A.,
senior lecturer, DSUNE, Makhachkala

RELIGION AND STATE POWER IN DAGESTAN: THE HISTORICAL PATH TO FREEDOM OF CONSCIENCE

Summary. The article discusses and analyses the relationship of religion and state power on the example of Dagestan of the late 19th century to the present. The author reviews the place and role of religion in society, as well as the historical path to freedom of speech in Dagestan.

Keywords: freedom of conscience, religion, state

Начало полного отделения церкви от государственных учреждений в нашей стране было положено 23 января 1918 года, когда после Октябрьской революции был принят указ СНК РСФСР «об отделении церкви от государства и школы от церкви», который положил конец неравенству религий, существовавших в Российской империи, деления их на «низших» и «высших», объявил об отделении школы от церкви. Но в Дагестане, как и в других регионах страны, где традиционно распространялся ислам, реализация принципов указа шла медленнее. Помимо ислама в Дагестане функционировали десятки православных церквей, армяно-григорианских церквей и синагог. Помимо мусульманских школ, отмеченных в начале XX века, в дагестанской области функционировали также 21 горно-еврейская школа при синагогах, 6 приходских школ при православных и армяно-григорианских церквях. [2, с.135] В 1921 году на областной партийной конференции впервые был поднят вопрос об отделении церкви от государства и школы в Дагестане. На этой конференции СНК ДАССР было поручено издать указ об отделении церкви от государства и школы от церкви, а также умело и поэтапно осуществить его. [4, л. 67] Принцип разделения церкви и государства впервые был закреплен в первой Конституции ДАССР, принятой в декабре 1921 года. Провозглашение разделения церкви и государства привело к разграничению сфер государственной и религиозной деятельности. Судебная система стала одной из областей, где интересы государства и религии сталкиваются, поскольку шариатские суды уже давно существовали наряду с народными судами. Несмотря на то, что сохранение таких судов противоречило принципу отделения государства от церкви, у власти были серьезные причины для временного сохранения этого института в регионах с мусульманским населением. К концу 1926 г. шариатские суды практически исчезли, и в 1927 году постановлением ДагЦИКа были официально отменены. [3, с. 60].

Также в 1927 году ЦИК и СНК Дагестана приняли постановление «о национализации имущества вакфа», которое было встречено открытым сопротивлением духовенства.

В Дагестане трудно было отделить и школу от церкви. В начале XX века в Дагестане насчитывалось 52 гражданские школы и только для детей имущих классов. Из средних школ была гимназия в Порт-Петровске и реальное училище в Дербенте. В то же время к 1915 году

насчитывалось 693 религиозные школы. [1, с. 39]. Советское правительство до 1924 года разрешало преподавание Корана в светских школах.

С 30-х годов религиозный вопрос в Дагестане стал решаться в общем направлении государственно-церковных отношений по всей стране, когда атеистическая пропаганда стала всеобъемлющей. А со второй половины 1930-х годов число закрываемых мечетей и других религиозных учреждений неоправданно быстро росло.

Только с началом Второй мировой войны отношение к религии претерпело некоторые изменения в связи с патриотической позицией, которую заняли практически все религиозные организации страны. Одним из шагов навстречу верующим стало создание Духовного управления мусульман Северного Кавказа. Однако уже в 50-е годы процесс нормализации религиозной жизни верующих был прерван, в связи с поставленной руководством страны задачей ускоренного строительства коммунизма. Несовершенство и запретительный характер законов о религиозных культах сделали организацию групп для обучения детей Корану и организацию паломничества к «святым местам» серьезным нарушением закона.

В 60-80-е годы в Дагестане реализация принципов свободы совести была половинчатой. В конце 80-х годов в Дагестане были мечети в 4 городах, 12 районах, а также 5 православных церквей, 3 синагоги, один раз в три года издавался Коран. Система малой государственной опеки, несовершенство законодательства о религиозных культах вызывали большое недовольство, как верующих, так и духовенства.

Настоящий перелом в положении религиозных организаций в Дагестане наступил в годы перестройки, что означало позитивные изменения в церковно-государственных отношениях. В годы перестройки в Дагестане было открыто много школ, медресе и религиозных учреждений. Религиозная община стала настаивать на необходимости принятия закона о свободе совести в СССР. В 1990 году Верховный Совет СССР принял закон – «О свободе совести и религиозных организациях», который гарантировал социальную справедливость и равенство, защиту прав и интересов граждан независимо от их отношения к религии. Также этим законом был отменен запрет на религиозную пропаганду, который действовал с 1929 года. Это привело к резкому росту деятельности религиозных организаций в Дагестане. К 1994 году, по данным Государственного комитета по делам религий Республики Дагестан, было 720 мечетей, 2 исламских университета, 3 синагоги, 2 христианских баптистских организаций и т. д.

Однако, осуществление религиозной свободы в Дагестане, как и по всей стране, выявило некоторые проблемы, которые могли быть факторами нестабильности. Одной из таких проблем стало широкое проникновение в Дагестан различных нетрадиционных религиозных движений. Для регулирования этого процесса в 1997 году был принят закон Российской Федерации «О свободе совести и религиозных объединениях». После его принятия в Дагестане был принят закон «О свободе совести, свободе вероисповедания и религиозных организациях».

После событий августа-сентября 1999 года в Дагестане, в том же году Национальное Собрание приняло закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории РД». В борьбе с религиозным экстремизмом, государство должно строго соблюдать принципы свободы совести. Дагестан сейчас может служить примером обеспечения свободы вероисповедания граждан. К началу 2000-х годов религиозную ситуацию в Дагестане можно было охарактеризовать как относительно стабильную. Сегодня в Дагестане насчитывается более 1700 исламских объединений различных направлений, 14 исламских вузов, кроме того, в республике действуют объединения других конфессий: 46 христианских и 5 еврейских. Это показывает, что верующие Дагестана могут осуществлять свои права на свободу вероисповедания в полном объеме без ограничений.

Библиографический список:

1. Алиев А.И. На пути к социализму. Осуществление коммунистической партией ленинской национальной политики в Дагестане (1920-1925). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1974. С. 39.

2. Каймаразов Г.Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала: Дагучпедгиз, 1989. С. 135.
3. Летифов А.П. Возникновение и развитие советской национальной государственности народов Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1968. С. 60.
4. Архив Дагобкома КПСС Ф. 1. Оп. 2 д. 8 л. 67

Гусенова Д.А.,
кандидат философских наук, доцент
кафедры философии и социально-политических наук ДГУ, г. Махачкала

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩЕСТВАХ

Аннотация. В статье раскрываются культурологические аспекты проблемы развития туризма в некоторых регионах мусульманского мира. В частности в качестве исходной проблемы выдвигаются гедонистические нарративы в современной туристической индустрии, которые идут вразрез с исламскими установками. И, тем не менее, на волне общей либерализации и глобализации отмечается стремление мусульманских обществ извлекать прибыль из туристической индустрии, адаптируя институт туризма и гостеприимства к нормам ислама.

Ключевые слова: туризм, ислам, путешествие, Саудовская Аравия, религиозный туризм, паломничество.

Gusenova D. A.,
candidate of philosophy, associate Professor of DSU, Makhachkala

CULTURAL ASPECTS OF THE PROBLEMS OF TOURISM DEVELOPMENT IN CONTEMPORARY MUSLIM SOCIETIES

Summary. The article reveals the cultural aspects of the problem of tourism development in some regions of the Muslim world. In particular, hedonistic narratives in the modern tourism industry, which run counter to Islamic attitudes, are put forward as a starting problem. And yet, in the Wake of General liberalization and globalization, there is a desire of Muslim societies to profit from the tourism industry, adapting the Institute of tourism and hospitality to the norms of Islam.

Key words: tourism, Islam, travel, Saudi Arabia, religious tourism, pilgrimage.

Путешествие - важнейший элемент культурного наследия человечества, способствовавший освоению новых пространств, взаимопроникновению культур, развитию торговых отношений, политической интеграции, складыванию национальных общностей. В современных условиях путешествие институализировано в виде туризма, а устремления путешественника подчинены разработанным специалистами в сфере туризма и гостеприимства маршрутам. Не последнюю роль в институализации туризма в его нынешнем виде сыграли современные структурные социокультурные сдвиги: глобализация, консьюмеризм, потребительство, проецирующие свои базовые характеристики на различные аспекты социальных отношений. В таком обществе, по З. Бауману, потребление становится основополагающим в дилемме: «должен ли человек потреблять, чтобы жить, или он живет для того, чтобы потреблять» [1, с. 120]. Это становится актуальным в ситуации, когда перед личностью открываются возможности получения удовольствия от совершаемых действий. Достижение эмоционального комфорта здесь закладывается в основу ценностных критериев в поведении личности. Гедонизм, присущий нынешнему, прежде всего западному обществу, по К. Кембеллу [7, р. 280], подменяет удовольствия от ощущений удовольствием от эмоций. И эти удовольствия тем и ценны, что контролируются туристом, который в любое время может прервать свой тур: «выражать свои эмоции контролируемым способом, часто демонстрируя искусственные эмоции и искусно стимулируя настоящие» [4, с. 86]. В таком обществе становится необходимым посредник между потребителем и инструментом развлечения – «поставщик развлечений». В результате возникает острая потребность в стороне, призванной развлекать лич-

ность в период досуга, что снижает творческий потенциал во времяпрепровождении и устанавливает социальную зависимость между развлекаемым и развлекающим. Эта обоюдная зависимость воспроизводится как в востребованности в специалистах индустрии развлечений («развлекающих»), так и в необходимости следования интересам и потребностям «развлекаемых». В результате общесоциальной тенденцией становится тесная увязка гедонистических установок с потреблением, и туризм здесь выступает визуализированной практикой такого потребления. В пример можно привести средств массовой коммуникации в которых отмечен рост интереса к развлечениям - геймификации в неигровой зоне, что в свою очередь диктует, как отмечает Григорьева Л.Ю., формат, при котором аудитории поставляется наиболее полный набор развлечений, «о чём и свидетельствует увеличение форматов «игровых» в медийных продуктах» [2, с. 93].

В мусульманских обществах опыт сочетания религиозных исламских канонов, с особенностями реализации современных требований туриндустрии представляет определённый научный познавательный интерес ввиду необходимости учёта религиозных установок и предписаний верующими. Причём эта тенденция характерная не только для мусульманских государств, но и для так называемых немусульманских стран, в которых создаются благоприятные условия для верующих-мусульман, прибывающих в эти государства в качестве туристов.

Особенно остро проблема развития туризма среди мусульманских обществ проявляется в странах Аравийского полуострова, где в последние 30 лет под давлением глобализации началась частичная либерализация отдельных сторон жизнедеятельности общества, а также развитие массового туризма. Аравийский полуостров считается одним из самых консервативных в мире регионов из-за особого статуса здесь религиозных институтов. Значение религии в Саудовской Аравии подчёркивается возвеличиванием ислама до уровня, когда его защита обеспечивается государством и является долгом каждого подданного.

Однако если путешествие в исламе рассматривается в качестве одной из форм проявления джихада, то туризм десокрализует объекты исламского паломничества. Процесс секуляризации превратил некоторые религиозные центры в Европе в туристические направления. Под охраной ЮНЕСКО здесь находятся 92 культовых здания, считающихся выдающимися культурными ценностями [9, р. 179], которые, одновременно, являются объектами туризма. Всего же в этом регионе имеется более 6000 христианских мест паломничества, способные привлечь до 70 миллионов паломников ежегодно [6, р. 227].

В виду стирания в повседневной практике различий между паломничеством и религиозным туризмом, в категориальном плане также существуют разночтения по этому поводу - вплоть до применения категории «религиозный туризм» и в отношении паломничества, и в отношении туризма в целом. В отдельном случае, паломничество предлагают [10] разделить на мотивированное религией (или «настоящее паломничество»), когда пилигримы не интересуются историко-культурным значением места паломничества, а проводят свое время в медитации, молитвах и совершении религиозных обрядов, и паломничество на почве знания - «религиозные туристы», путешествующие ради первичного опыта паломничества на основании имеющейся у них информации. «Настоящее паломничество» рассматривается как обязательное следование нормам, обрядам и культурным смыслам, как часть духовного опыта движения в сторону некоего центра, имеющего символическое, духовное значение, как например, Кааба для мусульман. Это то, что С. МакКевитт (McKevitt) называет поведением и опытом паломников, питающих святость места [13]. В условиях постмодернизма пилигрим становится символом поиска духовной цели [8], личного удовлетворения в священном [14], а турист - его своеобразная метаморфоза, принимаемые решения которого направлены на «внутреннее беспокойство» [11].

Разница восприятия смысла паломничества, как и смысла сакрального в целом представляется различными культурных, географических и социально-политических кругов связана и с тем, что не все мистико-религиозные места, почитаемые и посещаемые верующими и туристами имеют одинаковый статус или воспринимаются как святые [12, р. 69-70]. В от-

личие от паломничества туризм гедонистичен, является движением навстречу «другому», подчинён рекреационной и маркетинговой схемам, происходит по желанию путешественника [11], культивирует успешную жизнь, обременённую лишь получением удовольствий. В исламе водораздел более очевиден, поскольку хадж является обязательным элементом веры и строго регламентирован. Паломничество в исламе (хадж) состоит из посещения Каабы в Мекке и совершения ряда сопутствующих обрядов. Строгость в исполнении ритуалов хаджа раскрывается через заданность совершения действий в векторе, пространстве, и времени. Каждая молитва, совершаемая во время паломничества, имеет свою последовательность и предписанное количество.

Несмотря на то, что в Коране запрещается поклонение зияратам, во время хаджа пилигримы стараются посетить и могилу Мухаммеда в Медине. При этом противники зияратов салафиты, представляющие государственную религию в Саудовской Аравии, не препятствуют посещению могилы Пророка в Медине, так как «приносит властям этой страны огромные дополнительные, помимо нефтяных, доходы» [3, с. 142]. Посещение могилы Пророка рассматривается как часть малого паломничества (Умры), чтобы выказать почтение приветствием и молитвами.

Ярким воплощением стремления Саудовской Аравии развивать у себя туризм является принятие в декабре 2013 года решения о выдаче туристских виз гражданам 65 стран мира бесплатно в специализированных компаниях, на основании расширенной Умры со сроком до 30 дней. В иных случаях туристам рекомендовалось оформлять, либо транзитную визу, позволяющей задержаться в стране на 72 часа, либо рабочую, дипломатическую и бизнес-визу [15]. В результате предпринятых мер к 2015 г. число паломников утроилось, достигнув 8 млн. человек. Кроме того, в обновлённой программе развития «Видение: 2030» хадж, как и «мусульманский туризм», рассматривается как один из источников финансирования «Видения: 2030». Королевство объявляет о своём намерении приложить максимум усилий на то, что бы «мусульмане со всего мира могли посетить Святые места» [5], и при этом были обеспечены максимальным комфортом.

Библиографический список:

1. Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М., 2004.
2. Григорьева Л.Ю. Практики игрофикации в массмедиа: сопряжённость персонального и имперсонального. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 4. С. 93.
3. Литвинов В.П. К интерпретации проблемы хаджа в ракурсе священных источников ислама // Пространство и время 2014 № 3 (17) С. 136-143.
4. Понукалина О.В. Развлечения в контексте современной массовой культуры // Вопросы культурологии. 2010. № 10.
5. Руайя Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя: 2030 [Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030]. <http://vision2030.gov.sa/ar/media-center>
6. Antz C. *Im guten Glauben – Spiritueller Tourismus als Reisemarkt der Zukunft?* [In good faith – spiritual tourism as future travel market?]. In: Hopfinger H, Pechlaner H, Schün S and Antz C (eds.) *Kulturfaktor Spiritualität und Tourismus*, Göttingen: ESV, 2012. 225-252.
7. Campbell C. *Romanticism and the Consumer Ethic: Intimations of Weber-style Thesis* // *Sociological Analysis*. - 1983. № 4. P. 279–296
8. Digance J. (2003) *Pilgrimage at Contested Sites*. In: *Annals of Tourism Research* 30(1): Pp. 143-159
9. Irimias A., Michalko G. *Religious tourism in Hungary – an integrative framework* // *Hungarian Geographical Bulletin* 62 (2) (2013) Pp. 175–196. P.179.
10. Jackowski A and Smith VL (1992) 'Polish pilgrimage-tourists', *Annals of Tourism Research*, 19: Pp. 92-106.
11. Lopez L. *How Long Does the Pilgrimage Tourism Experience to Santiago de Compostela Last?* // *International Journal of Religious Tourism and Pilgrimage*. 2013. Volume 1. P. 3
12. Mehdi Ebadi *Forms of Pilgrimage at the Shrine of KhāledNabi*. // *International Journal of Religious Tourism and Pilgrimage* Volume 3(i) 2015 P.69-70
13. McKeivitt C. *San Giovanni Rotondo and the shrine of Padre Pio*. In: Eade J and Sallnow M (eds) *Contesting the Sacred: The Anthropology of Christian Pilgrimage*. London: Routledge, 1991, 77-97.

14. Turnbull C. (1992) Postscript: Anthropology as Pilgrimage: Anthropologist as Pilgrim. In: Morinis A (ed) Sacred Journeys: The Anthropology of Pilgrimage. Westport-CT: Greenwood Press, Pp.257-274.
15. Umrah Visas [Электронный ресурс] Режим доступа: открытый. URL: http://www.saudiembassy.net/services/umrah_visas.aspx

Магомедов К.М.,
кандидат философских наук доцент
кафедры онтологии и теории познания,
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ

Аннотация. В докладе говорится об эксклюзивной и инклюзивной метриках управления культурным процессом и пределах их применения. На конкретных примерах показывается, что запретительная стратегия, построенная на эксклюзивных механизмах организации культуры, является неконструктивной и неэффективной

Ключевые слова: эксклюзивная и инклюзивная культура, запретительная стратегия, мышление, межкультурный диалог

Magomedov K. M.,
candidate of philosophical sciences,
associate Professor of DSU, Makhachkala

ON SOME PROBLEMS IN MODERN INTERCULTURAL DIALOGUE

Summary. The report refers to exclusive and inclusive metrics of cultural process management and the limits of their application. Specific examples show that the prohibitive strategy, built on the exclusive mechanisms of the organization of culture, is non-constructive and ineffective

Keywords: exclusive and inclusive culture, prohibitive strategy, thinking, intercultural dialogue

Межкультурный диалог – процесс многоплановый, протекающий в ряде случаев достаточно болезненно. Это естественно, поскольку тут накладываются друг на друга различные этнические, конфессиональные, возрастные, гендерные, бытовые, поведенческие и другие оценочные стереотипы, всевозможные культурные и субкультурные приоритеты. На прошлогодней конференции я представлял доклад, где попытался обосновать идею о том, что во многом комфортному межкультурному диалогу препятствуют господствующие в обществе мыслительные матрицы, организованные и упорядоченные традиционной логикой. На базе такой логики формируется преимущественно эксклюзивная матрица культуры, в которой определенный человек, группа, концепт, образ жизни и т.д. просеиваются через сито черно-белой оценки, выводятся из позитивного поля рассмотрения по формулам «свой-чужой» и «кто не с нами, тот против нас». В связи с этим мы обосновали необходимость перехода в культурном и образовательном пространстве от эксклюзивной матрицы мышления и оценочного отношения к инклюзивной, выражающей соединительную, а не разделительную стратегию в культуре. Это связано с тем, что психологические векторы идентификации социума и отдельного человека при инклюзивной и эксклюзивной организации культуры имеют существенные различия и даже могут быть противоположными. Эти различия упорядочиваются по следующей интересной формуле: инклюзивность – «все наши, кроме...»; эксклюзивность же – «все чужие, кроме ...» [2; 3].

Мы уверены в том, что глубинные причины сохранения в сознании и поведении различных экстремистских стратегий заключены в отсутствии у людей такой инклюзивной культуры и мышления. Поэтому одна из сверхзадач, на решение которой должны ориентироваться все государственные и образовательные структуры заключается в формировании

этой самой инклюзивной культуры и мышления, которые могут сформировать в обществе атмосферу взаимного понимания и духовного единства.

Без утверждения подобной инклюзивной логики в культуре и человеческом мышлении невозможно формирование людей с определенной когнитивной и оценочной гибкостью, способной находить общие точки соприкосновения у различных идей и культурных концептов вместо их тотального противопоставления друг другу. Такая когнитивная гибкость в век мультикультурализма становится очень востребованным навыком, позволяющим отойти от культурного и одномерного эгоизма и понять «душу» другой культуры или субкультуры, какой бы непривычной они ни были для твоего менталитета и воспитания.

В литературе по психологии в понятие когнитивной гибкости включаются следующие факторы:

- готовность к восприятию явлений, не знакомых индивиду из предшествующего опыта;
- отказ от попытки втиснуть новый опыт в жесткие рамки собственных представлений;
- признание права представителей другой культуры на восприятие с иных позиций;
- стремление к преодолению стереотипов [1, с.37-38]. К ним, можно добавить еще следующие черты:
 - способность видеть альтернативы и признавать изменения, которые могут возникнуть в процессе познания или решения проблемы;
 - умение видеть несколько измерений одной и той же реальности, что дает возможность других решений проблемы;
 - умение признавать собственные ошибки, а также корректировать свои планы и другие.

Одна из причин, почему нужно всемерно формировать такую инклюзивную метрику организации культуры заключается в том, что очень часто в ней продолжает действовать «запретительная» стратегия, построенная на эксклюзивной матрице ее построения. Согласно этой стратегии, кто-то, будь он чиновник министерства, представитель конфессии или просто обыватель, наделяется исключительным правом определять, что можно одевать, слушать или показывать, а что нельзя.

Вполне допускаю, что в определенных исторических условиях, диктуемых и информационными возможностями общества, и остротой классовой борьбы, и низким образовательным уровнем основного населения и т.д., эта стратегия была оправданной и эффективной. Но история много раз доказывала нам, что «запретительная» стратегия и тактика в культуре неэффективна по самой своей сути. К чему привели всевозможные препятствия для знакомства с работами Солженицына, Замятина, Набокова, Ницше и других? Это могло помешать нашему читателю и зрителю познакомиться с ними? Тем более, сейчас, в информационный век. Запретительные меры контрпродуктивны, они только усиливают ажиотаж и обостряют интерес. Чем больше шума, тем больше людей прочитают какую-то книгу или посмотрят кинофильм. Когда книги, фильмы были под запретом, все старались, правдами и неправдами, с ними познакомиться. Сейчас же продавцы навязчиво их предлагают, но согласиться энтузиазм не такой, какой был раньше.

Такая запретительная матрица организации культуры контрпродуктивна еще тем, что в этом выражается недоверие к интеллекту и нравственной закалке современного человека. Дайте самим гражданам определять матрицу оценки исторических и культурных событий. Кто-то, а российский гражданин, зритель, читатель в состоянии сам разобраться в драматургии и психологических глубинах относительно недавних явлений отечественной истории и культуры. Он много раз доказывал такую способность. Даже в сложных идеологических и политических тоталитаризма. Тем более, он сможет самоопределиться сейчас, в век демократии, культурной и информационной свободы.

Мы же на каждом шагу сталкиваемся с подобной запретительной стратегией в организации культурного процесса. Вот, например, в последние дни разворачивается кампания

по запрещению начала съемок фильма «Брат-3», поскольку в ней планируются к участию персонажи, не способные дать положительные примеры для подражания. Вспомним недавнюю ситуацию вокруг кинофильма «Матильда», открытые угрозы режиссеру А. Учителю, сожжение его автомобиля, пожар в Культурном центре в Екатеринбурге, где планировался показ этого фильма. Была организована широкая кампания против его проката, в которой были задействованы известные депутаты и деятели культуры. Ажиотаж в СМИ вокруг этого кинофильма только поднял интерес даже у людей, далеких от проблематики, поднятой в нем.

Не секрет, что подобные запретительные стратегии в Дагестане приобретают наиболее масштабные и категоричные формы. Два года назад в Махачкале был отменен концерт екатеринбургского ансамбля готической музыки Feos flogum совсем по «надуманному» и курьезному поводу. Блюстители нравственности и нашей веры перепутали средневековую музыкальную готику с субкультурой готов, представители которых, по их разумению, являются содомитами, чье поведение несовместимо с исламом. Тогда же, в 2015 г. был отменен в Дагестане внешне безобидный фестиваль красок «Холи», поскольку решили, что бросание красок друг в друга недопустимо для строгого горского этикета. Продолжая эту странную культурную традицию в последнее время прошла целая «эпидемия» всевозможных угроз и запретительных требований. Ситуация вокруг выступлений Егора Крида, Элджея, Стаса Михайлова или показа ленты Love Yourself популярной среди тинейджеров корейской группы BTS во многих регионах России, подтверждают наличие всевозможных жестких и «мягких» форм культурного экстремизма, в том числе имеющего религиозный оттенок. В ноябре 2018 г. был закрыт фестиваль азиатской культуры «Ани-Даг», в феврале этого года запретили проведение в Аварском театре фестиваля неформалов. В Махачкале также был сорван аниме-фестиваль, запланированный в конце прошлого года. Наконец, самый последний пример с проявлениями культурного экстремизма связан с шумихой, поднятой вокруг спектакля московской театральной группы «Охота на мужчин» в столице республики. Поражаешься бдительности наших людей: в классическом итальянском спектакле, показываемому во всем мире только мы увидели угрозу для дагестанской и исламской идентичности и нравственности.

Подобная запретительная стратегия – это следствие серьезного присутствия в обществе эксклюзивной культуры, построенной по матрице классической логики мышления, о которой мы говорили. Согласно этой логике вся культура дихотомически раздваивается и приобретает «черно-белую» окраску: добро-зло, можно-нельзя, истинно-ложно, прогрессивно-реакционно, правильно-неправильно, нравственно-безнравственно, приемлемо-неприемлемо и т.д. Такая стратегия неконструктивна и пагубна в современный век мультикультурализма, но особенно опасна в протекании культурного процесса. Последний не может быть организован по подобной одномерной оценочной вертикали; культура, как важнейший инструмент формирования зрелого гражданского общества, должен быть построен по горизонтали, где равноправно сосуществует все многообразие концептов, подходов и смыслов, взаимно обогащающих друг друга.

Библиографический список:

1. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – Волгоград: Перемена, 2002. 344 с.
2. Магомедов К.М. Об эксклюзивной и инклюзивной метрике организации культуры //Диалог культур в глобализирующемся мире: Материалы Всероссийской научно -практической конференции (с международным участием). / Под редакцией В.Э. Манаповой, О.С. Мутиевой. - Махачкала: АЛЕФ, 2018. С. 128-132.);
3. Магомедов К.М. Гносеологическая метрика мира и явление инклюзивности в культуре //IX международной научно-практической конференции. «Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве: духовно-нравственное воспитание молодежи»9-10 ноября 2017 г. Махачкала. – Махачкала, 2017. С. 114-119.

Мендельсон В.А.,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры МТЛП, КНИТУ, г. Казань

РАЗВИТИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ТУРИЗМА КАК СРЕДСТВО МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Аннотация. В статье изложены принципиально важные аспекты религиозного туризма и его разновидностей. Предпринята попытка обзора основных религиозных и культурных ресурсов Республики Татарстан для доказательства того, что религиозный тур по местности, где мирно соседствуют несколько конфессий, может стать примером для других многонациональных территорий.

Ключевые слова: религиозный туризм, паломничество, толерантность, межконфессиональное взаимодействие, Казань, Республика Татарстан.

Mendelson V.A.,
PhD, Assistant Professor, KNRTU, Kazan

RELIGIOUS TOURISM DEVELOPMENT AS A MEANS OF INTERCONFESSIONAL INTERACTION ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Summary. The article provides fundamentally important aspects religious tourism and its varieties. The attempt to make a review of the main religious and cultural resources of the Republic of Tatarstan to prove that taking a religious tour to the place where several confessions live side by side peacefully can put an example for other multinational territories.

Key words: religious tourism, pilgrimage, tolerance, interconfessional interaction, Kazan, Tatarstan Republic

В последние несколько десятилетий на туристическом рынке усилилась такая тенденция, как развитие религиозного (паломнического) туризма. Религиозный туризм обычно ассоциируется с посещением религиозных святынь, духовным совершенствованием, приобщением к обычаям, традициям, праздникам и обрядам представителей разных конфессий. Такой вид туризма, несомненно, способствует развитию и укреплению межкультурного толерантного взаимодействия между этническими группами, национальностями и гражданами разных стран.

Республика Татарстан, субъект Российской Федерации, может служить несомненным примером толерантности, которая создала прочную основу для жизни многонационального народа республики. Согласно последним статистическим данным, представленным на сайте Государственного комитета по туризму Республики Татарстан, население республики составляет 3, 89 миллиона человек, которые говорят на двух государственных языках: русском и татарском.

Татарстан является одним из самых многонациональных районов России. В республике проживают представители более 115 этнических групп, в том числе 8 национальностей, численность которых превышает 10 тысяч человек: татары, русские, чувашаи, удмурты, мордовцы, марийцы, украинцы и башкиры.

В республике живут люди с различными историческими и культурными традициями. Сочетание как минимум трех типов культурного взаимодействия (тюркского, славяно-русского и финно-угорского) определяет уникальность этого региона, идентичность культурных и исторических ценностей.

Традиционными религиями республики являются ислам и христианство. Татары и башкиры (то есть почти половина населения республики) исповедуют ислам. Другая часть населения - русские, чувашаи, марийцы, удмурты, мордовцы - православные христиане. Католицизм, протестантизм, иудаизм и другие конфессии также представлены в Татарстане.

Технологический бум, который мы переживаем сейчас, дает людям огромные возможности. Но зачастую современные гаджеты и мобильные устройства оказываются разрушительными и способствуют развитию культурного кризиса и «потере смысла» в общественном сознании. Мы считаем, что отчасти причины происходящего скрываются в атеистическом советском прошлом нашей страны. На протяжении более 70 лет советское общество теряло мощные средства духовно-нравственного воспитания, отвергая религию.

Поэтому сегодня постсоветское общество нуждается в снижении эмоционального напряжения и моральном перерождении. В недавнем прошлом коммунистическая советская идеология считалась главным фактором, влияющим на воспитательную мораль в нашей стране. В настоящее время религия все больше влияет на моральные нормы общества. Люди постепенно возвращаются к своим истокам, в поисках способа узнать правду. Неудивительно, что религиозный туризм, способный смягчать и урегулировать общественные отношения, подарить ощущение мира, спокойствия и стабильности, становится все более востребованным.

В результате исследования спектра религиозных туров, предлагаемых туристическими предприятиями Республики Татарстан, было выявлено, что религиозные туры, в основном краткосрочные, организуют паломнические службы, храмы, соборы, монастыри, мечети и некоторые туристические агентства, такие как «Лидер Казань», «Казань Трэвел», «Татар Тур», «Travel and Work» и другие, специализирующиеся на индивидуальном и групповом туризме. Только две компании специализируются именно на религиозных и паломнических турах, остальные туры успешно дополняются насыщенной экскурсионной программой по Казани и Республике Татарстан. Туристический потенциал региона очень перспективен для развития религиозного туризма. Республика имеет развитую транспортную сеть. Здесь расположены автомобильные и железные дороги, авиалинии, четыре судоходные реки: Волга, Кама, Вятка и Белая, нефте- и газопроводы.

Если говорить о культурном и религиозном потенциале региона, то в республике можно назвать более пятнадцати святых мест, однако формат статьи позволит нам назвать лишь некоторые из них. Следует отметить, что, несмотря на то, что в нашей стране религия отделена от государства, власти республики находятся в постоянном поиске средств и возможностей для восстановления и ремонта религиозных зданий и памятников. Государственные структуры, и прежде всего Совет по делам религий при Кабинете Министров Республики Татарстан, оказывают религиозным организациям необходимую помощь в решении многих проблем. Советом разработан Закон Республики «О религиозных организациях». Кроме того, существует некоммерческая организация «Республиканский фонд возрождения памятников истории и культуры», возглавляемая экс-президентом республики Ментимером Шаймиевым. В течение почти десяти лет основной задачей Фонда было сохранение и реставрация древнего города Булгара и Государственного историко-архитектурного и художественного музея «Остров-город Свияжск». Эти два места можно назвать одними из самых привлекательных религиозных туристических достопримечательностей.

Древний город Булгар стал центром паломничества мусульман со всей России. Именно здесь, в 992 году, предки татар - волжские булгары - первыми в Восточной Европе приняли ислам. На территории Булгара в честь 1090-летия этого события была открыта новая мечеть - «Белая мечеть». Когда-то столица большого государства, а теперь всего лишь небольшая деревня, на несколько дней в году превращается в центр масштабного паломничества. В 2013 году на собрание мусульман пришло около 60 тысяч человек. Было решено возродить Булгар не только как религиозный и исторический центр, но и вдохнуть новую жизнь в маленькую деревню, создав здесь один из крупнейших религиозных туристических маршрутов.

«Остров-город Свияжск» имеет богатую историю. Первоначально он был построен Иваном Грозным для поддержки русской армии в завоевании Казани - столицы Казанского ханства в 1552 году. На территории города находится большое количество религиозных православных сооружений: Успенский монастырь, в котором хранятся мощи святого Германа, Успенский собор, Троицкая церковь и многие другие.

Внутри самой Казани сохранилось двенадцать исторических мечетей в той части города, которая называется татарской слободой. Все эти мечети работают в настоящее время, приветствуя верующих, прибывших со всего города и из-за его пределов.

Мечеть Кол-Шариф является центром притяжения для паломников исламской веры, и не только для них. Это одна из главных мусульманских мечетей в Татарстане, которая находится на территории Казанского Кремля и является одной из главных достопримечательностей города. Хотя мечеть довольно современна, ее строительство началось в 1996 году и закончилось в 2005 году, она является воссозданием мечети Казанского ханства, которая была разрушена войсками Ивана Грозного во время взятия Казани.

Реконструкция мечети была приурочена к празднованию тысячелетия Казани в 2005 году, сама мечеть была названа в честь Имама Кола Шарифа, который руководил обороной города от войск Ивана Грозного. Место, где была построена мечеть, считается местом смерти имама. Помимо самой мечети в комплекс входят музеи исламской культуры Поволжья, библиотека, издательский центр и администрация имама.

Паломничество в Казань очень популярно среди жителей Республики Татарстан и верующих, приезжающих сюда из других регионов России и даже из-за рубежа.

Недалеко от Казанского Кремля паломников особенно привлекает место, где была найдена икона Казанской иконы Божией Матери. Список иконы хранится в Крестовоздвиженском соборе вместе с куском пояса Пресвятой Богородицы. Чудотворный список иконы был и остается верным защитником России. Кроме того, считается, само это место было одним из мест явления Пресвятой Богородицы. Существует история о том, как Богородица явилась девочке Матроне, указывая на место, где была закопана икона.

Нельзя не упомянуть о чудесном монастыре, который расположен в 27 км от Казани, недалеко от города Зеленодольска и Волжско-Камского государственного природного заповедника. Раифский монастырь был основан в XVII веке отшельником Филаретом на берегу Сумского (Раифского) озера. Монастырь, как и другие храмовые комплексы в России, пережил времена разорения, но ему одному из немногих удалось сохранить практически все его постройки и ценности до наших дней. Здесь есть три храма: Кафедральный собор в честь иконы Грузинской Божией Матери (в которой хранится главное сокровище монастыря), Кафедральный собор в честь преподобных отцов в Раифе и Синае и Троицкий собор, Софийская церковь, построенная в конце 18-го века, является самой маленькой церковью в Европе. Паломников встречают не только монахи, но и деревянные медведи, зайцы, казанские кошки. Отель, недавно построенный возле монастыря, носит символическое название - «Дом Паломника». Символом монастыря являются лягушки. Они же обитают в озере у стен монастыря и являются еще одной местной достопримечательностью. Удивительно, но лягушки не квакают возле монастыря. Согласно легенде, монахи Раифы однажды попросили Бога избавить их от квакания, которое мешало им молиться. И произошло чудо - лягушки замолчали. Многие ученые, в том числе и зарубежные, пытались развеять этот миф, но безуспешно.

В заключение хотелось бы упомянуть место, которое, несмотря на то, что не является действующим храмом какой-либо религии, является уникальным архитектурным комплексом, способствующим межконфессиональному взаимопониманию и терпимости. Храм Всех Религий или Универсальный Храм в районе Старое Аракчино состоит из нескольких типов религиозной архитектуры, включая среди прочих православную церковь, мечеть, синагогу, буддистский храм. В настоящее время он находится в финальной стадии строительства, начатого в 1992 году по проекту местного художника и мецената Ильдара Ханова. Храм стал популярной достопримечательностью города Казани и республики Татарстан, которые гордятся мирным сосуществованием разных культур и религий.

Определение туризма как «важного фактора укрепления духовного и культурного уважения внутри наций и между народами», было дано Генеральным секретарем ООН Пан Ги Мунуном в обращении к участникам международной конференции по туризму, религиям и диалогу культур организованной Всемирной туристской организацией (ЮНВТО), 29-31 октября 2007 г. в Кордове (Испания). На конференции были представлены выступления и доклады, а также тема-

тические исследования в трех областях: туризм, религия и диалог цивилизаций; религиозный туризм и устойчивость направлений религиозного туризма. Цель конференции состояла в том, чтобы определить взаимосвязи между туризмом и религией, возможности оптимизировать их взаимодействие и взаимодействие, используя потенциал туризма для стимулирования и развития диалога между цивилизациями, культурами и религиями.

Правительствам, религиозным властям и туристическим операторам были предложены руководства и рекомендации для обеспечения устойчивого развития и управления туризмом, мотивированного религиозными целями или связанными с объектами религиозного наследия, а также возможностями для оптимизации выгод, которые может принести такой туризм. Проведение этой конференции демонстрирует важность религиозного туризма, как образовательного, в мировой индустрии туризма.

Анализ исторического развития современного состояния и перспектив развития религиозного туризма позволяет сделать следующие выводы:

1. Идеологической составляющей религиозного туризма является смягчение общей социальной напряженности, а не разделение общества на враждебные стороны; установление диалога и мира между конфессиями.

2. Религиозный туризм является одним из направлений работы по духовно-патриотическому воспитанию населения, особенно молодежи, для ознакомления людей с нравственными ценностями, духовным и культурно-историческим наследием народа.

3. Религиозный туризм, как показывает пример Республики Татарстан, поможет снизить социальную напряженность, позитивную роль в диалоге культур, религий и цивилизаций, если он основан на тесном сотрудничестве туристических, государственных, религиозных организаций с местным населением.

Библиографический список:

1. Бабкин А.В. Специальные виды туризма. Ростов-на-Дону, 2008.
2. Биржаков М.В. Паломнический туризм. СПб. 1997.
3. Муравьев А.Н. Путешествие по святым местам. СПб., 1990.
4. Христов Т.Т. Религиозный туризм. М., 2003.
5. Amber Gul Rashid. Religious Tourism – a Review of the Literature Journal of Hospitality and Tourism Insights, 2018. Vol. 1 Is. 2, , pp. 150-167
6. Ziganshina M., Mendelson V., Plastinina S. The ways to adapt technical university students to their professional activities by means of foreign language. // International Conference on Interactive Collaborative Learning, ICL 2013, pp. 149-152.
7. Richard, T., Chandrarathne, B. and Chandana, J. 2013, Engaging the rural communities of Sri Lanka in sustainable tourism, Worldwide Hospitality and Tourism Themes, Vol. 5 No. 5, pp. 464-476
8. Somnuck J., Religious Tourism Pilgrimage and Cultural Tourism, 2010. [URL://https://www.academia.edu/12252237/ReligiousTourismPilgrimageandCulturalTourism](https://www.academia.edu/12252237/ReligiousTourismPilgrimageandCulturalTourism).

Саркарова Н.А.,

кандидат философских наук доцент
кафедры философии и социально-политических наук,
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

О КУЛЬТУРНОМ ЭКСТРЕМИЗМЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье говорится о некоторых проявлениях экстремизма в различных сферах культуры. На различных примерах обосновывается недопустимость эксклюзивной, разделительной культурной политики, формирующей «запретительную» стратегию, где одна матрица культуры объявляется правильной, а другие – неправильными, и важность формирования в обществе и человеке инклюзивной, множественной культуры, в которой непротиворечиво и толерантно сосуществуют различные оценочные концепты

Ключевые слова: культура, экстремизм, запретительная стратегия в культуре, эксклюзивная и инклюзивная культура

ON CULTURAL EXTREMISM IN MODERN SOCIETY

Summary. The article deals with some manifestations of extremism in various spheres of culture. In various examples, substantiates the inadmissibility exclusive, the separation of cultural policy, forming the “restrictive” strategy, where one matrix of culture declared correct and the other incorrect, and importance of the formation of the society and person inclusive plural culture in which consistent and tolerant co-exist different evaluation concepts

Key words: culture, extremism, prohibitive strategy in culture, exclusive and inclusive culture

Когда говорят об экстремизме, то, прежде всего, имеют в виду его проявления в политической и религиозной деятельности. На самом деле экстремизм может проявляться во всех общественных и духовных сферах, где абсолютизируется какая-то одна метрика видения и оценки мира, одна модель мышления и поведения или один механизм общественного устройства, в чем бы это ни проявлялось.

Речь в настоящей статье пойдет о *культурном* экстремизме, приобретающим иногда достаточно острые формы, об объективных и субъективных причинах, о конструктивных путях преодоления его проявлений. Тем более, что в последнее время возросла напряженность в публичном пространстве вокруг оценки некоторых значимых явлений в российской культуре. Примером тому является ситуация вокруг кинофильма «Матильда», которая вышла за границы чисто культурологического и теоретического дискурса. Разве пожар в культурном центре в Екатеринбурге, где планировался премьерный показ этого фильма, сожжение автомобиля адвоката режиссера, народного артиста РФ А. Учителя, ряд высказываний депутатов в связи с этими событиями не являются экстремистскими? Два года назад в Махачкале был отменен концерт екатеринбургского ансамбля готической музыки Feos florum совсем по «надуманному» поводу. В Махачкале также был сорван аниме-фестиваль, запланированный в конце прошлого года. Наконец, самый последний пример с проявлениями культурного экстремизма связан с шумихой, поднятой вокруг спектакля московской театральной группы «Охота на мужчин» в столице республики. [1].

Действиям некоторых наиболее активных проводников подобной запретительной культурной стратегии уже дана соответствующая правовая оценка. Например, против администратора группы «Имамат Дагестана» «ВКонтакте» Ахмеда Ибрафимова, который, по мнению правоохранителей, был инициатором общественных протестов против многих концертов, фестивалей и спектаклей, возбуждено уголовное дело по статье 280 о публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности. Применены соответствующие санкции и против популярного в Дагестане блогера Эльдара Ирадиева: он включен в базу данных МВД и в списки профилактического учета за склонность к экстремистской деятельности.

Нельзя не отметить и тот факт, что с агрессией в информационном пространстве и угрозами расправы постоянно сталкиваются представители различных субкультур. В «ВКонтакте» есть также дагестанские группы, типа «Курицы Дагестана» (279 участников), «Петухи Дагестана» (11 участников), «Нетипичная Махачкала» (872 тыс. чел.), которые тоже направлены на то, чтобы выявлять людей с культурными и гендерными особенностями и «помочь» им сделать «правильный» выбор. В этих группах выкладываются фотографии, видеоматериалы и личные данные людей, включая их телефоны, поведение которых участники группы считают аморальными.

Развитие в сети Интернет различных виртуальных форм общения многократно усиливает возможности публикации материалов, имеющих экстремистскую тональность. В последнее время, особенно на Северном Кавказе стали популярны публикации, в которых проводится процедура публичного шейминга (устыжения) людей, этой своеобразной современ-

ной виртуальной «порки» К примеру, совсем недавние материалы на странице паблик «Карфаген» в «ВКонтакте», где публиковались фотографии горянок из аккаунтов в «Инстаграме». На этих фотографиях участники этой виртуальной акции закрашивали непокрытые части тела девушек, а родных призывали «разобраться» с ними и провести воспитательную работу. Желание видеть своих соотечественниц в соответствующем облике можно понять, но почему этого надо добиваться таким образом, через ограничение прав, свобод личности? Традиции красивой национальной одежды можно и нужно пропагандировать, но несколькими иными средствами и формами.

Не случайно, этот паблик по представлению Генпрокуратуры Роскомнадзором был внесен в реестр запрещенных ресурсов, как содержащий экстремистские материалы.

Масштабы последствий принятия необдуманных решений в сферах культуры, особенно имеющих конфессиональную и этническую основу даже трудно представить.

Одним только внешними механизмами, такими как усиление и расширение борьбы с проявлениями экстремизма в сознании и поведении людей, только совершенствование законодательной базы трудно добиться радикальных сдвигов в борьбе с проявлениями экстремизма в сферах культуры. Речь должна идти о коренных изменениях самого человеческого мышления и психологии в структурах которых и создается соответствующая питательная среда для всевозможных проявлений экстремизма.

В вопросах определения тех или иных культурных явлений как экстремистских есть одна важная сторона, формирующая значимые моменты самой методологии их верификации. Речь идет о наличии существенных различий в оценке экстремизма в отечественной и зарубежной науке, а также в соответствующей правоприменительной практике. Мне представляется, что мы, может быть, преследуя благие цели, допускаем чрезвычайно расширительное толкование экстремизма. В связи с этим, еще в 2013 году назад европейская комиссия против расизма и нетерпимости (ЕКРИ) Совета Европы уже отмечала, что российские власти чрезвычайно расширительно толкуют понятие экстремизма, и «настойчиво» рекомендовала пересмотреть его определение в федеральном законе о противодействии экстремистской деятельности, считая, что оно должно распространяться лишь на серьезные случаи, связанные с ненавистью и насилием. Поэтому, согласно европейскому менталитету следует более «четко изложить те критерии, которые должны соблюдаться для того, чтобы объявить тот или иной материал или действие экстремистскими» [2]. В июне 2016 года европейцы опять подтвердили наличие чрезвычайно расширительного толкования экстремизма в российской законодательной базе, хотя признали, что закон о противодействии экстремистской деятельности вносился ряд поправок, но они в существенной степени не изменили сути российского подхода к этому явлению.

С некоторыми возражениями европейцев о расширительном толковании экстремизма, особенно в уголовно-процессуальном законодательстве, пожалуй, можно согласиться. Поэтому в конце декабря В.В. Путин подписал законопроект о частичной декриминализации известной 282 статьи УК РФ, которая и вызывала наибольший общественный резонанс в связи с перегибами с ее применением при оценке действий людей в современном культурном и информационном пространстве. Ведь основную массу дел об экстремизме прокуратура заводила за различные публикации в Интернете, за «лайки» и «репосты». Согласно новой редакции этого закона, уголовное дело нельзя возбуждать в отношении людей, впервые преступивших закон, при условии, что их деяние не представляет серьезной угрозы для основ конституционного строя и безопасности государства. Уголовная ответственность будет наступать, только если нарушение совершено более одного раза в год.

Для эффективного контроля за проявлениями культурного и информационного экстремизма, вместе с отменой некоторых пунктов уголовно-процессуального законодательства появилась соответствующая статья в Кодексе об административных правонарушениях, по которой за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, на унижение достоинства человека по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, религии или принадлежности к социальной группе, гражданам грозит штраф до 20 тысяч руб-

лей или административный арест до 15 суток, а юридическим лицам – штраф до 500 тысяч рублей.

И в заключение еще один момент, прямо касающийся культурного экстремизма. Необходимо отказываться от, часто практикуемой, запретительной стратегии в механизмах протекания культурного процесса. Вполне допускаю, что в определенных исторических условиях, диктуемых и информационными возможностями общества, и остротой классовой борьбы, и низким образовательным уровнем основного населения и т.д., эта стратегия была оправданной и эффективной. Но история много раз доказывала нам, что «запретительная» стратегия и тактика в культуре неэффективна по самой своей сути. К чему привели всевозможные препятствия для знакомства с работами Солженицына, Замятина, Набокова, Ницше и других? Это могло помешать нашему читателю и зрителю познакомиться с ними. Тем более, сейчас, в информационный век. Запретительные меры контрпродуктивны, они только усиливают ажиотаж и обостряют интерес. Чем больше шума, тем больше людей прочитают какую-то книгу или посмотрят кинофильм. Когда книги, фильмы были под запретом, все старались, правдами и неправдами, с ними познакомиться. Сейчас же продавцы навязчиво их предлагают, но согласитесь энтузиазм не такой, какой был раньше.

Такая запретительная матрица организации культуры контрпродуктивна еще тем, что в этом выражается недоверие к интеллекту и нравственной закалке современного человека. Дайте самим гражданам определять матрицу оценки исторических и культурных событий. Кто-то, а российский гражданин, зритель, читатель в состоянии сам разобраться в драматургии и психологических глубинах относительно недавних явлений отечественной истории и культуры. Он много раз доказывал такую способность. Даже в сложных идеологических и политических тоталитаризма. Тем более, он сможет самоопределиться сейчас, в век демократии, культурной и информационной свободы.

В эти дни идет активное обсуждение текста нового Закона РФ «О культуре», который обсуждался 22 марта в ГД РФ. Законопроект в том числе предполагает исключение из-под действия 148-й ст. УК РФ, предполагающего наказание вплоть до уголовного для авторов, постановщиков и организаторов спектаклей, фильмов, музеев, выставок и иных мероприятий за «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих». Негативная реакция со стороны активистов и официальных представителей религиозных конфессий не замедлила сказаться. На парламентских слушаниях по поводу этого законопроекта выступил Сергей Шнуров, который призвал депутатов не включать в законопроект нормы, допускающие возможности для расширительного толкования различных явлений культурной жизни. Это опасно, да и невозможно, что равносильно попыткам «сетью поймать океан» [3].

Мы уже неоднократно сталкивались с попытками расширительного толкования положений закона об экстремистской деятельности в части культуры, когда преследовали деятелей культуры за оскорбление чувств верующих.

В Проекте закона «О культуре» есть здравые предложения. Например, вывести из-под действия статьи УК об оскорблении чувств верующих произведения театрального, изобразительного и киноискусства. Речь идет о знаменитой ст.148 ч.1 «Публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств, - наказываются штрафом в размере до 300 000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо обязательными работами на срок до 240 часов, либо принудительными работами на срок до одного года, либо лишением свободы на тот же срок.

Такие изменения в законодательстве мы считаем справедливыми и вот почему:

во-первых, в культуре чрезвычайно трудно найти ту грань, которую отделяет оскорбительную тональность от разумной критики, мы с этим много раз сталкивались;

во-вторых, нет четких критериев определения степени «публичности» в действиях отдельных людей и творческих коллективов;

в-третьих, и это главное, сохранение этой нормы противоречит более общим положениям, закрепленных в Конституции РФ и других правоустанавливающих документах, где отмечено безусловное право на творчество и приоритетность прав отдельной личности перед коллективными и даже общественными интересами.

Всем памятны запретительные действия представлений «Иисус Христос – суперзвезда», «Сказки о попе и работнике его Балде», страсти вокруг фильма «Матильда». И вот совсем новая кампания по запрету к прокату фильма Павла Лунгина «Братство» в котором рассказывается о событиях в Афганистане в 1989 г. за несколько недель до вывода из этой страны советских войск. Хотя на официальной странице фильма на сайте компании Walt Disney Studios Sony Pictures Releasing утверждается, что в основе фильма лежат реальные события, страсти вокруг его проката и сроков премьерного показа продолжают накаляться [4].

Однозначно то, что подобной запретительной стратегией в культуре трудно добиться эффективных результатов, в чем мы многократно убеждались. Остается в коммуникативном пространстве культуры реализовать две важные сверхзадачи:

- отказаться от бинарно-дихотомической политики, эксклюзивной, разделительной метрики мышления и организации всей культуры, и переходить к инклюзивной, соединительной культурной политике, где преодолеваются все крайности и противопоставления, о чем все активнее говорят в последнее время ученые [5; 6];

- формировать у людей такую инклюзивную культуру, в которой на базе определенной культурной идентичности формируется толерантное мировосприятие, единственно допустимое в условиях мультикультурализма.

Библиографический список:

1. Войцеховский Борис. «Зарезать и сжечь эту мразь» // <https://m.lenta.ru> Обр. 27.02. 2019 г. в 14-30.
2. <https://news.mail.ru/politics/26028635/?frommail=1>. Обр. 07.06.2016 в 10-50
3. <https://www.fontanka.ru/2019/03/22/145/>. Обр. 07.06.2016 в 10-00.
4. https://www.rbc.ru/society/27/03/2019/5c9b389a9a79471c8aa7363d?utm_source=yxnews&utm_medium=deskto
5. Магомедов К.М. Гносеологическая метрика мира и явление инклюзивности в культуре //IX международной научно-практической конференции. «Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве: духовно-нравственное воспитание молодежи».9-10 ноября 2017 г. Махачкала. – Махачкала,2017. С. 114-119.
6. Магомедов К.М. Об эксклюзивной и инклюзивной метрике организации культуры //Диалог культур в глобализирующемся мире: Материалы Всероссийской научно - практической конференции (с международным участием). / Под редакцией В.Э. Манаповой, О.С. Мутиевой.- Махачкала: АЛЕФ, 2018. С. 128-132

Суровцева Е.В.,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии
МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва

ЖИТИЯ СВЯТЫХ ЭПОХИ ДРЕВНЕЙ РУСИ В СОВРЕМЕННОЙ АГИОГРАФИИ

Аннотация. В статье ставится вопрос о необходимости изучения святых, живших в эпоху Древней Руси, канонизированный в Новое время, с целью, в том числе, выявления особенностей разных типов житийного жанра XVIII – начала XX веков, а также о необходимости сопоставительного изучения жанра жития и биографии с целью анализа их взаимодействия и взаимовлияния.

Ключевые слова: житие, биография, жанр, преемственность, Древняя Русь, Новое время, русская литература.

Surovtseva E. V.,
candidate of philological sciences, senior researcher
of Moscow state University named after M.V. Lomonosov, Moscow

LIVES OF SAINTS OF EPOCH OF ANCIENT RUSSIA IN CONTEMPORARY HAGIOGRAPHY

Summary. The article raises the question of need to study of lives saints who lived in era of Ancient Russia, canonized in Modern times, in order to identify features of different types of genre of life of saints of XVIII – early XX centuries, as well as the need for comparative study of genre life of saints and biography in order to analyze their interaction.

Key words: life of saints, biography, genre, continuity, Ancient Russia, Modern times, Russian literature

В настоящее время наблюдается всплеск житийного жанра в современной литературе (разумеется, этот жанр существовал и в XVIII – XX веках, однако, по справедливому замечанию учёных, он ушёл «на периферию литературного процесса» [3, с. 96]). В связи с этим исследователями уже ставился вопрос о специфике житийного жанра на новом витке его развития [3; 4; 6]. Однако все умозаключения делаются на материале житий новомучеников, что закономерно – именно они составляют бóльшую часть текстов агиографического жанра. На наш взгляд, необходимо осмыслить специфику жанра и динамику его развития и изменения не только жанра новомучеников и не только 1990-х – 2010-х годов, но и иных его подразновидностей в XVIII – начале XIX века.

Начиная с 1988 г. на церковных соборах в лике святых прославляются подвижники, относящиеся к древности: князь Димитрий Донской, преподобные Андрей Рублёв, Максим Грек, Паисий Величковский, святитель Макарий Московский. Для выявления особенностей жанров жития княжеского, жития преподобных и жития святителей необходим сопоставительный анализ текстов житий перечисленных нами святых и текстов древнерусской книжности.

Намного больше возможностей для подобного анализа представляют жития древнерусских святых, канонизированных в эпоху русского Средневековья, жития которых создавались на протяжении всей нашей истории, в том числе – в Новое время. В качестве примера приведём житие митрополита Алексия. Существует древнерусское житие Алексия в пяти редакциях, первоначальная из них датируется XIV веком. Современное житие святителя было составлено Патриархом Московским и Всея Руси Алексием I (Симанским) в конце 1940-х годов.

Особого рассмотрения заслуживает житие Сергия Радонежского, одного из самых любимых святых России [7]. На протяжении всей истории русской литературы появлялись всё новые жития этого святого. Перечислим их:

1. Древнерусское Епифаниево житие, переработанное Пахомием;
2. Азарьин Симон. Книга о чудесах Преподобного Сергия (XVII);
3. Платон (Левшин). Житие Сергия Радонежского (XVII);
4. Митрополит Филарет (Московский). Житие преподобного Сергия Радонежского, составленное московским митрополитом Филаретом (1835);
5. Иеромонах Никон (Рождественский), впоследствии архиепископ Вологодский и Тотемский. Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия игумена Радонежского и всея России чудотворца (1885);
6. Протоиерей Сергей Покровский. Житие Преподобною и Богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского, чудотворца (1911);
7. Патриарх Московский и Всея Руси Алексий I (Симанский). Житие Сергия Радонежского (XX);
8. Маркова А.А. Житие Преподобного Сергия Радонежского (2010).

Кроме того, «более полному выявлению всех редакционных (и видовых) преобразований текста жития может способствовать его изучение в тесной связи с литературной истори-

ей летописей (“Русского временника”, летописей Софийской и Никоновской), Степенной книги, Пролога и Минеи Четиих (Великих Четиих Минеи, Минеи Четиих Чудовских, Германа Тулупова, Иоанна Милютина, Димитрия Ростовского), в состав которых житие включалось» [2, с. 333].

Отдельной темой нашего исследования станет также рассмотрение взаимодействия и взаимовлияния житийного и биографического жанров (отметим, что они имеют общий корень – древнерусскую агиографию, так же, как и современная иконопись и портрет родились из древнерусской иконописи). Некоторым святым посвящено не только житие, но и биография, в том числе – научно-популярная, например, Сергию Радонежскому [1] и Максиму Греку [4]. Насколько «непроходима» граница между житием и биографией, покажет детальный текстологический анализ (отметим, что жития и биографии современных святых оказывают активное влияние друг на друга – так, житие новомучеников документально, как и биография; в биографию святителя Афанасия Сахарова, составленной инокиней Сергией, 2003, включены свидетельства о посмертных чудесах святого, что характерно для жанра жития).

Работа в заявленном направлении будет нами продолжена, предварительные результаты будут уточнены.

Библиографический список:

1. Борисов Н. Сергий Радонежский. – Серия «Жизнь замечательных людей». М.: Молодая гвардия, 2002. 525 с.
2. Дробленкова Н.Ф. Житие Сергия Радонежского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Выпуск 2. Вторая половина XIV – XVI вв. Часть 1 (А – К). Отв. ред. Д.С.Лихачёв. Л.: Наука, 1988. С. 330 – 336.
3. Макаренко Е.К. Агиография XX века. Проблема жанра и методов его исследования // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 95 – 102.
4. Митров О. Опыт написания житий новомучеников и исповедников Российских // РОФ «Память мучеников и исповедников РПЦ» – «Труды. Выпуск 1. Новомученики XX века». М.: ООО «Издательство “Булат”», 2004. С. 24 – 30.
5. [Синицына Н.В.](#) Максим Грек. – Серия «Жизнь замечательных людей». М.: [Молодая гвардия](#), 2008. 236 с.
6. Суровцева Е.В. Жития новомучеников и исповедников на современном этапе: общая характеристика // Кирилло-Мефодиевская традиция в культуре России: материалы Международной научно-практической конференции. Семнадцатый Славянский научный сбор «Урал. Православие. Культура». Челябинск: ЧГИК, 2019. В печати.
7. Суровцева Е.В. К проблеме изучения житийного жанра в русской литературе: на материале житий Сергия Радонежского // Актуальные вопросы изучения духовной культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад – Восток. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XV Кирилло-Мефодиевские чтения». Москва – Ярославль: Ремдер, 2014. С. 73 – 76.

СЕКЦИЯ IV. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Болдырева Е.Л.,

кандидат политических наук, доцент
Санкт-Петербургского Политехнического университета Петра Великого,
г. Санкт-Петербург

МИГРАЦИОННЫЕ ТРАЕКТОРИИ И ПОСЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ НИГЕРИИ)

Аннотация. Традиционно считалось, что миграция обеспечивает общества принимающих стран недостающими трудовыми ресурсами, и, таким образом, оказывает позитивное влияние на экономическую ситуацию в стране. Однако теперь, когда во всем мире наблюдаются не только позитивные, но и негативные социально-политические последствия иммиграции - такие, как усиление угрозы терроризма, эрозия национальной идентичности, появление конфликтов на этнической почве, и рост темпов нелегальной миграции, миграция начала рассматриваться, как проблема.

Ключевые слова: миграционные траектории, нелегальная миграция. Нигерия, ЕС, МОМ, Европа, Африка.

Boldyreva E. L.,

PhD, associate professor SPbPU, Saint-Petersburg

MIGRATION TRAJECTORIES AND CONSEQUENCES OF MIGRATION (ON THE EXAMPLE OF NIGERIA)

Summary. Traditionally, it was believed that migration provided host societies with the missing labour resources and thus had a positive impact on the economic situation in the country. However, now that the world is witnessing not only positive but also negative socio-political consequences of immigration - such as the growing threat of terrorism, the erosion of national identity, the emergence of ethnic conflicts, and the growth of illegal migration, migration has begun to be seen as a problem.

Key words: migration trajectories, Illegal migration, Nigeria, EU, MOM, Europe, Africa.

Традиционно считалось, что миграция обеспечивает общества принимающих стран недостающими трудовыми ресурсами, и, таким образом, оказывает позитивное влияние на экономическую ситуацию в стране. Однако теперь, когда во всем мире наблюдаются не только позитивные, но и негативные социально-политические последствия иммиграции - такие, как усиление угрозы терроризма, эрозия национальной идентичности, появление конфликтов на этнической почве, и рост темпов нелегальной миграции, миграция начала рассматриваться, как проблема.

Сторонники ограничения миграции считают ее причиной увеличения безработицы, падения зарплат среди коренного населения, повышение социальных расходов, замедление экономического роста и пр. В то же время, нельзя не принимать во внимание ситуацию в стране, граждане которой хотят эмигрировать, так как зачастую международная миграция в современном мире связана с разным уровнем развития стран. Эмиграция из Нигерии и других стран Африки в страны Европы – процесс, который берет начало во второй половине XV века во времена зарождения работорговли.

Примерно две трети африканцев в Европе из Северной Африки. Число мигрантов из Западной Африки (в основном Ганы, Нигерии и Сенегала) растет с каждым годом. Глава агентства Frontex, которое занимается охраной внешних границ ЕС, Фабрис Леггери [8] прогнозирует рекордное количество нелегальных эмигрантов. По его словам, много просителей убежища и нелегальных мигрантов прибывает в Европу через Средиземное море, в то время как сотни умирают во время опасной переправы.

Как отметил Леггери, от 1 января 2015 года было зафиксировано рекордное количество нелегальных пересечений границ ЕС. В частности, согласно официальным данным, это количество составляет 5,6 тысяч. Эмиграция из Нигерии и других африканских стран регу-

лярно обсуждается на международном уровне: на заседаниях ООН, ЕС, а также на уровне правительств стран Западной Европы и Нигерии.

Проблемой эмиграции из африканских стран в общем занимаются статистические центры стран Европы, а также специально созданные службы по контролю миграции, в то время, как эмиграция из Нигерии, несмотря на ее масштабы, изучается мало. Этим вопросом занимались преимущественно журналисты, в частности выходцы из Нигерии (Адеподжу А., Адеджувон А.) [2; 3], и такие исследователи, как Анугвом Е., Амалу С. [4; 5]. На данный момент такие статистические центры Европы, как Eurostat [9], изучающие статистические данные относительно процессов эмиграции и ее двигателей, анализирует миграцию в Европейские страны с точки зрения сводки общих данных о прибывших мигрантах из Африки по регионам континента. Актуальность темы данного исследования является необходимостью исследование сути эмиграции в страны ЕС на примере Нигерии отдельно, учитывая индивидуальные особенности социальных, политических, экономических, исторических и этнических сфер этой страны, а также анализ последствий эмиграции и факторов ее сдерживания обеими сторонами.

Есть много способов, которыми пользуются африканцы для того, чтобы попасть в Европу: по земле, по морю и по воздуху.

Страны ЕС являются привлекательным пунктом назначения для мигрантов, в том числе из Нигерии. Лидирующие позиции по количеству мигрантов занимают страны Северной Европы [1], Германия, Франция, Великобритания и Испания. Помимо интенсивного процесса миграции внутри Евросоюза также наблюдается иммиграция из стран за его пределами. В большинстве стран количество мигрантов из стран, не принадлежащих к Евросоюзу, превышает количество мигрантов в пределах ЕС. Эта проблема является предметом критики общественности, и правительства многих стран прикладывают усилия для того, чтобы ограничить нелегальную, и поощрить легальную, зачастую профессиональную иммиграцию. Наиболее негативно к иммиграции относятся во Франции, так как она становится причиной этнических конфликтов и насилия на улицах. Правительство Великобритании, в связи с большим количеством нелегальных иммигрантов, работает над реформами, которые ограничат поток нелегалов в страну, а также ведет жесткую политику в сфере предоставления статуса беженца. В Великобритании также рассматривается вопрос как депортации, так и амнистии беженцев. Желание контролировать поток иммигрантов в стране может стать причиной выхода из Евросоюза, так как его миграционная политика является более лояльной, чем хотелось бы правительству Великобритании.

В странах Европейского союза остро стоит проблема нелегальной иммиграции, в том числе из стран Африки. Наиболее остро она стоит в Испании, которая ведет активную борьбу с нелегальной иммиграцией и время от времени проводит амнистию иммигрантов. Германия, в связи с растущей экономикой испытывает потребность в притоке рабочей силы из-за рубежа.

В целом, миграционная политика ЕС направлена на содействие легальной миграции, ограничение потока нелегальных иммигрантов, а также упрощение визового режима для высококвалифицированных кадров. Одним из основополагающих принципов такой политики является также создание единого правового поля в сфере миграции и интеграции.

Диаспора играет важную роль в развитии Нигерии. Эмигранты регулярно пересылают в страну деньги, заработанные за рубежом, а эмигрирующие квалифицированные специалисты координируют свое сотрудничество с целью повышения уровня жизни и развития страны. Правительство Нигерии, в свою очередь, разрешило получение двойного гражданства для эмигрирующих граждан, и начинает воспринимать их как важных потенциальных партнеров. Были созданы организации, целью которых является координация усилий эмигрантов, а также инвестиционный фонд, с помощью которого диаспора может инвестировать в экономику Нигерии. Но из-за высокой коррумпированности, не все деньги инвесторов в итоге достигают своего пункта назначения. Важным аспектом миграции нигерийцев является то, что поток преимущественно экономических мигрантов имеет множество пунктов назначения

по всему миру, в частности в Европе. Выбранные ими пути в основном нелегальные маршруты с рискованными переходами через многочисленные транзитные пункты, такие как Сенегал по дороге в Испанию через Канарские острова.

Большинство из таких эмигрантов застревают в Сенегале и Марокко на несколько лет. Некоторые оказываются в тюрьмах в Северной Африке или умирают на опасных пустынных тропах или в рискованных морских путешествиях на перегруженных хрупких лодках, которые часто опрокидываются.

На данный момент правительство Нигерии сотрудничает с Международной организацией по миграции (МОМ), чтобы создать условия для добровольного возвращения и реинтеграции нигерийских эмигрантов, нелегально проживающих в Великобритании, Швейцарии, Ирландии, Нидерландах, Швеции и Италии. Власти также организовало кампанию, посвященную опасностям нелегальной эмиграции, и поддержали подключение МОМ к работе над государственной стратегией борьбы с бедностью. Согласно отчету МОМ, Нигерия движется вперед и на международном, и на национальном уровне, и прилагает максимум усилий для улучшения системы пограничного контроля и снижение уровня нелегальной миграции.

Библиографический список:

1. Болдырева Е.Л. Политическая система стран Северной Европы. СПбПУ, 2005
2. Adejuwon, A. "Satellite towns and the new Abuja Master Plan", in M.S.U. Kalgo and O. Ayileka (eds) *The Review of Abuja Master Plan*, Ibadan, Nigeria: Fountain Publications.2001. - P.128.
3. Adepaju, A., (1984). *Illegals and Expulsion in Africa: The Nigerian Experience*. Special Issue: Irregular Migration: An International Perspective. *International Migration Review*. 1984. pp. 5-7.
4. Anugwom, E.E. "Contested Terrain: Economic Migration, Sharia Law and Ethno-religious Conflict in Nigeria", *African Study Monographs* 29(4). 2008. pp.126-138.
5. Amalu, C. *Nigeria: Illegal Migration - 59,000 Nigerians in Transit Countries for Europe*-Maduekwe. *The Vanguard*.2008.
6. Isichei E. *Studies in the History of Plateau State Nigeria*. London. Macmillan. 1982. – 299p.
7. Immigration bureau. – Вид на жительство в Испании. <http://spain-immigration.es/ru/residence-permit-spain>
8. Fabrice Leggeri, *l'homme des frontières de l'Europe*.- *Le Figaro Premium* - <http://www.lefigaro.fr/international/2018/07/13/01003-20180713ARTFIG00018-fabrice-leggeri-l-homme-des-frontieres-de-l-europe.php>
9. Statistics Eurostat. Official site <https://ec.europa.eu/eurostat>

Волченко В. В.,
старший преподаватель кафедры
общегуманитарных и естественно-научных дисциплин,
Филиал Международного Юридического института, г. Волжский

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МИГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Аннотация. В социуме возрастает неопределённость путей и направлений политического, экономического и социокультурного развития. Диалог является средством осуществления коммуникационных связей, условием взаимопонимания людей. Миграция в новой исторической эпохе играет достаточно важную роль во многих сферах общественной жизни.

Ключевые слова: глобализация, идентичность, миграция, миграционные потоки, социокультурная среда, культура, диалог, конфликт.

GLOBALIZATION AND MIGRATION IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY INTER-ETHNIC CONFLICTS

Summary. The uncertainty of the ways and directions of political, economic and socio-cultural development increases in society. Dialogue is a means of communication, a condition of mutual understanding of people. Migration in the new historical era plays an important role in many spheres of public life.

Keywords: globalization, identity, migration, migration flows, socio-cultural environment, culture, dialogue, conflict.

В условиях глобализации мировое сообщество сталкивается с множеством проблем, при этом динамика современного общества характеризуется усложнением социальной системы, появлением новых и существенным изменением старых элементов социума. В социуме возрастает неопределённость путей и направлений политического, экономического и социокультурного развития. Это приводит к увеличению рисков как на уровне всего социального развития, так и на уровнях развития индивидов и групп. “Феномен риска – это форма проявления человеческой субъективности в объективно обусловленных социальных ситуациях, когда последние выступают как неопределённость и требуют от социального субъекта выбора своего поведения как ответы на угрозы и вызовы” [4, с. 70].

Современное общество представляет собой общественную систему, которая развивается в сторону всё большего усложнения, так как на исторической авансцене появляются новые социальные группы и общности. В современном мире появляются многочисленные новые социальные институты и общественные практики. Всё это происходит на фоне ускорения различных социокультурных процессов, из которых особо следует выделить глобализацию. Своеобразие нашей эпохи заключается в том, что “с конца XX века мировое сообщество вступило в эпоху многоаспектной глобализации, когда не только экономическая и политическая деятельность людей выходит на планетарный уровень, как это было в эпоху фундаментальной глобализации (вторая половина XIX – середина XX в.), но практически все остальные сферы общественной жизни, включая культуру, образование, спорт, язык, идеологию и т.п., оказываются вовлеченными в глобальные процессы” [1, с. 239-240].

В условиях уязвимых для глобальных экономических, политических, техногенных и гуманитарных катастроф, общество является отражением закономерностей поведения сложноеволюционирующих открытых нелинейных систем. Возрастает необходимость диалога между цивилизациями, так как диалог является важным условием преодоления кризиса техногенной цивилизации, снятия и согласования противоречия между цивилизационными альтернативами будущего глобализационного развития. Диалог является средством осуществления коммуникационных связей, условием взаимопонимания людей. Взаимодействие культур и цивилизаций предполагает и какие-то общие культурные ценности. Диалог культур может выступать как примиряющий фактор, предупреждающий возникновение войн и конфликтов. “Мы по-прежнему приходим в мир как члены определённых семей и расовых групп, воспитываемся в конкретной культурно-исторической традиции, но выбор культурной идентичности с усилением процессов глобализации становится всё более широкой практикой” [3, с. 272].

Мировое сообщество в современных политических условиях сталкивается с проблемой миграции её последствиями, прежде всего с усилением миграционной напряженности. Фактором возникновения конфликтов на основе этнокультурных различий становится социокультурная и этноконфессиональная специфика мигрантов, их нежелание интегрироваться в принимающую социокультурную среду. Сегодня в условиях нового “Великого переселения народов”, ситуация в регионах-реципиентах, в первую очередь в Европе, становится ещё более сложной и напряжённой. Миграция в новой исторической эпохе играет достаточно важную роль во многих сферах общественной жизни.

Страны Западной Европы, принявшие и продолжающие принимать значительные миграционные потоки, сегодня оказались в ситуации концептуального и, как следствие, политического тупика. Не интегрированность мигрантских общин, с одной стороны, порождает существенную межкультурную и межэтническую конфликтность, с другой, ассимиляционные и мультикультурные практики окончательно себя исчерпали. В этом контексте оптимальной стратегией минимизации деструктивных последствий адаптации мигрантов в социокультурном пространстве Запада может стать инкультурация. Данная концепция была предложена американским антропологом М. Херсковичем в качестве оптимального способа адаптации мигрантов к новой социокультурной среде.

Сложности психологической адаптации мигрантов как первичной ступени адаптации до сих пор являются предметом активного научного дискурса. В новой социокультурной среде мигрант испытывает социокультурный дискомфорт, который приводит к культурному шоку, конфликту идентичностей. Характер восприятия зависит как от содержания ценностей культуры, так и от комплекта индивидуально-личностных особенностей воспринимающего. Восприятие ценностей культуры осуществляется на основе сравнения прежнего опыта и нового. Познание происходит как на рациональной, так и на иррациональной основе. Инновационное восприятие осуществляется посредством сравнения элемента культуры другой нации с аналогичным в собственной национальной культуре. Чужая культура усваивается только в процессе какой-либо деятельности.

Этническую мозаику мира изменяет современная миграция, ведущая сила, фиксирующая плюралистические общества. В условиях старения населения, крупнейшие страны Западной Европы, сталкиваются с проблемой дефицита рабочей силы в условиях старения населения, сокращения людских ресурсов в мировых войнах, создали благоприятную основу для привлечения миллионов мигрантов. Миграционные процессы в контексте интеграционных сдвигов имеют существенный позитивный потенциал, т.к. становятся важным фактором динамичного экономического развития. Вместе с тем, процессы неконтролируемой миграции детерминировали рост напряженности и конфликтов между мигрантами и местным населением. Пребывание мигрантов, обладающих выраженной этнокультурной спецификой вне своего «национального очага» в качестве национального меньшинства нарушило прежнее равновесие, первичный уклад жизни многих стран Европы, что вносит в общество новые механизмы развития и новые конфликты.

Сегодня миграционные потоки страны Западной Европы приобрели отчетливый этнокультурный характер, что существенно затрудняет межконфессиональный и межэтнический диалог. Диалог, который подразумевает идею культуры и подразумеваемый идеей культуры, в принципе неисчерпаем. «Диалог лишь тогда диалог, когда он может осуществляться как бесконечное развертывание и формирование всё новых стилей каждого, вступающего в диалог феномена культуры. В ходе сложного, многослойного диалога культур происходит формирование общечеловеческих ценностей» [2, с. 141]. Слабая степень интегрированности мигрантов связана с низким уровнем потенциала многих из них, нежеланием стать органической частью европейской цивилизации.

Однако маргинальный статус большинства мигрантов подтверждает целенаправленный курс на вытеснение их на социальную периферию путем конструирования негативного образа «чужака». Иммигрантские общины дают для проведения подобной политики определённый повод, отказываясь от реальной интеграции, укрываясь, подобно улитке, в панцире своих обычаев, традиций, культурных и социальных норм. В результате национализм европейцев, отсутствие взаимопонимания способствует возникновению конфликтов на межконфессиональной и межэтнической основе. Сегодня стоит непростая задача, когда мультикультурные и ассимиляционные практики окончательно себя исчерпали, по поиску и имплементации в социальную практику новых технологий адаптации и интеграции мигрантских общин. Миграция является одним из основных факторов, влияющих на стабильность общества. Это справедливо не только для внешней миграции, но и для внутренних миграционных потоков. Если внешняя миграция является показателем относительно благополучного социаль-

но-экономического положения принимающей стороны мы и только при отсутствии государственной политики может быть определенной угрозой, то внутренний неконтролируемый антропопоток, это своеобразная сигнализация о нестабильном положении в государстве.

Библиографический список:

1. Global Studies Encyclopedic Dictionary 2014.
2. Иванова С. Ю. К вопросу об этнокультурном взаимодействии // Северный Кавказ в условиях глобализации. Ростов, 2001.
3. Иорданова П. И. Диалог культур и процесс идентификации // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. №3. с. 269-273.
4. Лукьянов Г. И. Рок и риск // Философские исследования. 2004. №2 (35). с. 62-70.

Гринченко С.Н.,
доктор технических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института проблем информатики
Федерального исследовательского центра "Информатика и управление" РАН, г. Москва

ЭТАПЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: С СИСТЕМНЫХ ПОЗИЦИЙ

Аннотация. Глобализация рассматривается как часть системного процесса развития информационного общества, критические моменты которого задают начала возникновения новых информационных технологий общения между людьми: 1) сигнальных поз/звуков/движений (около 28,2 млн лет назад), 2) мимики/жестов (около 1,86 млн лет назад), 3) речи/языка (около 123 тыс. лет назад), 4) письменности (около 8,1 тыс. лет назад), 5) тиражирования текстов (около 1446 года), 6) компьютерной (около 1946 года, планетаризация), 7) телекоммуникационной (около 1979 года), 8) информационной nano-технологии (около 1981 года) и т.д. К глобализации относятся этапы планетаризации и далее (№№ 6-8), другие этапы отражают её предысторию. Для каждого этапа приводятся количественные модельные оценки увеличивающихся пространственных размеров соответствующих устойчивых сообществ/социумов.

Ключевые слова: глобализация, планетаризация, информационное общество, информационные технологии, кибернетическая модель системы Человечества

Grinchenko S.N.,
Doctor of Technical Sciences, Professor,
Chief Researcher of the Institute of Informatics Problems
of the Federal Research Center "Informatics and Control" of the Russian Academy of Sciences,
Moscow

STAGES OF THE GLOBALIZATION OF INFORMATION SOCIETY

Summary. Globalization is considered as part of the systemic process of the information society development, the critical moments of which set moments of the emergence of new information technologies of communication between people: 1) signal poses/sounds/movements (about 28.2 million years ago), 2) mimics/gestures (about 1.86 million years ago), 3) speech/language (about 123 thousand years ago), 4) writing (about 8.1 thousand years ago), 5) replicating texts (about 1446), 6) computer (about 1946 years, planetarization), 7) telecommunication (about 1979), 8) information nano-technology (about 1981), and so on. Globalization includes stages of planetarization and further (No. 6-8), other stages reflect its background. For each stage, quantitative model estimates are given of the increasing spatial dimensions of the respective stable communities/societies.

Key words: globalization, planetarization, information society, information technologies, cybernetic model of the Humankind's system

Введение

Процесс глобализации (от лат. *globus* – шар) определяют как «современный этап интернационализации международных отношений, экономических, политических и социокультурных процессов, отличающийся особой интенсивностью. Наиболее очевидные проявления глобализации – консолидация единого мирового рынка, активное развитие межгосударственных финансовых, торговых и производственных связей, расширение денежных, товарных и людских потоков, ускоренная адаптация социальных структур к динамичным экономическим процессам, культурная универсализация, становление всеобщего информационного пространства (курсив мой – С.Г.) на базе новейших компьютерных технологий» [1].

Соответственно под информационным обществом принято понимать общественную систему «современного типа», базирующуюся на лавинообразном распространении «информационных технологий (прежде всего компьютерных и телекоммуникационных)» [6].

Рассмотрим этапы упомянутого выше «становления всеобщего информационного пространства», относя к *информационным технологиям* (ИТ) не только вышеперечисленные «современные», но и иные, а именно ИТ речи/языка, ИТ письменности и т.п. Все эти ИТ люди использовали для общения между собой в древности, используют сейчас и будут использовать в будущем.

Кибернетическая модель системы Человечества

Для того, чтобы установить, каковы временные оценки этапов глобализации информационного общества, обратимся к концепции представления о Человечестве как о единой целостной *кибернетической* иерархо-сетевой системе – в составе нескольких её подсистем разного исторического возраста, эволюционно возникающих на Земле, начиная с далёкой предыстории в десятки миллионов лет назад [2-3, 8]. Целеполагающие элементы этих подсистем перманентно информируют иерархически вложенные в них составляющие, приводят ли их действия – поисковая активность – к энергетически благоприятному для подсистемы состоянию, либо нет, что инициирует изменение таких действий.

В ходе исторического развития в системе Человечества возникают всё более обширные сообщества/социумы, которые реализуют относительно эффективное самоуправление в них, обеспечивая тем самым их относительную устойчивость (способность сохранять текущее состояние при влиянии внешних воздействий).

Этапы развития информационного общества

В рамках кибернетической модели системы Человечества этапы развития информационного общества прослеживаются сразу по нескольким параметрам: росту адекватных её этапам пространственных (инфраструктурных и точностных) характеристик, усложнению адекватных её этапам ИТ и др. Наиболее наглядно в истории Человечества прослеживаются именно этапы усложнения ИТ.

Рассмотрим этот процесс в системе Человечества подробнее, отметив при этом, что все модельные даты и размеры расчётные, ориентировочные – но достаточно близкие к эмпирически наблюдаемым историками, палеоантропологами и археологами [4-5, 7, 9].

Первый этап: старт и кульминация 28,2/9,79 млн лет назад. Субъекты *Hominoidea* и затем *Hominidae* (далёкие предки человека), объединяясь в стаи и семьи, развивают и используют ИТ сигнальных поз/звуков/движений на территориях с линейным размером (радиусом круга соответствующей площади) 4,2-64 м.

Второй этап: старт и кульминация 1860/612 тыс. лет назад. Субъекты *Homo ergaster/Homo erectus/Homo heidelbergensis*, объединяясь в роды, развивают и используют ИТ мимики/жестов, формируют элементы инфраструктуры этих сообществ на территориях с размером 64-1000 м.

Третий этап: старт и кульминация 123/40,3 тыс. лет назад. Субъект *Homo sapiens'*, объединяясь в племена, развивает и использует ИТ речи/языка (дополнительно к предыдущим ИТ), формирует элементы инфраструктуры этих сообществ на территориях с линейным размером 1-15 км.

Четвёртый этап: старт и кульминация 8,1/2,7 тыс. лет назад. Субъект *Homo sapiens''* (субъекты *Homo sapiens'*, *Homo sapiens''* и т.д. анатомически и физиологически близки и почти неразличимы, и различаются между собой возрастающими возможностями психики и интеллекта [3]), объединяясь в «сверхрайоны» (союзы племён, затем малые государства), развивает и использует ИТ письменности (дополнительно к предыдущим ИТ), формирует элементы инфраструктуры этих сообществ на территориях с линейным размером 15-222 км.

Пятый этап: старт и кульминация 1446/1806 гг. Субъект *Homo sapiens'''*, объединяясь в «сверхстраны» (крупные государства и союзы), развивает и использует ИТ тиражирования текстов (дополнительно к предыдущим ИТ), формирует элементы инфраструктуры этих сообществ на территориях с линейным размером 222-3370 км.

Шестой этап: старт и кульминация 1946/1970 гг. Субъект *Homo sapiens''''*, объединяясь в Планетарное сообщество, развивает и использует ИТ компьютеров (дополнительно к предыдущим ИТ), формирует элементы инфраструктуры этого сообщества на территории с размером 3,37-51 тыс. км.

Седьмой этап: старт и кульминация 1979/2003 гг. Субъект *Homo sapiens'''''*, объединяясь в Сообщество «Ближнего» Космоса, развивает и использует ИТ телекоммуникаций (дополнительно к предыдущим ИТ), начал формирование элементов инфраструктуры в космическом объёме с линейным размером (радиусом шара с центром в Земле) 51-773 тыс. км.

Восьмой этап: старт и кульминация 1981/2341 гг. Субъект *Homo sapiens''''''*, объединяясь в Сообщество «Промежуточного» Космоса, начал развивать и использовать перспективную нано-ИТ (дополнительно к предыдущим ИТ), а также формирование элементов инфраструктуры в космическом объёме с линейным размером 0,773-11,7 млн км. И т.д.

Таким образом, вышеперечисленные этапы, начиная с шестого – Планетарного – этапа, объединяя его с последующими этапами экспансии Человечества в Космос, можно назвать «глобализацией», имея в виду, что именно с этого момента отдельные слабосвязанные между собой территории социумов стали сливаться в **единое общепланетарное пространство**.

Отмечу в заключение, что модельные интервалы между стартами рассматриваемых этапов, а также пространственные размеры инфраструктуры сообществ, подчиняются простейшему математическому закону: представляют собой геометрическую прогрессию со знаменателем 15,15426...

Выводы

1. Рассмотрение развития информационного общества как целостного исторически обусловленного процесса позволяет указать место и роль глобализации в нём.

2. Факт математической предопределённости пространственно-временных характеристик процессов развития информационного общества сам по себе свидетельствует о том, что эти процессы развиваются – по большому счёту, в крупном – не произвольным образом, а в зависимости от фундаментальных законов Мироздания.

Библиографический список:

1. Галкин А. А. Глобализация // Большая российская энциклопедия. 2007. Том 7. С. 245-247.
2. Гринченко С.Н. Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы). М.: ИПИРАН, 2007. 456 с.
3. Гринченко С.Н. Об эволюции психики как иерархической системы (кибернетическое представление) // Историческая психология и социология истории. 2012. Т.6. № 2. С. 60-76.
4. Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. История Человечества: модели периодизации // Вестник РАН. 2010. № 12. С. 1076-1084.
5. Гринченко С.Н., Щапова Ю.Л. Пространство и время в археологии. Часть 3. О метрике базисной пространственной структуры Человечества в археологическую эпоху // Пространство и время. 2014. № 1 (15). С. 78-89.
6. Мелик-Гайгазян И.В. Информационное общество // Большая российская энциклопедия. 2008. Том 11. С. 490.

7. Щапова Ю.Л., Гринченко С.Н. Введение в теорию археологической эпохи: числовое моделирование и логарифмические шкалы пространственно-временных координат. М.: Исторический факультет Моск. Ун-та, Федеральный исслед. центр «Информатика и управление» РАН. 2017. 236 с.
8. Grinchenko S.N. Meta-evolution of Nature System – The Framework of History. In: Social Evolution & History. 2006. V. 5 (No. 1). Pp. 42-88.
9. Grinchenko S.N., Shchapova Yu.L. Human History Periodization Models. In: Herald of the Russian Academy of Sciences. 2010. Vol. 80. No. 6. Pp. 498–506.

Зимакова Е.С.,

старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.

ИСЛАМОФОБИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ГЕРМАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В данной публикации рассматривается проблема беженцев исламского вероисповедания, которая осложняет и так непростую ситуацию с иностранцами в Германии. Сегодняшняя интеграционная политика вызывает раздражение населения. В отношении к исламу наблюдаются негативные изменения.

Ключевые слова: интеграция, миграционные процессы, политика правительства, ислам, терроризм, угроза.

Zimakova E.S.,

Senior Tutor, VSU, Vladimir

ISLAMOPHOBIA AS THE TREND OF INTEGRATION PROCESSES IN THE GERMAN SOCIETY

Summary. This publication examines the problem of refugees of Islamic faith, which complicates the difficult situation with foreigners in Germany. Today's integration policy causes irritation of the population. There are negative changes in the attitude towards Islam.

Key words: integration, migration processes, government policy, Islam, terrorism, threat.

Германия – это страна иммиграции. Впрочем, она была такой и раньше. В настоящее время происходит особенное усиление миграционных процессов, в том числе ввиду экономических кризисов последних лет, ставших причиной разделения мира на более благополучные страны и критические. Миграция уже давно стала повседневным явлением в Германии, прошедшей через процесс глобализации. Глобализация означает изменение парадигмы межкультурных взаимодействий. Глобализация в современных социологических концепциях представляет собой в рамках современной Германии не только развитие единой общечеловеческой культуры, но и новое разделение общества и культуры по качественно новым уровням.

В связи с военными действиями на территории стран Ближнего востока возникла сложная экономическая и социальная ситуация. Люди решили покинуть свои дома и для своей безопасности и безопасности своих близких. Беженцы ринулись в Европу и это сильно отразилось на всём Европейском союзе. Германия старается толерантно относиться к беженцам и старается создать им цивилизованные условия существования, с другой стороны, они ужесточают внутренний и внешний контроль. Безусловно, Европа будет еще активнее реализовывать свои адаптационные программы, рассчитанные и на мигрантов, чтобы те вращались в систему, и на местное население, чтобы оно не воспринимало вновь приезжающих как угрозу. Но, похоже, эта проблема не имеет решения в ближайшем будущем. [1, с. 235]

Настало время для реальной переоценки ценностей в Западной Европе. Ответственность ложится не только на мусульманских граждан, но и на не мусульман, которые судят о соотечественниках-мусульманах, даже не потрудившись встретиться с ними, поговорить или узнать что-либо о них. Вопрос о перспективах интеграции в западные общества людей, при-

надлежащих иной цивилизационной традиции, превратился сегодня в один из ключевых в политической повестке дня. От успешного решения проблем регулирования миграции и создания эффективных механизмов интеграции во многом зависит обеспечение жизнеспособности западной демократии и преемственности европейской цивилизационной традиции. [6]

Мирная фаза интеграции мигрантов на сегодняшний день закончилась. Приток беженцев исламского вероисповедания с Азии и Африки осложняет и так непростую ситуацию с иностранцами в Германии, что вызывает раздражение населения и противоречивые заявления в правительстве страны. Позитивного отношения к иностранцам давно уже нет. Местные жители чувствуют угрозу с их стороны. Причём этот вид угрозы носит порой совсем не абстрактный характер.

Ярким примером явился инцидент, произошедший в новогоднюю ночь 2015-2016гг. В новогоднюю ночь 2015/16гг. в Кёльне было совершено много серьезных сексуальных посягательств на женщин. Многие из преступников и подозреваемых были «Нафрис», полицейский жаргон для жителей Северной Африки. Тогда, в реконструкции той ночи в журнале ZEIT, состоялся разговор с многочисленными молодыми людьми из Северной Африки, которые там были. Как оказалось, большинство из них были пьяны или опьянены. Многие из них приехали в Германию летом 2015 года, когда было сказано: «Им позволено всё!» Но нет оснований полагать, что всё может иметь какое-либо отношение к тому факту, что преступники являются мусульманами. Большинство людей, с которыми проводился разговор, были номинальными мусульманами. Но они выросли в условиях, когда права женщин не были большой проблемой. Это объясняет больше, чем обращение к «Исламу». Тем не менее, в преддверии нового года в Кёльне начались не только дебаты о беженцах, но и дискуссии об исламе. [6]

Немцы упрекают мусульманскую часть населения в том, что они не хотят интегрироваться, а создают параллельное общество. Определённые правила должны существовать для всех граждан германского общества. Правила игры должны соблюдаться всеми, независимо от того, немец ты или нет. Успешная интеграция подразумевает, что страна, которая принимает людей, хочет их принимать, а также готова их интегрировать. Она также подразумевает, что приезжающие готовы стать частью этого общества. [3, с. 61] Проблема иммиграции представляет собой в значительной степени проблему внутренней политики, политики в области образования, политики в области повышения квалификации, политики на рынке труда. Позитивное отношение к иностранцам в стране, тот факт, что местные жители чувствуют угрозу с их стороны или нет, в значительной мере связаны с жизненными перспективами людей. Причём этот вид угрозы может носить очень абстрактный характер. В Германии преобладает точка зрения, что иностранцы обременяют немцев. Редко можно услышать среди населения мнение, что иностранцы обогащают германское общество, приносят в него много нового. [4, с. 47] В Германии отношение немцев к исламу и мусульманам становится хуже. Исламофобия стала приемлемой в культурном отношении, и то, что общество переключает своё внимание с ксенофобии на религиозные предубеждения о мусульманах. Общая враждебность по отношению к иностранцам уступила место растущей неприязни к исламу в Германии. Серьезность связанных с инокультурной миграцией рисков усугубляется ростом обеспокоенности «исламской угрозой», из-за большого числа терактов и образования «Исламского государства».

Таким образом, миграция порождает такие проблемы для принимающих стран, которые сегодня рассматриваются значительной частью общественного мнения и политической элиты, как угрозы их социальной стабильности и национальной идентичности. В следствие чего, растёт антимусульманское настроение в европейском обществе. Поэтому, многие европейцы считают, что мигранты несут угрозу. Интеграция сегодня укладывается в противоречивую систему национальных ограничений. Унификация и дифференциация культур происходит одновременно. Поэтому возникает вопрос, как соотносится культурная память и интеграция. В начале двадцать первого века масса людей начинает понимать, что культурная самобытность не гарантирована в многополюсном мире, что она противоречива и находится в состо-

янии процесса. В то же время для восприятия культурных различий требуется диалог между различными культурами, которому должен предшествовать процесс государственно-политического урегулирования. [5, с. 46]

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что исламофобия в Германии возникла, в первую очередь, при попустительстве правительства в области экономического направления интеграции прибывающего населения (устройство на работу, расселение за счёт местных жителей, создание так называемых гетто для иностранцев и т. д.). Кроме того, из религии искусственно делается «пугало», причём с направлением не на радикальный ислам, а на все ветви этой веры. Угроза исламского террора усиливает страх граждан. Это неопровержимый факт. Но следует принимать во внимание, что террорист, если имеет, то лишь поверхностное отношение к какой-либо религии, читай он суры из Корана или тексты из Библии. В Германии уже признан провал мультикультурализма. Интеграции, о какой мечтали изначально, не случилось. Наоборот, интеграционные процессы «споткнулись» о реалии происходящих в настоящее время перемен, связанных с очередным переселением народов.

Библиографический список:

1. Зимакова Е. С. Несовершенство механизма депортации мигрантов из Германии и взаимоотношений стран Европейского Союза // материалы Международной научно практической конференции Сборник научных статей «Омега сайнс» г. Сызрань, 2016 С. 232-235.
2. Мушарбаш Я. Пять предложений для разумного обсуждения Ислама [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://blog.zeit.de/radikale-ansichten/>
3. Цинф М. Перспектив интеграции – беседа с немцами турецкого происхождения - Deutschland, 2000. № 3. С. 60 – 61.
4. Шайян Ж. Шансы иммиграции. Многообразие. // Deutschland. 2000 № 6 с. 46-48
5. Фон Барлевен К. Преодолеть отчуждённость.// Deutschland, 2000 № 3. С. 44 – 49.
- 6.[Электронный ресурс]Режим доступа: URL:http://islam-today.ru/obsestvo/otnoshenie_evropejcev_k_islamu_i_musulmanam_velikobritaniya_germaniya_franciya/

Караханов С.С.,

кандидат исторических наук, доцент
кафедры гуманитарных дисциплин

Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала

ПРИЧИНЫ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ДАГЕСТАНЕ В 1990 – 2000 ГГ.

Аннотация. Миграционный процесс, представляет собой всю совокупность причинно-следственных связей возникающих по поводу переселений человека, это процесс пространственно-временного передвижения и территориального распределения населения, который приводит как к количественным, так и к качественным изменениям в социумах. Миграционный прирост населения республики в указанное время складывался в основном за счет лиц дагестанских национальностей (лезгин, даргинцев, аварцев, лакцев, ногайцев), возвращающихся на родину из республик бывшего СССР и из регионов России. Здесь они сталкивались с определенными трудностями социальной направленности. Местные власти с трудом решали проблемы мигрантов.

Ключевые слова: экономический кризис, миграция, социальные трудности, беженцы, миграционный приток, миграционный отток, социальные последствия.

THE REASONS OF MIGRATION PROCESSES IN DAGESTAN AT 1900-2000

Summary. The migration process is the whole set of cause-and-effect relationships arising about human migration, it is the process of spatial and temporal movement and territorial distribution of the population, which leads to both quantitative and qualitative changes in societies. Migration growth of the population of the Republic at the specified time was mainly due to persons of Dagestan nationalities (Lezgins, Dargins, Avars, Iax, Nogais), returning home from the republics of the former USSR and from the regions of Russia. Here they faced certain difficulties of a social orientation. Local authorities hardly solved the problems of migrants.

Keywords: economic crisis, migration, social difficulties, refugees, in-migration, out-migration, social consequences.

Миграционные процессы в Республике Дагестан в 1990-2000 годах явились результатом тех колоссальных изменений, которые произошли в нашем обществе после распада СССР. До 90-х годов на протяжении многих десятилетий миграционный поток в республике был отрицательным (то есть число выбывающих превышало число прибывающих). Выезжали за пределы республики в основном представители дагестанских национальностей трудоспособного возраста, главным образом из сельской местности. Необходимо отметить, что с 1990-х гг. ситуация существенно изменилась: миграционный поток стал положительным, то есть число приезжающих в республику стало превышать число выезжающих за ее пределы. А с 1997 г. сальдо миграции вновь приобрело отрицательные величины.

Гимбатов Ш. М. отмечает, что за счет миграции численность населения республики выросла. Только в 1990-1996 гг. Это составило более 24 тыс. человек, из них 83% - за счет миграции из стран СНГ. Миграционный прирост населения республики все эти годы складывался в основном за счет лиц дагестанских национальностей (лезгин, даргинцев, аварцев, лакцев, ногайцев), возвращающихся на родину из республик бывшего СССР и из регионов России. А что касается миграционного оттока, то доля этнических дагестанцев в нем составляла около 55%. Миграционный поток складывается из трех составляющих: миграции с регионами России, миграции со странами СНГ и Балтии и миграции со странами дальнего зарубежья [1, с. 22]. Поток мигрантов, выезжающих на постоянное местожительство в страны дальнего зарубежья (США, Израиль, Канаду, Германию, страны Ближнего Востока и др.), стал складываться со второй половины 80-х годов XX века.

За 1990-2001 гг. в Израиль выехало более 9 тыс. человек, в США – 263, в Германию – 169 и т.д. За 1990-2001 гг. из Дагестана в страны дальнего зарубежья выехали в общей сложности около 13 тыс. человек.

Другой поток мигрантов - между Дагестаном и бывшими союзными республиками. В республику вернулись около 2 тыс. семей, вынужденно покинувших в 1989-1990 гг. в результате известных событий места своего постоянного проживания в Гурьевской области Республики Казахстан, которые размещены в основном в районах Южного Дагестана.

Большая часть мигрантов не выезжает за пределы Северо-Кавказского региона, а остается на жительство в Ставропольском и Краснодарском краях и в Ростовской области. Немалая часть населения направляется в Центральный район (Москву и Московскую область, Тверскую и Тульскую области), Поволжский район (Астраханскую, Волгоградскую и Саратовскую области, Республику Калмыкия), Западно-Сибирский район (Тюменскую область). При этом если в Тюменскую область и Республику Калмыкия выезжают, как правило, на работу, то в остальные регионы - на постоянное местожительство, отмечает Гимбатов Ш.М. [2, с. 46].

Миграционный приток населения дагестанских этносов на свою историческую родину в межпереписной период 1989-2002 гг. составил 75 тыс. чел. и был обусловлен указанными

выше антикавказскими выступлениями в Казахстане, откуда были вынуждены вернуться в Дагестан около 20 тыс. представителей дагестанских этносов. Также осложнением «лезгинского» вопроса в Азербайджане, побудившим около 20 тыс. лезгин и представителей других дагестанских народов выехать в Дагестан, и антикавказскими выступлениями и русского населения в «русских» субъектах Северного Кавказа - Ростовской области и Ставропольском крае.

Численность русского населения Дагестана, по данным переписи 2002 г., составляет 120,9 тыс. чел. (4,7% населения республики). Сокращение численности русских, кроме миграции за пределы Дагестана, с 1991 г. связано также и с их естественной убылью [3, л.12, с. 23].

Более драматичной по характеру в 90-е годы XX в. была миграция, связанная с войной в соседней Чеченской Республике. В результате двух чеченских войн она приобрела характер гуманитарной катастрофы. Последствия этих войн ужасающи. Поломаны тысячи судеб, а тот, кто уцелел, обрел приют там, куда не перекинулось пламя войны. Основная масса беженцев устремилась в соседние Ингушетию и Дагестан. В период военных действий в Чеченской Республике Дагестан принял и содержал на своей территории около 158 тыс. ее жителей. В августе 1999 года в результате вторжения вооруженных бандформирований (Кадарские события) около 40 тыс. жителей Ботлихского, Буйнакского, Новолакского и Цумадинского районов покинули зоны боевых действий и выехали в другие места.

В первой половине 2000-х гг. направленность и характер миграционных процессов в Дагестане не изменились. Продолжает иметь место отрицательное сальдо миграции (превышение количества выбывшего из республики населения над прибывшим). Ежегодно из республики уезжает в среднем почти на 6 тыс. чел. больше, чем приезжает. Миграционный обмен со странами СНГ и дальнего зарубежья постепенно ослабевает. Если в 2000 г. он составлял около 1600, то в 2005 г. – 500 человек по нисходящей линии. Поскольку из бывших союзных республик на историческую родину возвращаются в основном этнические дагестанцы, то тенденция к сокращению притока говорит о том, что процесс репатриации дагестанцев из этих республик завершается.

Рекордно низкого уровня, по сравнению с 90-ми годами XX века достигли миграционные обмены Дагестана со странами Запада и Израилем. Наблюдается устойчивое снижение и без того небольшого количества граждан, уезжающих в эти страны: в 2000 г. - 255 чел., в 2001г. - 214 чел., в 2002 г. - 130 чел., в 2003 г. - уже 55 чел. Однако сальдо миграции в обмене с этими странами не изменит своего отрицательного значения. Ослабление миграционного оттока дагестанцев в указанные страны связано с ужесточением миграционного законодательства в странах Запада и в связи с усилением террористической опасности [4, с. 87]. Поскольку миграция дагестанцев в Израиль носит этнический характер (возвращение евреев на историческую родину), то в ближайшие годы миграционный обмен с этим государством будет исчерпан.

Но главными миграционными «партнерами» Дагестана, как и в предыдущие годы, являются субъекты РФ, то есть имеет место интенсивная по своим масштабам межрегиональная миграция населения. Сальдо миграции Дагестана с другими регионами России имеет по-прежнему отрицательные величины. Миграционный обмен Дагестана с регионами России играет определяющую роль в структуре внешней миграции дагестанцев. Ежегодно из Дагестана в другие субъекты РФ уезжает на 5,5 - 6,5 тыс. человек больше, чем приезжает. Благодаря принимаемым органами государственной власти республики мерам удалось значительно снизить отток русского населения. По сравнению с 90-ми гг. XX в., в первой половине 2000-х гг. отрицательное сальдо миграции по русским уменьшилось в 2 раза. Таким образом, сальдо миграции по представителям русского населения за 2001 – 2004 гг. составило минус 5700 человек.

Общая картина была бы неполной, если обойти вниманием вынужденную миграцию населения. В первой половине 2000-х гг. статус вынужденных переселенцев получали от-

дельные лица, прибывавшие в республику из стран СНГ и Чечни. Примерно 90% вынужденных переселенцев составляли этнические дагестанцы.

Существующий безвизовый режим въезда для граждан некоторых государств СНГ, отсутствие эффективной нормативно-правовой базы привели к тому, что в Дагестане проживают и осуществляют незаконную трудовую деятельность 5-7 тысяч иностранцев, прибывших в подавляющем большинстве из Азербайджана и Грузии [5, с. 57].

Необходимо отметить, что в республике дважды в год проводится оперативно-профилактическое мероприятие «Нелегальный мигрант». Это позволяет выявить правонарушения в сфере миграции, допущенные иностранными гражданами и лицами без гражданства, нарушившими режим пребывания на территории Российской Федерации. Также осуществляется контроль над трудовой деятельностью мигрантов отсутствия разрешения на работу, а также российскими гражданами, нарушившими правила привлечения и использования иностранной рабочей силы и т. д. В последние годы Правительство РФ разработало и ввело в действие целый ряд важных законодательных актов, касающихся миграции как внутренней, так и внешней. Основным направлением деятельности органов власти региона по регулированию трудовой миграции является оказание содействия безработным гражданам республики в трудоустройстве в связи с добровольным переездом в другую местность по предложению органов службы занятости. В этих целях в Дагестане были сформированы федеральный и окружной банки вакансий, которые призваны обеспечить возможность выбора рабочих мест в соответствии с предпочтениями населения и требованиями работодателей.

В заключении необходимо отметить, что миграционные настроения пронизывают дагестанское общество, а миграция воспринимается как один из способов удовлетворения социально-экономических потребностей.

Проведенное исследование позволяет нам сделать вывод, суть, которой сводится к миграционным процессам социально-экономическим территориальным и этническим явлениям, в результате которых приводят к изменению численности населения и его социальной структуре, также к количественным и качественным изменениям в социумах.

Библиографический список:

1. Гимбатов Ш.М. Проблемы миграции в Дагестане. - Материалы научно-практической конференции Молодежь и наука. - Махачкала, 2002.
2. Гимбатов Ш.М. Миграционные процессы в Махачкале. - Вестник молодых ученых Дагестана. Махачкала, 2002. Вып. 1.
3. Росстат РФ. Перепись населения РФ 2002 г. М. 2002.
4. Гимбатов Ш.М. Миграции сельского населения Южного федерального округа. - Занятость в XXI веке: Формы, тенденции изменения, закономерности и мера. Материалы 1 Международной научно-практической конференции / РГЭУ (РИНХ). - Ростов н/Д., 2003.
5. Сайпулаев И.М., Эльдаров Э.М. Водохозяйственные проблемы и перспективы. - Махачкала: «Деловой мир», 2003.

Матвеев А.А.,
аспирант кафедры философии,
Ивановский государственный университет, г. Иваново

СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: МИГРАЦИОННЫЙ СРЕЗ

Аннотация. В статье описывается проблематика миграционных процессов и связанных с этим определенных опасностей, которые с успехом может решить выработанная стратегия миграционной безопасности как часть глобальной культуры безопасности.

Ключевые слова: безопасность, миграция, глобализация, мультикультурализм, мобильность

THE MODERN GLOBAL SECURITY: MIGRATION CASE

Summary. The article describes the problems of migration processes and certain hazards associated with it, which the developed strategy of migration security can successfully solve as part of a global safety culture.

Key words: security, migration, globalization, multiculturalism, mobility

В начале 21-го века мы наблюдали чрезмерное негативное внимание - или, как некоторые называют это «моральной паникой», а именно – неуправляемая миграция, повлекшая интенсификацию взаимозависимости социально-экономических, политических и культурных процессов, протекающих во всех уголках мира. Этот процесс усиления взаимозависимости в рамках единого мирового сообщества получил название «глобализация». Подобное понимание разворачивающихся процессов представляется наиболее адекватным в рамках философского дискурса, ибо демонстрирует качественную специфику глобализации, тогда как традиционно она мыслится в редуцированном (формальном) контексте - как интеграционный и унификационный тренд.

Глобализация кардинальным образом изменила мир: не только в технико-технологическом плане, приоткрыв предметные миры будущего (пока еще не всему населению земного шара), но и в мировоззренческом (можно даже сказать в идеологическом) ключе. Глобализация позволила произвести тотальное сравнение материальных условий бытия и соответствующих им типов мировоззрений. Наверное, именно из этого факта и проистекает крайняя актуализация проблем безопасности, переросших национальный статус и сформировавших в настоящее время систему глобальной безопасности.

Главное условие глобальной безопасности, с нашей точки зрения, - это изменение сознания людей, что, в свою очередь, является определяющим фактором формирования глобальной культуры безопасности [2]. Не следует понимать этот тезис слишком прямолинейно: идея трансформации сознания (коллективного и индивидуального) стала «общим местом» в социогуманитарных исследованиях. В нашем случае речь идет не о замене прежнего сознания на новое¹, а об обнаружении нового системообразующего свойства, заново «перестраивающего» структуру сознания².

Феномен безопасности атрибутирован со всеми сферами деятельности, от того он становится глобальным, при этом её обеспечение составляет специфическую область жизнедеятельности человека в целом [2, С. 203]. Глобальная культура безопасности — топовый фазис развития цивилизации, когда коллективный разум мирового сообщества признает ответственность за результаты *ultra vires* антропогенной деятельности.

Традиционно выделяют следующие функции, которые берет на себя глобальная культура безопасности: «защита окружающей среды, содействие экономическому и социальному прогрессу развивающихся стран; <..> предотвращение и урегулирование этнополитических конфликтов; сохранение культурного многообразия в современном мире» [4]. Эту сложную систему можно анализировать с разных позиций, выбирая каждый раз новый концепт и получая при этом разные интерпретационные модели (результаты). С нашей точки зрения, одним из срезов социокультурного бытия активно влияющего на перечисленные аспекты безопасности, в настоящее время оказывается миграционная безопасность (миграционные процессы). Миграционный фактор становится во многом определяющим для абсолютного большинства сфер жизнедеятельности современного мультикультурного, поликонфессионального, многонационального глобализирующегося общества.

¹ Хотя именно так иногда и представляют себе некоторые авторы процесс изменения мировоззренческих установок.

² Именно в этом ключе понимается динамика сознания в рамках системного подхода [3; 5; 6].

С недавнего времени (начало XXI века) миграция перестала быть коллективной: это уже не переселение определенного этноса. Миграционный процесс эпохи глобализации превратился в демократический и сугубо индивидуальный, зачастую переходящий в семейный пространственный дрейф. Этот факт, в свою очередь, вызвал к жизни новую мобильность - «демократичную». Демократичная мобильность предполагает свободу перемещения в любом направлении (возможность осуществлять эту свободу). В этом контексте миграционные процессы становятся все более непредсказуемыми (или, по крайней мере, малопредсказуемыми), а перемещение индивидов и их групп захватывает самые разные области социального, превращая всех в «невольников (заложников) движения». Заметим здесь, что скорость перемещений настолько динамична, что мигранты не успевают (не имеют возможности) ассимилироваться на новом месте [1, С. 122]. А это, в свою очередь, способствует пролонгации миграционных интенций, обуславливает сохранение, по сути, кочевого образа жизни.

Эпоха глобализации кардинально изменила не только форму, но и содержание «великого переселения народов», регуляторами чего выступили концепции толерантности и мультикультурализма. Выражаясь марксистским языком, миграция сейчас предполагает не столько перемещение производительных сил, сколько, следующее за этим, перемещение производственных отношений.

Следует констатировать, что в большинстве западноевропейских стран «миграционный кворум» уже достигнут. До формирования чувства этого кворума среди мигрантов преобладает ассимиляционная ориентация (задающая формы семиотического уподобления), которая, при достижении порогового значения, уступает место диссимиляционной (формирующей формы семиотического разуподобления и механизмы сохранения идентичности). Метафора Ю. М. Лотмана - «культура и взрыв» - как нельзя лучше описывает социокультурную динамику последнего тренда.

Для нас, очевидно, что в настоящий момент, именно миграционная безопасность становится ключевым компонентом разноуровневых систем безопасности, ибо обеспечивает в свою очередь, экономическую, политическую и, в конечном итоге, национальную безопасность. Здесь еще раз важно подчеркнуть, что миграционную безопасность следует рассматривать в ее соотношении с другими элементами системы глобальной безопасности, такими как: духовная безопасность, этническая, информационная, террористическая, демографическая, социальная, трудовая и т.д. Миграционный хаос, который сейчас является неупорядоченным необходимо возвести в саморазвивающуюся систему. Таким образом, миграционный фактор становится во многом определяющим для абсолютного большинства сфер жизнедеятельности современного общества. В этом ключе миграционная безопасность оказывается актуальной проблемой не только глобального, но и локального уровня, когда, например, внутренняя миграция касается конкретных городов и областей.

Миграционная безопасность как свойство социальной системы, предполагает поддержание определенного состояния социума (или его локуса), при котором возможно не только стабильное мультикультурное существование, но и гармоничное этно-национальное развитие. Как институт миграционная безопасность предполагает осуществление базовых функций: политическая (онтологическая) - контроль терроризма, сепаратизма, экстремизма; экономическая (праксиологическая) - распределение трудовых ресурсов и нивелирование «демографических ям»; национальная (аксиологическая) - сохранение национального единства и многообразия этнокультур.

Миграционная безопасность характеризует состояние бытия, когда совокупность соотношений подчиненных срезов безопасности качественно переходит в состояние отсутствия притязаний на этническую, политическую, экономическую самоидентичность, сопровождающееся генезисом культуры толерантности (терпимости), ненасилия и гармонизации мира во имя нравственной «просвещенности/ просветления» для обретения планетарного благополучия.

Таким образом, можно сказать, что глобальная культура безопасности в миграционном срезе есть ничто иное как - уровень развития планетарного сознания которое готово

принять на себя ответственность за результаты жизнедеятельности в области глобальных миграционных процессов на планете, и направлено на обеспечение безопасного функционирования всего мирового сообщества.

Библиографический список:

1. Баньковская С. П. Миграция, свобода и гражданство: парадоксы маргинализации // Полис Политические исследования. 2006. № 4. С. 120-126.
2. Гафнер В.В. Опасности социального характера и защита от них: Учебное пособие/В.В. Гафнер, С.В. Петров, Л.И. Забара. М.: Флинта: Наука, 2012. 320 с.
3. Глобальная безопасность: инновационные методы анализа конфликта. Под общей редакцией Смирнова А.И. Москва. Издательство Общество «Знание». 2011. – 272 с.
4. Косов Ю.В. Безопасность: геополитический аспект. [Электронный ресурс]// [URL://http://www.nationalsecurity.ru/library/00008/00008report5.htm](http://www.nationalsecurity.ru/library/00008/00008report5.htm).
5. Смирнов Г. С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность: философские проблемы ноосферного универсума. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. 244 с.
6. Смирнов Д. Г. Семиософия ноосферного универсума: Ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 372 с.

Мочалова Н.Ю.,

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических наук НТГСПИ, г. Нижний Тагил

КОЛЛИЗИИ ДИАЛОГА В СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ: ИМПЕРАТИВЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. В статье рассматриваются новые аспекты диалогического взаимодействия в условиях глобального культурного пространства. Концепт диалога в условиях современного мира должен обрести статус практического императива реального общения субъектов и их культур.

Ключевые слова: диалог, глобальная культура, толерантность, идентичность.

Mochalova N. Yu.,

candidate of philosophy, associate Professor NTGSPA, Nizhny Tagil

CONFLICT DIALOGUE IN CONTEMPORARY GLOBAL CULTURE: IMPERATIVES AND REALITIES

Summary. The article deals with new aspects of Dialogic interaction in the global cultural space. The concept of dialogue in the modern world should acquire the status of a practical imperative of real communication of subjects and their cultures.

Key words: dialogue, global culture, tolerance, identity.

Сегодня мы наблюдаем коллизии глобализирующегося мира со всеми многоуровневыми и многоплановыми взаимодействиями и нарастающим межцивилизационным напряжением. Речь идет не столько о традиционном противопоставлении Запад – Восток, но и актуальных противоречиях в успешной «единой» Европе, о противоречиях межкультурной идентичности в самых разнообразных аспектах. Мир не перестанет быть глобальным, а единую на всех планету раздирают на клочья противоречий субъекты истории со своими страстями и национальными, конфессиональными, политическими, идеологическими и прочими различиями. Это не может не породить пессимистических сомнений в нереализуемости самой идеи диалога и диалога культур в столь враждебном поликультурном мире.

Призыв В.И. Вернадского к формированию культуры планетарного мышления остается и по сию пору нереализованным императивом: «Человек впервые реально понял, что он – житель планеты и может – должен – мыслить и действовать в новом аспекте, не только в ас-

пекте отдельной личности, семьи, рода, государства и их союзов, но и планетном аспекте» [2, с.]. Реальность современной нам действительности опровергает эти оптимистические мысли; политические амбиции и экономическая выгода властных лидеров, их безответственное поведение провоцируют новые конфликты и очаги напряженности современного мира. Важно осознать, что альтернативой мирному существованию людей, народов, стран в планетном масштабе может быть только вариант «война всех против всех», третьего не дано.

И потому мирное взаимное существование столь различных народов и культур неизбежно требует «выращивание» единой культуры человечества, построенной на основе толерантного диалога через преодоление многовековой враждебности и разобщенности. Самое сложное – перестройка сознания, изменение системы ценностей, определяющей стратегии поведения и отношения к Другому, но только через этот путь перестройки, а может быть, и ломки сознания, к конструктивному диалогу на основе уважения прав Другого возможен глобальный диалог культур. Именно это имел в виду выдающийся культуролог нашего времени М. С.Каган – «ныне человечество приговорено к диалогу» [4, с. 308].

Рассмотрим основания диалогичного общения в современной реальности бытия, которые, как нам кажется, изменились в сравнении с классической концепцией диалога, выработанной гуманитарной научной интеллигенцией (М. Бахтин, В. Библер, В. Вернадский, Ю. Лотман, В. Межуев и др.). Традиционно первопричиной вступления в диалог отмечался взаимный интерес культур друг к другу. Это не интерес примитивных культур к более развитым и компетентным, если и настаивать на интересе культур современного существования, то этот «интерес» вынужденный, «интерес-обогащение» своего за счет чужого, вынужденное признание границ, охраняющих свой культурный багаж. Интерес к чему-либо (кому-либо) определяем незнанием или ограниченной информацией о предмете интереса. Отсутствие интереса, нежелание «вопрошать» обрывают живую нить диалога. Как справедливо заметил Х. Г. Гадамер, «тот, кто в своих речах стремится лишь оказаться правым, а вовсе не проникнуть в суть дела, к диалогу не способен» [3, с. 130]. Диалог как переосмысление, эвристическая наполненность смыслами при доминирующем желании услышать и понять Другого в социополитическом, этнокультурном дискурсах современности остается лишь благим пожеланием.

Множество острых политических проблем в различных регионах мира (Украина, Великобритания, Сирия, Франция ...) доказывают нежелание оппонентов услышать друг друга, принять аргументы противоположной стороны, выразить желание разрешить конфликт мирным способом диалога. В ситуации современного острого политического противостояния важны даже «реплики», которые принимаются и осмысливаются по-своему, давая надежду на возобновляемый диалог. Пока нет в процессе взаимодействия, его нельзя считать диалогичным. Эта тривиальная констатация особенно важна для глобального масштаба современности, в котором все локальные проблемы обретают прежде не свойственный им характер глобалистики.

Характерной чертой диалога в современной ситуации глобального мира можно считать его трудноосуществимый характер в силу обращенности, апелляции к метафизическим ценностям как «абсолютной истине». Разговор «от имени Бога, справедливости, правды, добра ...» изначально ограничивает поле диалогических смыслов. В морали и религии исключается возможность свободного волеизъявления, выбора индивидуального мотива, преобладает единообразие смысла и дидактических наслоений. Диалогический потенциал культуры может быть раскрыт в плоскости искусства. «Искусство изначально в своей сущности диалогично», - отмечает М. Бубер [1, с. 114]. Художественная традиция гораздо более гибко и вариативно способна воплощать диалогические возможности человеческой культуры. По крайней мере, искусство способно смягчить проявление национальных стереотипов, политических мифов, столь остро и активно резонирующих в современном мире.

С этим замечанием свяжем еще одну особенность современного диалогического общения. Это ничем не ограниченная свобода приобщения к своей и чужой культуре, это свободное заимствование, выбор своей культурной идентичности, свобода от всех норм и табу,

прежде всего – от моральных культурных норм. Это и порождает новые узловые противоречия межкультурного, межцивилизационного, социально-политического, межгосударственного характера. Свободное обращение с иными нормативными общечеловеческими ценностями может привести и к морально-психологическим проблемам, имеющим острый резонанс общественного мнения (обсуждения тем патриотизма, толерантности, политкорректности, норм сексуальной морали).

Вот это и актуализирует проблему диалога в культуре и диалога культур.

Библиографический список:

1. Бубер М. Два образа веры: пер. с нем./ под ред. П.С. Гуревича, С.Я. Левит, С.В. Лёзова. М.: Республика, 1995.
2. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Издательство «Наука», 1988.
3. Гадамер Х. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
4. Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. СПб: ООО «Изд-во Петрополис», 2003. Кн. 2.

Рубец С.Г.,

кандидат технических наук, доцент
кафедры тракторов, автомобилей и машин для природообустройства,
Белорусская государственная сельскохозяйственная академия,
г. Горки, Республика Беларусь

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье анализируется процесс воздействия социума и его структур на индивидов, в результате которого накапливается социальный опыт и происходит становление личности. Социализация реализуется на протяжении всей жизни человека, но ключевые ее этапы осуществляются в детском и юношеском возрасте.

Ключевые слова: общество, социализация, молодёжь, развитие личности, деятельность

Rubets S.G.,

candidate of technical sciences, associate Professor, Gorki, Republic of Belarus

PROBLEMS OF SOCIALIZATION OF YOUTH

Summary. The article analyzes the process of influence of society and its structures on individuals, because of which social experience accumulates and the formation of personality takes place. Socialization is implemented throughout a person's life, but its key stages are carried out in childhood and adolescence.

Key words: society, socialization, youth, personal development, activity

Актуальность проблем социализации молодежи в современном обществе связана с тем, что «кризисные ситуации в различных сферах жизни и в современном обществе в целом обостряют проблему социализации молодежи и активизируют проблему ее изучения, поскольку ставят под угрозу воспроизводство как существующих общественных структур, так и воспроизводство отдельно взятых индивидов и личностей» [4, с.125]. Развивающаяся личность нуждается в поддержке, в ценностно ориентированном направлении дальнейшего развития.

Выделяют несколько явлений, которые осложняют социализацию современной молодежи: социальное неравенство; вестернизация общества; трансформация общества; трудовая занятость; реформы государства; асоциальные модели поведения.

Важным фактором социализации является социальное неравенство молодежи. Это дифференциация, при которой разные семьи и сами молодые люди находятся на разных ступенях социальной иерархии и имеют неравные жизненные шансы и возможности. Различные имеющиеся материальные и духовные ресурсы делают невозможным одинаковый процесс

социализации для всей молодежи. На всех этапах социализации четко прослеживается социальное неравенство. На этапе первичной социализации молодые люди находятся в неравных условиях в силу неодинакового материального положения семьи и отличий в объеме получаемого внимания со стороны взрослых и сверстников. Образование является важнейшим институтом вторичной социализации, но разный статус и неодинаковое обладание ресурсами создают барьеры для его получения.

Вестернизация общества – это процесс заимствования, копирования западноевропейского образа жизни, в том числе в области экономики, культуры, образования. Российская молодежь начинает подражать ценностям западных молодых людей. Зарубежная киноиндустрия, субкультуры, СМИ, кумиры современной молодежи – все это оказывает влияние на современное молодое поколение и на процесс их социализации. Молодые люди впитывают и принимают как должное такие черты низовой западной культуры, как стремление к свободному и «разгульному» образу жизни, негативное отношение к учебе, склонность к становлению жестоким лидером, высмеивание окружающих, достижение успеха, не считаясь со средствами и др. В результате этого явления процесс социализации современной молодежи сопровождается утрате целостности отечественной культуры, разрыву и даже противостоянию различных типов культур, существующих в нашем обществе. Народная культура воспринимается большей частью молодежи как анахронизм, для них становится роднее западная культура, ее традиции, обычаи, обряды. Таким образом, теряется социокультурная преемственность: все меньше молодых людей испытывают чувство патриотизма, все большее перенимают западные ценности.

В современном мире прослеживается трансформация общества, изменение привычных социальных стереотипов. Переход от индустриального к постиндустриальному обществу, трансформация института семьи, всеобщая компьютеризация молодежи и т.п. явления – все это накладывает свой отпечаток на современные тенденции социализации молодежи. Меняется общество и вместе с ним – молодое поколение. То, что было непривычным для советской молодежи, становится обыденным для современной. Это не является отрицательным явлением, просто происходит видоизменение ранее известных устоев жизни. Молодежь становится более независимой в выборе жизненных траекторий. Современное молодое поколение само выбирает свою будущую профессию, понимает важность участия в политической жизни страны. В то же время на первый план выходит частная жизнь. Возникают как более высокие возможности для социализации молодежи, так и социальные барьеры.

Трудовая занятость молодежи – неотъемлемая часть жизни современного молодого поколения. Переход к рыночным отношениям в сфере труда и занятости привел к возникновению принципиально новой ситуации в социально-трудовых отношениях. С одной стороны, рыночная экономика значительно расширила границы приложения сил и способностей молодежи в сфере труда, а с другой, в связи с ослаблением роли государства в экономике, ценностно-этнической основы труда, выбор сферы деятельности этой группы населения зачастую не соответствует получаемой специальности, выходит за рамки правовых норм.

Происходит «переход» молодежи в отрасли, не связанные с жизненно важными интересами страны. Растет разочарование молодежи в социальной востребованности выбираемых ими профессий. В сознании молодых людей складывается устойчивый стереотип о неспособности государства обеспечить им социальную поддержку. Во время трудовой социализации молодежи существует противоречие: с одной стороны, это позитивный процесс усвоения трудовых ценностей, с другой, прослеживаются отрицательные черты – ориентация на высокую оплату труда вне зависимости от характера и содержания труда, на приобретение профессий и специальностей, обеспечивающих «доходное место» в бизнес-структурах, распределительной сфере услуг.

Трудовая социализация молодежи – это не только необходимое условие формирования личности в труде, приспособленной к существованию в данном обществе, но и фактор, влияющий на внутреннюю структуру общества, определяющий тенденции дальнейшего развития общества, его прогресс или регресс.

В современном обществе оживленно идут реформы во всех сферах жизнедеятельности, естественно это касается и молодежи, ее социализации. Так, непосредственно молодежи касается вступление в Болонский процесс " процесс сближения и гармонизации систем образования стран Европы в рамках Болонского соглашения с целью создания единого европейского образовательного пространства. Это воздействует на усвоение новых правил, норм молодежью, возникновение новых социальных лифтов, новых ролей.

Следует обратить внимание и на асоциальное поведение, и социальные проблемы, которые тормозят естественную социализацию, направляют молодую личность «не в то русло», это пьянство, наркомания, проституция, безработица, вовлечение в противоправную деятельность. Это затрудняет усвоение конформных правил поведения, личность «сбивается с пути истинного», человек более подвержен перениманию качеств, окружающих находясь в неформальной обстановке, особенно этому подвержена молодежь, она перенимает асоциальные привычки [4, с.78].

Социализация является успешной, если имеется, с одной стороны, эффективная адаптация человека в обществе, а с другой – способность в какой-то мере противостоять обществу, а точнее – тем жизненным коллизиям, которые мешают развитию, самореализации, самоутверждению человека. Для дальнейшего развития общества необходимы успешно социализированные личности, особенно молодежь, определяющая будущее нашей страны.

Библиографический список:

1. Григорьев С.И., Гусякова Л.Г., Гусова С.А. Социальная работа с молодежью: учебник для студентов вузов. М.: Гардарики, 2008. 204 с.
2. Караев А.М. Социализация молодежи: Методологические аспекты исследования. Гуманитарные и социально-экономические науки. 2005. №3. С. 124-128.
3. Коган, В.З., Уханов, В.А. Человек: информация, потребность, деятельность. Новосибир. электротехн. ин-т связи им. Н.Д. Псурцева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 191 с.
4. Современная молодежь: проблемы и перспективы развития [текст]// Материалы международной межвузовской студенческой научно-практической конференции, посвященной году молодежи в РФ. М.: Институт международных социально-гуманитарных связей, 2012. 240 с.

Сергеева Е. В.,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры гуманитарных дисциплин

Дагестанского государственного университета народного хозяйства, г. Махачкала

ЖЕНСКАЯ БРАЧНАЯ МИГРАЦИЯ

Аннотация. Статья посвящена теме женской брачной миграции. В ней рассматриваются причины и особенности данного явления. Проводится сравнительная характеристика женской миграции из стран Европы и Азии.

Ключевые слова: женская брачная миграция, высшее образование, россиянки, девушки-мусульманки

Sergeeva E.V.,

Candidate of historical Sciences, Associate Professor of DSUNE, Makhachkala

WOMEN'S MARRIAGE MIGRATION

Summary. The article is devoted to the women's marriage migration. It examines the causes and features of this phenomenon. A comparative description of women's migration from Europe and Asia is given.

Key words: women's marriage migration, higher education, Russians, Muslim girls

Глобализация и миграция - это два явления, которые тесно взаимосвязаны между собой. Особое место в международной миграции занимает женская брачная миграция, которая как

социальное явление получила развитие в 90-е годы XX века. Брачная миграция может иметь весьма неблагоприятные последствия, особенно для России, так как за границу в основном уезжают молодые женщины: 60% - в возрасте до 30 лет; из них – около 10% моложе 20 лет; 30% - в возрасте 30-40 лет. Средний возраст «чемоданных невест» составляет 25-30 лет [1]. А ведь именно женщины этого возраста составляют основной генофонд нации. Основными направлениями, куда направляются мигранты являются США и страны Европы, а для россиянок еще и ближневосточные государства. В результате происходящей миграции происходит не только потеря генофонда, но и «утечка мозгов», о которой предпочитают умалчивать. Так как особенностью брачной миграции жительниц европейских государств является высокий уровень образования, большая часть уже имеют высшее образование, другие продолжают получать его за рубежом. Женщины такого уровня предпочитают выйти замуж либо за человека более высокого социального статуса либо за хорошего семьянина, живущего «земными» проблемами и «крепко стоящего на ногах». В подобных браках просматривается желание найти безопасность, стабильность, гарантированный жизненный уровень, что подтверждается высоким социальным положением будущего мужа и возможностью переложить на «мужские плечи» решение наиболее важных жизненных проблем.

Причинами же миграции жительниц европейских государств становятся: 1) дальнейшая демократизация общества; 2) неустроенность высокообразованных женщин (в России) и, соответственно, желание самореализации в другой стране. Особенность нашей страны в том, что экономически развитых центров, где можно найти хорошую работу и реализовать свои карьерные амбиции, к сожалению, пока не так много; 3) к этому добавляется традиционная нехватка мужского населения, которая подтверждается данными Росстата в 2016 году в России проживало 67 897 000 мужчин и 78 648 000 женщин, что еще раз подтверждает, что Россия «женская страна» [2].

Что касается брачной миграции из стран исламского мира, то здесь главным фактором является общая неблагоприятная социально-экономическая ситуация в стране. На родине большинство представительниц женского пола попадают в публичные дома, в нищету и наркотики, а в Европе чаще всего девушки становятся жертвами садистских наклонностей мужа, а в худшем случае – объектом сексуальных утех целой компании. В большинстве случаев, особенно, девушки-мусульманки не свободны в своем выборе. Так, например, некоторые государства Юго-Восточной Азии (Таиланд) специализируются на «выращивании» девушек для поставки на экспорт. В некоторых уголках этой страны даже существует обычай топить мальчиков, которые являются обузой для семьи и не приносят денег [3]. Миграция в глобализирующемся мире – не только источник международной мобильности, но и шанс изменить свое положение в обществе. В последнее время в этом процессе увеличивается роль женщин, одни уезжают из страны в поисках «сказочного принца», а другие бегут от нищеты.

Библиографический список:

1. Брак с иностранцем как новая модель адаптации российских женщин в условиях переходного общества// URL://<http://www.gumilev-center.ru/brak-s-inostrancem-kak-novaya-model-adaptacii-...>
2. Женская брачная миграция – феномен новой России// URL://<https://blog.teamo.ru/2011/03/01/zhenskaya-brachnaya-migratsiya-fenomen-no/>
3. Жена из Таиланда в первую очередь хороша тем, что ее можно безнаказанно выставить за дверь// URL://<http://levconsulting.ru/skolko-stoit-fiktivnyj...s...96761/>

Уповор И.В.,
доктор исторических наук, профессор кафедры
конституционного и административного права,
Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ: МАССОВОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ОСТАЁТСЯ БЕЗ ДОЛЖНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Рассматривается проблема внутренней миграции населения из Севера, Сибири, Дальнего Востока в центральные и южные регионы России. Отмечается, что этот процесс не имеет должного регулирования и приводит к серьёзным социально-экономическим перекосам, в связи с чем требует принятия чрезвычайных мер по улучшению положения.

Ключевые слова: миграция, население, перемещение, Сибирь, Дальний Восток, переселение, концепция, чрезвычайные меры.

Uporov I.V.,
Doctor of Historical Sciences, Candidate of Laws, Professor, Krasnodar University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar

INNER MIGRATION IN RUSSIA: MASS MOVEMENT OF RESIDENTS REMAINS WITHOUT ADJUSTMENT

Summary. The problem of internal migration of the population from the North, Siberia, the Far East to the central and southern regions of Russia is considered. It is noted that this process is not properly regulated and leads to serious socio-economic imbalances, and therefore requires the adoption of emergency measures to improve the situation.

Keywords: migration, population, displacement, Siberia, the Far East, resettlement, concept, emergency measures.

Уровень развития любого общества-государства в решающей степени зависит от населяющих соответствующие территории людей и условий, в которых они находятся, и в этом смысле важнейшее значение имеет миграционная политика. Для России она особенно актуальна, учитывая негативные демографические процессы, связанные со снижением рождаемости. Вместе с тем миграционные проблемы обсуждаются в абсолютном большинстве случаев применительно к внешней миграции, однако, при всей актуальности этой составляющей, не менее злободневными, а подчас и более важными, являются вопросы внутренней миграции. К сожалению, в новой Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 гг. (от 31 октября 2018 г., утверждена Президентом РФ) также основное внимание уделено внешней миграции. Но даже при таком подходе в этой Концепции признается факт того, что «в 2012 - 2017 годах интенсивность внутренней миграции в Российской Федерации увеличилась на 10 процентов. При этом сохранилась общая тенденция к оттоку населения в Центральный, Северо-Западный, Юго-Западный регионы страны, что является постоянным фактором роста диспропорции в размещении населения». В Концепции не указывается, из каких регионов больше всего уезжают жители России, но это давно известно: Крайний Север, Сибирь, Дальний Восток.

Здесь же сразу сделаем оговорку, что категориальный аппарат в системе миграционных отношений ещё недостаточно определен, во всяком случае, в нормативно-правовых актах нет чёткого дефинирования таких ключевых понятий, как «миграция», «мигрант», что лишний раз свидетельствует о сложности этих отношений. При этом миграция может быть разных видов (трудовая, туристическая, образовательная, внешняя, внутренняя, временная, долгосрочная и т.д.). Так, Л.Л. Рыбаковский определяет миграцию довольно широко: «территориальные перемещения, которые совершаются между разными населёнными пунктами или регионами, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности»

[3, с. 28]. В.Д. Самойлов предлагает весьма простое определение внутренней миграции: «переселение людей внутри страны на временной или постоянной основе» [4, с. 375]. Подходы, как видим, разные, но и в них нет единства в сущностных критериях. Следует согласиться с авторами, которые относят к таким критериям пересечение мигрантами административно-территориальных границ и необходимость регистрации государственными органами факта перемещения мигрантов [1, с. 108]. Нужно учитывать также, что миграция имманентно предполагает проживание мигрантов на новом месте, являвшимся целью перемещения. Соответственно мы полагаем, что под миграцией следует понимать административно-территориальное перемещение граждан, связанное с изменением места жительства вне зависимости от причин такого перемещения. Мигрантом является человек, осуществляющий миграцию.

Применительно к внутренней миграции в России речь идёт прежде всего о такой причине миграции, как желание людей изменить постоянное место жительства, и именно этот вид внутренней миграции, на наш взгляд, является, наиболее проблемным, причём, ситуация настолько остра, что нашла отражение даже в Концепции общественной безопасности Российской Федерации (от 14 ноября 2013 г., утверждена Президентом РФ), где, в частности, указывается, что «неблагоприятные тенденции наблюдаются во внутренней миграции, основным вектором которой остаётся переселение мигрантов с Востока страны в Центр, в том числе в Московский регион, в результате чего не только усиливается дисбаланс в распределении населения по территории Российской Федерации, но и растёт социальная напряжённость в обществе, способствующая возникновению ксенофобии, национальной, расовой и религиозной розни, а также увеличивается количество этнических организованных преступных групп». Однако, несмотря на столь серьёзные сигналы, пока не наблюдается решительных и энергичных мер со стороны государственных органов по улучшению положения. А между тем, по данным Росстата (официальный сайт), только в 2015 г. из регионов только Сибирского и Дальневосточного федеральных округов выбыло 923 тысячи жителей при общей численности этих федеральных округов 25,5 млн человек. В литературе отмечается, что «более 130 лет – с 1860-х вплоть до 1991 года – население Дальнего Востока постоянно увеличивалось, за исключением первых лет Великой Отечественной войны. Росло население за счёт миграции из разных регионов страны – молдаван, украинцев, узбеков и т. д. Приезжало всегда больше народа, а уезжало всегда меньше ... Но с 1991 года начался бурный отток населения» [2]. И этот отток продолжается. К этому нужно добавить отток населения и из регионов Европейского Севера.

Возникает вопрос: что же послужило причинами массового оттока российских граждан из указанных регионов? Прежде всего – это отсутствие рабочих мест. Переход российской экономики на рыночные отношения свёл на нет усилия предшествовавшей государственной экономики СССР по управлению регионами. Тогда в целях развития территорий осуществлялось бюджетное финансирование при строительстве соответствующих объектов, прокладки железнодорожных, автомобильных и водных путей сообщения и государство стимулировало переезд туда граждан высокими заработками («длинным рублём»), т.н. «подъёмными» денежными средствами, профессиональными и карьерными перспективами, предоставлением жилья, льготным исчислением трудового стажа и т.д. Это была экономическая стратегия, которая не могла дать немедленного эффекта при столь грандиозных просторных и производственных масштабах освоения новых территорий, она рассчитывалась на десятилетия. После распада СССР вся эта система была разрушена, предприятия в условиях жёсткого капитализма и не без участия конкурентов из-за рубежа стали закрываться, началось массовое увольнение работников и последующий отток населения. А территории, откуда уезжают мигранты, продолжают деградировать, и уже не удивляют картины брошенных хрущёвок, каркасы и стены некогда активно работающих, а ныне разрушающихся шахт и других предприятий, в которые когда-то были вложены огромные государственные средства.

Соразмерных с СССР мер стимулирования граждан ехать на Север, Восток, в Сибирь и жить там, нынешнее российское государство пока создать не смогло, в том числе не решает проблемы и широко разрекламированный бесплатный гектаром дальневосточной земли. В результате десятки тысяч российских семей в поисках лучшей жизни мигрируют в центральную и южную Россию, создавая перекосы иного рода, связанные с переселением территорий. Так, в Московской области получило развитие такое явление, как преобразование муниципальных районов в городские округа, когда на месте бывших деревень, лесов, полей и рек строятся высотные «человейники», и столь интенсивно, что они занимают всю территорию бывшего сельского района, и превращаются в очередной «ню-сити». А в Москве, Краснодаре, Ростове-на-Дону и других крупных городах не счесть случаев «точечной» застройки с последующими уголовными делами или без таковых. И это при том, что Россия – крупнейшее по территории государство, где вполне можно строить дома наибольшего комфорта (4-6 этажей), но вместо этого в городской черте возводятся 15, 20, 25-этажные дома, заселяемые преимущественно мигрантами. И – принципиально важно - из этих «человейников» вчерашним мигрантам, купившим здесь квартиры, больше ехать некуда. В целом массовое перемещение мигрантов внутри страны остаётся без должного регулирования. Такое положение, когда одна часть страны все более и более обезлюдивается, а другая, напротив, перенасыщается людьми, приводит к негативным последствиям в обеих частях. Переселение при отсутствии объектов соцкультбыта создаёт условия роста преступности, наркомании, создаёт проблемы безработицы, экологии и др. Отсутствие людей делает территорию во многом беззащитной от внешнего фактора, возникают предпосылки для угрозы целостности государства. В этой связи, на наш взгляд, необходимо разработать и реализовать чрезвычайные меры по более равномерному расселению жителей на территории страны (очевидно, в форме федеральной целевой программы). Преобладающими, конечно, должны быть меры стимулирующего характера. Но и меры государственного принуждения (за незаконное строительство, нарушение территориальных планировок и др.) также должны активно применяться.

Библиографический список:

1. Андриченко Л.В., Плюгина И.В. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения. М.: ИЗиСП, Норма, ИНФРА-М, 2019.
2. Как вернуть население на Дальний Восток // Взгляд. Деловая газета. 2018. 10 сентября / URL: <https://vz.ru/economy/2018/9/10/941161.html> (дата обращения: 10.04. 2019 г.).
3. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М., 2003.
4. Самойлов В.Д. Основы миграционного права. М.: АЭБ МВД России, 2009.

СЕКЦИЯ V. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ

Ахмедов И.А.,
кандидат философских наук, доцент
кафедры онтологии и теории познания ДГУ, г.Махачкала

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Патриотизм понимается как одна из наиболее значимых, непреходящих ценностей, присущая всем сферам жизни общества и государства, которая является важнейшим духовным достоянием личности. При этом патриотизм формируется в единстве духовности, гражданственности и социальной активности личности, осознающей свою неразрывную связь с Отечеством. В данной работе показано, что патриотическое воспитание выступает важнейшим направлением духовно-нравственного воспитания современной молодежи

Ключевые слова: патриотизм, молодежь, патриотическое воспитание, нравственное воспитание, духовно-нравственные ценности

Akhmedov, I. A.,
Candidate of philosophy, associate Professor of DSU, Makhachkala

PATRIOTIC EDUCATION AS THE PRIORITY OF SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION OF MODERN YOUTH

Summary. Patriotism is understood as one of the most important, enduring values inherent in all spheres of life of society and the state, which is the most important spiritual property of the individual. At the same time patriotism is formed in the unity of spirituality, citizenship and social activity of the individual, aware of its inextricable connection with the Fatherland. In this work it is shown that Patriotic education is the most important direction of spiritual and moral education of modern youth

Key words: patriotism, youth, Patriotic education, moral education, spiritual and moral values.

Важно отметить, что подрастающее поколение – это будущее нашего общества и правильное нравственное воспитание молодёжи является одной из важнейших задач, в том числе и для государственной власти. Как никогда, в настоящее время, возникла историческая необходимость консолидации российского общества, процесс объединения институтов государства и гражданского общества, которые должны быть, на наш взгляд направлены на сохранение и развитие России как уникальной полиэтнической и многоконфессиональной социальной общности народов, исторически формировавших современное государство – Российскую Федерацию [1, с.349]. Достижение вышеуказанной задачи во многом зависит, помимо многих факторов и от патриотического воспитания современной молодежи.

Патриотическое воспитание молодёжи, подготовка её к защите Родины эти вопросы всегда были и остаются важными направлениями государственной политики России. Государство уделяет большое внимание патриотическому воспитанию, рассматривая его как необходимое условие обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Эти идеи нашли свое выражение в принятых Президентом Российской Федерации В.В. Путиным «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [8] и «Основах государственной культурной политики» [9], в утвержденных Правительством Российской Федерации «Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [7].

Патриотизм (от греч. - соотечественник, - родина, отечество), любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам. [2]. Воспитание - целенаправленное формирование личности в целях подготовки её к участию в общественной и

культурной жизни в соответствии с социокультурными нормативными моделями. [4]. Не даром в Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России подчёркнуто, что «Воспитание человека, формирование свойств духовно развитой личности, любви к своей стране, потребности творить и совершенствоваться есть важнейшее условие успешного развития России» [5, с.14]. Начиная с 2001 года, постановлениями Правительства Российской Федерации, каждые пять лет вводится в действие обновлённая Государственная программа патриотического воспитания граждан. В своём содержании Программа предусматривает единый комплекс мероприятий, направленных на дальнейшее совершенствование системы патриотического воспитания граждан России, способный на основе формирования патриотических чувств и патриотического сознания, обеспечить решение задач по консолидации общества, по поддержанию социальной и экономической стабильности, по упрочению единства и дружбы народов многонациональной России. В современных условиях образовательной деятельности идеи патриотизма могут и должны стать тем стержнем, вокруг которого формируются высокие, социально значимые чувства, убеждения, позиции и устремления молодёжи, воспитывается её готовность и способность к активным действиям на благо Отечества [6, с. 306].

Воспитание истинного Российского патриотизма предполагает целенаправленное формирование и последовательное развитие целого комплекса позитивных личностных качеств. Основой такого личностного развития являются духовно-нравственный и социокультурный компоненты воспитательной работы с учащимися. При этом патриотизм формируется в единстве духовности, гражданственности и социальной активности личности, осознающей свою неразрывную связь с Отечеством. Патриотизм органично включается в идеологию, в программы и содержание образования человека XXI века, и при этом его ценностное, духовно-нравственное основание является неотъемлемой частью современной концепции модернизации образования. В этой связи принятие новой редакции Закона “Об образовании” в 2015г, где говорится, что 1) «образование - единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» и 2) «воспитание - деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства». [8, ст.2].

В современном образовательном учреждении приоритетным направлением учебно-воспитательной деятельности является патриотическое воспитание, ориентированное не столько на накопление очередной суммы знаний, сколько на развитие патриотических чувств, которые составляют основу гражданственности человека, гордости его за принадлежность к своей Родине («Я - гражданин России!»). Как показывает практика, на современном этапе развития отечественной образовательной системы, - той сферой, которая позволяет педагогам, воспитателям наиболее успешно реализовать программы патриотического воспитания учащейся молодёжи, часто выступает внеклассная и внеурочная работа учащимися [6, с.308].

Россия сегодня как никогда нуждается в просветительстве во имя сохранения человеческого и культурного генофонда нации, сохранения ее территориальной и этнической целостности. При этом в современных условиях просветительство имеет два направления, два вектора своего развития. *Первое* – это распространение добытых наукой знаний с целью укрепления единства и целостности страны. *Второе* - это развитие гражданского общества, повышение политической культуры участия рядовых граждан в делах государства, овладение навыками защиты своих прав и свобод. Здесь просветительство решает более «приземленные» задачи обустройства повседневной жизни и придания ей смысла, обучения тому, как

справляться с конкретными жизненными проблемами. Предметом просвещения должны стать три фундаментальные идеи: социальная справедливость, гражданственность и патриотизм. Содержанием просвещения должно быть распространение новейших научных знаний в области истории и культуры страны и мира, наук о человеке, природе и обществе, разрешения глобальных проблем человечества.

Идейными основами национальной консолидации российского общества в современных условиях могут и должны стать инварианты культурного наследия всех ее народов: - культ семьи как основы воспроизводства народа; - любовь к своей малой Родине, уважение ее культуры как неотъемлемой части культуры Родины большой – всей России, знание истории малой Родины как неотъемлемой части истории всей России; - почитание культуры и национальных традиций всех народов Российской Федерации; - знание русского языка и уважение к нему как языку национального единства, признание за ним роли проводника в богатства мировой культуры. К идейным основам национальной консолидации следует отнести также и культ сохранения природы родного края и России в целом как ресурс жизнеобеспечения их народов. Работа по распространению знаний должна инициировать широкое саморазвивающееся гражданское движение, направленное на формирование и утверждение в массовой (и прежде всего молодежной) среде российского национального самосознания. Национальное самосознание россиян должно в своей основе исходить из признания всеми гражданами, всеми субъектами общественной жизни своим высшим приоритетом сохранение территориальной целостности России, ее безопасности, а также сохранение ее природного и культурного генофонда.

Нам кажется, что необходимо разработать молодёжную программу по формированию основ духовно-нравственного воспитания современной молодежи и основными аспектами которой должны являться патриотическое воспитание, а именно: углублённое изучение в учебных заведениях истории России; привитие у молодежи моральных принципов; введение цензуры в СМИ против появления в открытом доступе материалов насильственного и порнографического характера; организация бесплатных спортивных секций и внешкольного образования; пропаганда и поощрение здорового образа жизни; полный запрет на рекламу алкогольных и табачных изделий; введение строгого и неотвратимого наказания за продажу несовершеннолетним запрещённых товаров (табак, алкоголь, материалы насильственного и порнографического характера).

В завершении хочется отметить, что патриотизм выступает в единстве духовности, гражданственности и социальной активности личности, осознающей своё единство с Отечеством. Он формируется под влиянием многих факторов: в процессе обучения и социализации подрастающего поколения, однако главную роль при этом играет воспитание. Ведь оно всегда оказывало решающее воздействие на становление личности и, соответственно, на благополучие целого общества. При этом следует учитывать, что главным творцом воспитательной системы является сам народ. Одной из приоритетных задач, которая должна стоять перед педагогическими и образовательными учреждениями на наш взгляд является создание соответствующих условий для раскрытия способностей каждого молодого человека, определения наиболее интересных для него направлений приложения знаний и сил в различных сферах жизни современного общества.

Библиографический список:

1. Бахтин Ю. К. Патриотическое воспитание как основа формирования нравственно здоровой личности. // Молодой ученый. - 2014. - №10.
2. Большой энциклопедический словарь. Издательство: Большая Российская энциклопедия, 2000 г. ISBN 5-85270-160-2.
3. Выршиков А.Н., Кусмарцев М.Б. Патриотическое воспитание молодёжи в современном российском обществе / Монография. – Волгоград: НП ИПД «Авторское перо», 2006. – 172 с.
4. Гавров С. Н., Микляева Ю. В., Лопатина О. Г. Воспитание как антропологический феномен. Учебное пособие. - М.: Форум, 2011. - [ISBN 978-5-91134-545-7](https://www.isbn-international.org/view/title/978-5-91134-545-7).

5. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. - М.: Просвещение, 2010. ingis-chr.ru...konserpcija_duxhovno-nravstvennogo...
6. Пономарёва И. А. Патриотическое воспитание школьников: теория и современная образовательная практика. В кн.: Единство образовательного пространства как междисциплинарная проблема: Сборник научных трудов. - СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена; АСТЕРИОН, 2011.
7. Распоряжение Правительства РФ №2403-р от 29.11.2014 «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года».
8. Указ Президента РФ №1666 от 19.12.2012 «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».
9. Указ Президента РФ №808 от 24.12.2014. «Основы государственной культурной политики»

Богданова А.А.,
кандидат педагогических наук, доцент
кафедры истории Отечества и методики преподавания истории,
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
г. Стерлитамак

ИНТЕГРАЦИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРИСТИКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются феномен интеграции и дифференциации как ведущих тенденций в современном научном знании и образовании. Автором обосновано значение систематизирующего фактора интеграции в современном обучении, разработаны педагогические условия интеграции социально-гуманитарных дисциплин в системе среднего образования.

Ключевые слова: интеграция, дифференциация, социально-гуманитарные дисциплины, обучение, методика

Bogdanova A.A.,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Sterlitamak Branch of the Bashkir State University, Sterlitamak

INTEGRATION AND DIFFERENTIATION IN MODERN HUMANITARIANS

Summary. The article discusses the phenomenon of integration and differentiation as the leading trends in modern scientific knowledge and education. The author substantiates the importance of the systematization factor of integration in modern education, the pedagogical conditions for integrating socio-humanitarian disciplines in the system of secondary education are developed.

Keywords: integration, differentiation, social-humanitarian disciplines, teaching, methodology

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта СФ БашГУ В19-76

Интерес к проблеме «интеграция» в начале XXI века возрос в связи с ускорением научно-технического прогресса, усилением интегративных тенденций в науке, образовании, политике, производстве, технике, экономике. Интеграция наук, взаимопроникновение их идей, методов и структурных элементов имеют множество аспектов: историко-генетический, гносеологический, методологический, социологический, системно-структурный, экономический, лингвистико-семиотический и другие.

Наиболее цельная концепция интеграции и взаимодействия наук принадлежит Б.М. Кедрову. Исходя из принципа историзма, он показывает эволюцию взаимодействия наук, начиная от их разобщенности к связанности путем обнаружения органических переходов между различными науками. Ученый выделяют следующие этапы взаимодействия наук: 1) «цементация» - тенденция второй половины XIX в. в развитии наук от их изолированности к их связыванию через промежуточные науки – «мосты»; 2) «переплетение» и «стержнизация», суть которой состоит в тесном взаимодействии обособленных ранее «наук» и образовании стержневых наук; 3) «комплексобразование» - устойчивое слияние соответствующих

компонентов взаимодействия наук в новые комплексные отрасли научно-технического знания [1, с.26-31]. Таким образом, движение научного знания к единству пронизывает все этапы его развития и является общей закономерностью. Например, именно так, на стыке соседних наук – психологии и социологии - возникла и развилась социальная психология, объединив изучение отдельно взятого индивидуального человека, которым занималась психология, с изучением отношений между людьми, составляющим предмет социологии.

Для современного и перспективного развития наук Б.М.Кедров выделяет следующие тенденции: 1) от замкнутости наук к их взаимодействию (если раньше каждая наука изучала свой объект, то теперь каждая наука может обращаться к различным объектам и один объект может изучаться разными науками с разных его сторон); 2) от одноаспектности наук к комплексности (так как усиление связи между науками ведет к образованию слитных комплексов); 3) от сепаратизма к глобальности в научном развитии; 4) от функциональности (размежевание наук по функции, формам движения, а не по объекту, субстрату) к субстратности; 5) от множественности наук к единичной науке.

По мнению Б.М.Кедрова, процессы интеграции наук опираются, прежде всего, на комплексный метод, основными чертами которого являются: целостное рассмотрение, выделение главного фактора и группировка вокруг него остальных, выявление высшей ступени развития данного объекта и ее соотношения с низшими ступенями, раскрытие взаимосвязи внутренней и внешней сторон объекта, нерасторжимость общего и частного при движении от общего к частному и от частного к общему.

Принципиально важным является вопрос о соотношении процессов интеграции и дифференциации, которые соответствуют двум тенденциям человеческого познания: с одной стороны, представить мир как единое целое, с другой, глубже и конкретнее постигать закономерности и качественное своеобразие различных структур и систем. Эти две тенденции диалектически обуславливают и дополняют друг друга.

Известно, что дифференциация всегда выступает как форма интеграции и наоборот. Дифференциация и интеграция проявляются одна в другой и одна через другую, взаимопредполагая и в то же время взаимоотрицая друг друга. Дифференциация наук будет иметь место и в будущем, но, по мнению большинства философов, с тенденцией к насыщению. В основе процессов дифференциации науки лежит качественное и количественное многообразие явлений материального мира, форм и законов движения материи, относящихся к ее разным структурным уровням; возрастание множества качественных состояний материи по мере ее прогрессивного развития от неорганических форм к биологическим и социально-организованным; к дифференциации научных знаний ведет также общественное разделение труда и профессиональная специализация.

В то же время в философских работах подчеркивается, что соотношение процессов интеграции и дифференциации не является неподвижным, неизменным. На различных этапах развития научного знания один из этих процессов может доминировать, при этом современный этап научно-технической революции характеризуется преобладанием процесса интеграции.

Несомненно, что дифференциация научного знания также имеет место в его развитии, но ее выражение качественно меняется. А именно: если ранее новые науки возникали в основном за счет процесса дифференциации знания, то сейчас они возникают в наибольшей степени за счет процесса его интеграции.

Процессы интеграции и дифференциации наук также проявляются и в сфере образования. Учебные дисциплины, изучаемые в учебных заведениях, являются дидактически обоснованными учебно-познавательными комплексами научных знаний, практических умений и навыков, относящихся к определенной области наук. Поскольку в этих предметах отражены определенные взаимосвязанные явления объективной действительности, то они не могут быть абсолютно изолированными в учебном процессе. В ходе обучения студентов происходит систематическое накопление, переработка и использование «разнопредметной» информации, которая и создает предпосылки к интеграции знаний. Таким образом, суще-

ствующая дифференциация учебных дисциплин с необходимостью порождает противоположный процесс – процесс интеграции.

Особенности интеграции в науке определяются факторами, обуславливающими объединительные процессы. Ими могут быть и сложные объекты исследования (атом, космос, человек и др.), и комплексные научные и межнаучные проблемы (проблема сущности жизни; организации и управления учебно-воспитательным процессом; взаимодействия человека и окружающей среды и т.д.). Здесь к изучению одного и того же объекта или к решению одной проблемы (например, к исследованию человека) применяются методы, принципы и теории самых различных наук: естественных, медицинских, социальных и других. В данном случае можно говорить о предметной или проблемной «центростремительной» интеграции, направленной на исследование какого-то одного сложного объекта или решение комплексной проблемы. Кроме того, интегрирующими факторами нередко выступают общие методы (статистические, математические, функциональные, кибернетические и т.д.). Здесь один и тот же общий метод, например, математический, используется для решения самых разнообразных конкретных проблем познания различных объектов. Роль интеграторов наряду с этим могут выполнять общие научные и межнаучные принципы, например, принципы историзма, соответствия, минимизации, инвариантности или общие и межнаучные теории, такие, как общая теория систем, теория игр, теория управления и др. В данном случае интеграция разделяется по общему методу исследования, научному принципу или теории, которые переносятся на изучение самых различных объектов. Данный тип интеграции можно назвать «центробежным». Вместе с тем в качестве конкретных интеграторов выступают различные фундаментальные и комплексные науки (информатика, педагогика, психология, социология, человековедение и другие).

В рамках нашего исследования особый интерес представляют методы осуществления интеграции социально-гуманитарных дисциплин в образовательном процессе. Успешная реализация идеи интеграции в обучении социально-гуманитарных дисциплин представлены в исследовательских проектах А.И. Пайгусова [2], Л.Н. Якиной [5] и др.

Таким образом, интеграция социально-гуманитарных дисциплин приводит к более заинтересованному и осмысленному восприятию знаний, что усиливает мотивацию, позволяет более эффективно использовать учебное время за счёт исключения дублирования, неизбежного при преподавании разрозненных предметов. Систематическое подкрепление понятий и навыков на новом предметном материале приводит к формированию у студентов умений и желания использовать ранее полученные знания, а целостность восприятия приводит к складыванию единой социально-гуманитарной картины мира, формирует у обучаемых масштабное видение социальных, экономических, политических и других проблем.

Библиографический список:

1. Кедров Б.М. Классификация наук: Прогноз К. Маркса о науке будущего. М.: Мысль, 1985. 543с.
2. Пайгусов А.И. Интегрированное обучение предметам гуманитарного и художественно-эстетического циклов на основе историко-культурологического подхода // Образование и наука. 2009. №5. С.136-145.
3. Якина Л.Н. Уровневая модель интеграции дисциплин гуманитарно-эстетического цикла в преподавании МХК // Педагогическое образование в России. 2012.- №4. С.106-110.

Борисов О.К.,
старший преподаватель
кафедры государственного и гражданского права,
Вологодский государственный университет, г. Вологда

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Аннотация. В статье рассматривается и анализируется роль образовательных технологий, применяемых в системе высшего профессионального образования, обозначаются цели образования, содержание будущей производственной деятельности и требования к профессионально важным качествам специалистов.

Ключевые слова: образовательные технологии, учебный процесс, педагогика, дистанционное обучение.

Borisov O. K.,
senior lecturer, Vologda state University, Vologda

EDUCATIONAL TECHNOLOGY AS A KEY ELEMENT OF THE LEARNING PROCESS

Summary. The article discusses and analyzes the role of educational technologies used in the system of higher education, identifies the objectives of education, the content of future production activities and requirements for professionally important qualities of specialists.

Key words: educational technologies, educational process, pedagogy, distance learning.

Сегодня, изменения, происходящие в высшей школе, предполагают внедрение новой концепции образования. Современная образовательная парадигма рассматривает интересы личности, адекватные современным тенденциям общественного развития в качестве ключевого приоритета.

Символами нового взгляда на образование становятся индивидуальное творчество, эрудиция, компетентность, самостоятельный поиск знаний и потребность их совершенствования, высокая культура личности, в отличие от прежних подходов, основанных на общественном воспитании.

Для самореализации и творческой активности студента в учебном процессе должны доминировать и применяться современные образовательные технологии, предполагающие возможность обучающемуся самостоятельно повышать качество образования, эффективно использовать учебное время.

Образовательная технология – это исследования с целью выявления принципов и разработки приёмов оптимизации образовательного процесса, конструирование и применение приёмов, оценка применяемых методов.

Как справедливо полагают С.Г. Серафимова и В.И. Захарова: «актуальность проблемы владения современными педагогическими технологиями обусловлена значимостью их как важнейшего условия и показателя профессиональной компетентности любого современного педагога, с одной стороны, и недостаточной готовностью большинства педагогов к этой работе – с другой» [9, с. 1040].

На современном этапе в условиях развития и совершенствования информационного пространства педагогика ищет пути оптимизации даваемой учебной информации при определении содержания образования, интенсификации процессов её передачи и усвоения, в то числе путём применения обучения с использованием дистанционных технологий. По мнению Э.Ф.К. Гулиевой: «обучение с использованием дистанционных технологий должно включать выполнение всех контрольных мероприятий и лабораторно-практических работ, предусмотренных государственным образовательным стандартом и примерным учебным планом для соответствующего направления подготовки или специальности» [1, с. 11]. Сегодня дистанционное обучение стало реальным элементом развития образования. Но, как новая

педагогическая технология, оно, все же, подчиняется основным законам педагогики, хотя трансформирует их в соответствии с новыми условиями обучения и требует переосмысления в рамках образовательных учреждений [3, с. 108].

Нельзя не согласиться с мнением З.М. Рашидовой и Р.Ш. Агамуратовой, которые констатируют, что: «сегодня можно утверждать, что обновление российского образования, ориентированного на внедрение эффективных систем обеспечения его качества, сопровождается существенными инновационными изменениями, среди которых технологизации учебного процесса принадлежит первоочередное место» [8, с. 62].

С точки зрения Д.А. Махотина: «инновационными можно считать те педагогические технологии, которые еще не внедрены в массовую педагогическую практику, не полностью востребованы современным образованием, не адаптированы к конкретным условиям организации педагогического процесса» [4, с. 44].

В российской педагогике технологизация учебного процесса значительно связана с построением таких систем обучения, которые смогут обеспечить гармоничное развитие личности обучающихся, управление этим процессом с использованием инновационных технологий с учётом его гуманизации. При акценте в обучении на технологические основы это будет способствовать развитию активности сознания студента, при этом возникнут предпосылки для развития и саморазвития его внутренних сил.

Так же педагогическая технология разрабатывает способы и средства достижения конкретных прогнозируемых целей по этапам обучения и представляет собой проекцию теории и методики обучения и воспитания на практику обучения и воспитания. [10, с. 29]. Сегодня образовательную технологию понимают, как последовательную систему действий педагога, связанную с решением педагогических задач в сфере обучения и воспитания. Образовательная технология – это проектирование, основанное на научных знаниях и зеркальное воспроизведение гарантирующих успех педагогических действий. Её цель состоит в достижении конкретных результатов при интенсификации и рационализации этого процесса.

При разработке технологий обучения для системы высшего профессионального образования, надо учитывать цели образования, содержание будущей производственной деятельности и требования к профессионально важным качествам специалистов. Цель в учебно-воспитательном процессе является системообразующим фактором, именно она способна оказать ориентирующее влияние на содержание, формы и методы, определить программы и пути достижения желаемого результата.

Разработка современных педагогических технологий должна обязательно предполагать развитие способности у студентов к самостоятельному поиску теоретической и практической информации относительно изучаемой дисциплины, определять проблемы и пути рационального их решения, развитие способности критического анализа полученных знаний при осмыслении использования их на практике применительно к будущей профессии по окончании высшего учебного заведения. То есть создавать креативное поле – пространство возможных вариантов творческих решений, поставленных перед ними задач [6, с. 159].

Методам обучения, то есть тем приёмам и способам от которых в немалой степени зависит эффективность всего педагогического процесса в высшей школе, посвящено значительное количество фундаментальных исследований, как в общей теории педагогики, так и в частных методиках преподавания отдельных учебных дисциплин.

На сегодняшний день методы обучения не могут обеспечить студентам той совокупности знаний, умений и навыков, который требует современное общество от выпускников ВУЗов. Поэтому, на современном этапе инновационных перемен в образовании необходимо широкое применение активных форм в профессиональном обучении студентов, так как это влияет на эмоциональную культуру молодого специалиста [2, с. 61].

Слово «метод» имеет греческое происхождение и означает способ исследования различных явлений, подход к изучаемым явлениям с точки зрения научного познания и установления истины. Можно сказать, что в самом общем значении метод – способ достижения

определенной цели, совокупность приёмов, способов или операций практического, или теоретического освоения действительности.

В педагогической практике метод выступает как упорядоченный способ деятельности по достижению учебно-воспитательных целей. При этом способы обучающей деятельности преподавателя (преподавание) и способы учебной деятельности обучающихся (обучение) тесно связаны между собой и находятся во взаимодействии.

Таким образом, «педагогическая технология» является тем педагогическим феноменом, который сосредотачивает в себе возможность решения многих задач в современных условиях образования [5, с. 2]. Подводя итог рассмотрения понятия «образовательная технология», можно выделить, что специфика образовательной технологии состоит в том, что построенный на её основе педагогический процесс должен обеспечить достижение поставленных целей. Вторая характерная черта технологии заключается в структурировании процесса взаимодействия преподавателя и обучающихся, следует отметить, что все технологии предполагают в преподавателе и студентах равноправных субъектов – участников педагогического процесса, ориентированных на педагогическое взаимодействие. Факты использования инновационных технологий – признак высокой квалификации педагога, его педагогического мастерства и основа для выявления, изучения и распространения передового педагогического опыта [7, с. 269].

Библиографический список:

1. Гулиева Э.Ф.К. Дистанционные образовательные технологии в процессе преподавания (проектирования материалов для дистанционных образовательных технологий) // Глобальный научный потенциал. 2015. № 6 (51). С. 10-12.
2. Князева О.Н., Бондарева О.Н. Влияние современных методов обучения на здоровье студента в процессе педагогического взаимодействия с преподавателем // Культура физическая и здоровье. 2008. № 5. С. 61-63.
3. Колпакова И.Ю., Москвитин А.А. Место технологии дистанционного обучения среди современных педагогических технологий // Успехи современного естествознания. 2013. № 10. С. 108-109.
4. Махотин Д.А. Обучение преподавателей ВУЗов инновационным педагогическим технологиям в процессе реализации антикоррупционных образовательных программ // Право и современные государства. 2015. № 4. С. 42-46.
5. Новиков А.М. Понятие о педагогических технологиях / А.М. Новиков // Специалист. – Б.м. 2009. № 10. С. 2-4.
6. Прокопьев М.Н. К вопросу о педагогических технологиях в учебном процессе // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2008. № 3. С. 158-160.
7. Пырский А.М. К вопросу использования инновационных педагогических технологий в образовательном процессе военного ВУЗа // В сборнике: Образование как фактор развития интеллектуально-нравственного потенциала личности и современного общества материалы VI международной научной конференции. 2016. С. 265-270.
8. Рашидова З.М., Агамурдова Р.Ш. Овладение педагогическими технологиями как необходимое условие // Педагогический журнал. 2015. № 1-2. С. 61-72.
9. Серафимова С.Г., Захарова В.И. Владение современными и инновационными технологиями как одно из требований к профессиональной квалификации педагога XXI века // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2015. № 1. С. 1039-1045.
10. Филимонова Н.Ю. Владение педагогическими технологиями как залог успешности педагогической деятельности // Актуальные вопросы профессионального образования. 2017. № 3 (8). С. 28-31.

Киселева А.В.,

старший преподаватель кафедры социальных и гуманитарных наук,
Уральский государственный архитектурно-художественный университет, г. Екатеринбург

К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ В ПАРАДИГМЕ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ-АРХИТЕКТОРОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье поднимается вопрос о важной роли творческого потенциала в формировании готовности студентов-архитекторов к профессиональной деятельности, поскольку в профессиональной деятельности архитектора, знания и навыки являются приоритетными ценностями, а творческая составляющая стимулирует поиск индивидуального художественного стиля, интеллектуальное и нравственное развитие будущего профессионала.

Ключевые слова: творческий потенциал, готовность к профессиональной деятельности, компоненты, творческий процесс.

Kiseleva A.V.,

Ural state university of architecture and art, Ekaterinburg

TO THE QUESTION OF THE CREATIVE POTENTIAL IN THE PARADIGM OF READINESS OF ARCHITECT STUDENTS FOR PROFESSIONAL ACTIVITY

Summary. The article raises the question of the important role of creative potential in shaping the readiness of architectural students to professional activities, because in an architect's professional activities, knowledge and skills are priority values, and the creative component stimulates the search for individual artistic style and the intellectual and moral development of a future professional.

Key words: creative potential, readiness for professional activity, components, creative process.

Система современных экономических отношений и переоценка образовательной парадигмы в России потребовала от будущего специалиста такие профессиональные качества, как, высокий уровень компетентности и интеллектуального развития, технологической и культурной подготовки, готовность использовать профессиональные знания и умения в своей будущей работе.

Сформированная готовность студентов-архитекторов к профессиональной деятельности зависят от ряда факторов, среди которых, с одной стороны - целенаправленное и систематическое образование, с другой - творческий потенциал обучающегося.

Потенциал, как предмет исследования привлекает внимание ученых из разных областей научного знания, и как следствие этого - отсутствие единого теоретического толкования данного понятия. В отличие от философии и социологии содержательную составляющую «потенциала» другие науки рассматривают с разных позиций. Так, например, в качестве научной категории термин «потенциал» используется в следующих смыслах: в физике - это значение, которое описывает силу; в экономике - это набор доступных ресурсов и возможностей; в психологии - форма или этап развития личности. Концептуально, понятие «потенциал» включает в себя широкий класс разного рода полей - электрическое, гравитационное, сельскохозяйственное, промышленное и т.д. В целом, «потенциал» является синонимом терминов, обозначающих источники, возможности, средства, расходные материалы, которые могут быть использованы для решения конкретных задач или достижения определенной цели.

Анализ определений термина «потенциал» показал, что данное понятие многозначно и относится к ряду общенаучных категорий. В связи с этим, опираясь именно на такое понимание, мы определяем «потенциал», как источник, возможности, набор доступных средств, резервов, резервов личности, которые могут реализоваться при определенных условиях, или быть использованы для решения определенных задач.

Среди исследований, посвященных методологическим аспектам «потенциала», выделяется концепция В.Ж. Келле, согласно которой потенциал принадлежит к классу возможно-

стей, которые нельзя накапливать бесконечным образом. Полностью или частично они обязательно должны перейти в реальность, то есть быть реализованными в деятельности - материальной, интеллектуальной, экономической, политической, научной, творческой и т. д [2].

Потенциал служит основой для будущего развития личности, когда в процессе деятельности, человек использует способности и внутреннюю силу. Поэтому, О.И. Генисарецкий, Н.А. Носов и Б.Г. Юдин утверждают, что личностный потенциал отражает сочетание в человеке биологическое, социальное, индивидуальное и социальное происхождение [4].

В результате сравнительного анализа исследований, посвященных проблеме личностных характеристик понятия «потенциал» можно говорить о том, что с позиции психологии и педагогики «потенциал» определяется, как целостное и интеграционное сочетание природного и социального развития человека.

Вторым компонентом в исследуемом нами понятии является прилагательное «творческий», представляющее качественную характеристику человеческого потенциала. Проблема творческой активности является одной из наиболее изученных проблем в науке, поскольку многие исследователи считают, что творчество является имманентной составляющей человека. Представители различных областей гуманитарных наук исследуют суть и природу творчества разновекторно. Одни работы посвященные феномену творчества, ориентируют на раскрытие индивидуальных черт личности, определяющих ее психологические особенности в творческом процессе; другие - сосредоточены на отношении к творчеству не столько как признаку умиротворенности, сколько как обязательной черте любого человека, хотя и присуще каждому в различной степени [1].

И.Я. Лернер, В.П. Ушачев и их последователи рассматривают проблему формирования творческого опыта, как основной составляющей содержания образования в учебных заведениях любого уровня [3,6]. Е.И. Колесникова, Л.А. Пономарев, Л.И. Яковлева и др. изучают специфику личностных качеств обучающихся отражающихся в творческом процессе, влияющих на профессиональную деятельность, в которой происходит творческая самореализация личности.

Художественному, научному и другим видам творчества, посвящены работы Р.А. Гильмана, Н.В. Гончаренко, Е.А. Савочкина, Б.П. Юсова, Г.Н. Яковлева и др.

Несмотря на разные подходы к изучению творчества, творческого процесса и соответственно их определения, все ученые сходятся во мнении, что каждый человек может реализовать свои способности через творчество, которое помогает личности развиваться.

Творческий потенциал является важным фактором устойчивого развития любого человека, и способствует преобразованию на будущих уровнях профессиональной деятельности.

Исходя из этого, мы рассматриваем развитие творческого потенциала студентов как процесс обучения, который способствует развитию и реализации внутренних способностей социально приемлемым образом.

Говоря о творческом потенциале студентов-архитекторов в образовательном процессе архитектурно-художественного вуза в контексте профессиональной деятельности, его следует рассматривать как качество личности, которое необходимо развивать, используя значительный теоретический и практический материал в педагогической науке.

Обзор научной литературы, посвященной этой проблеме, позволяет определить компоненты, составляющие творческий потенциал студентов-архитекторов: мотивационный, ориентационный, рефлексивный.

Мотивационный компонент, который является основным в структуре творческого потенциала, интегрирует внешние условия (деятельность) с внутренними условиями (потребности). Этот компонент способствует творческой деятельности и задает направление творческому процессу на успех, который невозможен без соответствующих интересов, мотивов и индивидуального подхода.

Ориентационный компонент направляет студента на будущую профессиональную деятельность и ставит перед ним задачу - развивать присущие человеку творческие способно-

сти. Данный компонент характеризуется необходимостью в самоопределении, саморазвитии и самосовершенствовании в профессиональной сфере.

Содержание рефлексивного компонента включает навыки анализа своего психологического состояния и достигнутых результатов, адекватная оценка своих способностей и возможностей [5].

Реализуясь в профессиональной деятельности, эти компоненты, становятся важным аспектом индивидуальности человека.

Таким образом, творческий потенциал является важным аспектом в процессе формирования готовности студентов-архитекторов к профессиональной деятельности. Поскольку главная цель профессиональной деятельности архитектора - здания и сооружения, которые должны обеспечить функциональное, безопасное, комфортное и эстетически привлекательное пребывание в нем человека. Успех проектируемого объекта будет заключаться в том, что он должен соответствовать своему времени в истории, своему месту в обществе. Его конструкция должна быть с одной стороны практичной, с другой - формировать культурный ландшафт. Профессиональная деятельность архитектора – это сам по себе творческий процесс. Это означает, что при работе архитектор создает свой собственный шедевр. В этой профессии пространство для индивидуального мышления и видения бесконечно, возможность следовать своим собственным предпочтениям.

Исходя из этого, можно говорить о том, что творческий потенциал становится важной составляющей в готовности студентов-архитекторов к профессиональной деятельности, поскольку знания и навыки являются приоритетными ценностями, а творческая составляющая стимулирует поиск индивидуального художественного стиля интеллектуальное и нравственное развитие будущего профессионала.

Библиографический список:

1. Галин, А.Л. Личность и творчество: Психологические этюды / А.Л. Галин. – Новосибирск: Кн. изд.-во, - 1989. - 126 с.
2. Келле, В.Ж. Духовность и интеллектуальный потенциал // Серия «Мыслители», В диапазоне гуманитарного знания, Выпуск 4 / Сборник к 80-летию профессора М.С. Кагана / В.Ж. Келле - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, - 2001. - С.22.
3. Лернер, И.Я. Развитие мышления учащихся в процессе обучения истории. Пособие для учителей / И.Я. Лернер. М.: Просвещение, - 1982. - 191 с.
4. Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, - 2011. - 680 с.
5. Профессионально-творческая подготовка специалиста: колл. монография / Под ред. В.В. Рыжова.– Нижний Новгород: УРАО, - 2007.– 220 с.
6. Ушачев, В.П. Обучение основам творческой деятельности: Учеб. пособие / В.П. Ушачев. – Магнитогорск: МГПИ, - 1991. – 287с.

Кулько Е.И.,

старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
Белорусская государственная сельскохозяйственная академия,
г. Горки, Республика Беларусь

СТУДЕНТ: МОТИВАЦИЯ, ПОТРЕБНОСТЬ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Аннотация. Проблема низкого качества образования тесно связана с заниженной мотивацией студентов. Работа со студентами должна быть организована в атмосфере сотрудничества, повышать эмоциональную удовлетворенность пребыванием в стенах вуза и веру в свои силы, что в конечном итоге, повысит мотивацию.

Ключевые слова: студент, мотивация, развитие личности, деятельность, навык, педагогический процесс.

STUDENT: MOTIVATION, NEED, ACTIVITIES

Summary. The problem of poor quality of education is closely related to the low motivation of students. Work with students should be organized in an atmosphere of cooperation, to increase the emotional satisfaction of staying in the walls of the University and faith in themselves, which ultimately will increase motivation.

Key words: student, motivation, personality development, activity, skill, pedagogical process.

Ученые доказали, что мотивация является одним из ведущих факторов успешного обучения. Но особенности этого фактора и его действенность различаются, а именно, на разных этапах учебного процесса, через которые проходит студент. От первого к последнему курсу изменяется и сама учебно-профессиональная деятельность, и ее мотивация.

Анализ психолого-педагогической литературы позволяет рассматривать учебно-профессиональную мотивацию студентов как процесс, метод и средство побуждения обучаемых к продуктивной познавательной деятельности, активному освоению содержания образования. Учебно-профессиональная мотивация позволяет развивающейся личности определить не только направление, но и способы реализации различных форм учебной деятельности, задействовать эмоционально-волевую сферу. Через мотивацию педагогические цели быстрее превращаются в цели самих обучаемых [3, с. 47].

Путь к эффективному обучению, результативной профессиональной деятельности человека лежит через понимание его мотивации. Только зная то, что движет человеком, что побуждает его к деятельности, какие мотивы лежат в основе его действий, можно попытаться разработать эффективную систему форм и методов управления им. Для этого нужно знать, как возникают или вызываются те или иные мотивы, как и какими способами мотивы могут быть приведены в действие, как осуществляется мотивирование людей.

Нет никакого более действенного способа повысить мотивацию студентов, чем заинтересовать их своим предметом. Понятно, что в таком случае все с удовольствием будут ходить на лекции, заниматься саморазвитием, готовиться к практическим занятиям и с успехом сдадут экзамен, требования к которому, кстати, может быть одними из самых жестких.

Выделяют три основных пути, способствующих повышению интереса и позитивного отношения обучающегося к учебной деятельности: прямой, основанный на целенаправленном построении учебного процесса в соответствии с законами развития внутренней (познавательной, достиженческой и саморазвития) учебной мотивации обучающегося, косвенный, основанный на построении психологически грамотных отношений с обучающимся и удовлетворении базовых потребностей студента в компетентности, автономии и принятии и путь моделирования, т.е. стихийного обучения через наблюдение за соответствующими моделями, уже обладающими оптимальными типами мотивации – родителями, преподавателями, наставниками, сверстниками.

Основной путь поддержания познавательной и достиженческой мотивации учебной деятельности – прямой, это деятельность преподавателей, непосредственно направленная на формирование у обучающегося интереса к учению и осмысленного позитивного отношения к нему, стремления выполнять текущую учебную работу хорошо, постоянно улучшая свои результаты. Он предполагает специальную работу над содержанием учебных материалов и способами его изложения, а также использованием методов и форм обучения поддерживающих познавательную мотивацию обучающихся.

К. Роджерс в свое время писал: «Всем хорошо известно, что по мере школьного обучения дети теряют любопытство, становятся менее любознательными. ...Я часто думаю о том, что из-за некоторых странных обстоятельств школа как бы делает все возможное, чтобы забить в детях живое, естественное любопытство, поиск необычного в мире, в котором они живут» [2, с.73]. Как сохранить это любопытство? Стоит использовать разнообразные

приемы и средства, хорошо известные успешным педагогам: новизну и увлекательность учебного материала, показ его связи с практикой, жизнью, а также непосредственными интересами, увлечениями и жизненными планами обучающихся, показ его связи с уже изученным материалом; различные формы и методы обучения, проблемное и исследовательское обучение, а также коллективное, групповое, взаимное обучение; разнообразие собственного поведения (интонации, жесты); изменяя физическое пространство учебной аудитории и выходя с учащимися в музеи, на экскурсии.

Чему учить, чтобы учиться хотелось? Формированию интереса и положительного отношения к учебной деятельности способствует учет следующих основных требований к содержанию знаний – их интересности и осмысленности для ученика и достаточной полноты, обобщенности и структурированности. Проблема поддержания интереса довольно хорошо представлена в педагогической и методической литературе. С психологической точки зрения, содержание учебного предмета должно нести непосредственный смысл и иметь непосредственное отношение к интересам учащихся, опираться на эти интересы. В идеале учащийся всегда должен знать удовлетворяющий его ответ на вопрос «А зачем мы это учим? Зачем я учусь?», а преподаватель был также готов дать на него продуктивный ответ. Характерной ошибкой является апеллирование к абстрактной будущей полезности текущей учебной деятельности («поможет тебе стать успешным в жизни, получить престижную высокооплачиваемую работу»), рождающую у обучаемого ощущение, что настоящая жизнь будет когда-то потом, а происходящее сейчас – неценно само по себе. Как справедливо отмечает У. Глассер «преподавание целого ряда предметов, имеющих лишь косвенное отношение к жизни детей, неизбежно ведет к потере интереса к учебе и росту неуспеваемости. В тех случаях, когда для нас очевидна связь текущего материала с жизнью, это не означает, что и ученики ее видят...» [1, с.142].

На современном этапе использование методов активного обучения, инновационных технологий, эмоциональность преподавателей существенно влияют на познавательную активность студентов. Наибольшую активность, желание работать, удовлетворенность своими действиями студенты обнаруживают именно на практических занятиях. Различные способы активизации учебно-познавательной деятельности студентов получили собирательное название «методы активного обучения». Методы активного обучения (МАО) – это совокупность способов организации и управления учебно-познавательной деятельностью, особенностью которой является ее вынужденный характер [1, с.84].

Особенности активных методов обучения состоят в следующем:

- побуждение студента на активизацию мыслительной деятельности в процессе овладения учебным материалом;
- ориентация на самостоятельное добывание знаний студентами;
- самостоятельная творческая выработка решений;
- развитие мышления, формирование практических умений и навыков;
- повышение степени мотивации и эмоциональности обучаемых.

Мотивационные механизмы представляют систему взаимодействующих факторов, средств, структур, отношений и связей. Для обеспечения эффективности обучение необходимо, чтобы особенности построения и организации учебного процесса на разных этапах образования отвечали мотивационной сфере студента. Повышение роли мотивации в учебном процессе необходимо в частности потому, что именно ею поясняется интенсивность в осуществлении избранного действия, активность в достижении результата и цели деятельности.

Формирование профессиональной мотивации на когнитивном уровне достигается посредством воздействия на познавательный интерес студентов. Задачей преподавателей является подбор наиболее нового и интересного материала по их дисциплинам. Кроме того, стимулирование самостоятельного интереса студентов к обучению посредством предоставления им в свободном доступе интернет-ресурсов, организацией семинаров на наиболее интересные, инновационные темы, касающихся их профессии и т. д.

Библиографический список:

1. Бакшаева Н. А. Психология мотивации студентов: Учебное пособие. М.: Логос, 2009. 84 с.
2. Кавтарадзе Д. Н. Обучение и игра. Введение в активные методы обучения. М., 1998. 262 с.
3. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб.: Питер, 2003. 860 с.

Курыло О.В.,

старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
Белорусская государственная сельскохозяйственная академия,
г. Горки, Республика Беларусь

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕ-СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье проанализированы особенности организации воспитательной работы в системе средне-специального образования, проанализированы структурные элементы воспитательного процесса.

Ключевые слова: воспитание, средне-специальное образование, студент, преподаватель

Kurylo O.V.,

master of psychology, Senior Lecturer at the BSAA, Gorki, Republic of Belarus

ORGANIZATION OF EDUCATIONAL WORK IN THE SYSTEM OF SECONDARY SPECIAL EDUCATION

Summary. The article analyzes the features of the organization of educational work in the system of secondary special education, analyzes the structural elements of the educational process.

Keywords: education, secondary special education, student, teacher

В традиционной педагогике теория воспитания считалась ведущей. Источником возникновения и функционирования воспитания как специальной общественно-педагогической деятельности является социальная потребность в определенной подготовке подрастающих поколений, направленной на усвоение ими накопленного в обществе социального опыта. Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что воспитание является составной частью развития и социализации человека. Связь воспитания и обучения с точки зрения организации педагогической деятельности определяется тем, что в воспитании главное – приобретение воспитанниками личного жизненного опыта.

Методологическую и теоретическую основу исследования составляют труды отечественных и зарубежных педагогов и психологов: Ю.К. Бабанского, И.Ф. Гербарта, Ж.Ж. Руссо, А.С. Макаренко, В.А. Сластенина, П.П. Блонского, Л.Н. Толстого, Л.С. Выготского, Я. Корчака, С.Т. Шацкого, Б.М. Бимбада, Д. Грея, Ю.Б. Гиппенрейтер и др.

В широком социальном смысле воспитание – это передача накопленного опыта (знания, умения, способы мышления, нравственные, этические и правовые нормы) от старших поколений к младшим. В узком социальном смысле под воспитанием понимается направленное воздействие на человека со стороны общественных институтов с целью формирования у него определенных знаний, взглядов и убеждений, нравственных ценностей, политической ориентации, подготовки к жизни.

В широком педагогическом смысле воспитание – это специально организованное, целенаправленное и управляемое воздействие коллектива, воспитателей на воспитуемого с целью формирования у него заданных качеств, осуществляемое в учебно-воспитательных учреждениях и охватывающее весь учебно-воспитательный процесс. В узком педагогическом смысле воспитание – это процесс и результат воспитательной работы, направленной на решение конкретных воспитательных задач [1].

Воспитание может обеспечить развитие определенных качеств, только опираясь на заложенные природой задатки. Воздействуя на развитие человека, воспитание само зависит от развития, оно постоянно опирается на достигнутый уровень развития.

Цели и методы воспитания должны соответствовать не только уровню развития, уже достигнутому ребенком, но и «зоне его ближайшего развития».

Зона ближайшего развития – теоретический конструкт, введенный Л.С. Выготским в начале XX в. для характеристики связи между обучением и психическим развитием ребёнка.

Зона ближайшего развития определяет функции, не созревшие ещё, но находящиеся в процессе созревания, которые созреют завтра, которые сейчас находятся ещё в зачаточном состоянии; функции, которые можно назвать не плодами развития, а почками развития, цветами развития, то есть тем, что только созревает. Согласно Л.С. Выготскому, зона ближайшего развития определяется содержанием тех задач, которые ребёнок ещё не может решить самостоятельно, но способен решить в совместной со взрослым деятельности. То, что изначально доступно для ребёнка под руководством взрослых, становится затем его собственным достоянием. Её наличие свидетельствует о ведущей роли взрослого в психическом развитии ребенка [2].

Только то воспитание признается хорошим, которое идет вперед развития. Формирует личность воспитание, ведущее за собой развитие, ориентирующееся на процессы, которые еще не созрели, но находятся в стадии становления.

Воспитательный процесс является частью целостного педагогического процесса, который объединяет обучение и воспитание. Психологическая сущность процесса воспитания состоит в переводе ребенка из одного состояния в другое, и с позиций психологии воспитание есть процесс перевода внешнего по отношению к личности опыта, знаний, ценностей, норм, правил во внутренний психический план личности, в ее убеждения, установки, поведение.

Процесс воспитания – сознательно организуемое взаимодействие педагогов и воспитанников, организация и стимулирование активной деятельности воспитуемых по овладению ими социальным и духовным опытом, ценностями, отношениями, включающее умственную, физическое, эстетическое и др. виды воспитания [2].

Для того чтобы узнать, достиг ли цели воспитательный процесс, нужно сопоставить запроецированные и реальные результаты воспитания. Под результатами воспитательного процесса понимается достигнутый личностью или коллективом уровень воспитанности.

Цели воспитания, как и цели любой человеческой деятельности, являются исходным моментом в построении всей системы воспитания, ее содержания, методов, принципов. Цель – идеальная модель результата деятельности. Цель воспитания есть заранее определяемое представление о результате воспитательного процесса, о качествах, состоянии личности, которые предполагается сформировать. Выбор целей воспитания не может быть случайным.

Стоит отметить, что цели воспитания формируются под влиянием изменяющихся потребностей общества и под воздействием философских и психолого-педагогических концепций. Динамизм, вариативность целей воспитания подтверждаются и современным состоянием этой проблемы.

В настоящее время главная цель системы образования – способствовать умственному, нравственному, эмоциональному и физическому развитию личности, всемерно раскрывать ее творческие возможности.

Сознательное усвоение системы знаний содействует развитию логического мышления, памяти, внимания, воображения, умственных способностей, склонностей и дарований.

Физическое воспитание – неотъемлемая составляющая часть почти всех воспитательных систем. Физическое воспитание способствует выработке у молодежи качеств, необходимых для успешной умственной и трудовой деятельности.

Трудовое воспитание охватывает те аспекты воспитательного процесса, где формируются трудовые действия, складываются производственные отношения, изучаются орудия

труда и способы их использования. Труд в процессе воспитания выступает и как ведущий фактор развития личности.

Нравственное воспитание – формирует нравственные понятия, суждения, чувства и убеждения, навыки и привычки поведения, соответствующие нормам общества. В основе нравственного воспитания подрастающего поколения лежат как общечеловеческие ценности, непреходящие моральные нормы, выработанные людьми в процессе исторического развития общества, так и новые принципы, и нормы, возникшие на современном этапе развития общества.

Эстетическое (эмоциональное) воспитание – базовый компонент цели воспитания и воспитательной системы, обобщающий развитие эстетических идеалов, потребностей и вкусов у воспитанников. Задачи эстетического воспитания условно можно разделить на две группы – приобретение теоретических знаний и формирование практических умений. Первая группа задач решает вопросы приобщения к эстетическим ценностям, а вторая – активного включения в эстетическую деятельность [1].

Стоит отметить, что основная задача педагога в учебно-воспитательном процессе – помочь ребенку в его развитии, и вся гуманистическая педагогическая практика должна обеспечивать развитие и совершенствование всех сущностных сфер ребенка.

Воспитательная деятельность оказывает значительное влияние на развитие учреждения образования, укрепление его имиджа, повышение престижности, на приток абитуриентов.

Эффективная практика организации воспитательной работы в учреждении среднего специального образования на примере показывает, что задача формирования воспитательного пространства учащихся должна решаться совместными усилиями всего педагогического коллектива при обязательном взаимодействии, сотрудничестве с учреждениями дополнительного образования детей и молодежи, физкультуры и спорта, здравоохранения, правоохранительными органами, учреждениями социокультурной сферы, социальной защиты, общественными организациями.

Библиографический список:

1. Андреев, В.И. Введение в европейскую сравнительную педагогику / В.И. Андреев. Мн.: НИО, 2001. 110 с.
2. Витенберг, Е.В. Социально-психологические факторы адаптации к социальным и культурным изменениям / Е.В. Витенберг. СПб, 1995 367 с.

Лебедев В.Э.,

доктор исторических наук, профессор
кафедры Истории России УрФУ, г. Екатеринбург

Горданова А.Р.,

студентка 1 курса магистратуры УрФУ, г. Екатеринбург

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ФОРУМОВ В РАЗРАБОТКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО АСПЕКТА МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. Развитие молодежной политики в современной России имеет большую роль, т. к. молодежь представляет собой наиболее динамично развивающуюся прослойку общества. Важным аспектом молодежной политики является международный аспект. Форумные кампании играют важную роль в развитии международного аспекта молодежной политики, т. к. выступают площадками для обмена опытом и создания новых контактов. Одной из функций международных молодежных форумов является финансирование социально, политически, экономически значимых проектов.

Ключевые слова: молодежная политика, международные отношения, молодежные международные форумы, грантовые конкурсы, гранты, глобализация.

Lebedev V.E.,
Doctor of Historical Sciences, Professor of the UrFU, Ekaterinburg
Gordanova A.R.,
student of the 1st course of the magistracy of the UrFU, Ekaterinburg

THE ROLE OF INTERNATIONAL YOUTH FORUMS IN THE DEVELOPMENT OF THE INTERNATIONAL ASPECT OF YOUTH POLICY

Summary. The development of youth policy in modern Russia has a large role, since the youth is the most dynamically developing stratum of society. An important aspect of youth policy is the international aspect. Forum campaigns play an important role in the development of the international aspect of youth policy, since they act as platforms for exchanging experience and creating new contacts. One of the functions of international youth forums is the financing of socially, politically, economically significant projects.

Key words: youth policy, international relations, youth international forums, grant competitions, grants, globalization.

Молодежная политика в современной России выступает в качестве составной части социальной политики. Она выстраивается как интеграция в единое целое отдельных программ и проектов, ориентированных на молодежь [1, с. 70]. Согласно распоряжению Правительства РФ «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» целью государственной молодежной политики является создание условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развитие потенциала молодежи и его использование в интересах инновационного развития страны [4].

Одним из важных инструментов реализации государственной молодежной политики выступает Федеральное агентство по делам молодёжи (Росмолодёжь), которое занимается оказанием государственных услуг в сфере реализации государственной молодежной. Данный федеральный орган исполнительной власти действует во взаимодействии с общественными организациями и движениями, представляющими интересы молодёжи [5]. Благодаря ФАДМ Росмолодёжь в России осуществляются крупнейшие проекты, проводятся форумы, фестивали, которые способствуют всестороннему развитию молодежи. В частности, важной функцией ФАДМ Росмолодёжь является проведение конкурсов грантов социально значимых проектов, имеющих разнообразную направленность. Так, в 2018 году было проведено 5 конкурсов по различным направлениям: конкурс среди физических лиц, молодежных проектов, молодежных и детских общественных объединений. В общей сложности победителями 2018 г. стали около 2-х тысяч молодежных проектов. Сумма их финансовой поддержки составила от 100 тыс. руб. до 1 300 тыс. руб.

Благодаря реализации молодежной политики формируются кадры, которые впоследствии будут управлять государством, работать в крупных международных компаниях. Молодежь как самая активная и динамичная часть общества беспрепятственно общается с людьми разных культур, получая тем самым большой опыт в установлении международных контактов.

Формирование позитивного образа страны выступает важной составляющей конкурентоспособности государства на мировом уровне. От того, какое место и какую роль страна играет на международной арене, зависит ее развитие. Становление международного аспекта молодежной политики является одним из механизмов формирования имиджа страны. Молодежь является стратегическим ресурсом внешней культурной политики страны [7, с. 126]. Главными задачами международного взаимодействия являются:

- воспитание молодого поколения, которое будет принимать активное участие в процессах, происходящих в мире;
- формирование и поддержка у молодого поколения активной жизненной позиции;
- вовлечение молодежи во все сферы жизни государства и других стран [2, с. 52].

В современном мире нельзя отрицать быстрого развития глобализации, постепенное ее проникновения во многие сферы нашей жизни. Невозможно обойти этот процесс стороной, проигнорировать его. Поэтому государственная политика должна быть сформирована таким образом, чтобы молодое поколение уверенно чувствовало себя в постоянно меняющемся мире. Так или иначе, появляются компании, которые выстраивают международное взаимодействие внутри и вне организационной структуры. Вероятность того, что количество таких межнациональных компаний будет постоянно расти, очень высока. Работники таких компаний будут беспрепятственно взаимодействовать с представителями других стран. Прежде всего, речь идет о деятельности, направленной на вовлечение в международное взаимодействие молодежи как наиболее мобильной социальной группы.

Основным документом, определяющим основные принципы осуществления молодежной политики Российской Федерации, является Стратегия международного молодежного сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств на период до 2020 г. (далее – Стратегия) [6]. Согласно данной Стратегии большую роль в реализации молодежной политики играют специальные мероприятия, нацеленные на международное сотрудничество – семинары, выставки, конференции, обменные программы и др. Они содействуют формированию мировоззрения у молодежи в процессе обращения к мировому опыту в различных сферах жизни: государственное управление, спорт, творчество, молодежное предпринимательство.

Согласно позиции Президента РФ В.В. Путина, значимым инструментом международного сотрудничества являются молодежные форумы: «Отрадно, что движение по созданию молодежных форумов уверенно набирает силу, становится важной составляющей общественной жизни страны» [3].

Проведение масштабных форумных кампаний в России началось сравнительно недавно, однако они уверенно набирают силу и популярность среди молодежи. Международные молодежные форумы играют важную роль в формировании молодежной политики страны. Именно они являются той площадкой, на которой имеется возможность создать ту или иную модель взаимодействия между представителями разных культур и национальностей; приобрести молодому поколению опыт международного взаимодействия; получить новые знания; установить контакты с молодежью других стран.

Международные молодежные форумы представляют собой пространство, на котором происходит взаимодействие представителей органов власти, бизнесменов, значимых людей с молодежными активистами. Спикеры форумов могут выступить в качестве наставников, на своем примере показывать, как достичь высоких результатов в какой-либо сфере жизни, и что нужно сделать в начале жизненного пути, чтобы затем добиться значительных результатов.

Молодежные форумы содействуют формированию различных мягких навыков (soft skills), а именно: лидерства, выступления перед аудиторией, умения работать в команде, договариваться, приходиться к компромиссу, отстаивать свою точку зрения, умения нести ответственность за свои решения и за решения, принимаемые в команде. Этому способствуют проводимые на форумах круглые столы, игры на командообразование, защита проектов, решение конкретно поставленных задач в команде, тренинги и т. п.

Молодежные форумы выступают местом продуцирования новых идей, а его участники представляют собой своего рода амбассадоров. Именно качественные форумы с хорошо продуманной программой, вдохновляющими менторами и приятной атмосферой могут оказать влияние не только на участников, но и на их окружение вне форумов.

Таким образом, реализация международного аспекта молодежной политики является одним из важных направлений формирования имиджа страны, а также воспитания поколения, которое будет принимать в будущем активное участие в мировой политике.

Важную роль в осуществлении международного аспекта молодежной политики играют международные молодежные форумы как пространство для дискуссий, обсуждений и продвижения проектов. Одним из важных механизмов молодежных форумных кампаний является обеспечение финансирования социально, экономически и политически значимых про-

ектов, что на практике содействует повышению эффективности самореализации молодежи, а также имеет положительное значение для развития общества в целом.

Библиографический список:

1. Меркулов П.А. Российская специфика становления и реализации государственной молодежной политики [Текст] / П.А. Меркулов, В.Н. Орлова // Вестник государственного и муниципального управления. – 2015. – № 1 (16). – С. 69-75.
2. Новикова А.В. Роль федеральных и международных молодежных форумов в системе международных отношений [Текст]: статья/Новикова А.В., Черкасова Н.Н.//ИД Университетская книга// URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=26634926>.
3. Путин: молодежные форумы становятся важной составляющей общественной жизни страны// URL: <https://tass.ru/obschestvo/2115042>.
4. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»// URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134.
5. Росмолодежь. Об агентстве// URL: <https://fadm.gov.ru/agency/about>.
6. Стратегия международного молодёжного сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств на период до 2020 года// URL:<http://www.kremlin.ru/supplement/812>
7. Шмигирилова Л.Н., Развитие молодежной политики в контексте международного сотрудничества [Текст] / Л.Н. Шмигирилова // Управление в XXI веке. Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. 01-02 ноября. 2016 г. Белгород, 2016. С. 125-129.

Михайлова А.Г.,

старший преподаватель кафедры «Иностранные языки»,
Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Скуратовская И.В.,

студентка 2-го курса магистратуры,
Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ КАЧЕСТВ КАК ПОКАЗАТЕЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Определена роль коммуникативных качеств в развитии социальной устойчивости личности. Проведена сравнительная характеристика развития коммуникативных установок современной молодежи. На контрольном этапе исследования определены уровни сформированности толерантности у студентов и представлены итоги эксперимента.

Ключевые слова: социальная устойчивость, коммуникативная установка, толерантность, толерантное общение, саморазвитие.

Mikhaylova A.G.,

senior lecturer of Foreign languages department
Sevastopol State University, Sevastopol

Skuratovskaya I.V.,

2-nd year student of magistracy programme
Sevastopol State University, Sevastopol

FORMATION OF COMMUNICATIVE QUALITIES AS AN INDICATOR OF PERSON SOCIAL STABILITY

Summary. The role of communicative qualities in the development of social stability of the person is defined. The comparative analysis of the communicative attitudes development of today's youth is stated. The levels of students' tolerance formation were determined and the results of the experiment were presented at the control stage of the study.

Key words: social stability, communicative attitude, tolerance, tolerant communication, self-development.

Основополагающим элементом культуры является сегодня гуманизация современного образования, которая «неразрывно связана с представлениями об ориентации процесса обучения на развитие и саморазвитие личности, на приоритеты общечеловеческих ценностей, на оптимизацию взаимодействия личности и социума» [6, с. 143].

Подготовка специалиста в рамках высшего образования ориентирована на обеспечение его субъектности, инициативы, самостоятельности, толерантности, устойчивости. Все это гарантирует успешное культурно-ориентированное вхождение в социум и личностное и профессиональное становление.

Сформированность социальной компетентности обеспечивает социальную адаптацию, т.е. достижение успехов в реализации целей, устойчивость в поведении и отношениях, развитие социальной активности. Социальная активность предполагает готовность к социальным действиям в сфере социальных отношений и направлена на социальное преобразование окружающей среды, инициативность и результативность действий [1].

«Социальная устойчивость личности, которая проявляется в устойчивости нравственных норм, автономии и независимости от окружения, устойчивости к воздействиям неблагоприятных жизненных факторов, устойчивости и критичности к влияниям социального окружения, устойчивости ценностных ориентаций» [1].

По мнению Л.Ю. Сироткина, социальная устойчивость это «интегративное образование, которое сочетает в себе совокупность качеств, проявляющихся как психологическое выражение состояний личности, обуславливает ее направленность, активность, ответственность, обеспечивает творческую реализацию» [5, с. 31].

С одной стороны, социальная устойчивость представлена определенной позицией личности, проявляющейся в виде отношений к другим людям, коллективу, т.е. в толерантности, коммуникативных установок. С другой стороны, социальная устойчивость личности – это гибкость в усвоении новых отношений, принципов, способность к нормотворчеству, изменению, саморазвитию и совершенствованию.

Толерантность, как положительное энергетическое проявление личности, способствует созданию психологически комфортной обстановки. «Человек с пониженным уровнем коммуникативной толерантности является источником негативной эмоциональной энергии. Так, положительно «заряженный» человек открыт для общения, готов к сотрудничеству и позитивно оценивает соучастников деятельности и, наоборот, человек, обладающий отрицательным полем, интеллектуальными и эмоциональными проявлениями воздвигает барьеры на пути к соучастию и сопереживанию» [6, с. 144].

Ученые Г.У. Солдатова, Л.А. Шайгерова, О.Д. Шарова определяют следующие критерии коммуникативности, наблюдаемые в социальной среде: взаимоуважение, равноправие, возможность следовать традициям, сохранение и развитие культуры, свобода вероисповедания, сотрудничество и солидарность в решении общих проблем, позитивная лексика [7].

В современном обществе проблема низкого уровня коммуникативности становится все более актуальной, поскольку в результате роста международного терроризма и международных конфликтов увеличивается напряженность в человеческих отношениях. Поиск путей развития коммуникативности, профилактики различных видов экстремизма и противодействия им являются одними из важнейших задач сегодня [2].

Образование становится необходимым условием стабилизации состояния социокультурной системы и одновременно средством активизации развития современного общества. Различные образовательные подходы в современной системе образования предполагают целенаправленное создание условий для развития таких качеств, как терпимость к инакомыслию, осознание норм собственного поведения, целостность, умение понять другого, принятие себя и других, коммуникативность.

Целью данного исследования является сравнительная характеристика сформированности коммуникативных качеств современной молодежи. Предметом исследования являются коммуникативные характеристики в структуре личности. Для достижения цели исследования, решены следующие задачи: проанализирована психолого-педагогическая литература по

теме исследования; проведен констатирующий и контрольный эксперименты и описаны сравнительные результаты.

Методом исследования была методика диагностики коммуникативных установок В.В. Бойко [4], которая включает исследование следующих показателей: завуалированная жестокость в отношениях к людям, в суждениях о них, открытая жестокость в отношениях к людям, обоснованный негативизм в суждениях о людях, склонность делать необоснованные обобщения негативных фактов в области взаимоотношений с партнерами и в наблюдении за социальной действительностью.

Для определения уровня развития коммуникативных качеств студентов в рамках констатирующего этапа эксперимента в сентябре 2016 г. была проведена исследовательская работа со студентами 3-4 курсов Севастопольского государственного университета (СевГУ). В опросе участвовали студенты направлений подготовки 11.03.01 – «Радиотехника» и 11.03.04 «Электроника и нанoeлектроника». Анализ полученных данных показал, что 34 % студентов обладали выраженной негативной коммуникативной установкой, 37,5% опрошенных обладали средними коммуникативными способностями и только 28,5% – высокими и очень высокими коммуникативными способностями, что вызывает беспокойство по поводу нравственных качеств студентов [3, 6].

В рамках эксперимента также определили уровни сформированности гармонии и сбалансированности жизни у будущих специалистов, поскольку гармония внутренних устремлений и внешних социальных требований является необходимым условием для развития социальной активности личности. Как показало эмпирическое исследование, уровень гармонии, активности и внутренней энергии у студентов средний и низкий [6].

На контрольном этапе исследования в декабре 2018 были изучены уровни сформированности толерантности у студентов. В опросе участвовали студенты направлений подготовки 11.03.01 – «Радиотехника» и 11.03.04 «Электроника и нанoeлектроника» СевГУ. Сравнительный количественный анализ результатов исследования показал незначительное изменение уровней сформированности коммуникативных качеств молодежи. Общие результаты занесли в таблицу 1.

Таблица 1. – Сравнительные результаты исследования уровней сформированности коммуникативных качеств (в %).

Уровни сформированности	2016	2017	2017
Высокий	28,5	30	32,5
Средний	37,5	43	44,5
Низкий	34	27	23

Как показало исследование, уровень сформированности общей коммуникативной толерантности студентов, обучающихся в СевГУ остается средним. Образовательный процесс в вузе не обладает в достаточной мере содержательной стороной приобщения молодежи к усвоению ценностей. Очевидно, что необходим поворот к личностно ориентированному образованию, способному учесть потребности в жизненном и профессиональном самоопределении молодежи. Перспективу дальнейшего исследования составляет создание программы формирования ценностного отношения друг к другу с целью снижения риска возникновения конфликтных ситуаций.

Библиографический список:

1. Ефимова Е.М. Социальная устойчивость личности как условие успешной адаптации к современной социокультурной среде. [Электронный ресурс]. URL:https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2013/07/15/efimova_0.pdf
2. Киселева Э.М., Рзаева Г.И. О подготовке бакалавров педагогического образования к развитию толерантности школьников // Молодой ученый. 2015. №8. С. 950-953.

3. Михайлова А.Г., Скуратовская И.В. Исследование личностных характеристик толерантности у молодежи Севастополя / Инновационный потенциал молодежи: глобализация, политика, интеграция : сб. ст. участников Междунар. молодежн. науч.-исслед. конф. (Екатеринбург, 25–26 октября 2016 года) / под общ. ред. д-ра пед. наук А. В. Пономарева; отв. за вып. : канд. филос. наук Н. В. Попова, канд. пед. наук Е. В. Осипчукова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 622 с. С. 434-439
4. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ», 1998. 672 с.
5. Сироткин Л.Ю. Формирование личности: проблема устойчивости. Издательство Казанского университета, 1992. С.31 .
6. Скуратовская И.В., Михайлова А.Г. Исследование коммуникативной толерантности как профессионально важного качества будущих инженеров Севастополь-Сталинград: одна война, одна история. Посвящается Великой Победе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции школьников, студентов, аспирантов и молодых учёных, г.Севастополь, 27-28 апреля 2017г.; Гуманитарно-педагогический институт Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Севастопольский государственный университет». Севастополь: Рибест, 2017. 164 с.
7. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Шарова О.Д. Жить в мире с собой и другими: тренинг толерантности для подростков. М.: Генезис, 2001. 112 с.

Некрасов С.Н.,

доктор философских наук, профессор,

Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина,

Уральский государственный аграрный университет, г. Екатеринбург

ПОДГОТОВКА ЛЮДЕЙ В ОБРАЗОВАНИИ СРЕДСТВАМИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ФОРМИРОВАНИЕ НООНОМИКИ

Аннотация. Нужно ставить вопрос о подготовке людей средствами гуманитарного образования и гуманитарных наук для инновационных социальных технологий неоиндустриализма. Поскольку в России предполагается формирование ноономики, то возможна работа выпускников с тремя типами проектов, требующих различной гуманитарной образованности. Гуманитарные науки восстанавливают отечественный культурный код и в самом образовательном процессе с приобщением к гуманитарным наукам выделяются две составляющие.

Ключевые слова: гуманитарное образование, гуманитарные науки, ноономика, две составляющие, Центр культурологической подготовки, русская мечта.

Nekrasov S. N.,

doctor of philosophical Sciences, Professor Urfu, Usau, Ekaterinburg

TRAINING OF PEOPLE IN EDUCATION BY MEANS OF DIALOGUE OF CULTURES AND THE FORMATION OF NOONOMIC

Summary. It is necessary to raise the issue of training people by means of humanitarian education and Humanities for innovative social technologies of neo-industrialism. Since Russia is supposed to form the noonomics, it is possible to work with graduates of three types of projects that require different humanitarian education. Humanities restore the domestic cultural code and in the educational process with the introduction to the Humanities are two components.

Key words: humanitarian education, Humanities, noonomics, the two components, the Centre for cultural training, Russian dream.

При рассмотрении вопроса о формировании специалистов в ВУЗе (а простых специалистов теперь практически не готовят, равно, как в названии министерства пропал термин «профессиональное») говорить надо не о гуманитарных технологиях в образовательном пространстве, но об образовании людей (формирование человеческого образа) и о гуманитарных науках. Не технологии в образовательном пространстве, но образование и науки в ВУЗе. В противном случае мы упустим цели и сущность образовательного процесса, а увидим форму, средства и сосредоточимся на технологиях дидактических единиц, общих и профессиональ-

ных компетенций, модулей и дисциплин, баллов и рейтинга. На самом деле вопрос нужно ставить о подготовке людей средствами гуманитарных наук для социальных технологий. В противном случае разрыв между людьми, «человеческим, слишком человеческим» и «нечеловеческим» (говоря словами Ф. Ницше) станет непреодолимым.

Какие технологии встречают людей за пределами ВУЗа? Это должны быть технологии неоиндустриальной системы, а не постиндустриальной системы либералов-западников, полагающих, что только активная монетаристская политика в интересах богатого меньшинства и, связанные с ней финансовые манипуляции, могут спасти Россию и мир. Именно такое разрушение национальных промышленных и государственных систем называется в духе решений ООН, как утверждает советник президента РФ по экономике С.Ю. Глазьев, «геноцидом». Именно так названа его книга [3].

Подготовка людей как специалистов для народного хозяйства (и этот термин исчез из оборота в ходе капиталистического преобразования России) в виде гуманитарного образования и овладения структурой гуманитарных наук в процессе обучения в ВУЗе должна исходить из того факта, что промышленный комплекс страны возник исторически в советский период. Народнохозяйственный комплекс изначально был тесно связан с двумя другими системами – образовательной и научной.

Поскольку в постсоветской России в качестве универсальной гуманитарной технологии последние 30 лет внедряют только одну систему западного рыночного мира, неудивителен конфликт между ценностными системами в жизни и сознании людей. Так, преподаваемые сегодня в Вузах науки об обществе возникли как средство понимания реальности в интересах определённых групп и навязывания этого понимания большинству. Социальные науки западного образца эпохи модерна как гуманитарные технологии власти в их англосаксонском виде, закреплённом в мозаичной структуре УМКД, программах и ФОСов очередного поколения, возникали благодаря практическим нуждам: необходимости анализа рынка, создания новых институтов, потребности выявлять потребительский спрос и манипулировать человеческим капиталом. Формы образовательного процесса конвертируются в образовательные технологии и потому не могут быть поняты как нейтральные по отношению к содержанию и целям образования. Это значит, что более предпочтительны классические формы образования или классическое образование.

Физическая экономика и ноономика

На самом деле в жизни выпускники встречаются с результатами нового курса страны на процесс инновационного развития науки, образования и промышленности. В стране в короткие сроки предполагается формирование ноономики, в ходе формирования которой мы должны пробежать большую историческую дистанцию в рамках модернизационного развития. И тут возможны три типа проектов развития российской социальности в контексте динамики единого комплекса суверенной страны-цивилизации. Первый тип проектов основан на традиционных отраслях промышленности и может быть назван консервативным вектором, замораживающим отсталость. Для понимания этих проектов и работы с ними требуется знание всего объема советской и классической зарубежной культуры, марксистских гуманитарных наук и классического зарубежного обществознания. Второй тип направлен на создание новых форм промышленности и таких ее отраслей, которые ныне находятся в эмбриональном состоянии в лабораториях по оптоэлектронике, созданию роботов. Для работы с этими проектами нужны труды в области неомарксистской и современной постструктуралистской идеологии. Третий тип ориентирован на создание метапромышленности как основы метаэкономики, связанной с циклами инновационной деятельности в рамках корпоративных университетов и технопарков. Источники развития извлекаются из сферы человеческого потенциала как отечественного ресурса оригинального мышления и образования. Единственный критерий развития - физическая экономика. Для работы с этими проектами необходимы обширные знания в области «физической экономики» Л. Ларуша и концептуальные разработки в ноономике и исследования четвертой и пятой мировой теории в области альтернативного цивилизационного развития [4, с. 59] .

Президент Вольного экономического общества России С. Д. Бодрунов показывает, что сегодня изменения в материальном производстве серьезны, и нельзя просто говорить о реиндустриализации, но следует толковать о радикальном изменении производства в связи с наукой и образованием. «Новое индустриальное общество второй генерации», как выражается автор, в мире ноосферы влечет за собой рождение качественно нового типа отношений – ноономики [1].

Единство гуманитарного образования и гуманитарных наук

Гуманитарные науки восстанавливают отечественный культурный код и в числе первоочередных действий государства в системе государственного образования могут быть зафиксированы предложения: создать единый Центр управляющий процессом гуманитарной подготовки, обязанности руководителя Центра возложить на заведующего кафедрой культурологии, ввести единый выпускной итоговый государственный экзамен по гуманитарным наукам, создать Общественный Совет ВУЗа по гуманитарной составляющей образования, разработать учебные планы гуманитарной подготовки с учетом специфики специальностей, обеспечить целостность учебно-воспитательного процесса во внеаудиторное время.

В сложнейшие моменты истории в России не раз происходит прорыв под знаменем великой мечты. Первым шагом новой русской мечты в современной России стало открытие А.А. Прохановым Академии Русской Мечты на Урале в 2019 г. Побеседовав на открытии с видным публицистом, автор понял его замысел - нужна концептуализация мечты. Сказанное свидетельствует о том, что бинарная парадигма цивилизаций Востока и Запада не объясняет специфику и причины развития или торможения русской цивилизации. В Философском манифесте Московской Антропологической Школы первым пунктом фиксируется сложность отношений мышления и науки, науки и философии [2]. Цифровые технологии в образовательном пространстве разрушают науку и образование, закрывают возможности мечте и философскому преодолению узкого горизонта бытия. Русский народ всегда грезил, а не конструировал искусственные идентичности, именно поэтому на крутых поворотах истории русская мечта всегда выводила его вперед в деле очищения космоса и человечества.

Новации в образовании средствами диалога культур и проектного обучения ставят задачу преодоления узкого горизонта наличного социального проектирования либо как рационалистической утопии прозрачного общества «царства разума» и прав абстрактного человека, либо как чувственной утопии консьюмеристского общества и радости потребления потребляющего неразумного человека. Теоретические аспекты и опыт практической реализации проблемного образования в форме конструирования ускоренного программного обучения выпускников показывают опасности утраты цивилизационной, национальной идентичности и отставания большой исторической России и всего русского мира в новой индустриальной гонке и диалоге цивилизаций.

Библиографический список:

1. Бодрунов Б.Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018.
2. Гиренок Ф. Мы – новые антропологи. Философский манифест Московской Антропологической Школы (краткий манифест)
[http://zavtra.ru/blogs/filosofskij_manifest_moskovskoj_antropologicheskoi_shkoli_\(kratkiy_variant\)](http://zavtra.ru/blogs/filosofskij_manifest_moskovskoj_antropologicheskoi_shkoli_(kratkiy_variant))
3. Глазьев С.Ю. Геноцид. М.: Терра, 1998
4. Ларуш Л. Вы бы на самом деле хотели бы знать все об экономике? М.: Шиллеровский институт, 1992.

Павлова О.С.,
кандидат исторических наук, доцент

Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ НА ПРИМЕРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «ИСТОРИЯ»

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос об актуальности воспитания у студентов высшей школы средствами исторической науки и на конкретных примерах отечественной истории толерантного понимания и отношения к представителям иных этнических, религиозных и культурных традиций.

Ключевые слова: толерантность, этнос, конфессия, история, преподавание

Pavlova O.S.,
PhD (History), Associate Professor,
Sterlitamak branch of Bashkir State University, Sterlitamak

THE FORMATION OF ETHNIC AND RELIGIOUS TOLERANCE AMONG STUDENTS ON THE EXAMPLE OF TEACHING THE COURSE "HISTORY»

Summary. the article deals with the issue of the relevance of education of high school students by means of historical science and specific examples of the national history of tolerant understanding and attitude to representatives of other ethnic, religious and cultural traditions.

Key words: tolerance, ethnos, confession, history, teaching

Работа выполнена при поддержке гранта СФ БашГУ №В 19- 78

Толерантность является одной из основных ценностей современного общества. Поэтому одной из важных установок его успешного развития является необходимость постоянно укреплять дух толерантности и формировать отношения открытости, внимания друг к другу, на разных уровнях: семьи, профессионального коллектива и т.д. Огромная роль в этом процессе принадлежит образованию. В рекомендациях Совета Европы среди целей преподавания наряду с другими положениями отмечается необходимость рассматривать изучение истории как решающий фактор в примирении, признании, понимании и взаимном доверии между народами.

Для России формирование установок толерантного сознания и поведения, веротерпимости, миролюбия, имеет особое значение. Это отмечается в Федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе», принятой правительством Российской Федерации и осуществляемой в нашей стране. В ней отмечается, что сохраняющаяся в нашем обществе социальная напряженность, продолжающиеся межэтнические и межконфессиональные конфликты, попытки использовать эти конфликты для смены политического режима, рост сепаратизма и национального экстремизма являются прямой угрозой для безопасности страны.

В последние годы появилось много статей и специальных исследований, которые посвящены вопросам необходимости использования в преподавании истории приемов ознакомления школьников с проявлениями толерантности, обогащающими целевые установки образовательных программ ориентирами на гуманизм, многообразие и диалог культур [1]. Отмечается, что обучение толерантности заключается в том, что не только важно передавать знания, но и обеспечивать воспитание нравственности и правовой культуры, формировать уважительное отношение к людям и окружающему миру. Ученые и педагоги активно обсуждают вопросы о межэтнической толерантности, что особенно важно в условиях современного поликультурного и поликонфессионального российского общества. Опыт работы в этом направлении показывает, что каждый курс школьного исторического образования дает обширный материал для формирования толерантного сознания.

Вместе с тем, исследователи отмечают недостаточное внимание этому вопросу в преподавании истории. Так, Д.И. Полторак пишет, что во многом это связано с содержанием самого материала учебников истории. По-прежнему значительное место в них отведено изучению войн, социальных катаклизмов и других явлений, дающих учащимся, прежде всего, представление о возможности силового решения возникающих проблем. Также в практике преподавания имеют место просчеты в формировании этнонациональной толерантности, недостаточное внимание уделяется региональной, локальной истории [3].

В последнее время, когда под влиянием усиливающихся негативных явлений в мировом и отечественном социуме возникают региональные, национальные конфликты, войны, происходит массовая миграция населения, остро встает вопрос о формировании национального самосознания граждан новой России. Психолог А.А.Леонтьев полагает, что оно должно базироваться на следующих компонентах: любви и уважении к своему этносу, своему народу; чувстве принадлежности к многонациональному российскому обществу, российском патриотизме, сопряженном с отказом от национального (этнического) тщеславия; ощущении причастности к мировому (и европейскому, как его части) сообществу, чувству ответственности не только за судьбы своего народа и своей многонациональной страны, но и всего мира [2, с. 51].

На наш взгляд представляется важным формирование толерантного сознания не только школьников, но и студентов. Интересный материал для этого дает курс «История». Данный предмет изучается студентами неисторических специальностей на первом курсе, в связи с чем, представляется важным, с одной стороны, осуществить преемственность такой практики в опыте обучения в системе высшей школы, а с другой стороны, помочь студенту сформировать собственное видение узловых проблем Российской истории, адекватное сложившимся теоретико – методологическим подходам и ценностным ориентирам современного общества. Содержание курса позволяет не только закрепить ранее полученные знания в школе, но расширить их и поднять на новый, более высокий уровень понимания и осмысления.

Рассмотрим это на конкретном примере. Так, тема «Русь и Золотая Орда: характер взаимоотношений» в отечественной истории представляется одной из краеугольных и дискуссионных. Как известно, государство Золотая Орда располагалось на значительной территории, куда входили современный Казахстан, земли Российской Федерации, Узбекистана и др. Ее население и культура являются частью истории этих народов, частью истории России в целом. Обсуждение вопроса о сущности и содержании понятия «монголо-татарское иго» позволяет преподавателю и его аудитории сформировать толерантное понимание и отношение к носителям иных этнических, религиозных и культурных традиций. Подчеркивая негативные стороны монгольского завоевания, необходимо отметить, что и в этот период происходило взаимообогащение двух различных культур, выразившееся в заимствовании русскими системы почтовой связи, организации переписи населения и многого другого. Подчеркивая ужасы монгольского нашествия и системы управления баскаков, необходимо отметить, что Русь сохранила себя как государство во многом благодаря политике толерантности, проводимой русскими князьями по отношению к монгольским завоевателям. Можно говорить о тех границах, за которыми политика компромиссов и толерантность переходили в разряд предательства национальных интересов и конформизм. Сохранение союзнических отношений с монголами и сложная дипломатия их развития были объективно направлены на сохранение русских земель, их населения и способствовали расцвету народов Орды.

Толерантность как стремление не судить, а понять другого, является важной ценностью. Эта ценность лучше всего обнаруживается, когда по поводу тех или иных сложных исторических явлений, таких как этногенез восточных славян, образование Древнерусского государства, русско-польские отношения, еврейский вопрос во внутренней политике России и т.п., преподаватель представляет несколько альтернативных точек зрения равно убедительных, научно и нравственно обоснованных.

Таким образом, целенаправленная работа по формированию толерантности у студентов на занятиях по курсу «История» представляется важной и актуальной в условиях развития современного российского общества.

Библиографический список:

1. Клокова Г.В. Формирование толерантного сознания школьников в процессе обучения истории // Преподавание истории и обществознания в школе. 2004. №1; Алексашкина Л.Н. Школьные курсы всеобщей истории. Уроки толерантности // Преподавание истории и обществознания в школе. 2004. №10; Болотина Т.В. Вопросы толерантности в современном Российском образовании // Преподавание истории в школе. 2010. №1; Ембулаев В. А. Формирование толерантности в процессе преподавания истории // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2010. №7. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-tolerantnosti-v-protse-ssed-prepodavaniya-istorii>
2. Леонтьев А.А. Россия: многокультурность и толерантность в книге // Век толерантности: научно-публицистический вестник. М.: МГУ, 2001. 152 с.
3. Полторац Д.И. Проблема этнонациональной толерантности в преподавании истории // URL: <http://www.tolerance>.

Павлушова Е.А.,
старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград,
Шкабара Н.И.,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград

ПРОЕКТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. В статье рассмотрены возможности проектных технологий в практике преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе обучения (подготовительное отделение).

Ключевые слова. Русский язык как иностранный, проект, проектные технологии, методика преподавания РКИ.

Pavlushova E.A.,
senior lecturer, Volgograd
Shkabara N.I.,
docent, Volgograd

PROJECT TECHNOLOGIES AS AN INTEGRAL PART OF THE EDUCATIONAL PROCESS

Summary. The article considers the possibilities of project technologies in the practice of teaching Russian as a foreign language at the initial stage of training (preparatory Department).

Keyword: Russian as a foreign language, project, project technologies, methods of teaching Russian as a foreign language.

Важнейшая задача системы образования сегодня – формирование конкурентоспособной и саморазвивающейся личности. Как воспитать такую личность? Нам представляется это возможным только при условии развития определенных качеств человека, воспитания у современных молодых людей высокого уровня нравственной культуры, самостоятельности и ответственности, способности адекватно действовать в сложных обстоятельствах жизни и решать проблемы разного уровня, а также готовности к творческой деятельности.

Становление этих качеств предполагается содержанием современного образования, которое, наряду с приобретением знаний, способов деятельности, опыта эмоциональных отношений, предусматривает формирование личности на основе использования в учебном процессе новых информационных технологий. Ранее мы обращались к интерактивным средствам обучения РКИ на начальном этапе, в частности, к инфографике и определили этот тип

информационной подачи материала как один из наиболее эффективных и значимых [3, с.143].

Анализ современной научной литературы свидетельствует о растущем интересе преподавателей-практиков, работающих с иностранными студентами, к вопросам, проблемам и возможностям проектного обучения (Раимбекова А.А., Тюрина Е.А., Мирошник Л.В.) [5].

Если обратиться к современным педагогическим технологиям, то в системе обучения русскому языку как иностранному, наиболее эффективными и результативными, на наш взгляд, выступают следующие:

- информационно – коммуникационная технология;
- проектная технология;
- технология развивающего обучения;
- технология проблемного обучения;
- игровые технологии;
- модульная технология;
- групповые технологии;
- традиционные технологии (классно-урочная система).

Эти и другие технологии стремительно изменяются уже сегодня и так же стремительно меняют мир вокруг себя, что является наиболее актуальным в XXI веке.

Сегодня в системе высшего образования не обойтись без таких форм работы, которые обеспечивают развитие у студентов интереса к познавательной деятельности, умений ориентироваться в огромном информационном пространстве, планировать свою учебную деятельность, работать в команде. Это приобретает особую значимость, когда мы говорим об иностранных студентах, изучающих русский язык.

Одной из таких форм организации самостоятельной работы студентов является проектная деятельность.

Метод проектов был первоначально разработан американскими педагогами Дж. Дьюи и его последователем В. Х. Хилпатриком еще в 20-х годах прошлого столетия. Они предлагали процесс обучения через целесообразную деятельность, на основе заинтересованности учащихся в приобретаемых знаниях. Для этого, по их мнению, необходимо предложить учащимся ситуацию **проблемного** характера, которую обучаемые должны самостоятельно исследовать и прийти к реальному практическому результату [1, 53].

Мы определяем **проектное обучение** как интегральный компонент всего учебного процесса. Эта образовательная технология используется не столько как идея «свободного воспитания» вне традиционного учебного плана, сколько как «способ достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы (технологии), которая должна завершиться вполне реальным, осязаемым практическим результатом» [4, с.40].

Поэтому, метод проектов является составной частью обучения иностранному языку студентов как на начальном этапе, так и на последующих уровнях. Как было сказано ранее, одной из главных задач обучения иностранным языкам является решение такой важной проблемы, как развитие самостоятельной работы учащихся, ориентирование их на активное творческое усвоение материала, умение логично мыслить и оперативно решать возникающие проблемы.

Эффективность использования проектного метода в практике обучения иностранному языку высока по всем видам деятельности.

Доказано практически, что благодаря этому значительно увеличивается скорость чтения, улучшается качество перевода текста, совершенствуются умения устной и письменной речи, расширяется кругозор учащихся, развиваются коммуникативные навыки. Меняется и роль учащихся в учении, т.е. они становятся активными участниками процесса.

В результате изучения различных проектных форм работы нами были определены наиболее эффективные виды проектной деятельности (для обучения русскому языку как иностранному):

1. Поисковые проекты, которые развивают языковую компетенцию, служащую основой для формирования речевых навыков, и речевую компетенцию в таких видах речевой деятельности, как чтение и аудирование;
2. Дискурсивные проекты, развивающие речевую компетенцию в таких видах речевой деятельности как говорение и письмо.
3. Исследовательские проекты ориентированы на поиск и обмен информацией, ее аналитическую обработку. В рамках этого вида проектов осуществляется координация совместной деятельности с непосредственными и удаленными партнерами.

Проекты данной группы соответствуют отличаются по целеполаганию, так как неразрывно связаны с началом профориентационной деятельности, с началом специализации в обучении иностранному языку.

Перед учащимися подготовительного отделения ставятся цели, побуждающие их к освоению текстов по будущей специальности, к изучению специальной лексики, к знакомству со спецификой синтаксической организации учебной научной речи.

4. Творческие проекты предоставляют учащимся дополнительные возможности общения на иностранном языке в реальных ситуациях с собеседниками, близкими по возрасту, интересам, уровню владения русским языком как иностранным, возможности коммуникации с носителями изучаемого языка и представителями других культур, изучающих русский язык, а также возможность работы, в интернациональном коллективе.

Работа над творческим проектом предполагает самостоятельную постановку проблемы, сбор и анализ информации, подготовку информационного продукта на русском (неродном) языке для конкретного адресата и достижение таких целей, как совершенствование общих компетенций (в первую очередь социальных), коммуникативной и профессиональной компетенций. Творческие проекты относятся к наивысшему уровню сложности; благодаря им учащиеся получают возможность создавать ситуации реального общения, участвовать в дискуссии, полемизировать по вопросам, которые представляют для них интерес и являются актуальными.

Обобщая все сказанное о проектных технологиях в современном образовательном процессе, можно констатировать, что подобного вида мини-проекты необходимо включать на начальном этапе преподавания РКИ, поскольку этот процесс ориентирует на умение планировать не только собственное речевое поведение, но и поведение собеседника; развивает творческие способности, внимание, память, мышление, умение контролировать свои поступки; улучшает взаимоотношения с однокурсниками и преподавателями.

Библиографический список:

1. Дьюи Дж. Демократия и образование. М., Педагогика-пресс, 2000.
2. Залялова Р. Р. Современные методы обучения русскому языку как иностранному (на примере профессиональной сферы общения). Филология и культура. 2013.
3. Павлушова Е.А., Шкабара Н.И. Применение новых форм обучения русскому языку как иностранному (элементарный уровень обучения). Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2018.
4. Полат Е. С. Метод проектов. Мн.: РИВШ БГУ, 2003.
5. Тюрина Е. А. Применение проектной технологии в курсе русского языка как иностранного на подготовительном отделении российского вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02, Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, М., 2012.

Рощупкин В.Г.,
кандидат педагогических наук, доцент
кафедры безопасности информационных систем,
Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева, г. Самара.

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧАЩИХСЯ – ОСНОВА РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье исследуется современное состояние образования, его роль в развитии культуры и общества, анализируется проблема содержания культурного и кросс-культурного потенциала субъекта, обосновывается значимость понимания как основополагающей, интегративной характеристики культурного и кросс-культурного потенциала субъекта, а также процесса образования.

Ключевые слова: Культура, образование, культурный потенциал, кросс-культурный потенциал, понимание, субъект культуры

Roshchupkin V.G.,
candidate of Pedagogical Sciences, Samara University, Samara

DEVELOPMENT OF CULTURAL POTENTIAL OF STUDENTS - THE BASIS OF DEVELOPMENT OF MODERN EDUCATION

Summary. The article examines the current state of education, its role in the development of culture and society, analyzes the content of the cultural and cross-cultural potential of the subject, substantiates the significance of understanding as a fundamental, integrative characteristic of the cultural and cross-cultural potential of the subject, as well as the educational process .

Key words: Culture, education, cultural potential, cross-cultural potential, understanding, subject of culture

1. Культура и образование не могут быть обособлены друг от друга. Являясь важнейшей составной частью культуры, сфера образования включает в себя процесс наследования, сохранения, распространения и освоения ценностей культуры, процесс приобщения человека к культуре, формирования его как субъекта культуры, формирования его собственного культурного облика и образа [3, с. 35-36]. В связи с этим М.С. Каган особо выделяет процесс культурации человека (в отличие от его социализации) как интериоризацию накопленных в истории культуры знаний, ценностей, идеалов; ибо если социализация делает человека исполнителем определенных социальных ролей, то культурация несет ему смыслы и ценности, порожденные всеми народами во все времена [6, с. 178-179].

Культуру можно представить как систему принципов, способов, механизмов смыслообразования и смыслополагания, а также результатов этого смыслополагания, накопленного опыта, закрепленного в знаковых системах и артефактах. Особое значение в данном контексте приобретает проблема смыслообразования как необходимого содержания и качества современного образовательного процесса, обеспечивающего становление учащегося как осмысленного субъекта культурно-исторического процесса. Можно согласиться с Е.Г.Беляковой, рассматривающей смыслообразование как процесс творческого освоения субъектом культуры созданных в процессе общественного развития способов мировосприятия, мироотношения, культуротворческой деятельности. Смыслообразование как творческий процесс реализуется через движение от «безличных» значений к воплощению смысла в форме субъективного опыта учащихся, воспринимаемого ими как личностно-ценное знание, и далее - к реализации смыслов в культуротворческой среде. Осмысленность знания и сформированность личностной ценностно-смысловой позиции являются результатом внутренней активности учащихся [1, с. 4-5].

2. Однако в современных условиях развития общества образование перестает справляться с лавинообразным процессом смыслообразования. Современное образование имеет еще некоторые резервы для увеличения объема преподаваемой информации, но вовсе беспо-

мощно перед тем фактом, что развитие научного знания связано не только с увеличением в объеме, но и с изменением его качества, глубины, смыслового содержания. Информации уже так много и она прибывает так быстро, что совершенно нет времени ее осмыслить [7, с. 92]. В этих условиях система образования должна отказаться от того, чтобы предлагать учащимся результаты чьего-то понимания и сделать своей целью прежде всего само понимание. Как справедливо замечает А.А. Брудный, сегодня следует ориентировать образовательный процесс на понимание, учить пониманию текстов (учебных, научных, политических и литературных), пониманию других людей (в первую очередь – пониманию представителей другой культуры), пониманию самого себя, так как образование – это не то, чему человека учили, а то, что он в этом понял [2, с. 241]. Не случайно понимание является одной из важнейших ценностей образования, наряду со знанием, сознанием, духовным и личностным ростом [5, с. 137]. Человек не способен пребывать в непонятном ему мире. Жить, быть – значит понимать. Сама жизнь это и есть понимание, а понимание есть жизнь человека, его бытие. Именно понимание выступает как приобщение к истинным и достоверным основаниям в форме традиции, общения, ценностных ориентаций жизнедеятельности вообще. По своим задачам понимание выступает реконструкцией определенно постигаемого содержания в системе интерсубъективных (общезначимых, очевидных) оснований, то есть закрепленных культурой традиций, норм и свидетельств опыта. Сферой функционирования, реализации и трансляции понимания является культура. К ценностям культуры, к культуре в целом можно приобщиться, только понимая их. Без понимания нельзя и творить культуру, т.к. всякое творчество одновременно является и герменевтическим процессом, оно требует сопричастности культурно-историческим феноменам, реализации в них своих сущностных сил [4, с. 45].

3. Сфера образования, таким образом, является тем полем, которое должно развивать культурный потенциал учащихся. Последний, на наш взгляд, включает в себя закрепленные в определенной знаковой системе результаты смысловой деятельности субъекта (осмысления, смыслообразования и смыслополагания), которые выступают условием дальнейшего воспроизводства и развития культуры. Неотъемлемой частью культурного потенциала субъекта выступает его кросс-культурный потенциал, который может быть представлен в виде результатов смысловой деятельности субъекта, обеспечивающей возможность взаимопонимания, взаимодействия культур (субъектов различных единичных культур) через освоение различных вариантов, способов смыслообразования и смыслополагания, построения смысловых связей и конфигураций.

Именно реализация кросс-культурного потенциала способствует развитию культуры. Он является важнейшей характеристикой субъекта, лежит в основе и проявляется в процессе его творческой деятельности по изменению, развитию культуры и общества. Кросс-культурный потенциал включает в себя способности субъекта, его опыт кросс-культурной деятельности, кросс-культурного взаимодействия, т.е. культурной деятельности, осуществляющейся при взаимопонимании, взаимодействии субъектов различных культур, необходимый для их развития через освоение различных вариантов, способов смыслообразования и смыслополагания.

Все это делает способность субъекта понимать (то есть осмыслять, выявлять и реконструировать уже известные смыслы, а также порождать свои собственные) основополагающей характеристикой культурного потенциала субъекта, ресурсом, позволяющим ему осуществлять культурную деятельность. Именно результаты смысловой (культурной) деятельности, накопленный опыт культурной деятельности, закрепленный в знаковых системах и артефактах, должен быть освоен субъектом культуры в ходе его развития в процессе образования. Освоение опыта культурной деятельности предполагает освоение определенных принципов, способов, механизмов культурной деятельности, направленных как на воспроизводство, так и на расширение культурного пространства (поля смыслополагания), в том числе через творчество субъекта культуры.

Библиографический список:

1. Белякова Е.Г. Смыслообразование в педагогическом взаимодействии: Дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01. Тюмень, 2009. 438 с.
2. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М.: Изд-во «Лабиринт», 1998. 336 с.
3. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: «Школа-Пресс», 1995. 448 с.
4. Доказательство и понимание. Киев: Наукова думка, 1986. 312 с.
5. Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Часть I. Живое знание. Самара, 1998. 216 с.
6. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: «Петрополис», 1997. 205 с.
7. Сулима И.И. Бытийный статус образования: Дис. ... д-ра философских наук: 09.00.11. Н.Новгород, 2004. 358 с.

Фоменков А.А.,

доктор исторических наук, доцент кафедры теории политики и коммуникации,
ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ВСЕМИРНОЙ ПАУТИНЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: НЕ ТОЛЬКО ПЛЮСЫ

Аннотация. Статья посвящена негативным сторонам активного использования обучающимися материалов из сети интернет при обучении. Определена негативная роль фейк-ньюз в образовательном процессе. Выявлено отрицательное влияние мемов на обучающихся.

Ключевые слова: образование, обучающиеся, интернет, фейк-ньюз, мем, негативное

Fomenkov A.A.,

doctor of history, associate Professor, UNN, Nizhny Novgorod

THE GLOBAL USE OF THE WORLD WIDE WEB IN THE EDUCATIONAL PROCESS: NOT ONLY THE PROS

Summary. The article is devoted to the negative aspects of the active use of learning materials from the Internet in learning. The negative role of fake news in the educational process is determined. Negative influence of memes on students is revealed.

Key words: education, students, Internet, fake news, meme, negative

В современных реалиях интернет-ресурсы активно используются в образовательном процессе на самых разных программах и уровнях обучения. В полной мере положительный эффект в обучении имеется не только от различных тестов в онлайн-режиме, но также от использования электронных научных ресурсов – elibrary.ru, <https://cyberleninka.ru/> и даже <http://sci-hub.fun/> (последним пользуются по преимуществу бакалавры-дипломники и магистранты). То есть, возражать против тезиса о положительном влиянии глобальной всемирной паутины на процесс обучения [1; 2; 6, с. 52; 7; 8, с. 96] вряд ли стоит.

Следует, однако, признать, что использование глобальной всемирной паутины в образовательном процессе имеет и отрицательные стороны. Важно подчеркнуть, что причиной тому является не ретроградство и обскурантизм представителей образовательных учреждений, но наличие реально имеющих место обстоятельств.

Перове из них связано с использованием так называемых фейков, в том числе фейк-новостей (это касается в первую очередь гуманитарных дисциплин). Укажем, что в переводе с английского «фэйки (англ. fake – подделка) – искусственно созданная преднамеренно ложная информация, транслируемая через СМИ либо циркулирующая в Интернет-пространстве» [3, с. 229]. Студенты нередко принимают на веру фейк-новости и используют их в своих выступлениях на семинарских занятиях – например, по курсам «политология» и «история».

При этом нередко попытки преподавателя переубедить таких студентов заканчиваются ничем – последние остаются при своём мнении (особенно если это касается конспирологических идей – весьма модных в современных реалиях [4, с. 640]).

Другими отрицательным проявлением как современной интернет-культуры, так и использования интернета в образовательном процесс является использование так называемых «мемов». Последние представляют единицу культурной информации в виде слова, словосочетания, фразу или графического изображения. Они носят комичный характер и активно передаются по сети от одних пользователей другим. Причина популярности мемов связана с тем, что современные люди в массе своей склонны к упрощению и отсутствию стремления к получению полной, правдивой и логически непротиворечивой информации. Как следствие, интернет-мем заменяет для них статью или, например, речь политического деятеля или финансового аналитика. В самом деле, «с помощью мемов общение становится быстрее, не нужно писать длинный текст, чтобы донести до собеседника какую-либо мысль, достаточно просто отправить ему мем» [5, с. 121]. То есть, мемы при всех своих плюсах, связанных с наличием у их авторов чувства юмора (в большинстве случаев так оно и есть!), имеют и минусы, связанные с тем, что многие молодые люди пишут меньше и, во многом по этой причине, безграмотнее. В самом деле, им нет необходимости сочинять текст, пусть даже и состоящий из нескольких фраз, если они могут поставить картинку.

Кроме того, мемы способствуют тому, что обучающиеся меньше стремятся получить целостную информацию, они довольствуются поверхностными данными, содержащимися в меме. Так, например, зачем вникать в особенности политической системе в период президентства 3-го президента РФ Д.А. Медведева, если вместо этого просто мыслить мемовской категорией «денег нет, но вы держитесь». Кстати, такое «мемовское» мышление может быть связано с обширным кругом вопросов (прежде всего в рамках гуманитарного знания).

Таким образом, к числу отрицательных сторон использования материалов, содержащихся в интернете, следует признать возможность использование непроверенной (а иногда и откровенно лживой информации), упрощённое понимание сложных по своей природе процессов (а оно тоже имеет место в том числе и в рамках глобальной всемирной паутины), ненаучный и даже нелитературный язык в текстах в рамках виртуального пространства, а также кажущуюся уверенность, что в интернете «есть всё», а потому времени на самостоятельную подготовку обучающемуся много не требуется. В целом же можно признать, что негативные стороны, связанные с использованием интернета в образовательном процессе, касаются как профессиональных, так и общекультурных компетенций.

Библиографический список:

1. Антонова З.В. Использование социальных сетей для общения со студентами-заочниками // Череповецкие научные чтения - 2017 Материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 4х частях. Отв. ред. Е.В. Целикова. 2018. С. 6-7.
2. Бавшин Р.Д. Использование образовательных ресурсов сети интернет и средств мультимедиа в учебно-воспитательном процессе образовательной области "Технология" // Научный поиск. 2012. № 4.1. С. 10-11.
3. Борхсениус А.В. Дезинформация как технология информационно-психологических войн. Фейк и антифейк // Вопросы политологии. 2016. № 2 (22). С. 226-233.
4. Дворников В.В. Конспирология как деструкция познания и феномен массовой культуры // INTERNATIONAL CONFERENCE ON SOCIAL SCIENCE, ARTS, BUSINESS AND EDUCATIONS scientific public organization "Professional science". 2016. С. 634-643.
5. Зыкова А.А. Интернет-мемы как средство политической коммуникации молодежи // Молодёжь в меняющемся мире: вызовы современности Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых: в 2 выпусках. 2017. С. 116-124.
6. Леушкин Д.В., Марголис Н.Ю., Симонов А.Л., Фоменков А.А. Использование электронных научных библиотек в современном образовательном процессе в вузах // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2014. № 1. С. 49-53.

7. Соловьева Т.А. Использование интернет-технологий и wiki-среды в образовательном процессе колледжа // Наука и образование в XXI веке сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 17 частях. 2014. С. 120-121.
8. Шульга Т.И., Тимохин Д.В. Использование интернета детьми и подростками в образовательном процессе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2011. № 2. С. 91-100.

Шапиро С. В.,
кандидат философских наук, доцент
кафедры "История, философия, политология и социология",
Петербургский государственный университет путей сообщения, г. Санкт – Петербург

ПРОБЛЕМА ОРГАНИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В СОВРЕМЕННЫХ ВУЗАХ

Аннотация. Рассматривается ряд проблем в организации образовательного процесса в современном вузе. Корпоративная студенческая газета выступает как один из возможных инструментов профессионально-личностного становления студентов.

Ключевые слова: кризис системы образования, учебно-воспитательный процесс, субъект деятельности.

Shapiro S. V.,
candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of PGUPS, St. Petersburg

THE PROBLEM OF THE ORGANIZATION OF EDUCATIONAL WORK IN MODERN UNIVERSITIES

Summary. A number of problems in the organization of the educational process in a modern university are indicated. The corporate student newspaper is considered as one of the possible tools for the professional-personal formation of students.

Key words: education system crisis, educational process, subject of activity.

В условиях системного кризиса высшего образования психолого-педагогическое общество особенно остро нуждается в анализе и артикуляции ключевых механизмов воспитательно-педагогического процесса. Современная ситуация в образовании характеризуется постоянным реформированием, динамикой организационных условий функционирования, во многом даже изменением целей и задач деятельности в связи с резкой сменой социальных приоритетов. Этот социокультурный вызов обращен ко всем ступеням образования, включая высшее профессиональное, которое является завершающим организованным социальным институтом в ходе базовой социализации личности. Особая роль в профессионализации молодых людей принадлежит их учебно-профессиональной деятельности в вузе, которая является условием становления будущего специалиста как субъекта профессиональной деятельности, т.е. как активного, мобильного, способного к постоянному развитию, готового к инновационной деятельности специалиста [2, с. 128]. К сожалению, многие исследователи в ходе своей работы выделяют различные условия оптимизации процесса профессионального обучения и становления, которые, прежде всего, учитывают требования государственных стандартов, требования производственной и социальной сфер общества, а не потребности субъектов учебно-профессиональной деятельности. Кроме того, отмечается факт внутреннего отчуждения человека от образования, который является причиной целого ряда явлений в образовательной системе, приводящих к формированию специалиста, немотивированного к выполнению профессиональной деятельности, затрудняющегося в определении своих потребностей и целей. Проведенные в последние годы исследования показывают, что увеличивается доля разочаровавшихся в своем профессиональном выборе студентов, снижается ин-

терес к учению, обнаружены многочисленные факты снижения мотивации обучения в вузе [1, с. 319].

Воспитание как социальный механизм нацелено на поддержание преемственности и стабильности в жизнедеятельности общества, вследствие чего заведомо инертно и сопротивляется инновациям. Данная тенденция проявляется и в воспитательной работе в вузе. Как наиболее плодотворные и эффективные оцениваются традиционные формы: наставничество, кураторство, студенческое самоуправление (профком, студсовет), где обучающиеся получают опыт организационной деятельности, студклубы, где учащиеся могут удовлетворить разнообразные эстетические и социальные потребности. Эти традиционные воспитательные модели также подвержены динамике, коммуникационная модель изменилась: из вертикальной она становится горизонтальной (паритетной). Менторские наставления о том, что надо делать и как себя вести, уже неэффективны, только личный пример и профессиональные успехи являются эффективным методом воздействия [3, с. 55]. Не менее важен следующий момент: высшее образование остается специальным, предназначенным для овладения конкретной профессией. В данных условиях принципиальное значение сохраняет воспитание через предмет: профессиональное обучение и личный пример преподавателя в ходе живого непосредственного общения с учащимися по вопросам профессионального и личностного самоопределения, что формирует единую этическую платформу у будущего специалиста и гражданина. Именно субъектное отношение к собственному профессиональному развитию становится важнейшим фактором успешности студента и основной задачей воспитательных усилий в вузе.

Перспективным может быть использование современных информационных технологий: личные сайты преподавателей и социальные сети, общение в которых может иметь укрепощенный и содержательный характер. В данном случае опосредование взаимодействия техническим компонентом может иметь положительное значение, позволяя преодолеть социальные барьеры. Коммуникационная модель взаимодействия участников образовательного процесса в вузе из вертикальной становится горизонтальной, партнерской. Для некоторых направлений подготовки возможна организация совместной деятельности преподавателя и обучающегося на профессиональной платформе. Так, для направления подготовки «Реклама и связи с общественностью» в Российском государственном гидрометеорологическом университете реализуется совместный для преподавателей и обучающихся проект – выпуск еженедельной газеты «Эспрессо». Специфика студенческой корпоративной газеты состоит в том, что газета создается студентами и выпускается для обучающихся, выполняет следующие функции: информирует о событиях университетской жизни; комментирует и оценивает происходящие в университете события; формирует эстетический вкус и этическую культуру подачи материала; позволяет освоить профессиональные навыки; стимулирует развитие общественной мотивации, интереса к социальным процессам. Газета, с одной стороны, является зеркалом студенческих настроений, что помогает с педагогической точки зрения их учитывать, и, с другой стороны, является мощным инструментом формирования чувства гражданской ответственности, поскольку газета отражает форму и содержание студенческого самоуправления, формирует единую этическую платформу у будущего специалиста и гражданина.

Выпуск газеты является органичной частью учебного процесса для студентов, обучающихся по направлению «Реклама и связи с общественностью», поскольку выпуск очередного номера является результатом выполнения еженедельного домашнего задания по ряду дисциплин. «Встроенность» выпуска газеты в рамки учебного процесса позволяет преподавателям систематически контролировать не только ход выполнения задания в студенческой лаборатории, но и качество публикуемых в газете материалов. Систематический, налаженный выпуск студенческой газеты позволяет комплексно контролировать качество обучения по целому ряду учебных дисциплин: «Русский язык и культура речи», «Стилистика и литературное редактирование», «Логика и теория аргументации», «Теория и практика связей с общественностью», «Теория и практика средств массовой информации», «Профессиональная

этика специалиста по связям с общественностью», «Профессиональная этика в СМИ», «Речевое воздействие в массовой коммуникации». Более того, работа над выпуском газеты под контролем куратора позволяет своевременно корректировать пробелы в знаниях, демонстрировать студенту практическую значимость всех изучаемых предметов, поскольку известно, что письменный текст как никакой другой тип речи способен выявить все профессиональные компетенции, необходимые специалисту по связям с общественностью.

Еженедельный выпуск газеты осуществляется редакционными группами, состоящими из нескольких человек. Функции главного редактора выполняет преподаватель дисциплины «Теория и практика средств массовой информации», который и подписывает номер к печати. Обратная связь студенческой газеты с профессорско-преподавательским составом осуществляется в постоянной рубрике «Горькая пилюля», которую ведет заведующий кафедрой. Все материалы, опубликованные в газете, подписываются обучающимися, из-за чего не возникает проблемы необъективной оценки на зачете или экзамене – газета вывешивается для всеобщего обозрения на постоянном стенде. Выпуск газеты является результатом совместной работы кураторов, студентов, преподавателей и руководства выпускающей кафедры, что позволяет в рамках учебного процесса полноценно проводить учебно-педагогическую деятельность, внедрять студенческое самоуправление, готовить обучающихся к работе в профессиональной среде, способствовать преемственности в процессе обучения, хранить традиции, воспитывать чувство ответственности за свою работу.

Библиографический список:

1. Березовская И.П., Кедич С.И., Малоземлина К.А. Эмоциональный интеллект как возрастной фактор // Труды X Международной научно-теоретической конференции «Коммуникативные стратегии информационного общества», Санкт-Петербург, 26-27 октября 2018 г. СПб.: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 2018. с. 315-319.
2. Соломин И.Л. Структура жизненных ценностей и выбор сферы профессиональной деятельности // Труды научно-практической конференции «Профессиональное самоопределение, профессиональное становление молодежи – важное условие социально-экономического развития государства», Санкт-Петербург, 25 апреля 2018 года / Центр содействия занятости и профессиональной ориентации молодежи «ВЕКТОР». СПб.: Научное издание, 2018. с.127-137.
3. Хитарова И.Ю. Проблема женского образования в России // Этносоциум и межнациональная культура. 2018. № 4 (118). С. 51 – 55.

Щербак Н.А.,
заместитель директора по УВР,
ГБОУ г.Севастополя «Гимназия №24», Севастополь

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. Исследованы основные особенности литературного творчества школьников. Автор сопоставил работу по разделу «Связная речь» в курсе русского языка традиционной системы и по новому стандарту развивающего обучения. Отмечено, что сочинение является не только средством развития письменной речи, но и показателем общего развития школьников, раскрывают его духовный мир. Приведены основные показатели, по которым оцениваются работы.

Ключевые слова: литературный, творчество, самовыражение, мировоззренческая тема

Shcherbak N.A.,
Deputy Director, Gymnasium №24, Sevastopol

LITERARY WORKS OF YOUNGER STUDENTS

Summary. The basic features of the literary creativity of students are researched. The author compared the work on the section "Coherent speech" in the course of the Russian language of the traditional system and

the new standard of developmental education. It is noted that the composition is not only a means of development of writing, but also an indicator of the overall development of students, reveal its spiritual world. The main indicators of work evaluating are stated.

Key words: literary, creativity, self-expression, worldview theme

Творчество – это создание нового и прекрасного. Оно противостоит разрушению, шаблону, отсталости, оно наполняет жизнь радостью. Учащийся, ежеминутно открывающий для себя все новые тайны мира, окружающего его, обладает колоссальным творческим потенциалом: у него свободное воображение, не скованное правилами и запретами. Главное в педагогике творчества – не дать угаснуть Божьему дару, не помешать расцвести «Таинственному цветку поэзии» в душе ребенка, школьника» [3, с.228]. «Духовный мир человека (в любом возрасте) – это не только интеллект, не только мышление и речь, но и мир эмоций, воображения и мечты, нравственных чувств и совести, мир веры в добро, общение с самим собой, это интуитивное понимание чувств другого человека и такт сопереживания» [3, с.228].

Сопоставляя работу по разделу «Связная речь» в курсе русского языка традиционной системы и по новому стандарту развивающего обучения, мы ясно видим различие: творческие сочинения. «Смысл творческих сочинений в том, чтобы открыть ребенку глаза на живую действительность, научить его видеть в ней источник волнующих впечатлений и находить им адекватное выражение в слове. Усилия детей направляются на поиски точного, емкого, выразительного слова. Такая работа помогает детям осваивать богатства родного языка и понимать литературное произведение как творчество, как искусство слова. Творчество, считал Л.С. Выготский, позволяет ребенку преодолеть тот крутой перевал в развитии творческого воображения.

Среди методистов издавна ведется спор о том, когда, в каких классах можно предлагать учащимся письменные творческие работы, сочинения. Методистов и педагогов очень пугает возможность орфографических ошибок у таких малограмотных людей – учащихся первых, вторых классов. Сочинение – это путь от маленького писателя к большому читателю [1].

Приверженцы традиционной методики подчеркивают, что сочинение – это один из видов письменных упражнений, что написанию сочинений надо учить. Умения должны вырабатываться на основе развития устной речи, а изложение рассматривается в качестве подготовительной работы к сочинению. Различие между изложением и сочинением заключается лишь в степени самостоятельности и творчества. Л.В. Занков писал, что «изложение и сочинение по самой своей природе совершенно различные формы письменной речи школьника. Изложение – это передача содержания текста, написанного кем-то другим. Сочинение – это выражение в речевой форме впечатлений, мыслей, чувств автора. Общее между ними только то, что и в одном и в другом случае школьник что-то пишет» [2, с.166].

Необходимо давать детям возможность свободно высказываться. Ведь на первых этапах обучения особенно важно: раскрыть творческую инициативу ребенка; развить интерес к самостоятельному написанию. Ребенок самовыражается в слове. И ему предоставлена полная свобода.

Перед написанием сочинений творческого характера не должно быть подготовительной работы: проработки содержания; словарной и орфографической подготовки; составление общего плана пересказа; зачитывания образцов. Ученик должен не только последовательно, логически, стилистически и орфографически грамотно излагать мысли. Очень важны и такие показатели качества сочинений: эмоциональная окрашенность; самостоятельность суждений; живость, непосредственность в передаче мыслей и чувств.

По каким же критериям устанавливать трудность одного описания по сравнению с другим, или одного рассказа по сравнению с другим? В результате содержание сочинения, которое и должно определять его форму, вступило в полную зависимость от формы. И все богатейшие возможности сочинений попадают в полную зависимость от правильности письменной речи. Это лишает детей возможности самостоятельно раздумывать над темой. Узкие, скучные темы не затрагивают ум, чувства, эмоции детей.

Формулирование творческих тем должно затронуть не только ум ребенка, но и его чувства. Ведь сочинение является не только средством развития письменной речи, но и показателем общего развития школьников, раскрывают его духовный мир, ломают деления на сильных и слабых. Есть темы, которые требуют: самого высокого уровня обобщения материала; переноса знаний, впечатлений; опоры на личный опыт детей. Уровень трудности – высокий. Но соблюдение меры трудности обеспечивается тем, что они: опираются на опыт и знания; ученик может найти наиболее близкий и знакомый ему аспект, раскрыть именно его.

Когда сочинения написаны, применяются основные приемы работы над ними: анализ учителем: выделение интересных, сильных мест; исправление ошибок; устный анализ в классе; зачитать удачные места, отзывы; саморедактирование; рецензирование: устное, письменное. Несколько самых слабых работ можно предложить проанализировать группам. Дать задание: проанализировать, найти в них как можно больше хорошего. Сочинения – бесценный материал для учителей. Они помогают лучше узнать внутренний мир детей, ломают утвердившиеся деления учеников на сильных и слабых, раскрывают неожиданные возможности отстающих и так называемых молчунов.

В связи с тем, что сочинения могут быть не только средством, но и показателем общего развития ребенка, его нравственности, качества усвоения содержания начального образования, возникает огромное количество возможных линий их анализа и критериев оценивания.

Вот один из вариантов, характеризующих становление литературного творчества. Работы детей могут оцениваться по следующим показателям: полнота и правильность раскрытия темы; соответствие содержания сочинения заданной темой уровню общения материала; логичность изложения; наличие обобщенных суждений; наличие авторских оценок, комментариев; соответствие формы изложения звучанию темы.

Анализ по этим показателям поможет отнести работы к репродуктивным или творческим. Ведь тему репродуктивного характера можно раскрыть творческим методом. За проявление литературного творчества принимается любая попытка учащегося осмыслить какой-то факт, высказать по его поводу свое личное мнение, отобразить для доказательства.

Процесс организации литературного творчества включает следующие этапы: этап косвенной подготовки, связанный с нацеленностью всего процесса обучения на достижение оптимального общего развития учащегося; этап непосредственной работы над сочинением (выбор и представление темы в соответствии с её характером, организация самостоятельной работы); этап работы над сочинением (устное обсуждение, редактирование, использование на других предметных уроках).

Раскрытие широких мировоззренческих тем занимает целый урок. На следующий день 1 урок посвящается их обсуждению и редактированию. Узкие темы – часть урока. Возможны их зачитывания и анализ сразу на уроке. В зависимости от темы, от цели сочинения может меняться и процесс работы с ним. Гибкость, подвижность методики – неотъемлемая черта развивающего обучения. Оно свойственно и методике организации литературного творчества. Изложения полностью замещаются сочинениями репродуктивного характера. Система сочинений предполагает сочинения репродуктивные и творческие.

Творческие сочинения – это многофункциональное дидактическое средство: формирование личности в целом (творческого мышления, эмоциональной, волевой сфер); обогащение содержания начального образования; интеграции знаний разных разделов, частей курсов и отдельных курсов; осознание учащимися процесса учения и получаемых знаний; оценки результативности обучения по всем направлениям: образование, развитие, воспитание [5, с.103-104]. «Свободное правильное употребление языка формируется не столько тренировочными упражнениями, сколько частотностью использования «живой» речи в разных ситуациях» [6, с.104].

Литературное творчество поможет учащемуся изучить самого себя: кто? каков? каким я хочу быть и кем? что я знаю, что умею, чему хочу научиться?

Библиографический список:

1. Амонашвили Ш.А. Размышления о гуманной педагогике. М.: Издательский дом Шалвы Амонашвили, 1995.
2. Занков Л.В. Избранные педагогические труды. М.: Новая школа, 1996.
3. Львов М.Р. Школа творческого мышления. М.: «Вентана-Граф», 1997.
4. Левин В.А. Воспитание творчества. Рига: Эксперимент, 1992.
5. Левин В.А. Когда маленький школьник становится большим читателем. М.: Лайда, 1994.
6. Нечаева Н.В. Как учить грамоте читающих и нечитающих детей. М.: ФНМЦ, 1998.
7. Нечаева Н.В. Обучение грамоте и организация литературного творчества. М., 1994.

Юнель С.А.,

кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии,

Псковский государственный университет, г.Псков

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ СТУДЕНТОВ

Аннотация. Статья посвящена особенностям эмоциональной сферы студентов, оказывающие влияние на их учебную деятельность, такие как эмоциональное напряжение и напряженность в учебной деятельности, эмоциональная устойчивость. Приведены данные диагностического исследования профессионально важных личностных качеств студентов психологического отделения.

Ключевые слова: эмоции и чувства, эмоциональное напряжение, эмоциональная напряженность, эмоциональная устойчивость, мотивы выбора профессии, личностная зрелость

Yunel S.A.,

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology
of Pskov State University, Pskov

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE EMOTIONAL SPHERE OF STUDENTS

Summary. The article is devoted to the peculiarities of students' emotional sphere, which influence their educational activities, such as emotional tension and intensity in educational activity, emotional stability. The data of a diagnostic study of professionally important personal qualities of students of the psychological department are given.

Key words: emotions and feelings, emotional stress, emotional tension, emotional stability, motives for choosing a profession, personal maturity.

В современном обществе в сфере образования все усилия направляются на актуализацию интеллектуальных ресурсов человека. Нельзя при этом не обходить вниманием эмоциональную сторону личности студента, которая оказывает влияние на формирование межличностных отношений, на успешность выполняемой им учебной деятельности, выражаясь в мотивации и удовлетворенности выполнения своей деятельности. Развитие чувственной сферы в данный период развития личности, включенность студентов в разные сферы общественных отношений и деятельности, определяют повышенные требования к их эмоциональной сфере.

В процессе учебно-воспитательной деятельности обязательно должны учитываться, по мнению О.О. Косяковой, такие особенности эмоциональных процессов студентов вузов, как большая интенсивность эмоций и чувств, разнообразие эмоций, переходы от одних эмоций к другим, ускоренное формирование высших чувств, большая умственная и эмоциональная напряжённость [2]. Одним из показателей взросления является становление эмоционального мира (его богатство, автономность и стабильность механизмов регуляции). Однако,

многие молодые люди, сталкиваясь в период обучения с внешними трудностями или внутренними противоречиями проявляют признаки эмоциональной незрелости: погружаются в тревожно-депрессивные эмоциональные состояния, испытывают неуверенность в себе, чувство одиночества и беспомощности, которые отрицательно сказываются на их дальнейшем профессиональном и личностном росте.

Педагоги и психологи уделяют внимание различным аспектам проблемы эмоциональности в учебной деятельности (В.И. Евдокимов, Д.В. Иванов, О.О. Косякова, В.Л. Марищук, Е.М. Семёнова и др.). Так, В.Л. Марищук, В.Л. Евдокимов рассматривая понятие «эмоциональное напряжение» определяют его как сигнальный процесс и регуляцию функциональных резервов, их мобилизацию, направленную на достижение успеха в выполняемой деятельности, и понятие «эмоциональная напряжённость» как состояние, характеризующее временным понижением устойчивости психических и психомоторных процессов, падением работоспособности [3]. Следует отметить, что состояние эмоциональной напряжённости сопровождается внешними проявлениями, определёнными физиологическими реакциями и негативными изменениями в действии психомоторных и психических процессов, снижении эффективности учебной деятельности.

О.О. Косякова выделяет ряд причин возникновения эмоциональной напряжённости в учебной деятельности: неумение наладить контакт с сокурсниками и преподавателями; неумение прогнозировать результаты общения и будущей деятельности; страх перед экзаменом, зачётом или выступлением; плохие отметки; неуверенность в своих силах; неумение справляться с излишним волнением; дефицит времени, темп экзаменационного периода [2]. М.Ю. Саутенкова связывает напряжённость в учебной деятельности студентов их взаимоотношениях с наличием страха перед будущим, неуверенностью в себе, агрессивностью, конфликтностью, низким уровнем развития эмоциональной культуры, а порой с её отсутствием у студентов [4].

Одним из факторов, определяющих психическое и физическое здоровье студентов является эмоциональная устойчивость. Так, Д.В. Иванов рассматривает феномен эмоциональной устойчивости как интегративное свойство социально зрелой личности, характеризующееся таким взаимодействием эмоциональных, волевых, интеллектуальных и мотивационных компонентов психической деятельности индивидуума, которое обеспечивает оптимальное успешное достижение цели деятельности в сложной эмоциональной обстановке [1]. Устойчивость же человека к действию эмоциогенных раздражителей может определяться и тем, насколько он заинтересован в результатах своей деятельности.

Особенно важно учитывать особенности эмоциональной сферы при обучении профессии психолога. Студенты, будущие психологи, «врачеватели человеческих душ», должны быть эмоционально зрелыми личностями, контролирующими свои эмоции. С целью составления своего психологического портрета студентами-психологами, нами были предложены им ряд анкет, выявляющих степень представленности у будущих специалистов некоторых важных для профессии психолога качеств. Так, изучались мотивы выбора профессии, уровень личностной зрелости, уверенность в себе, умение слушать, терпение слушать и т.д.

Диагностика профессионально важных личностных качеств психолога, проведенная нами со студентами 2 курса, обучающимся на психологическом отделении в ПсковГУ, позволила выявить некоторые особенности их профессионально-личностного развития. Согласно результатам проведенного исследования, на 71% из опрошенных студентов сильно повлияли на выбор профессии внутренние индивидуально значимые мотивы, к которым относятся: соответствие профессии к своим способностям, физическому и умственному развитию; возможность общения, проявления своих творческих способностей; значимость выбранной профессии для самого человека. 22% - это внутренние социально значимые мотивы, как например, возможность принести своим трудом пользу обществу, достигнуть хороших результатов. Внешние мотивы оказали наименьшее влияние. Изучение личностной зрелости показало, что половина студентов из 86 человек имеет уровень личностной зрелости ниже среднего уровня, что, конечно, не может не отражаться на эмоциональной устойчиво-

сти, как свойстве социально зрелой личности. Данный феномен тесно связан с таким важным профессионально-личностным качеством психолога как терпимость к людям. Так, выявлено, что большая половина студентов в общении с людьми способна твердо отстаивать свое мнение, если это необходимо, проявляя, однако, при этом излишнюю резкость, неуважение к собеседнику, желание отстоять свою точку зрения, недостаточно критическое отношение к своему мнению, трудность отказаться от своего мнения, если оно оказалось ошибочным. 77% студентов при этом чувствуют себя уверенными в себе, 86% студентов положительно оценивают свое умение слушать других людей. Выявленные эмоциональные особенности, в связи с происходящим процессом профессионального и личностного самоопределения в студенческом возрасте, необходимо корректировать именно в процессе профессионального становления начиная с первых курсов.

Итак, диагностика эмоциональных особенностей студентов показала, что развитию их эмоциональной устойчивости необходимо уделять особое внимание в системе их подготовки. Развитию же ее будут способствовать, в первую очередь, ориентация на гуманистическое миропонимание, создание эмоционально-положительного фона взаимодействия и позитивную модель межличностных отношений преподаватель-студент.

Библиографический список:

1. Иванов Д.В. Влияние образовательной среды на формирование эмоциональной устойчивости подростка. – Автореф. дисс. канд. психол. наук. - Курск, 2002.
2. Косякова О.О. Влияние эмоциональной устойчивости студентов педвузов на эффективность их учебной деятельности // Вестник ТвГУ. Серия Педагогика и психология (1). 2008. С. 130-140.
3. Марищук В.Л., Евдокимов В.И. Поведение и саморегуляция человека в условиях стресса. - СПб.: Издательский дом «Сентябрь», 2001. 260 с.
4. Саутенкова М.Ю. Социально-психологические особенности развития эмоциональной культуры студентов: Автореф. дис. ...канд. психол. наук. Актобе, 2004.

СЕКЦИЯ VI. ДИАЛОГ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Баязитова Р.Р.,

кандидат исторических наук, доцент
кафедры башкирской литературы и культуры
Башкирский государственный педагогический университет
им. М.Акмиллы, г.Уфа

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОГО СЕМЕЙНОГО ЭТИКЕТА У ИРГИЗО-КАМЕЛИКСКИХ БАШКИР

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные особенности традиционного семейного этикета башкир Самарской и Саратовской областей Российской Федерации. Исследование проведено на основе полевых материалов, полученных автором в ходе экспедиционного выезда в указанные регионы РФ.

Ключевые слова: традиционный этикет, запреты и предписания, иргизо-камеликские башкиры

Baiazitova R.R.,

Candidate of historical sciences, Associate Professor, BSPU, Ufa

SOME FEATURES OF TRADITIONAL FAMILY ETIQUETTE AT IRGIZO-KAMELIKSKIN OF BASHKIRS

Summary. In article separate features of traditional family etiquette of Bashkirs of the Samara and Saratov regions of the Russian Federation are considered. The research is conducted on the basis of the field materials received by the author during forwarding departure in the specified regions of the Russian Federation.

Key words: traditional etiquette, bans and instructions, irgizo-kameliksky Bashkirs.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и РБ в рамках научного проекта № 18-49-020002 р_а «Башкиры и великий русский писатель Л.Н.Толстой: историческое, литературоведческое и этнографическое исследование (к 190-летию классика российской и мировой литературы)»

Этикет играет важную роль в обществе. В нем отражаются особенности этнической истории, социальной структуры общества, язык, нравственно-эстетические воззрения народа. В различных этнических культурах этикет приобретает уникальные черты. У каждого народа свои представления о добре и зле, нравственные ценности, верования, запреты и предписания, психологические особенности. Следовательно, неодинаковы и стереотипы поведения. По определению Б.Х. Бгажнокова, правила поведения, присущие конкретному этносу, определяются термином «этноэтикет», который означает «систему характерных для данного этноса моральных предписаний ритуализованного общения в типичных, изо дня в день повторяющихся ситуациях взаимодействия [1, с.10].

В данной статье рассмотрим некоторые особенности традиционного семейного этикета иргизо-камеликских башкир, основываясь на материалы полевых исследований. «Территория Степного Заволжья является западной окраиной Исторического Башкортостана, с районами компактного проживания башкирского населения. Определенная изоляция этой группы башкир от материнского этноса наложила свой отпечаток на ее облик. В исторической литературе их называют иргизо-камеликскими (поволжскими, юго-западными) башкирами» [2, с.3].

Как известно, наиболее открыто, ярко этикет проявляется в семье. Именно в семье происходит передача этнической информации, сохраняются традиционные обычаи и обряды. По данным исследуемых групп башкир, у них долгое время соблюдался обычай избегания. Под обычаями избегания понимаются различные запреты, соблюдаемые членами семьи или родственниками в отношении друг друга [4, с.111]. По обычаю избегания, у иргизо-

камеликских башкир бытовали запреты на произнесение имен супругов, общение между невесткой и старшими мужскими родственниками мужа. Например, по сообщениям информанта из д. Иргизлы Самарской области Сайфутдиновой К.Б., у них по сегодняшний день сохранился запрет на произнесение мужских имен, при обращении к супругу вместо имени мужа используют местоимение «һин» («ты»). Также она поведала о том, что раньше строго соблюдался запрет на общение между невесткой и свекром. Явкаева М.И. из д. Байгундино Саратовской области также рассказала, что ее мама, соблюдая обычай избегания, занималась с детьми за занавеской (сымылды) [3]. По традиционному этикету башкир женщина должна быть вежливой, скромной, сдержанной и терпеливой как по отношению к мужу, так и ко всем членам семьи, поэтому девочек с детства приучали к соблюдению общепринятых норм.

Представляет интерес речевой этикет иргизо-камеликских башкир. В ходе экспедиции нами были зафиксированы следующие речевые ситуации: особенности приветствия и прощания, благопожелания и т. п. В башкирских деревнях принято приветствовать всех – знакомых и незнакомых. Вместо привычного нам приветствия «Һаумыһығы!», иргизо-камеликские башкиры чаще употребляют – «Шәпме!».

К родственникам по сегодняшний день обращаются с использованием терминов родства. К этим терминам прибегают также при обращении к собеседнику, несмотря на отсутствие фактического родства.

Перед тем, как отправиться в дальнюю дорогу, дети получали родительское благословение. Оно выражалось в виде благопожеланий, позднее – сопровождалось чтением суры из Корана. Считалось, что удача, успех дела зависят от благословения. Интересные действия совершают иргизо-камеликские башкиры при проходах в путь. По сообщению Явкаевой М.И., провожающий три раза обводит монетой уезжающего вокруг головы и пояса по часовой стрелке, затем эту монету отдает пожилому, уважаемому человеку, желает успешной поездки: «Хәйерле юл! Хәйерле сәфәр!» [3].

В традиционном обществе поведение членов семьи регламентировалось запретами и предписаниями. В ходе сбора полевого материала нами были записаны следующие запреты и предписания: во время заката нельзя спать, после захода солнца нельзя начинать новое дело, убираться в доме, выливать воду, отдавать что-либо. В народе считают, что после заката пробуждаются темные силы, которые могут спровоцировать болезни. По словам информантов особенно опасен этот период для детей и женщин. После заката солнца, нельзя давать молоко, или, отдавая, нужно положить туда горящие угли, зажженную спичку. Для того, чтобы благополучие скота не ушло, необходимо читать молитвы. Подобные запреты и предписания характерны и для башкир, проживающих в Республике Башкортостан. Одни запреты мотивируются, другие – даются без комментариев. Мифологизация повседневного поведения бытует по сей день. В приведенных запретах и предписаниях можно усмотреть отголоски древних верований и каноны ислама.

Таким образом, небольшой анализ поведенческой культуры показал, что наряду с общими моментами у иргизо-камеликских башкир сохранились локальные особенности традиционного этикета, изучение которых ценно для современной науки.

Библиографический список:

1. Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978.
2. Маннапов М.М. Башкиры Степного Заволжья (история расселения, родоплеменная структура, хозяйство): Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Уфа, 2009.
3. Полевые записи автора, 2017.
4. Цэрэнханд Г. Некоторые обычаи избегания у монголов // Советская этнография. 1991. № 5.

Блохин В.Н.,
магистр исторических наук, старший преподаватель
кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, г. Горки.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Статья рассматривает противоречивые трансформации, затронувшие сельские сообщества в последние десятилетия. Причины происходящих изменений во многом связаны с глобализацией, которая воздействует на поведение и выбор жизненных стратегий сельчан. Сформулированы рекомендации, способствующие использованию возможностей, которые предоставляет глобализация, для достижения социально-экономического прогресса в сельских сообществах России и Беларуси.

Ключевые слова: глобализация, сельские сообщества, трансформация, возможности, изменения

Blokhin V.N.,
Senior Lecturer at the BSAA, Gorki, Belarus

TRANSFORMATION OF A RURAL LIFE IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

Summary. The article considers the contradictory transformations that affect on rural communities in recent decades. Causes of these changes are largely due to globalization, which affects on behavior and choices of life strategies of the villagers. The recommendations are formulated that promote the use of the opportunities offered by globalization to achieve socio-economic progress in the rural communities of Russia and Belarus.

Key words: globalization, rural communities, transformation, opportunities, changes

Постсоветские республики столкнулись с проблемами быстрого сокращения сельского населения, распада сельской поселенческой сети, деградации локальной инженерной и социальной инфраструктуры и, как следствие, формированием в общественном сознании непривлекательности сельского образа жизни. Продолжающиеся процессы урбанизации имеют глобальный масштаб, в среднесрочной перспективе рост населения городов продолжится, однако важно стабилизировать численность сельского населения, сохранить или создать возможности комфортного проживания и приложения труда в деревне. Без выработки комплексного подхода и интенсификации социально-экономического развития сельских сообществ под угрозой окажется продовольственная безопасность и контроль над освоенными агроландшафтами, что является социально-политической проблемой.

Глобализация представляет собой интеграцию стран и народов мира по средствам развития науки, техники, инфраструктуры, торговли. Происходит унификация сферы культуры, системы жизненных ценностей и моделей поведения. Унификация, вызванная глобализацией, особенно проявляется в мегаполисах и агломерациях. В то же время воздействию глобализации подвергаются и сельские сообщества. Роль глобализации в развитии села не столь очевидна и относительно мало изучена, однако, недооценка такого воздействия угрожает нарастанием негативных, кризисных явлений в сельских сообществах.

Для рассмотрения воздействия глобализации на региональное развитие нами были выбраны сельские сообщества российско-белорусского приграничья. Как и в большинстве постсоветских государств, сельские сообщества России и Беларуси столкнулись со множеством социально-экономических проблем: депопуляция, усиление урбанизационных процессов, снижение престижности сельского образа жизни, распространение социальной апатии. Распространённым явлением в сельской социальной среде стало девиантное поведение (пьянство, иждивенчество, маргинальность, преступность). Деградация социальных и экономических отношений в сельских сообществах связана с кардинальными трансформациями, произошедшими после распада Советского Союза. Многие социальные институты перестали

соответствовать новым экономическим условиям, начали выполнять дезинтегрирующую функцию. что обусловило сложность включения в глобальные процессы.

По мнению Л. В. Никифорова, глобализация оказывает неоднозначное воздействие на сельское развитие. Наиболее важные аспекты этого воздействия следующие: открытие аграрных рынков, расширение конкурентной борьбы местных и иностранных производителей, что играет как положительную, так и отрицательную роль; технологическое перевооружение, трансформация производства и социальной динамики села, в то же время, возрастает вероятность роста зависимости от транснациональных корпораций; сверхэксплуатация природных, трудовых и иных ресурсов, что может быть чревато дестабилизацией устоявшейся системы сельских и региональных взаимосвязей [1, с. 161].

К числу позитивных возможностей глобализации относится заимствование международного опыта, импорт инновационных технологий, сельскохозяйственной техники, пород скота, доступ к зарубежным грантам и льготным кредитам в целях устойчивого развития.

Данные Института аграрных проблем РАН, полученные в 2015 г. в ходе социологических опросов, показывают, что около 72% сельчан имеют собственный компьютер, а Интернет является важнейшим источником информации почти для 35% сельских жителей [2, с. 34]. Сегодня сельские жители России и Беларуси живут в едином информационном поле с городом, им доступна разнообразная информация. Проблемой является низкий уровень использования этой информации, недостаточные умения владения компьютерной техникой. Решение этой проблемы возможно по средствам информационно-просветительской работы, которую могут выполнять местные учреждения образования путём организации курсов и специальных занятий. Информационные технологии позволяют преодолеть периферийность, приобщиться к достижениям науки и культуры, поддерживать связь с родственниками и друзьями.

Расширение доступа сельского населения российско-белорусского приграничья к компьютерным технологиям было зафиксировано автором 2015 г. во время проведения социологических исследований.

Результаты опроса показывают, что абсолютное большинство сельчан в приграничном регионе уже имеют компьютерную технику (69% белорусских и 64% российских респондентов), однако немногим более трети респондентов (38% белорусских и 36% российских сельских жителей) регулярно использует сеть Интернет. Это можно объяснить особенностями сельского быта, характерными для всего российско-белорусского приграничья: постоянная занятость (на работе и в домашнем хозяйстве), консерватизм и нежелание осваивать новую технику и связанные с ней возможности. При непосредственном общении сельчане часто отмечали, что компьютеры приобрели для детей, либо сами взрослые дети купили эту технику. Соответственно значительный процент сельских жителей, имея в домашнем хозяйстве компьютер и выход в Интернет, не пользуется этой возможностью, потребителями данных услуг являются в большинстве своём люди молодого и среднего возраста.

Глобализация влияет на сельские сообщества не только на макроуровне (законы мирового рынка и международных политических институтов), но и на микроуровне (изменение повседневных практик сельских жителей). Распространение глобальных тенденций в повседневной жизни т. н. периферийных обществ, российский социолог Н. Е. Покровский назвал «клеточной» глобализацией.

Наиболее существенными особенностями «клеточной» глобализации, по мнению Н. Е. Покровского, являются: (изменения структуры занятости, ведущих секторов экономики; приспособление к многочисленным социальным новациям; расширение географической мобильности, доступа к Интернету, мобильной связи; культурное разнообразие; статусное потребление; индивидуализм [3, с. 89–90].

Описанные тенденции совпадают с трансформациями в регионах России и Беларуси.

Таким образом, глобализация всё больше воздействует на образ жизни и социально-экономическое поведение сельских жителей. Важной управленческой задачей является обеспечение успешной адаптации сельских сообществ к социальным и экономическим новациям,

которые выступают проявлением глобальности. Позитивные возможности глобализации необходимо использовать во благо сельских сообществ, что возможно при разработке локальных стратегий устойчивого развития, которые учитывают социально-экономическую и социокультурную специфику сельчан. До сих пор в сельских сообществах особое значение играют неформальные социальные институты (традиции, местные нормы, семейные и соседские связи), через которые воспринимаются социально-экономические взаимоотношения.

Библиографический список:

1. Никифоров Л. В. Состояние и развитие российского села в условиях вызовов глобализации // Труды вольного экономического общества России. 2010. Т. 99. С. 161–173.
2. Смирнов А. Н. Сельский социум как адаптивная педагогическая среда // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 1. С. 34–41.
3. Тощенко Ж.Т. Что представляет собой современное российское село? // Социс. 2017. № 12. С. 89–98.

Гаджиева А.И.,

кандидат исторических наук, доцент
кафедры гуманитарных дисциплин

Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала

ТРАДИЦИОННЫЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: СПОСОБЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ

Аннотация. В статье дан краткий анализ норм обычного права Дагестана, методов их использования, показана их актуальность и возможность использования в современной правовой культуре как альтернатива.

Ключевые слова: Дагестан, этнос, адат, шариат, маслаат

Gadzhieva A.I.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
DSUNE, Makhachkala

TRADITIONAL INTERETHNIC RELATIONS: CONFLICT REGULATION METHODS

Summary. The article is devoted to the characterization of the norms of the customary law of Dagestan, the methods of their use, their relevance and the possibility of implementation in modern legal culture as an alternative are shown.

Key words: Dagestan, ethnos, adat, sharia, masliat

Традиции выполняют ряд важнейших социальных и нравственных функций. Это утверждение гуманистических отношений в обществе между людьми в разных сферах жизнедеятельности, в межличностных отношениях, передача положительных ценностей прошлого новым поколениям, укрепление общественных отношений, закрепление и развитие новых духовно-нравственных ценностей.

Необходимо отметить, что часть современных традиций дагестанцев имеет многовековую историю, выработанную народным опытом предшествующих поколений. Сохраняя национальный характер и региональную специфику, традиции прошли проверку историей, наполнились и обогатились новым содержанием, соответствующим требованиям времени.

Многонациональность Дагестана, множество уникальных, своеобразных культур обуславливает всегда особое, пристальное внимание к межэтническим отношениям внутри данного региона. Исторические данные свидетельствуют, что межэтнические отношения в Дагестане не всегда были гармоничными. Свою позитивную роль играли традиционные правовые нормы (адаты, шариат, маслаат). Традиционная культура Дагестана в сфере межэтнических отношений, в способах регулирования различных конфликтных ситуаций на протяжении мно-

гих веков опиралась на такие понятия, как адат, шариат, маслаат. Продолжительное время традиционные обычаи - адаты имели силу закона, поскольку аккумулировали в себе огромный нравственный потенциал и затрагивали все стороны жизни дагестанцев, служили консолидирующей силой. Не идеализируя сущности адатов, так как и среди них было достаточно пережиточных форм, следует, однако, заметить, что особая их ценность состоит в том, что «в них заключен обобщенный, испытанный временем многовековой опыт ...» [3, с. 2].

Адаты разных народов Дагестана идентичны по сути, содержанию, незначительные их различия выражались ранее лишь в количестве штрафа, степени наказания провинившегося. Данные сходства в адатах дагестанских народов большинство исследователей оценивают, как очередное подтверждение теории об общности происхождения дагестанцев. Как было отмечено, у дагестанских народов нормы обычного права (адаты) по существу затрагивали все стороны жизни и успешно регулировали конфликтные ситуации.

Сохранившиеся до наших дней письменные источники адатов, или «печатные сборники адатов», касаются в основном «уголовных адатов и процессуальных», а описания «бытовых, гражданско-правовых адатов горцев» почти не существует.

С приобщением Дагестана к исламской культурно-религиозной традиции актуальными для него стали также некоторые шариатские нормы.

Известно, что в определенный период усилия многих религиозно настроенных людей были направлены на вытеснение адатов шариатскими установками. Но по ряду объективных причин (слабое знание большинством людей Корана и Сунны, жестокость наказаний за преступления по шариату, привычка судиться по адатам и др.) преимущество в решении большинства дел осталось за адатами. Как правило, приживались те исламские установки, которые не сильно противоречили адатам. Не получил, например, широкого распространения ряд исламских традиций (многоженство, затворничество женщин, публичные наказания), распространенных во многих мусульманских странах.

Наиболее современной и общепринятой формой разрешения острых конфликтов у дагестанских народов является маслаат, который широко применялся при убийствах, ранениях, при оскорблениях и похищениях женщин и т.д.

В народе всегда считалось богоугодным делом способствовать примирению враждующих сторон. Как правило, в каждом джамаате роль посредников в примирении брали на себя религиозные лидеры – дибир, мулла, другие авторитетные представители джамаата.

После совершения убийства кровник (каилы) уходил в самый отдаленный джамаат и выжидал, пока не вмешаются посредники в дело примирения. По истечении года, если не состоялась месть за убитого, посредники договаривались с представителями враждующих тухумов о примирении, и в случае успеха приступали к процедуре примирения. Кровник, все время пока находился в изгнании, соблюдал все атрибуты траура по покойнику: не брился, не стриг ногтей и волос, не появлялся на людях, вел затворнический образ жизни [1, с. 67].

Успех в примирении зависел от тяжести совершенного преступления. Если это было случайное убийство, достигнуть примирения было легче. В этом случае весь джамаат считал своим долгом примирить враждующих. Ведь пока не состоялось примирение, во всем селении чувствовалась напряженность, что мешало нормальной жизнедеятельности джамаата. Если же убийство было преднамеренным, то процедура маслаата проходила сложнее. В этом случае во вражду могли целиком вовлечены враждующие тухумы.

Сторона убийцы обязана была нести необходимые расходы, связанные с похоронами погибшего. У кумыков эти расходы назывались аулум, он состоял из материала на саван и одного быка. Если аулум был принят, то первый существенный шаг был сделан. После этого мстить можно было только одному кровнику, а не всему тухуму [1, с. 68].

Необходимым условием маслаата была выплата материальной компенсации пострадавшей стороне. Затем родственники убийцы в назначенный день собирались в определенном месте и во главе с сельским муллой шли в дом погибшего, где их заранее ожидали.

На подходе к дому убийцы и его ближайшие родственники становились на колени, и в этом положении непосредственный убийца подходил к старшему из пострадавшей стороны и вру-

чал ему нож. Вручение ножа означало, что этот старший волен лишить жизни убийц или простить его. Как правило, кровники прощали, и после этой процедуры кровный враг становился близким человеком в семье пострадавших.

В каждом отдельном регионе, у каждого народа процедура исполнения маслаата могла иметь свои особенности, но смысл был один – навсегда покончить с враждой и превратить ее в дружбу.

Если конфликт не удавалось разрешить внутри джамаата, прибегали к помощи соседних обществ, ученые и хаджи всего союза обществ приходили во двор к тем, кто не соглашался на примирение. Столь представительной делегации нельзя было отказать. Такую делегацию возглавляли самые уважаемые, безупречные в морально-нравственном отношении и самые высокообразованные в исламе представители. Таких людей в каждом округе хватало. Например, в Салатавии таким являлся Амир-Али-Хаджи из Алмахи [4, с. 68], в обществе Каралал – знаменитый секретарь имама Шамиля Мухаммед-Тахир ал-Карахи [4, с. 38].

Вопрос о значимости традиционных норм обычного права давно стал темой для полемики среди исследователей. Некоторые из них подчеркивают, что традиционные отношения давно себя изжили и являются архаичными пережитками старины. Нам же представляется, что современное поколение не должно игнорировать тот колоссальный позитивный опыт, которые накопили наши предки в области правовых отношений, тем более что эти традиционные нормы и сегодня оказывают значительное влияние на ментальность и миропонимание дагестанцев. При этом традиционные нормы обычного права всегда были главными регулирующими звеньями в различных конфликтных ситуациях у дагестанского народа. И что самое важное — при использовании этих норм, как правило, не было ущемлено столь важное для народа «чувство справедливости», что не всегда заметно в современной законодательной системе. Зачастую, именно не доверяя этой современной системе, люди идут сегодня на самосуд либо совершают другие импульсивные поступки. Безусловно, многие статьи современного законодательства постоянно обновляются, но глобальная модернизация правовой законодательной среды еще впереди.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что веками сложившаяся традиционная правовая система Дагестана полностью отвечала потребностям людей и тем общественным отношениям, которые сложились на тот период в Дагестане.

Библиографический список:

1. Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899.
2. Из истории права народов Дагестана / сост. А. С. Омаров. Махачкала, 1968.
3. Магомедов Р. М. Адаты дагестанских горцев как исторический источник. М., 1960.
4. Памятники обычного права Дагестана XVH-XIX вв. М. : Наука, 1965.

Гаджиева З.Н.,
младший научный сотрудник
отдела новой и новейшей истории Дагестана
ИИАЭ ДНЦ РАН, г. Махачкала

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ГОРЦЕВ В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ

Аннотация. В статье предпринята попытка осветить процесс миграции горцев в Османскую империю после окончания Кавказской войны. Дать характеристику прогрессивных и негативных последствий присоединения Чечни, Горного Дагестана и Северо-Западного Кавказа к России. Отметить тяжелое положение, в котором оказались мухаджиры иммигрировавшие в Османскую империю.

Ключевые слова: Российская империя, Османская империя, Северо-Западный Кавказ, Чечня, Дагестан, мухаджиры.

ON THE RESETTLEMENT OF THE HIGHLANDERS IN THE OTTOMAN EMPIRE

Summary. The article attempts to highlight the process of migration of the Highlanders to the Ottoman Empire after the end of the Caucasian War. To characterize the progressive and negative consequences of the accession of Chechnya, Gorny Dagestan and the North-West Caucasus to Russia. Mark the plight of the Muhajirs who immigrated to the Ottoman Empire.

Key words: Russian Empire, Ottoman Empire, North-West Caucasus, Chechnya, Dagestan, muhajirs

В результате Кавказской войны, Чечня, Горный Дагестан и Северо-Западный Кавказ были окончательно присоединены к России. Присоединение проводилось насильственными, военно-феодальными методами, характерными для колониальной политики царизма. Однако, вхождение этих территорий в состав вставшей на капиталистический путь России, имело прогрессивное значение, способствовало их экономическому, политическому и культурному развитию. В горское общество, главным образом, в его элитные слои, проникла русская культура и светское образование.

Успешное завершение войны усилило международное положение России, увеличило ее стратегическое могущество. Прекратились междоусобицы, работорговля, набеги персидских и турецких войск, ускорилось экономическое и культурное развитие народов региона, росло их взаимодействие, расширились связи Северо-Кавказских народов с Россией [1, с. 45].

И все же итоги Кавказской войны были неоднозначны. С одной стороны, они предоставили России рынки сырья и сбыта, выгодный военно-стратегический плацдарм для укрепления геополитического положения, время покорения свободолюбивых народов Северного Кавказа, несмотря на определенные положительные моменты для развития этих народов, оставило за собой комплекс нерешенных проблем, которые достались Советскому Союзу, а затем и новой России [2, с.6]. С другой стороны, это трагедия, которая принесла огромные материальные и людские потери, как местным народам, так и Российской империи. Среди трагических событий, связанных с окончанием войны, особое место занимает мухаджирство.

Мухаджирство это процесс переселения после окончания войны в Османскую империю и страны Ближнего Востока части коренных народов Северного Кавказа, не смирившихся с утратой свободы. После поражения горцев оно приобрело характер исхода, в основном вынужденного, насильственного, как результата политики царской администрации в крае, демагогических обещаний Турции, агитации собственных владельцев и мусульманского духовенства [3, с. 48].

Оказавшись в тяжелом положении по условиям Парижского мира, испытывая серьезные внутренние проблемы, Россия стремилась “разгрузить” край от “неспокойных” жителей и “водворить” на освободившиеся земли казачьи станицы и поселения жителей внутренних губерний страны с целью создания здесь прочной опоры российской власти.

Турецкие власти развернули агитацию в пользу переселения, так как были заинтересованы, по словам самого султана, “получить ... народ здоровый, воинственный, воспитанный на традициях мужества, благородства и беззаветной преданности” и заселить пустынные земли, увеличив удельный вес мусульман, расселить их среди христианских народов “полосами” для укрепления распадающейся империи, пополнения армии. Широко распространялись прокламации с призывами к “мусульманскому братству”, обещаниями земель, денег, домов, всяческих благ и привилегий.

Огромное влияние на соплеменников оказала позиция знати и духовенства, которые опасались утратить в условиях российского подданства свое влияние и положение. Использо-

зую патриархальные обычаи, пугая солдатчиной и утратой религии, они всячески подталкивали горцев к переселению в “единоверную” Турцию.[4, с.1-17]

Переселение проходило в несколько этапов разной интенсивности в основном морским путем на турецких, российских, английских судах. Определить численность мухаджиров не представляется возможным, мнения исследователей значительно расходятся (от 500 тыс. до 900 тыс. и более) [7, с. 61].

Стихийно начавшийся процесс выселения кавказская администрация пыталась упорядочить путем создания Комиссии по делу о переселении, выделения средств и предоставления судов, но все эти меры не дали ощутимых результатов. Переселенцы оказались в тяжелом положении, испытывали лишения, погибали массами (свыше 50%) на берегу и в пути от холода, голода, болезней. Особенно пострадали дети и женщины[5, с.23].

На новом месте положение мухаджиров оказалось ещё более тяжелым. Черкесские могилы тянулись рядами вдоль дороги, где прошли переселенцы. В лагерях, по свидетельствам очевидцев, была страшная смертность. Окончательно разоряясь, многие попадали в рабство, продавали свои семьи, вынуждены были идти на службу в армию (хотя правительство обещало освобождение от службы на 20 лет). Отчаяние толкало на воровство и разбои. Вместо обещанных плодородных земель турецкое правительство выделило переселенцам гибельные по природным и климатическим условиям районы, помощь практически не оказывалась.

Оказавшись в безвыходной ситуации, обманутые горцы, попали в “единоверной” Турции в еще более тяжелые условия социального и национального гнета. Многие переселенцы были готовы на все, чтобы вернуться обратно. Жестко пресекались попытки нелегальной репатриации путем вторичного выселения в Турцию, ссылкой навсегда внутрь страны и пр. Несмотря на строгости, поток беженцев из Турции на Кавказ не прекращался, и это вело к путанице в хозяйственной и административной жизни края.

Турция со своей стороны тоже применяла строгие меры (вплоть до оружия), препятствуя возвращению переселенцев в Россию, укрепляла границы, пресекая бегство. С течением времени значительная часть кавказских мухаджиров была ассимилирована.

В середине XX века многие населённые пункты после депортации местного населения оказались заброшенными, сельское хозяйство (особенно в горных районах) было низкопроизводительным, убыточным. Что же говорить о пореформенном периоде, когда к концу века на территории Северного Кавказа осталось самое большее около половины испокон века проживавшего здесь населения. По данным переписи 1897 г. в целом местное население Северного Кавказа составляло 622 718 человек [7, с.76]. Это население занимало преимущественно сельские районы региона. Например, среди кабардинцев доля сельского населения составляет 99,6 %, среди чеченцев и ингушей, соответственно, 99,7 и 99,2 %, у осетин равнялась 96% [6, с. 221,224].

Переселение горцев Северного Кавказа происходило в несколько этапов, каждый из которых отличался своими характерными особенностями. Менялась численность мухаджиров, различными были причины переселения, а также внутри- и внешнеполитическая обстановка, в которой происходила эмиграция. Причинами северокавказского мухаджирства послужило множество политических, экономических, социальных и религиозных факторов, вызванных завоеванием Кавказа Российской империей. В XIX веке мухаджирство значительно изменило этническую карту Северного Кавказа. Ещё одним из результатов этой массовой эмиграции стало появление северокавказских диаспор. Оценка общего числа переселенцев сегодня является предметом дискуссий среди исследователей, максимальные предположения доходят до 1 миллиона эмигрантов-мухаджиров. Также имела место большая реэмиграция.

Бадаев С.-Э. оспаривает правомерность применения термина «мухаджирство» к переселению кавказских народов, поскольку этот термин подразумевает добровольное переселение по религиозным причинам. По отношению к горским народам это не соответствует дей-

ствительности, так как они были принуждены к переселению политикой Российской империи [2, с. 7].

Библиографический список:

1. Абдулаева М.И. Внутривосточная ситуация в Дагестане в 70-80-е гг. XIX в. и миграционные процессы. Махачкала, 2006. 193 с.
2. Бадаев С.Э. Чеченская диаспора на Среднем и Ближнем Востоке. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфический комбинат», 2008. С. 7. 320 с.
3. Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании. М., 2001.
4. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII - начале XX века. М., 1974. 280 с.
5. Магомеддаев А.М. (составитель). Эмиграция дагестанцев в Османскую империю. Книга 1. Махачкала, 2000. 433-с.
6. Матвеев В.А. Переселение горцев в Турцию: неучтенные детали трагедии и подлинные интересы России на Кавказе// Научная мысль Кавказа, 1999. №4. 226 с.
7. Фадеев Р.А. Дело о выселении горцев. Закавказское восстание / Часть II // Собрание сочинений в 4 частях. СПб, 1889.

Гасимова С.Дж.,

кандидат филологических наук, доцент

кафедры Теории и мировой литературы, Бакинский славянский университет, г.Баку

ЛИЧНОСТНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ И ОБЪЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ВОЙНУ Э.М.РЕМАРКА И М.ШОЛОХОВА

Аннотация. Данная статья посвящена анализу характерных особенностей творчества Э.М.Ремарка и М.Шолохова. В ней исследуется место творчества писателей в мировой литературе XX века. Здесь рассказывается о роли войны в жизни человечества, о судьбе человека, пережившего все ужасы войны. Анализ произведений Ремарка и Шолохова открывают новые возможности понимания их смысла. В их произведениях поднимаются приоритетные для нашего времени морально-этические вопросы, особенно проблема превосходства общечеловеческих и гуманистических ценностей над любыми формами современного фанатизма.

Ключевые слова: война, творческие переключки, Э.М.Ремарк, немецкая литература, русская литература, М.Шолохов.

Gasimova S.C.,

Candidate of philological Sciences, Associate Professor of BSU, Baku

PERSONAL EXPERIENCE AND OBJECTIVE VIEW OF THE WAR E.M.REMARQUE AND M.SHOLOKHOV

Summary. This article is devoted to the analysis of characteristic features of creativity of E.M.Remarque and M.Sholokhov. It explores the place of writers in the world literature of the twentieth century. It tells about the role of war in the life of mankind, the fate of a man who survived all the horrors of war. The analysis of Remarque and Sholokhov's works opens up new possibilities for understanding their meaning. In their works the priority for our time moral and ethical issues are raised, especially the problem of superiority of universal and humanistic values over any forms of modern fanaticism.

Key words: war, creative roll calls, E.M.Remarque, German literature, Russian literature, M.Sholokhov

XX век вошел в мировую историю не только как век войн и социальных катаклизмов, но и как рождение социалистической цивилизации, ознаменовавшей собой новую эру в развитии человечества. В развитии национальной культуры у каждой исторической эпохи на литературной арене бывают свои писатели, творчество которых отражает именно эту эпоху. В XX веке таким писателем в русской литературе был Михаил Шолохов, а в немецкой – Эрих Мария Ремарк.

Влияние их творчества на всю литературную эпоху XX века огромно. И Шолохов, и Ремарк привлекают сердца огромной массы любителей изящной словесности у себя и за рубежом. Секрет популярности и долголетия их в художественном мастерстве связан с темами, к которым обращаются оба писателя: человек и война, поиск героями путей выживания и адаптации к жизни и т.д. В своих творениях мастера слова поднимали морально-этические вопросы, проблемы превалирования общечеловеческих и гуманистических ценностей, критики идеологического, национального или религиозного фанатизма. Исследование творчества и анализ произведений писателей открывает новые возможности понимания их смысла. Немецкий писатель особое внимание уделяет на экзистенциальный конфликт, происходящий в душе человека при столкновении его с войной. Проанализировав образную систему образов произведений Ремарка и Шолохова, а также хронотоп войны с временно-пространственными связями, можно прийти к более конкретному осмыслению сюжетообразующих линий, структурной организации, а также своеобразия авторского понимания концепции жизни и смерти.

Проведенное в статье исследование в искомом направлении позволило нам проанализировать и «объяснить «избирательное сродство», которое имело место между Ремарком и русскими писателями. Близость этих двух знаменитых писателей в основном не только в сходной концепции художественных произведений, но также и в личных признаниях русских писателей о прямом влиянии прозы Ремарка на восприятие событий военного и послевоенного времени.

Литература периода Великой Отечественной и Второй Мировой войны была достаточно ярким и многокрасочным явлением. Уже в первые дни войны широкую популярность получили малые прозаические жанры: статьи, памфлеты, фельетоны, воззвания, письма, листовки. Основной тематикой этих жанров была историко-патриотическая, политическая, военная. Схожие принципы изображения человека на войне составляют основу произведений Шолохова и Ремарка. При создании этих произведений, писатели пользовались документальными фактами, личными впечатлениями о войне.

Ремарк принадлежал к тому поколению немецких, да и вообще европейских писателей XX века, чье мировоззрение и творчество формировались под влиянием первой мировой войны, ее политических и экономических последствий. Война понималась Ремарком преимущественно в плане нравственном: он видит войну и все, что за ней последовало, через призму индивидуального человеческого переживания. С начало творческой пути и до последних дней жизни Ремарк старался стоять в стороне от политики, от каких бы то ни было общественных процессов. Также он отвергал как «правых», так и «левых», Ремарк видел свои идеалы в какой-то «средней доброте», «терпимости», «простейших законах человечности» [1, с. 198]. Творчество Ремарка в общем противоположно фашизму: оно защищает важность личности и наказывает преступное равнодушие к ней. Ремарк как гуманист всегда был на стороне прогресса.

Слава пришла Ремарку лишь когда он выпустил в 1929 году в свой знаменитый роман «На Западном фронте без перемен». Роман получил общемировое признание, заняв особое место в немецкой и мировой литературе. Грандиозный успех книги получился благодаря необычайной правдивости при изображении тяжелых окопных дней. Ремарк рисует войну без каких-либо прикрас, без высоко развивающихся знамен, без больших подвигов, войну, которая состоит лишь из крови и грязи да коротких дней передышки в прифронтовой полосе. Во всех отвратительных подробностях рисует художник «...вздувшиеся животы трупов, размазанный по стенке окопа мозг, извивающиеся змеи человеческих внутренностей». Однако, как отмечает Д.В.Затонский, «такая натуралистическая обнаженность деталей – не самоцель; для Ремарка – это способ разоблачения преступной войны, способ сорвать с нее парадные, романтические покровы» [1, с. 199].

Ремарк не был на этом вопросе (в вопросе войны) новатором. То же самое делали и до него многие художники. Однако Ремарк решил изобразить войну как личное переживание. Писателя в основном интересовала психология героев, их внутренние переживания, чувства.

Писатель стремился показать войну такой, какой ее видели участники самой войны, а именно то поколение молодых немцев, «которое было уничтожено войной, даже если избежало ее гранат» [2, с. 65]. В этом и неповторимая особенность романа «На Западном фронте без перемен».

Глубокая чувствительность повествования помогает читателю понять, насколько смертельно бессмысленна война с точки зрения простого человека, как глубоко и непоправимо ранит она его душу. И это не случайность, что книга Ремарка породила в Германии бурю страстных и противоречивых откликов, вызвала ярости проклятия и сопротивления со стороны националистов и фашистов. Этот роман и противоречив, и непоследователен в своих интересах. Ремарка растрогает, например, «окопное братство», которое включает в себя и солдат, и офицеров, которое также и противопоставляется «мягкотелому», безнравственному тылу. В романе «Возвращение» особенно чувствуется идеализация. Ремарк рассказывает о том, как расходятся послевоенные пути героев и как приходит конец «окопному братству», он тем не менее старается сохранить его как воспоминание о какой-то навсегда потерянной чистоте и ясности отношений.

Романы Ремарка периода Второй мировой войны обладают неповторимостью. Писатель освобождает себя от представления о влиянии на человека впечатлений первой мировой войны. И таким образом Ремарк создает нового героя, героя послевоенного поколения, у которого характер формируется под влиянием жизни Европы второй четверти XX века. Ремарк изменяет и стиль повествования: это рассказ не от первого лица, а авторское повествование. Немецкий писатель всесторонне показывает только главного героя, других персонажей раскрывает через действие и прямую речь.

В немецкой литературе XX века Ремарк занимает специфическое место. Он не относится ни к какому направлению. У немецкого писателя принадлежащие ему проблемы, «ремарковские» герои, свой взгляд на действительность и ее изображение. Его можно ставить в один ряд с Эрнестом Хемингуэем, с которым Ремарк близит не только грустный стиль повествования, но и характер изображаемого человека – мужественного, затравленного и благородного. Ремарк тесно связан со своей страной, его книги – отражают ее историю. Кроме этого, книги в той или иной мере – отражение истории отечественной литературы.

Творчество Ремарка сыграло важную роль в становлении военной прозы и в русской литературе. Судьба всего человечества, судьба человека, пережившего все ужасы войны, также была актуальной и для русских писателей. В ряду писателей, затронувших в своем творчестве войну, её последствия и роль в дальнейшей судьбе человека был Михаил Шолохов. В литературу с фронтов гражданской войны один за другим приходили молодые писатели, одним из которых был Шолохов, вошедший в литературу как певец земли, певец мощных характеров, живущих всей полнотой человеческих чувств. На протяжении всей творческой деятельности Шолохов утверждал высокое назначение искусства, верил в его способность воздействовать на человечество. Сборники «Донские рассказы» и «Лазоревая степь» появились в примечательное время. В русской литературе 30-х годов происходила идейная борьба, которая нашла свое отражение в споре о «мужике». Эти споры были из-за обострения классовой борьбы в деревне. Многие писатели изображали крестьян как людей, погрязших в «идиотизме» деревенской жизни.

Рассказы М.Шолохова противостоят романтическим представлениям о революционной борьбе, о «героях», без всякого труда побеждающих врагов, которые появлялись в произведениях о гражданской войне. Он описывал кровавую, тяжелую борьбу, которая шла в казачьих станицах в годы гражданской войны и первые мирные годы после установления советской власти на Дону. Проникнув в самые глубины народной жизни, революция раскалывала многие семьи, дети вставали против отца, брат шел против брата.

В «Донских рассказах» уже Шолохов с особенной остротой описывает одну из эпических тем, поднятых еще классической литературой, проникая в различные уголки жизни, с особым вниманием задумывается над отношениями человека к собственности, над тем, какое влияние эти отношения оказывали на характеры людей, их психологию. Отрицание

мира, основанный на неравенстве, на власти, на борьбе за место в жизни – прошло через все его произведения. Обычно у Шолохова рассказы построены на противопоставлении: с одной стороны – люди нового мира социализма, с другой – те, кто цепляется за прошлое, белогвардейцы. Такое противопоставление выражено не только в социальном конфликте. Сталкиваются разные по своему содержанию моральные принципы: гуманизм, забота о благе, о добре обездоленных, стремление отстоять свои привилегии и преимущества, свое богатство, свое добро.

В ранних «Донских рассказах» Шолохов изображает действительность после событий гражданской войны на Дону. Писатель сосредотачивает свое внимание на трагических конфликтах человеческой судьбы, которые были обусловлены великими социально-историческими потрясениями. Л.Г.Якименко в своей книге о творчестве М.А.Шолохова отмечал: «За поверхностными пробольшевистскими симпатиями молодого автора проступали контуры «общечеловеческого» взгляда, уравнивающего «правых» и «виноватых» как жертв немилосердной и непостижимой истории, отмечающего в кровавых столкновениях враждующих политических лагерей «чудовищное нарушение норм человеческого общежития» (М.Чудакова), в результате которого искажается смысл духовных основ существования» [5, с. 605].

В романе «Тихий Дон» Шолохов на основе показа жизни донского казака (Григория Мелехова), изобразил трагические моменты человеческой судьбы. Данное произведение стало главным достижением писателя. Ведь ценой этого романа была длительная борьба, мучительные разногласия с государственными властями, немалых моральных и творческих жертв. Основная тема романа составляет судьба народа в годы революции и гражданской войны. Шолохов в предисловии к английскому изданию романа писал: «Я был бы счастлив, если бы за описанием чуждой для европейцев жизни донских казаков читатель-англичанин рассмотрел и другое: те колоссальные сдвиги в быту, жизни и человеческой психологии, которые произошли в результате войны и революции» [3, с. 425].

Таким образом, судьба человечества, родины были теми связующими звеньями для писателей разных национальностей.

Библиографический список:

1. Затонский Д.В. Ремарк // История немецкой литературы в 5-ти томах. М.: Наука, 1976, Т.5, с. 198-215.
2. Ремарк Э.М. На Западном фронте без перемен. М.: Полиграфиздат, 2011, 317 с.
3. Шолохов М.А. Семинарий. Л.: Учпедгиз, 1962, 383 с.
4. Шолохов М.А. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 7. М.: Правда, 1980, 640с.
5. Якименко Л.Г. Творчество М.А.Шолохова. М.: Сов.писатель, 1977, 680 с.

Гимбатова М.Б.,

доктор исторических наук, в.н.с. ИИАЭ ДНЦ РАН, г. Махачкала

ЛЮБОВНАЯ МАГИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются обряды тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX века, совершаемые в целях привлечения симпатии противоположного пола. Анализ материалов показал, что магические приемы были направлены на сохранения семьи и гармоничных отношений между супругами.

Ключевые слова: тюркоязычные народы Дагестана, любовная магия, супружеские отношения, обряды

LOVE MAGIC IN TRADITIONAL CULTURE OF TURKISH LANGUAGE PEOPLE OF DAGHESTAN IN XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES

Summary. The article discusses the rites of the Turkic-speaking peoples of Dagestan in the XIX - early XX centuries, performed in order to attract the sympathy of the opposite sex. Analysis of the materials showed that the magic techniques were aimed at preserving the family and harmonious relations between the spouses.

Keywords: Turkish language people of Dagestan, love magic; matrimonial relationships; rites.

Определенное место в системе верований тюркоязычных народов Дагестана занимала магия в области взаимоотношений между полами (любовная магия). Устойчивое бытование любовной магии в прошлом крупный ученый С.А. Токарев объясняет, прежде всего, подчиненным положением женщины в обществе, когда женщина «очень редко могла выражать свои чувства и еще реже свободно распоряжалась своей судьбой» [4, с. 137]. Это положение С.А. Токарева о причинах бытования любовной магии у восточных славян можно применить и к тюркоязычным народам Дагестана.

По народным представлениям любовная магия могла вызвать как влечение, так и ненависть. Так, например, для привлечения любимого человека кумычка прибегала к различным магическим средствам, первое место среди которых занимал так называемый «*суйдум таиш*» (любовный камень), который якобы падает с неба вместе с градом. Этот мягкий камень, растертый особым способом в порошок, применялся с питьем или пищей для мужчины, которого женщина желала привлечь. Приготовление этого «средства» сопровождалось заговором: «Чтобы ты полюбил меня так, чтобы без меня не мог жить, чтобы мы соединились в одно целое и жили, как две влюбленные птицы» и т.п. [1, с. 385-386].

У дагестанских терекеменцев одним из распространенных средств для привлечения любимого человека являлся так называемый «*минжаг*» (коралл), который слегка растирали в порошок и, растворив в воде, давали пить тому, кого женщина хотела приворожить [1, с. 193]. Существовал и другой способ ворожбы, связанный с кораллами. Коралловое ожерелье (*ширли минжаг*) опускали в воду, а затем давали выпить возлюбленному.

У дагестанских азербайджанцев для привлечения любимого использовали косточки от вишневого варенья. Сорок вишневых косточек сжигали в костре и при этом приговаривали: «*Недже бу тумлар отта янаду олса, сенюн* (имя любимого человека) *урегю турюк менен еле янсун*» (Как горят эти косточки в огне, чтобы так твоя душа (называли имя возлюбленного) металась без меня).

У ногайцев в любовной магии использовали волосы, обрезки ногтей, одежды, нитки, наперстки, иголки. С целью приворота ногайки заговаривали у муллы кусочек хлеба, который затем незаметно давали съесть любимому.

Кумычки считали действенным средством в любовной магии воду, которой совершали омовение перед намазом (молитвой). Полагали, что если девушка напоит парня этой водой, то он якобы обязательно в неё влюбится.

В любовной магии тюркоязычных народов Дагестана часто использовалась шерсть домашних животных, кости диких зверей, земноводных, перья птиц.

Дагестанские азербайджанки верили, что перо птицы *дараг баиш* (дятел) укрепляет семейные узы. Считалось, что если жена дотронется до мужа пером этой птицы, то он никогда не уйдет из семьи.

Кумычки сильным средством для привлечения любимого считали кость лягушки. Живую лягушку помещали в ящичек из сырой глины с маленькими отверстиями с разных сторон. Ящичек ставили на муравейник. Как только лягушка погибала, муравьи поедали ее, оставляя одни косточки. Из них женщина выбирала косточку в форме вилки. Считалось, что

если этой вилочкой она зацепит одежду любимого человека, то этим она вызовет ответное чувство. Наши информаторы полагают, что подобные свойства якобы имеет и вилкообразная косточка, извлеченная из тушки летучей мыши.

По мнению кумыков, магическим свойством обладала и лягушачья кожа. Считали, что если содрать с древесной лягушки кожу и сжечь её, а затем подбросить любимому человеку, то он якобы обязательно влюбится в того, кто это сделал.

Кумычки с целью приворота использовали и хвост белки (*атъялман*). Считалось, что если девушка дотронется белчьим хвостом до парня, то он якобы влюбится в неё.

Помимо любовной магии существовали и магические приемы для уничтожения любви, сеяния раздора между мужем и женой.

Тюркоязычные народы Дагестана верили, чтобы разлучить любящих может волк, точнее его глаз (*бёрю гёз*), альчик, жир.

У кумыков полагали, что если между мужем и женой пронести волчий глаз, воду и огонь, то они возненавидят друг друга.

У дагестанских азербайджанцев считалось, что любящих можно разлучить, если пронести между ними волчий глаз или обмазать их волчьим жиром.

У дагестанских терекеменцев, чтобы разбить семью, проносили между супругами волчий сустав (альчик), при этом приговаривали: «*Биривиз гурд олсун, биринизде ит олун, бир бирбиринизлэдисзип*» (Один волком пусть станет, другой – собакой, чтобы друг друга загрызли).

У ногайцев, чтобы разлучить мужа и жену, рассыпали между ними пепел волчьей или собачьей шерсти [3, с. 399].

Верили, что с помощью магии можно нанести вред и на расстоянии. В этом отношении очень характерен прием «нанесения вреда» ненавистному человеку (чаще всего женщине-сопернице), расправляясь с его изображением.

У кумыков для этого делалась особая кукла «*халмач*» из курдючного сала. У ненавистного человека похищали клочки одежды, прядь волос. Из всего этого изготовлялась одежда и прическа для куклы. Таким образом, кукла как бы становилась подобием этого человека и называлась его именем.

В голову куклы вбивали гвоздь, в туловище втыкали иголки или колючки растения – «держидерево». Считалось, что вред, нанесенный кукле, отразится на состоянии того человека, которого изображает кукла. Потом кукла закапывалась в землю в том месте, где чаще всего бывал этот человек. При этом произносился заговор: «Чтобы ты высох, пропал так же, как эта кукла». Разновидностью *халмача* была и «*этне*» [2, с. 386].

Итак, анализ собранного нами материала показал, что в рассматриваемое время домусульманские верования и представления тюркоязычных народов Дагестана органично сочетались с господствовавшей религией – исламом. Наиболее отчетливо домусульманские верования сохранились в тех жизнеобеспечивающих сферах, где человек был бессилён перед силами природы. Вера в духов, сглаз, вредоносное колдовство были вызваны духовной потребностью и зависимостью людей от природных явлений и окружающей среды.

Библиографический список:

1. Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1990. 216 с.
2. Гаджиева С.Ш. Кумыки: историческое прошлое, культура, быт. Кн. 2. Махачкала: Даг.кн.изд-во, 2005. 436 с.
3. Гимбатова М.Б. "Мужское" и "женское" пространство в традиционной культуре ногайцев // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Сборник кратких содержания докладов Международной научной конференции. Тбилиси: Издательство "Меридиан", 2009. С. 399-400.
4. Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX вв. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 164 с.

Дугаров В.Д.,
доктор исторических наук, профессор
кафедры всеобщей и отечественной истории
«БГУ имени Доржи Банзаров», г. Улан-Удэ

Замолотских Е.А.,
Аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории
«БГУ имени Доржи Банзарова», г. Улан-Удэ

ПРОБЛЕМЫ ЕВРАЗИЙСКОГО МИРА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОРИЕНТАЛИСТКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: НА «ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ» ОТ ГУНСКОГО ГОРОДИЩА ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. В формирующихся в Российской Федерации процессах политической глобализации, опираясь на традиции многовековой евразийской истории, народам Кавказа и монголо-тюркской этносферы, этносам Республики Дагестан и Республики Бурятия, необходимо разработать и внедрить новые качественные социально-политические сети устойчивого развития, которые необходимо наполнить новым концептуальным историографическим багажом.

Ключевые слова: этнос, Евразия, переселение, гунны, гунно-савиры, бурят-монголы, «Великий Шелковый путь».

Dugarov V.D.,
Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General and Domestic History
"Dorzhi Banzarov" BSU, Ulan-Ude
Zamolotskikh E.A.,
Postgraduate Student, Department of General and National History,
BSU named after Dorzhi Banzaro, Ulan-Ude

PROBLEMS OF THE EURASIAN WORLD IN THE DOMESTIC ORIENTALISTIC HISTORIOGRAPHY: ON THE "GREAT SILK WAY" FROM THE GUN CITY TO THE PRESENT

Summary. In the processes of political globalization forming in the Russian Federation, relying on the traditions of the centuries-old Eurasian history, the peoples of the Caucasus and the Mongol-Turkic ethnosphere, the ethnic groups of the Republic of Dagestan and the Republic of Buryatia, it is necessary to develop and introduce new high-quality social and political networks of sustainable development that need to be filled with new conceptual historiographic luggage.

Key words: ethnos, Eurasia, resettlement, Huns, Huns-Savirs, Buryat-Mongols, "The Great Silk Road".

Социально-политические трансформации в России в конце XX - начале XXI вв. с переходом к реализации политики и стратегии устойчивого развития российских этносов, формируют новый, преимущественно социоприродный этап глобализации, ориентированный на обретение единства цивилизации, её сохранения и эволюцию с биосферой. Как методологически отмечает академик РАН А.О. Чубарьян: «На рубеже XX и XXI столетий, в условиях набирающих силу процессов глобализации, связанных с модернизацией всех сфер общественной жизни, научно-образовательный комплекс сталкивается с вызовом динамично изменяющейся действительности, остро и совершенно по-новому ставящей вопросы выбора путей развития гуманитарного знания, способного давать адекватные ответы на эти вызовы». [Чубарьян А.О. Теория и методология исторической науки: терминологический словарь. М.: Изд-во Аквилон, 2014. - 576 с.]. Актуальность и основное ядро предстоящих дискуссий на международной конференции «Диалог культур в глобализирующемся мире. Диалог культур и культура диалога», заключается, на наш взгляд, в том, что в ходе работы научного жюри, необходимо обсудить насущные историографические и методологические проблемы цивилизационной теории, взаимной многовековой линейной и нелинейной истории, культурологические и этнические особенности истории народов Евразии, геополитики, нациестроительства, историографии, фронта, Великого Лимитрофа и другие. Особого историографи-

ческого внимания требуют проблемы активно формирующейся инициированной лидером КНР Си Цзиньпином в 2013 г. стратегии «Нового Шелкового пути», как глобального геополитического проекта создания транспортного, энергетического, торгового коридора между странами Центральной и Южной Азии, Европы и Россией. Формирующийся «Новый Шелковый путь» становится очень важным вопросом в понимании перспективных путей развития административных субъектов Российской Федерации: Республики Дагестан и Республики Бурятия. Участие в этом проекте, способно стать основой системного сдвига в российской геополитике, интеграционным связям народов Бурятии и Дагестана. В современной историографической науке необходимо проанализировать формирующиеся методологические позиции эволюционирующей современной отечественной востоковедной науки о взаимной многовековой истории народов Кавказа и монголо-тюркоязычного мира. На протяжении всей своей истории этносы Кавказа и Великой степи, реально представляли собой контактную зону западных и восточных культур и цивилизаций. История народов Кавказа и «Великой Степи» в рамках евразийской парадигмы эволюции является свидетелем миграций и перемещения многочисленных кочевых и полукочевых народов. Во времена многовековых миграционных процессов происходило смешение народов, исчезали этнические границы, что обусловило создание уникальной многонациональной кавказской и монголо-тюркской культуры. Эта культура очень разнообразна, и в то же время, существенно отличается от других культур Запада и Востока. В отечественном профессиональном востоковедном сообществе сложилось устойчивое представление о парадигмальном характере происходящих изменений в современной исторической науке, нередко описываемых как «революция в историографии». Особенно рельефно, этот текущий процесс, отражает теоретико-методологическое переоснащение научного знания в региональных научно-политических институтах, в частности, таких, как история Республики Дагестан и Бурятия. Необходимо подчеркнуть проблемные вопросы взаимодействия северокавказских оседлых племен с объединениями кочевых племен (скифы, сарматы, гунны, булгары, хазары, аланы, кипчаки, монголы). В отечественной историографической науке требует проработки отсутствие ясности с этническим составом Гуннского племенного союза, этно-социального положения народов, которые в результате Великих переселений на рубеже I - II тысячелетий пришли из Великих степей Евразии в Поволжье и на Кавказ. Тем самым, подтолкнув процессы консолидации северокавказской и причерноморской Булгарии (VI-IX вв.) и Алании в X-XIII вв. В работе «Тысячелетие вокруг Каспия» Л.Н. Гумилев отмечал, что «Наиболее репрезентативной в его исследованиях оказалась история, хуннов и гуннов, древних тюрков и уйгуров, огузов и кимаков, недостаточно освещенная во Всемирной истории и палеографии исторической эпохи. Окрестные регионы: Китай, Ближний Восток, Византия и Европа – являются как бы рамкой, обрамляющей картину –тюрко-монгольскую степь». [Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: Изд-во ТОО «Мишель и К» 1993- с. 3]. По его мнению, да и, нужно отметить, в целом, его монография, труды являются опытом синтеза истории, этнологии и географии. Они созданы на стыке гуманитарных и естественных наук. [Там же]. В результате этих беспримерных миграционных процессов сложилась гигантская цивилизационная геостратегическая ось между Востоком и Западом, имеющая свою быстро эволюционирующую современную дискуссионную востоковедную историографию. Как отмечали бурятские ученые Б.В. Базаров и В.Д. Дугаров в статье «Символизм монгольской империи: послесловие к 850-летию Чингисхана»: «Культ Чингисхана по своим масштабам вполне мог быть сравним с религиозным: на протяжении длительного времени его имя даже не произносилось вслух, а заменялось эвфемизмами, например таким, как «Потрясатель вселенной». Завоеванные государства от поколения к поколению набирали силы и, в конечном итоге, произошел распад великого государства. Инерция исторического распада носила мощный характер, проявившиеся центробежные силы были не удержимы и привели к разрушению видимого единства сначала Монгольской империи, а затем и монгольских государств и завоеванных территорий. Процессы деления продолжались даже тогда, когда государственность была утрачена полностью, а племена и народы в течение длительного времени находились в составе других государств. Думается, что свою роль сыграла верность кочевым племенным традициям, которые уступили место

более цивилизованным формам регулирования социальных отношений. Так закончились тысячелетия господства кочевых цивилизаций» [Борис Базаров, Владимир Дугаров. Символизм монгольской империи: послесловие к 850-летию Чингисхана. М.: Власть, 2013, № 04. с. 26]. При отходе от ставшей ортодоксальной марксистской историографии второй половины XX века, перед специалистами отечественной историко-политологической, методологической науки, актуальным требованием является необходимость анализа истории народов Евразии. Теоретического обсуждения причин и последствий Великих переселений, связанных с миграцией гуннского племенного союза в Причерноморье, Приволжье, Кавказ, Восточную Европу. В результате перемещений огромных масс кочевого и полукочевого массива кочевничьего сообщества, пришли в движение не только этносы Северной Европы, но и Центральной Азии. Кочевой этнос «сюнну-хунну» принадлежал к алтайской языковой семье и обитал на территории современных Восточной (внутренней) и Внешней Монголии. Отдельные упоминания о гуннах встречаются у античных писателей уже впервые века нашей эры. Особой строкой в методологической истории российских этносов являются проблемы монголо-тюркских завоеваний, особенно, после отхода от основного методологического принципа советской исторической науки при изучении монголо - тюркоязычного мира, трактуемого как: «Русь и «монголо-татарское иго», к коренным изменениям в методологической картине изучения истории Государства Российского. Теоретические споры отечественных историков привели к тому, что разработчики концепции единого учебника российской истории отказались от термина «татаро-монгольское иго». Этнический момент ушел, и есть «иго Золотой Орды» - заявил сопредседатель Российского исторического общества, академик РАН А.О. Чубарьян на заседании Совета Российского Исторического общества. Отказ от не выдержавших испытания временем методологических установок взаимоотношений «Монголы и Русь», во многом меняют дискуссионную картину истории государства чингисидов в мировой и отечественной историографии.

Библиографический список:

1. Борис Базаров, Владимир Дугаров. Символизм монгольской империи: послесловие к 850-летию Чингисхана. М.: Власть, 2013, № 04. с. 26.
2. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: Изд-во ТОО «Мишель и К» 1993, с. 3.
3. Чубарьян А.О. Теория и методология исторической науки: терминологический словарь. М.: Изд-во Аквилон, 2014 - 576с.

Загирова Э.М.,
аспирант РЦЭИ ДНЦ РАН, г. Махачкала

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДАГЕСТАНСКОЙ СЕМЬИ

Аннотация. В статье анализируется демографическое поведение современной дагестанской семьи, показаны имеющиеся в массовом сознании репродуктивные установки.

Ключевые слова: демографическое поведение, репродуктивные установки дагестанская семья.

Zagirova E.M.,
Regional Center of Ethnopolitical Researches
of the Dagestan Scientific Center of RAS, Makhachkala

DEMOGRAPHIC BEHAVIOR OF DAGHESTAN FAMILY

Summary. There is analysis of demographic behavior of modern daghestan family. The existing reproductive installation of the mass consciousness is shown.

Keywords: Demographic behavior, reproductive installation, daghestan family.

Условия жизни, способствующие либо препятствующие реализации потребности в детях, выступая структурным элементом репродуктивного поведения [6, с. 359], формируют один из двух его типов – репродуктивную активность или репродуктивную пассивность. Основными факторами развития репродуктивной активности населения в целом является деятельность всех субъектов, причастных к данному процессу: во-первых, государства, общества и бизнес-сообщества при формировании соответствующего "социального заказа", определении целей и норм репродуктивного поведения, адекватной оценке результатов репродукционного процесса; во-вторых, активность самого населения, семьи при непосредственном осуществлении репродуктивной функции [3, с. 37].

Совершенно справедливо И.Ф. Дементьева отмечает, что проходившие в России радикальные реформы 90-х гг. XX столетия отвлекли внимание государственных структур от повседневных проблем в деятельности ряда социальных институтов, в числе которых оказалась и российская семья. Снижение внимания к ней привело к развитию чрезвычайно неблагоприятных социальных последствий, среди которых рост подростковой наркомании, раннее материнство и внебрачные дети, криминализация и преступность несовершеннолетних, насилие над детьми в семье, социальное сиротство [4, с. 102].

Характеристикой, позволяющей судить о репродуктивном поведении в период, предшествующий рождению первого ребенка и между рожденьями детей, являются линии репродуктивного поведения. Они представляют собой последовательность репродуктивных действий и событий, обусловленных величиной и силой потребности в детях и характеризующихся предупреждением/прерыванием беременности или отказом от них на различных этапах репродуктивного периода [1, 7].

Мы разделяем точку зрения дагестанских исследователей, что «в городах далеко зашел процесс перехода от многодетной к одно-, двухдетной семье. Лишь в 2010 г. в городах наметился процесс значительного роста рождаемости. Видимо, это связано с введением материнского капитала по случаю рождения второго и последующего детей» [2, с. 133].

Какие тенденции существуют в установках дагестанских народов при планировании детей? Влияет ли возраст человека на желаемое и ожидаемое число детей? Эти и ряд других аспектов демографической проблематики обусловили постановку вопроса «Когда в семье должен появиться первый ребенок?». Полученные результаты нашего социологического исследования показывают, что каждый второй, опрошенный по всему массиву, не имеет четкого понимания при планировании детей и придерживается позиции «в любое время, которое покажется нужным для конкретной семьи» (40,6 %); каждый четвертый, опрошенный по всему массиву, ориентирован на рождение ребенка в первый же год брака, причем здесь заметно выделяются мужчины (37,5 %) и женщины (32,3 %), состоящие в браке, в отличие от подгруппы холостяков (23,6 %) и незамужних женщин (14,1 %).

При планировании семьи «социальная и материальная устойчивость» в большей степени важна для респондентов, не состоящих в браке, это: 25,6 % холостяков, 27,8 % незамужних женщин, 29,7 % вдов и 30,0 % вдовцов, в отличие от женатых (17,8 %) и замужних (11,3 %). Если в социалистический период деятельность, направленная на достижение личной экономической выгоды, рассматривалась как корыстная, недостойная советского человека и часто относилась к разряду *спекулятивной*, то в постсоветский период кардинально меняется отношение к предпринимательской деятельности, частной торговле и т.д. Более того, такая форма занятости становится преобладающей, потому что «умение индивида извлекать экономическую выгоду из определенных обстоятельств становится главным условием успешности и именуется *предпринимательством*. Поскольку основным хранителем и транслятором социальных и нравственных ценностей является семья, такое резкое изменение ценностных ориентаций общества непосредственным образом отразилось на формировании семейной идеологии. Российская семья сегодня испытывает сильное давление со стороны новых общественных норм, диктующих совершенно иную, отличную от старой логику поведения» [4, с. 105]. Далее на необходимость «проверки супругами своих отношений и уверенно-

сти в их прочности» указывает каждый восьмой опрошенный по всему массиву, и варианты ответов варьируются в пределах от 10,5 % женатых мужчин до 18,9 % в подгруппе вдов.

Не менее важным в нашем исследовании является установление отношения опрошенных дагестанцев к отсутствию детей в семье, и им был задан вопрос «Как Вы относитесь к бездетным семьям?». По всему массиву опрошенных 45,7 % придерживаются позиции «мне их жалко, может, они не могут иметь детей по состоянию здоровья», на втором месте – «отрицательно, в семье должен быть ребенок» (20,7 %), на третьем – «положительно, это право каждой семьи» (19,7 %). Доля разделяющих первое суждение среди женатых мужчин составляет 31,6 %, холостяков – 36,0 %, вдов – 43,2 %, замужних женщин – 45,7 % и незамужних женщин – 58,6 %. Необходимость иметь ребенка в семье подчеркивает каждый третий, опрошенный среди женатых, каждый пятый, опрошенный среди холостяков и замужних, каждый пятый опрошенный среди вдов, каждый седьмой, опрошенный среди незамужних женщин. Далее суждений «положительно, если людям хорошо без детей», «отрицательно, предназначение женщины – стать матерью», «отрицательно, в стране демографическая проблема» придерживается статистически небольшая доля опрошенных – 5,4 %, 4,8 % и 1,9 %, соответственно.

В современном демографическом поведении наблюдаются существенные изменения в установках на внебрачное материнство. Причем изменения взглядов в определенной степени можно связать с либерализацией взглядов на семейно-брачную сферу, распространенностью свободных, ни к чему не обязывающих отношений, особенно в молодежной среде [8, 9]. Распространение раннего вступления в половые отношения, проблема алкоголизма и наркомании, свобода нравов и т.д. негативно сказываются на понимании семейных ценностей, более того, способствуют их стиранию. Среди причин кризиса института семьи и снижения рождаемости в России Л.Л. Рыбаковский отмечает постепенно набирающую силу и происходящее в существенной мере под влиянием СМИ изменение репродуктивных установок – внедрения в сознание российской молодежи западных образцов семейного, репродуктивного и сексуального поведения... Вместе с тем, нынешняя российская молодежь более серьезно относится к созданию «семейных гнезд» и рождению детей. Сперва – решение материальных задач: приобретение жилья, его благоустройство, покупка автомашины, получение образования и профессии, и стало быть, хорошо оплачиваемой работы, а потом расширение семейства [5].

Таким образом, проведенное исследование показывает наличие в массовом сознании дагестанских народов разных репродуктивных установок. Рассмотрение вопроса отражения социальных факторов на процесс планирования желаемого и имеющегося числа детей позволяет утверждать, что снижение рождаемости большей частью является социокультурной проблемой при ослаблении ценностей и установок фамилизма. В установках дагестанцев в основном доминирует ориентация «иметь детей» в первые же годы после заключения брачного союза, хотя определенную долю опрошенных можно отнести к типу «карьерной семьи», для которых важнее материальный, образовательный статус и карьера, чем семья и семейные ценности. Видимо, формированию таких установок способствует утрата некоторых семейных традиций и обычаев, особенно в городской местности, по сравнению с сельской. Также следует иметь в виду, что отсутствие социальных связей ограничивает кругозор женщин, круг ее интересов сужается до рамки семьи, что может иметь негативные последствия в целом для самого брачного союза. Женщина, занятая исключительно домашними делами, в какой-то момент времени осознает наличие у домочадцев исключительно потребительского отношения к себе на фоне снижения ее авторитета. Видимо, не стоит переоценивать потенциал матери-домохозяйки осуществлять социальный контроль за ребенком как критерий хорошего, качественного воспитания, впрочем, как и комфортные жилищные условия, которые обеспечивает неработающая жена и мать, не всегда способствуют укреплению семейно-брачных отношений и репродуктивных установок.

Библиографический список:

1. Алимова Б.М. Современная дагестанская семья: проблемы и перспективы // Вестник Института ИАЭ. 2011. №1. С. 48 – 52.
2. Архангельский В.Н. Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 129 – 136.
3. Багирова А.П., Илышев А.М. Факторы репродуктивного поведения населения (анализ межстрановых и межрегиональных различий) // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 37 – 46.
4. Дементьева И.Ф. Социальное самочувствие семьи // Социологические исследования. 2008. № 9. С. 102 – 109.
5. Рыбаковский Л.Л. Демографическое будущее России и миграционные процессы // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 21 – 30.
6. Социология семьи: Учебник / под ред. проф. А.И. Антонова. М., 2005. 640 с.
7. Шахбанова М.М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала: АЛЕФ, 2016. 358 с.
8. Шахбанова М.М. Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения малочисленных народов Республики Дагестан. Махачкала: АЛЕФ, 2013. 394 с.
9. Шахбанова М.М. Язык как признак этнической самоидентификации (по результатам социологического исследования) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 2. С. 289 – 294.

Заельская С.А.,

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Отечества и социально-политических теорий,
Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ УРАЛА В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XX ВЕКА

Аннотация. В статье изучается процесс сохранения традиционной культуры народов Урала в условиях сложных социально-экономических, политических преобразований, меняющихся культурных парадигм. В 1990-е годы фиксируется тенденция к возрождению ряда форм бытования традиционной культуры, что представляло несомненную актуальность для обеспечения духовной безопасности общества в условиях глобализации современного мирового сообщества.

Ключевые слова: традиционная народная культура, этническая культура, глобализация, народное искусство, этнические группы, межнациональные отношения, Урал

Zaelskaya S.A.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Orenburg

PROBLEMS OF PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF THE TRADITIONAL CULTURE OF THE PEOPLES OF THE URALS IN THE LAST DECADE OF THE XX CENTURY

Summary. The article studies the process of preserving the traditional culture of the peoples of the Urals in the context of complex socio-economic, political transformations and changing cultural paradigms. In the 1990s, there was a tendency to revive a number of forms of the existence of traditional culture, which was undoubtedly relevant for ensuring the spiritual security of society in the context of the globalization of the modern world community.

Keywords: traditional folk culture, ethnic culture, globalization, folk art, ethnic groups, interethnic relations, the Urals

Традиционная народная культура, вбирающая в себя наследие в виде фольклора, народного и религиозного искусства, празднично-обрядовой культуры, народного зодчества, являет собой отражение духовного облика народов, его создавших. Сохранение традиционной народной культуры представляется актуальной проблемой в условиях глобализации и влияния иных социально-неблагоприятных факторов, способных создать дисбаланс в духовно-нравственной сфере современного общества. В конце XX в. России согласно националь-

ному докладу проживало 176 этносов и этнических групп [5, с. 67]. Исследуемый Уральский регион отличался полиэтничным составом населения. Так, Республика Башкортостан являлась родиной для представителей более 70 национальностей [9, л. 4]. В Удмуртской Республике и Пермской области насчитывалось более 100 народов [1, л. 2]. В Свердловской области проживали представители более 120 национальностей, среди которых преобладали татары, башкиры, марийцы, удмурты и чуваша [15, л. 4]. В Челябинской области насчитывалось 128 этносов и этнических групп [12, л. 11-16]. В Оренбургской области проживали представители 82 национальностей [7, с. 13]. Регионы Урала исторически отличались многонациональностью, сложившейся в результате длительных и сложнейших этнических процессов, включающих в себя единство западных и восточных цивилизаций, уникальное евразийское пространство.

В исследуемый период культура испытывала трудности социально-экономического характера, находилась под непосредственным влиянием, происходящих в общества перемен, неблагоприятные последствия которых ставили вопрос о выживаемости форм бытования традиционной культуры в условиях смены ценностных ориентаций российского общества и засилья массовой культуры. Характерной тенденцией изучаемого десятилетия является небывалый расцвет массовой культуры, которая, по мнению большинства исследователей [8; 11, с. 105], представляет серьезную угрозу духовной безопасности страны. В исследуемый период были зафиксированы существенные структурные изменения традиционной культуры под жестким давлением рыночных отношений и усилившегося процесса коммерциализации. Результатом стало исчезновение присущей народному стилю глубокой семантики, проявляющейся в каждом образе и мотиве [4, с. 193-194].

В условиях постсоветского времени исчезновению подверглись многие традиционные народные обряды, а вместе с ними исчезли и элементы художественной культуры. Редкостью стали песни, танцы, игрища, игра на народных музыкальных инструментах, все чаще звучала магнитофонная музыка, танцевали современные танцы. Жизнь в условиях города и села изменилась, трансформировались народные праздники и обряды, их художественные элементы [6, л. 183].

В исследуемый период, в связи с усилением процесса глобализации, нивелирующего уникальные этнические особенности традиционной культуры и фактически ставящей ее на грань исчезновения, поддержка народного традиционного творчества во всех его проявления необходима. Действительно, государственная поддержка культуры, а вместе с ней и всей системы духовной безопасности страны, прежде всего, была нацелена на сохранение уникальных самобытных культур народов России [13, с. 46]. В последнее десятилетие XX века на федеральном уровне проблемы творческой деятельности в сфере традиционного народного творчества были отражены в ряде правовых государственных актов. В результате в 1990-е гг. на Урале стали активно создаваться национально-культурные организации и движения, ставящие целью своей деятельности всестороннюю поддержку народного традиционного творчества. Только в Челябинской области на август 1998 г. было зарегистрировано 13 национально культурных центров, имеющих свои филиалы в населенных пунктах области. При активном участии вновь созданных организаций в городах и селах Урала стали регулярно проводиться фестивали, праздники, выставки национальных художников, дни культуры той или иной национальности [2, с. 43].

В нормативных актах исследуемых регионов четко прослеживается ряд направлений, таких как поддержка народных художественных промыслов и проектов по сохранению и развитию традиционной культуры, организаций народной культуры. В регионах Урала были проделана существенная работа по возрождению национальных традиций, обычаев, проведению конкурсов и фестивалей. Так, в Удмуртской республике общепризнанными стали национальные праздники: удмуртский «Гербер», русская «Масленица», марийский «Семык», татарский «Сабантуй», бесермянский «Корбан», чувашский «Акатуй» [14, с. 5]. В Башкирской АССР все больше возрастал интерес к самобытному народному творчеству, давним истокам культуры башкирского народа, его истории. Особое значение приобретала работа по развитию, сохранению и использованию фольклора как составной части духовной культуры общества

[10, л. 7]. В связи с заинтересованностью многих жителей Оренбургской области в развитии национальных культур «во многих хозяйствах области были созданы фольклорные группы на башкирском, русском, татарском, немецком языках, а также был установлен контакт хозяйств области с творческой интеллигенцией и работниками культуры Башкирской АССР» [3, с. 155-156].

Таким образом, в исследуемый период традиционная народная культура подверглась воздействию непростой социально-экономической и этнополитической обстановки и ряда неблагоприятных социальных факторов, которые оказали существенное влияние на трансформацию форм бытования народной культуры. Регионы Урала, расположенные на границе Европы и Азии, по составу населения являются полиэтничными и поликонфессиональными, что делает актуальной проблему гармонизации межнациональных отношений в контексте обеспечения духовной безопасности. Следовательно, для действенной защиты духовной безопасности России в сегменте традиционной культуры необходима государственная поддержка исследуемого феномена. Сохранение, развитие и пропаганда самобытной культуры народов Урала, традиций, обычаев предков являлись главной целью деятельности региональных общественных движений и осуществляемой региональными властями национально-культурной политики.

Библиографический список:

1. Государственный архив Пермского края. Ф. Р-927. Оп. 1. Д. 2188.
2. Дубровин Ю. Д., Туник Г. А. Национально-культурное развитие народов России: политико-правовые аспекты. – М.: Изд-во Государственной Думы, 2002. 96 с.
3. Заельская С.А. Культурное пространство Южного Урала в условиях системных реформ (1985 – 2000 гг.). Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. 211 с.
4. Костина А. В., Гудима Т. М. Культурная политика современной России : Соотношение этнического и национального. Изд. 2-е. М. : Издательство ЛЕИ, 2010. 240 с.
5. Культурная политика России. История и современность: два взгляда на одну проблему. М.: Либерия, 1998. 296 с.
6. Михайлова Социодинамика народной художественной культуры: тенденции и закономерности : монография. М.: Вузовская книга, 1999. 240 с.
7. Многонациональный мир Оренбуржья. Оренбург: ИПК «Южный Урал», 1994. 56 с.
8. Мясникова Л.А., Крутеева О.В. Народные художественные промыслы – хранители самобытности Уральского региона // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 6. С. 337 – 340.
9. Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НАРБ). Ф. П-122. Оп. 230. Д. 223.
10. НАРБ. Ф. П-122. Оп. 221. Д. 272.
11. Недосекина А.Г., Егорова М.А. Социально-политические последствия распространения массовой культуры в России //Традиционные национально-культурные и религиозные ценности как фундамент инновационного развития России : сборник статей по итогам традиционной V Международной конференции. Магнитогорск, 2011. С. 105 – 109.
12. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. П-288. Оп. 201. Д. 1182.
13. Справочник руководителя учреждения культуры. 2007. № 9.
14. Удмуртия многонациональная. Ижевск: Пешта, 2003. 40 с.
15. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 119. Д. 472.

Замолотских Д.В.,

аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ

ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИЙ КУПЕЧЕСТВА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ НА РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Аннотация. Возрождение предпринимательства и противоречивые социально-экономические процессы последних лет, когда наше государство живет по законам рыночной экономики, вызывает особый интерес история купечества, как главного предпринимательского сословия, составлявшего костяк отечественной буржуазии.

Ключевые слова: купечество, глобализация, переселение.

INFLUENCE OF THE TRADITIONS OF THE MERCHANT OF EASTERN SIBERIA ON THE DEVELOPMENT OF THE REGION

Summary. The revival of entrepreneurship and the contradictory socio-economic processes of recent years, when our state lives according to the laws of a market economy, are of particular interest in the history of the merchants, as the main entrepreneurial class that formed the backbone of the domestic bourgeoisie.

Key words: merchants, globalization, relocation.

В наши дни, как никогда ранее, в российской исторической науке велик интерес к фигуре предпринимателя и его роли в экономической, общественной и культурной жизни страны. Возрождение предпринимательства и противоречивые социально-экономические процессы последних лет, когда наше государство живет по законам рыночной экономики, вызывает особый интерес история купечества, как главного предпринимательского сословия, составлявшего костяк отечественной буржуазии.

Изучение генезиса, социальной мобильности и становления купеческого сословия на примере Верхнеудинска и округа в сравнительном анализе с соседними городами Восточной Сибири позволяет более глубоко понять некоторые экономические и социальные проблемы в развитии региона: (эволюция законодательства, торговые и промышленные отношения, отношения собственности, развитие инфраструктуры).

Разработка темы истории сибирского купечества в целом и купечества отдельных городов в частности, имеет большое значение для изучения истории Сибири, поскольку в силу специфического социального состава населения купечество играло весьма важную роль в жизни края.

В числе важнейших проблем, возникающих при изучении «купеческой темы», является проблема, связанная с историей зарождения, развития и становления купеческого сословия на восточных окраинах Сибири, которая насчитывает почти два столетия (со второй половины XVII до конца первой половины XIX вв.). За это время купцы выделяются из массы посадских людей, оформляя состав гильдийства, получая привилегии, права и обязанности от правительства, наращивают свои капиталы за счет промыслов, торговли и промышленности, несут различного рода повинности, платя налоги и акцизы, собираемые казной.

В XVII в., опираясь на частную инициативу, Российское государство территориально расширилось до Тихого океана. Политическое освоение огромной территории Сибири силами казачьих отрядов шло параллельно с ее экономическим освоением предпринимателями - это был тяжелый и самоотверженный труд. Для сибирского купечества характерна высокая социальная мобильность, когда лишь незначительной части купцов удавалось продержаться в составе той или иной гильдии на протяжении нескольких десятилетий подряд. Велик был риск разориться и перейти в разряд мещанства.

Объяснение неустойчивости социального статуса купцов следует искать прежде всего в социально-экономической ситуации в стране. Замедленный оборот торговых капиталов из-за огромной территории и плохих коммуникаций, неустойчивость денежного обращения в России, конкуренция со стороны торгующих крестьян, большая доля риска в предпринимательстве, узость рынка, наличие массы регламентаций и правительственного контроля за предпринимательской деятельностью – все это все это далеко не способствовало успешному функционированию и процветанию не только сибирского, но и российского купечества в целом. Кроме того, у многих записавшихся в гильдии не было твердой материальной базы, достаточного исходного капитала, способного обеспечить определенную стабильность положения. Принимая во внимание такого рода нестабильность социального статуса купцов, а отсюда – их тесную связь с остальными горожанами, некоторые исследователи считают воз-

возможным говорить о существовании единого «городского гражданства», в которое входили и купцы, и мещане, и цеховые.

Впрочем, кроме опасности выбыть в состав мещанства, у купцов имелась возможность и продвинуться вверх по социальной лестнице: получить звание именитого, степенного, почетного гражданина, а также коммерции советника или даже перейти во дворянство. Последнее, впрочем, случалось достаточно редко: известно лишь несколько случаев, когда за особые заслуги сибирских купцов жаловали дворянским званием. Больше число купцов подпало под действие законов, согласно которым вводилось сначала именитое (с 1785 по 1807 г.), а затем почетное (с 1832 г.) гражданство. Именитое гражданство, введенное Жалованной грамотой городам в 1785 г., образовывало первый разряд городских обывателей, включавший владельцев более 50 тыс. р. капитала. Звание именитого гражданина обеспечивало возможность заниматься торгово-промышленной деятельностью наравне с членами 1-й купеческой гильдии. Именитые граждане не подлежали телесным наказаниям, а их внуки могли ходатайствовать о присвоении им дворянства, если их предки на протяжении двух поколений состояли в числе именитых граждан. Однако в 1807 г. купцы лишились права получать звание именитых граждан, которое было оставлено только для ученых и художников. В апреле 1832 г. было введено почетное гражданство: звание почетного гражданина обеспечивало освобождение от подушного оклада, рекрутской повинности, телесных наказаний, право быть избираемым на высокие общественные должности, именоваться во всех документах почетным гражданином и записываться не в ревизские сказки, а в городскую обывательскую книгу. Купец мог хлопотать о вступлении в почетное гражданство, если он состоял 20 лет подряд в 1-й гильдии и не привлекался в этот период к суду. Таким образом, рассматриваемая категория населения стала своего рода «промежуточной прослойкой между дворянством и купечеством». В Сибири почетное гражданство получило гораздо большее распространение, чем именитое: с конца 1830-х гг. среди сибирских купцов стали появляться первые почетные граждане, которых с каждым десятилетием становилось все больше. Еще одним «особым отличием» для купцов были звания коммерции- и мануфактур-советников, приравнивавшиеся к восьмому классу штатской службы и дававшие права на близкие к дворянским привилегии. Получить их можно было после 12-летнего непрерывного пребывания в 1-й гильдии.

Высока была и горизонтальная мобильность сибирские купцов, т.е. смена ими места жительства. Многие видные гильдейцы со временем перемещали свои капиталы в европейскую Россию, пополняя ряды московского и петербургского купечества. В данной статье в заключение отметим, что в пореформенный период купечество Сибири достигло значительных результатов в коммерческой деятельности, именно гильдейцы в регионе являлись ядром формирующейся буржуазии. На смену методам первоначального накопления приходили более цивилизованные формы хозяйственной деятельности. От поколения к поколению рос уровень грамотности и культуры купечества, рост его консолидации и самосознания. Это находило отражение, прежде всего, в участии купечества в органах городского самоуправления, в благотворительности. Центральные кварталы таких городов как Иркутск, Томск, Тюмень, Красноярск, Барнаул, Бийск, Минусинск, Верхнеудинск, Троицкосавск были застроены купеческими особняками и магазинами. Купцы во многом определяли стиль жизни указанных городов, которые без преувеличения можно назвать «купеческими».

Сибирская железная дорога во многом изменила жизнь региона, она уменьшила его коммуникационную оторванность от Центральной России и всего мира, в частности, усилился приток капиталов в Сибирь и не только из Европейской России, но и зарубежных стран. Местное купечество было потеснено более мощными фирмами в банковском деле, горной промышленности, строительстве частных железных дорог, некоторых видах торговли, например, скупке и вывозе за границу сливочного масла. Но вплоть до 1917 г. сибирское купечество не исчерпало своего потенциала, как в предпринимательстве, так и в общественной деятельности.

Купеческое сословие Восточной Сибири в целом и Верхнеудинска в частности внесло огромный вклад в экономическое, социальное и культурное развитие региона.

Библиографический список:

1. Боханов А.Н. Российское купечество в конце XIX-начале XX века//История СССР. 1985. № 4. С. 107.
2. Старцев А. В., Гончаров Ю. М. История предпринимательства в Сибири (XVII - начало XX в.). Барнаул, 1999. С. 96–97.
3. Старцев А. В. Торговля предпринимателей Алтая с Монголией и Китаем во второй половине XIX - начале XX в. // предпринимательство на Алтае XVIII в.–1920-е годы. Барнаул, 1993. С. 93–112.

Ибрагимова А. Б.,
магистрантка I года обучения, Факультет Востоковедения ДГУ,
Магомедов А.Р.,
доктор исторических наук, профессор
кафедры истории стран Азии и Африки ДГУ, г.Махачкала.

ПРОЦЕСС ИСЛАМИЗАЦИИ ДАГЕСТАНА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АББАСИДОВ

Аннотация. Статья посвящена процессу исламизации Дагестана в период правления Аббасидов. В статье раскрываются последствия распространения ислама в средневековом Дагестане в исследуемый период.

Ключевые слова: Аббасидский Халифат, джизья, харадж, арабо-мусульманская культура, средневековый Дагестан, военные походы арабов, ислам, памятники культовой архитектуры Дагестана

Ibragimova A.B.,
undergraduate I year of study
The faculty of Oriental studies, DSU, Makhachkala
Magomedov A. R.,
Doctor of Historical sciences,
Professor of Department of history of Asia and Africa DSU, Makhachkala

THE PROCESS OF ISLAMIZATION OF DAGESTAN AND ITS CONSEQUENCES IN THE ABBASID PERIOD

Summary. The article is devoted to the process of Islamization of Dagestan during the reign of the Abbasids. The article reveals the consequences of the spread of Islam in medieval Dagestan in the period under study.

Key words: Abbasid Caliphate, jizya, haraj, Arab-Muslim culture, medieval Dagestan, military campaigns of Arabs, Islam, monuments of cult architecture of Dagestan.

Ислам в Дагестане имеет более чем тринадцативековую историю. Все это время он оказывал влияние на все сферы жизни дагестанского общества: социальной, экономической, культурной, идеологической. Особенно заметна была его роль в средневековом обществе. Трудно найти, скольконибудь важный вопрос истории и культуры средневекового Дагестана, при исследовании которого можно было бы не учитывать исламизацию. Ислам распространился по всему Дагестану, и стал не только основной религией, но и культурой и образом жизни. Аббасидский халифат сыграл важнейшую роль в истории многих народов, оказавшихся в сфере влияния исламского мира. Именно в Аббасидском Халифате «процесс взаимодействия различных цивилизаций породил новую высокоразвитую культуру, языком которой стал арабский, а идеологической основой – ислам, новая монотеистическая религия

со своеобразной системой этикоправовых представлений и религиозно-политических институтов, зародившаяся в ходе арабских завоеваний. Эта арабо-мусульманская культура на много веков вперед определила пути развития народов, исповедовавших ислам, сказываясь в жизни и до сего дня» [1, с. 3].

Период середины VII- начала IX вв. отмечен упорной и непрекращавшейся борьбой дагестанского народа против военных и экономических притязаний Арабского халифата, когда они несколькими волнами проникали в Дагестан. Речь шла о самостоятельности многочисленных политических единиц и раннефеодальных государственных образований на территории Дагестана. Освободительная война против Халифата переплеталась со сложной обстановкой арабо-хазарских взаимоотношений. Одним словом, арабские завоевания и героическая борьба дагестанских народов за сохранение независимости стали одним из самых важных явлений исторической жизни Дагестана в раннем средневековье [4, с. 103].

Дагестан привлекал внимание арабов не только как важный стратегический рубеж, но и как перекресток международных торговых трасс. Последнее обстоятельство играло немаловажную роль. Именно здесь был перекресток, соединяющий Восточную Европу со странами Передней и Средней Азии и Кавказа [2, с. 198].

Экономическое значение Дагестана в истории Аббасидского халифата дополнялось исключительной стратегической ролью этого региона. Упрочение власти арабов на Восточном Кавказе означало также создание таких условий, которые позволили бы спокойно эксплуатировать богатые районы Закавказья и Ближнего Востока. Важное торгово-экономическое и стратегическое значение Дагестана и предопределило ожесточённый характер столкновения на его территории интересов Арабского халифата и Хазарского каганата, двух крупных держав раннего средневековья. Этот фактор объясняет также, почему арабы в течение долгого времени, почти ста пятидесяти лет, начиная с середины VII в. вплоть до начала IX в., предпринимали систематические попытки военного характера, проводили настойчивую миграционную политику, то есть целый комплекс военных и гражданских мероприятий с целью укрепиться на землях Восточного Кавказа.

Создание Арабского халифата в VII в. было чрезвычайно важным событием в мировой истории, новой страницей в жизни народов стран Ближнего и Среднего Востока, сыграло важную роль в судьбах народов Кавказа, особенно Восточного.

В 750 г. в Халифате произошли существенные изменения политического характера. Народные движения свергли власть династии Омейядов (761-750) и подняли на вершину власти другую династию-Аббасидов (750-1258 гг). Однако при Аббасидах налоговое бремя в завоёванных районах всё более усиливалось. И уже во второй половине VIII в. усилилась антиарабская борьба в Дагестане. Усилились позиции хазар в районе Дербента, где был разбит многотысячный мусульманский отряд. Арабский Эмират предпринял ряд чрезвычайных мер для укрепления своих позиций в Дагестане, особенно в районе Дербента. При правителе Арминии Йазиде ас-Сулами сюда было послано много тысяч мусульманских семей, которые обосновались в населённых пунктах близ Дербента - Камахе, ал-Мухаммадия (Химейди), Баб-Ваке (Дарваг) [8, с. 8]. Халиф ал-Мансур (754-755) «нашёл необходимым, чтобы в окрестностях Дербента были поселены мусульмане», и впоследствии сюда были поселены семь тысяч мусульман с семьями, построившие крепости в Рукеле, Кала-Суваре, Митаги. Мугатыре, Мараге, Биль-гади [3, с. 93].

С самого начала IX в. наступила мирная полоса, и главное объяснение этому можно найти в судьбе Аббасидского халифата. В IX-X вв. Халифат не представлял политически единого целого государства. Следствием происходивших событий стало то, что на Восточном Кавказе, в частности в Ширване и Дербенте утвердилась власть самостоятельных правителей арабского происхождения. В Дербенте стала править династия Хашимидов (с 869 г.), власть которых была наследственной. Указанные положительные последствия нашли отражение и в Дагестане, благотворно сказались на экономике, социальной жизни, культуре и идеологии. Вхождение части дагестанских земель (преимущественно равнинных вместе с Дербентом) в состав Арабского халифата, стабилизация внутривосточного положения

дагестанских владений и включение их в орбиту экономической, торговой и культурной жизни Халифата оказались важнейшими благоприятными факторами развития всех сфер жизни общества. Как писал ал-Йакуби, аббасидский халиф ал-Мансур (754-775) велел выпустить семь тысяч воинов из тюрем и собрать в разных областях, которых он отправил против хазар, присоединив к ним рабочих и строителей, и построили они город Камах, ал-Мухаммадию, Баб-Вак и другие города, которые он обратил в опорные пункты для мусульман и куда поселил воинов». Дагестанский учёный Гасан Алкадари (1834-1910) добавляет, что эти 7000 мусульман были со своими семьями, и они построили крепости в Рукеле, Кала-Суваре. Митаги, Марате и Бильгади [3,с.25]. «Движущие силы» этой культуры - арабский язык и ислам проникли в Дагестан вместе с завоевательными походами арабов, но на многие века пережили эти походы, стали составной частью культуры дагестанских народов, сыграли огромную роль в формировании письменного литературного наследия, образования, нравственных критериев.

Абу Хамид ал-Гарнати, бывший в 1130 г. «проездом» в Дагестане, также приписывает Масламе ибн Абдалмалику триумфальную исламизацию многих дагестанских владений: после распространения им ислама среди табасаранцев «... приняли из его рук ислам многочисленные народы, в том числе: лакзан, филан, хайдак, заклан, гумик, дарха» [7,49]. Как известно, арабские завоевания в Дагестане прекратились в начале IX в., а ислам к этому времени утвердился приблизительно на пятой части территории региона. Как развивавшиеся в Дагестане раннефеодальные отношения, так и интересы государства нашли в исламе идеологическую опору, значение которой быстро было осознано всеми слоями общества. Ряд обстоятельств, приведших к исламизации, определили устойчивый характер и своеобразие новой, монотеистической религии, пришедшей на смену конфессиональному плюрализму. Речь идет о комплексе внутри- и внешнеполитических факторов, содействовавших приходу и утверждению новой цивилизации как историко-культурного феномена, уверенно занявшего место господствовавших ранее языческих представлений, а также христианства, имевшего сильные позиции в ряде отдельных районов [6,с.31]. Исламизация Дагестана представляет собой часть важнейшего процесса формирования общего пространства исламского мира в ходе межцивилизационного воздействия. Что касается этнической принадлежности проводников идей ислама, то ими обычно считают арабов, но это верно исключительно для первого этапа, т. е. конца VII – первой половины X в. Миграция арабского населения в Дагестан была фактически продолжением подобного рода политики халифов в других областях, только здесь этот процесс отличался особой масштабностью. Арабское население (и как «воины ислама», и как защитники «границ ислама») имело постоянную материальную поддержку. Для них выделялась часть хараджа или джизьи.

Наряду с арабами немалую роль в упрочении позиций ислама стало играть со временем и местное население. Дербент был полон газиев («борцов за веру»), нередко вербовавшихся из местных деклассированных элементов. Исламские походы в центральные районы Дагестана следовали один за другим, и дербентские газии принимали в них самое деятельное участие. Так, в 861 г. правитель Ширвана «сражался с неверными в стране Серир». Его сын Мухаммад продолжал дело отца, «творя правосудие» и ведя «войну против неверных», а сын Мухаммада Хайсам, в свою очередь, «предпринимал множество походов на неверных». Благодаря усилиям дербентского эмира Маймуна в 995 г. принял ислам «народ Караха» (т. е. Уркараха) [6, с. 69]. Через триста лет после появления первых мусульман территория распространения ислама в Дагестане ограничивалась прибрежной полосой от Дербента до Семендера, Южным Дагестаном, включая Табасаран, землями до среднего течения Самура и Чирахчая, а часть населения оставалась верной языческим религиозным представлениям. Вторая половина X в. – переломный момент с истории исламизации Дагестана. Шествие ислама происходило на фоне дальнейшего усиления социальных противоречий в дагестанском обществе, покровительственной политики завоевателей – сельджуков, монголов (начиная с конца XIII в.), Тимура и, что особенно важно, на фоне постоянно растущих контактов Дагестана с ближневосточными странами. К концу X в. мусульманами становятся «покоренные

арабами-корейшитами обитатели ряда сел, расположенных по Шалбуздагу». Еще в 995 г. новые идеи восприняли даргинцы – жители Уркараха и ближайших селений. В течение второй половины X – XII в. ислам приняло население всего бассейна Самура, Гюльгеричая, верховьев р. Буган.

Таким образом, в Дагестан вместе с религией пришла богатейшая научная и художественная литература народов Ближнего и Среднего Востока, которая оказала плодотворное влияние на развитие духовной жизни дагестанских народов. Здесь значительное распространение получили и пользовались большой популярностью работы крупнейших ученых мусульманского Востока, в частности Ибн Сины, особенно, его знаменитый «Канон врачебной науки», а также его философское произведение «Исцеление», Космография» Казвини, сочинения ат-Тафтазани, ат-Табари и многие другие. Под непосредственным влиянием мусульманской культуры в Дагестане появилась плеяда крупных ученых, правоведов, философов, поэтов с энциклопедическими знаниями — ад-Дербенди (XII в.), Али Кумухский (XVI в.), Магомед Убринский, Сайд Кочхюрский, Дамадан Мегебский, Исмаил Шиназский (XVIII в.) Мирза-Али Ахтынский и многие другие. В этот период дагестанские ученые выезжали далеко за пределы родины в крупнейшие мусульманские центры в целях обогащения своих знаний.

В условиях исламизации дагестанцы оказались под непосредственным влиянием передовой арабо-мусульманской цивилизации, они поднялись по ступеням образованности и вскоре преуспели в интеллектуальной культуре гораздо больше, чем западный мир.

Библиографический список:

1. Большаков О.Г. История Халифата. Т. 1 М., 1989.
2. Гаджиев М.Г., Давудов О.М, Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996.
3. Гасан эфенди Алкадари. Асари Дагестан//Пер. и комм. Али Гасанова. Махачкала, 1929.
4. Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.
5. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. X–XI вв. М., 1963.
6. Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. / Публикация О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. М., 1971.
7. Шихсаидов А.Р. Распространение ислама в Дагестане // Исламведение. 2010. № 1.
8. Якуби. История / текст и перевод с араб. П.К. Жузе. Баку, 1927.

Исмаилова А. М.,

кандидат исторических наук, доцент
кафедры гуманитарных дисциплин

Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала

РОЛЬ ДЕРБЕНТА В РАЗВИТИИ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

Аннотация. Статья посвящена Великому шелковому пути и роли Дербента в развитии торговых отношений между Востоком и Западом. Шелковый путь оказал огромное влияние на формирование политического, экономического, культурного устройства стран, через которые он проходил. Вдоль всех его маршрутов возникали крупные и малые торговые города и поселения.

Ключевые слова. Шелковый путь, цивилизация, древний Дербент, раскопки, монеты, караваны, торговые связи.

THE ROLE OF DERBENT IN THE DEVELOPMENT OF TRADE RELATIONS OF THE GREAT SILK ROAD BETWEEN EAST AND WEST

Summary. The article is devoted to the Great silk road and the role of Derbent in the development of trade relations between East and West. Silk road has had an enormous influence on the formation of political, economic, cultural device of the countries through which he passed. Along all its routes appeared large and small trading cities and settlements.

Key words. Silk road, civilization, ancient Derbent, excavations, coins, caravans, trade links.

Одним из замечательных достижений древних цивилизаций по праву считается Великий шелковый путь. Путь, который связал Восток и Запад, – воображение сразу же рисует бескрайнее песчаное море знойной пустыни, по которой бредут караваны, нагруженные богатыми товарами. Великий Шелковый путь – величайшее достижение в истории мировой цивилизации. Разветвление сети караванных дорог пересекали Европу и Азию от Средиземноморья до Китая и служили в эпоху древности и средневековья важным средством торговых связей и диалога между культурами Запада и Востока [2,с.4]. Шелковый путь – огромное историко-культурное пространство. Он имел множество маршрутов, по которым со II века до н.э. и до конца XVII в. шло международное общение от Испании, Франции, Германии, России до Персии, Индии и Китая. Грандиозный торговый маршрут как бы соединял Восток и Запад, становился причиной возникновения множества уникальных городов, исторических памятников, обычаев, языковых союзов и религиозной терпимости.

Драгоценный товар - шелк, который являлся главным предметом кавказско-европейской торговли, - познакомил два разных мира - Запад и Восток. Веками на маршрутах Великого Шелкового пути шумели разноязычные восточные базары, сотни лет по пыльным караванным дорогам везли купцы для продажи европейцам драгоценные шелка и камня, пряности и красители, золото и серебро, ковры и паласы. Товары по Шелковому пути шли в основном с востока на запад. Торговые маршруты не ограничивались только шелковыми караванами, по шелковому пути везли множество других товаров, причём не только с Востока, но и с Запада на Восток: средиземноморское стекло и «золотоподобная латунь», драгоценные камни и кораллы, экзотические африканские птицы и животные, среднеазиатские кони и плоды, фарфор и чай», о которых пишут китайские хроникёры эпохи Тан (VII-X вв.) [5,с.123].

В формировании Великого шелкового пути как сквозной трансевразийской магистрали решающую роль сыграл древнекитайский чиновник Чжан Цянь. В 138 г. до н.э. он отправился с опасной дипломатической миссией к кочевникам из племени юэчжей, чтобы убедить их стать союзниками китайской империи Хань в борьбе с кочевниками сюнну, нападавшими на империю с севера. Чжан Цянь стал первым китайцем, который побывал в Средней Азии — в Согдиане и Бактрии (на территориях современного Узбекистана, Таджикистана и Афганистана). Там он узнал, каким огромным спросом пользуются китайские товары, и увидел много других товаров, о которых китайцы не имели представления. Вернувшись в Китай в 126 г. до н.э., он представил императору доклад о выгодах прямой торговли между Китаем и государствами Средней Азии.

Благодаря своему географическому положению Кавказ является мостом Евразии. Через этот край шли пути из Центральной Азии в Причерноморье и Средиземноморье, из евразийских степей - на Ближний Восток. Великий Шелковый путь, проходивший, начиная с VI-VII веков, по территории Северного Кавказа, сыграл важнейшую роль в формировании дагестанской культуры. Таким образом, с древности Дагестан являлся контактной зоной между цивилизациями, а город Дербент был и остается одним из древнейших очагов диалога культур со своей колоритной этнической мозаикой, живущим созидательной жизнью в органической связи со многими цивилизациями мира. Через Дербент проходил Великий Шелковый путь,

проложенный во II веке до н. э. и потерявший свое значение лишь в XV в. н. э. [3, с. 234]. Дербент - единственный город античной эпохи, сохранившийся на своем историческом месте, среди всех городов Российской Федерации. Многие века Дербент был одним из главных городов Каспия и Кавказа. Здесь встретились Восток и Запад. К городу Дербенту вели многочисленные торговые пути - сухопутные и морские, связывая его с городами Шамаха, Барда, Берзендж и др. Дербент был связан морскими торговыми путями с Джурджаном, Табаристаном, Дайламом. Город снабжался водой по подземным керамическим трубам из горных рудников. Проведение воды в Дербент приписывалось Хосрову Ануширвану. Дербент выступал «перекрестком цивилизации», связывавшим Восток и Запад, Север и Юг. По Шелковому пути также распространялись религиозные учения и идеи. Таким образом, Великий шелковый путь сыграл огромную роль в истории развития мировой цивилизации и стал связующим звеном между культурой Востока и Запада. Дербент поддерживал тесные торговые связи со многими городами и областями Передней и Центральной Азии, Восточной Европы – об этом сообщают и средневековые авторы, и многочисленные археологические находки. При раскопках здесь обнаружены иранские керамические, фаянсовые, кашинные, люстровые блюда и чаши, китайская и корейская фарфоровая посуда (селадон и краклэ), импортные стеклянные браслеты и сосуды [4, с. 117]. Среди иноземных монет, найденных в Дербенте, имеются монеты маликов Ахара, Зангидов Мосула, Сельджукидов Рума, Зангидов Синджара, Эюбидов Египта, хорезмшаха Джалал-ад-Дина, ильханов-Хулагуидов, Джучидов Золотой Орды, Музаффаридов, Джелаиридов, Тимуридов и другие. Торговые пошлины составляли важнейшую статью его доходов. Бурное развитие торговли в Дербенте было определено расцветом со второй половины VIII в. «арабской» торговли в Прикаспии, когда Прикаспийский путь стал столь же известен, как и знаменитый Шелковый путь. В этих условиях в Дербенте формировался многонациональный и поликонфессиональный состав городского населения, вырабатывались принципы толерантного отношения. Дербент – Баб-ал-абваб в VIII–XIV вв. – это крупнейший порт на Каспийском море [5, с. 167]. Становлению Дербента, как города, как важного военно-политического и торгово-ремесленного центра Восточного Кавказа способствовало, наряду с другими внешними и внутренними причинами и факторами, усиление с последних веков до н.э. торгового значения Прикаспийского пути, известного античным писателям под названием *Caspia via* («Каспийский путь»), активизация всей международной торговли с эллинистического времени между центрами и периферией античного мира [1, с. 34]. По сообщению Страбона, по этой международной трассе активную караванную торговлю вели прикаспийские племена, которые перевозили «на верблюдах индийские и вавилонские товары, получая их от армян и мидян». Огромная роль в этих торговых связях отводилась сарматскому племени аорсов, обитавших в Северном Прикаспии и нижнем Подонье, и каспиям, специализированно занимавшимся караванной торговлей, разведением верблюдов, рыболовством [6, с. 22]. Особый интерес представляют костяная женская фигурка, найденная при раскопках в Дербенте и которая была привезена из далекой «златообильной» Бактрии, и обнаруженный близ Дербента клад бронзовых предметов, в который помимо украшений, посуды входили и около 20 монет могущественного правителя Египта Птолемея III Эвергета [1, с. 78].

Сегодня Великий шелковый путь, сыгравший такую важную роль в прошлом, вступает в XXI век, возрождаясь сверхсовременными трансконтинентальными коммуникациями. Проект восстановления Великого Шелкового пути относится к числу программ, выдвинутых ООН, Всемирной туристской организацией, ЮНЕСКО, Европейским Союзом, целью которого является налаживание торговых и туристических связей.

Библиографический список:

1. Армянская география VII в. по Р.Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому). Текст и пер. с присовокуплением карт и объяснительных примечаний издал К.П. Патканов. СПб., 1877.

2. Гаджиев М.С. Между Европой и Азией: Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала, 1997.
3. Гаджиев М.С. К вопросу о местоположении сасанидского города Шахристан и Йездигерд // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.
4. Петров А.М. Великий шелковый путь: О самом простом, но малоизвестном. М., 1995.
5. Кудрявцев А.А. Феодалный Дербент: Пути и закономерности развития города в VI – середине XIII в. М., 1993.
6. Рубрук Г. де Путешествие в Восточные страны // / Дж. дель Плано Карпини. История монголов. 3-е изд. / Г. де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. 3-е изд. / Книга Марко Поло. 4-е изд. Вступит. ст., комментарии М.Б. Горнунга. М., 1997.

Касими С.А.,
доктор философии по искусствоведению, ведущий научный сотрудник,
Институт архитектуры и искусства НАНА, г.Баку

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНОЛОГИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье утверждается, что устный традиционный фольклор, народно-песенное творчество, художественные и археологические памятники являются основными источниками изучения истории азербайджанской культуры.

Ключевые слова: Музыкальная история Азербайджана, фольклор, страны Ближнего Востока

Kasimi S.A.,
PhD, associate Professor of NASA, Baku

THE HISTORICAL CHRONOLOGY OF AZERBAIJAN MUSICAL CULTURE

Summary. The article provides, that oral traditional folklore, folk song creativity, fiction and archaeological monuments are the main sources of the study the past of Azerbaijani culture.

Key words: musical history of Azerbaijan, folklore, Middle East countries

Музыкальная история Азербайджана является частью понимания древнего прошлого Азербайджана. общепризнанные особенности развития Азербайджана благодарны за специфическую музыкальную культуру азербайджанского народа. Трудности изучения древней музыкальной культуры Азербайджана напрямую связаны с отсутствием ведущих источников и косвенных ссылок. Устный традиционный фольклор, народно-песенное творчество, художественные и археологические памятники являются основными источниками изучения истории азербайджанской культуры.

Широкий и сложный международный торговый узел стран Ближнего Востока, безусловно, пришел в Азербайджан. Латинская и греческая надпись была обнаружена на скалах Гобустана в конце первого века о Домициане, XII Римском легионе, находящемся на берегу Каспийского моря. Великий норвежский исследователь и путешественник Тур Хейердал в своих научных открытиях делает особое место для описания лодок Гобустана и рассматривает сходство с шумерской культурой. Он также заявил, что цивилизация Аравийского моря связалась с Гобустаном. Хазары - одна из древнейших и наиболее распространенных этнических групп в Восточном и Центральном Закавказье. Согласно древним и древневосточным источникам, за время существования правления Ахеменидов (VI-IV вв. До н.э.) они установили этнокультурные отношения со своими близкими соседями, а также с народами, которые были относительно далеко от них.

Кашей Н.А.,
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии НовГУ, г. Великий Новгород

ДИАЛОГ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПЛЮРАЛИЗМА

Аннотация. Обращение к диалогу как культуре современного социально-политического взаимодействия связано с характером нынешнего периода развития цивилизации, его отличие от предыдущих состоит в том, что впервые объектом человеческой деятельности становится формирование сознания. Предпринимаемое исследование диалога в понимании классика политического плюрализма Х. Арндт способствует взаимопониманию и взаимной толерантности людей, представляющих различные политические взгляды, и может оказать помощь в социально-политическом конструировании эффективных каналов межкультурной и межпартийной коммуникации. В настоящей работе осуществлен анализ политики как совместного диалога и, исходя из представлений Х. Арндт о действии как взаимодействии, обозначены возможности и границы причастности к политике.

Ключевые слова: политическая риторика, гражданское общество, плюрализм, совместное политическое, мнение, власть, Ханна Арндт

Kashchey N.A.,
Doctor of Philosophy, Professor, Novgorod State University, Veliky Novgorod

THE DIALOGUE IN POLITICAL CULTURE OF PLURALISM

Summary. Appeal to the dialogue as a culture of modern sociopolitical interaction is associated with the nature of current period of civilization development. Its difference from the previous ones is that for the first time the formation of consciousness becomes an object of human activity. An ongoing study of the dialogue in the perspective of the classic of political pluralism H. Arendt promotes mutual understanding and tolerance of people representing different political views. It can assist in the sociopolitical construction of effective channels of intercultural and interparty communication. This paper analyzes politics as a joint dialogue and, according to H. Arendt's views on action as interaction, identifies opportunities and limits of involvement in politics.

Key words: political rhetoric, civil society, pluralism, political sharing, opinion, power, Hannah Arendt

Смысл существования современного общества состоит в укреплении жизнеспособности социума путем роста его самоорганизации, это предполагает не только свободную самореализацию индивидов, их потребностей и интересов, но и стремление этих индивидов "к экспансии в сферу политики, где решаются важнейшие вопросы жизни общества" [2, с. 136]. Эта экспансия наиболее ярко нашла отображение в специфическом явлении современной политической жизни, которое принято называть плюрализмом.

Мы, конечно, не будем здесь предлагать готовых рецептов по разрешению основных политических коллизий современного плюрализма, а попытаемся говорить о связи между политикой и диалогом в гражданском обществе как необходимом условии их разрешения. Вместе с тем, не вызывает сомнений тот факт, что диалог в политике выполняет множество функций, которые либо отменяются, либо существуют - в зависимости от избранных целей - в различных социально-политических практиках. То, что всегда может выполнять диалог в политике, есть работа по конституированию исключительного и особенно представительного политика в лице общественной подсистемы, а наличие плюрализма ведет к зависимости от степени интенсификации общественного сознания. Необходимо политически гарантировать не только плюрализм мнений о целях деятельности, но и вместе с тем так же необходимо обеспечить поиск механизмов интеграции и координации, в которых осуществляется политическая деятельность общества. В нашу задачу входит исследование политики как совместного диалога, в котором осуществляется политическая речь, конкретизируется открытость общества, обозначаются возможности и границы причастности к политике, в качестве примера выступает неоаристотелевски окрашенная теория политического плюрализма Ханны Арндт. Аристотелевская дефиниция человека как разумного и политического суще-

ства в арендтовской интерпретации сводится к его способностям говорить и действовать. Разговор, который вызывает мыслительную или реальную деятельность по изменению политической практики, является риторическим и порождает совместную политику. Действие и речь требуют для своего осуществления внешней локализации так же как слух и зрение людей. Чтобы действие и разговор были общедоступными, эта «внешняя локализация» должна быть «общественным пространством».

Если люди хотят совместного разговора друг с другом, если они хотят со-трудничать, то они должны выходить из «своих четырех стен» и «со-бираться». Только если они покидают «сферу частного», они имеют возможность участвовать в общественном разговоре и деятельности. Это двояко предполагает, что они могут и хотят. «Со-бирают-ся» предполагает прежде всего «свободу передвижений», которая принадлежит к «самым элементарным и самым важным из негативных свобод; так как городские стены и национальные границы служат всегда только одной цели выделять и разграничить пространство, в пределах которого человек может передвигаться свободно» [3, с. 354].

Человеческое общество коммуникативной свободы и равенства предполагает наличие публичного форума, в котором сосуществуют различные платформы и позиции, даже те, которые никогда не совпадают. Только в разнообразии перспектив существует общий мир, который «конструируется» со-бранными, поскольку они способны к «принятию перспективного». Ханна Арендт различает речь и разговор как понятия политического языка. «Свобода слова и мысли, как мы их понимаем, являются неотъемлемым правом индивидуума выражать самого себя и собственное мнение, чтобы поставить себя на место другого, убедить его, разделить с ним свою позицию» [3, с. 56]. В другом месте она говорит: «Жизнь-в-действительном-мире и советная-о-ней-речь являются в основе одним и тем же, и частная жизнь греков проявлялась «по-идиотски», так как ими это разнообразие речи-о-... было отклонено, а вместе с тем и опыт, приближавший действительный мир» [3, с. 52]. «Речь» - в отличие от только физиологического «разговора» - означает ориентированную на понимание языковую деятельность людей. Поэтому «разговор-друг-с-другом» - или как это иногда называется: совместная речь - является подробным, но точным наименованием диалога. Свобода слова предполагает и то и другое: свободу беседы и свободу речи. У Ханны Арендт речь идет в первую очередь о риторике диалога или беседы.

Способность взглянуть одну и ту же вещь с самых различных точек зрения составляет мир человека, и позволяет обмениваться местами с другими, находящимися в том же мире, такая истинная свобода действий достигается в мире духовного, который параллелен миру физического. Убеждать другого и со-убеждаться является политическим способом существования свободных граждан полиса. Так Ханна Арендт рассматривает главную политическую добродетель, которая у Аристотеля называется «*phronesis*», в латинском варианте «*prudencia*», а в немецком языке XVIII столетия чувством солидарности «*der Gemeinsinn*». Эта «мировая мудрость» - как она её интерпретирует - не противостоит «софии», идеалу мудрости философов, и основывается скорее не на концепции истины, а на докхе.

Ханна Арендт неоднократно описывает процесс беседы, говоря о нем как о «рассуждении или разъяснении» или как о «споре», выделяет характерные слабые стороны беседы: «Как ничто непрерывная беседа людей спасает человеческие дела от присущего им преходящего характера; но также беседа вновь порождает преходящее, если в ее результате не формулируются значимые понятия, которые должны стать для мышления и памяти дорожными указателями» [3, с. 283]. Она не только говорит о «радости откровенной беседы» [1, с. 99], но и показывает насколько коммуникация как форма и путь мышления противоположна «адвокатству», как она соотносится с логическим мышлением.

Если в переговорах добиваются консенсуса - греки называли этот процесс «*sympelthein*» - , тогда взаимно-договаривающиеся необходимо имеют равные права в политической деятельности и эта деятельность становится преимущественно деятельностью изегорической. Юридическая тождественность (*isonomie*) и свободой митингов и собраний (*isegorie*) являются основами свободы слова и понимались как свобода диалога, как свобода:

«все дела регулировать посредством совместной речи и во-взаимном-само-убеждении» [3, с. 39].

Вывод. Предпринятое краткое знакомство со структурным описанием и методами анализа риторических стратегий социально-политического взаимодействия на примере Х. Арендт позволяет человеку и социальным группам перестать быть жертвами манипулирования, пассивными объектами, дает знание, необходимое для человека в современном демократическом обществе и формирует культуру современного политического диалога.

Библиографический список:

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И. В. Борисовой; под ред. М. С. Ковалевой. М.: Центрком, 1996. 672 с.
2. Ачкасов В.А. Политическая нация и гражданское общество в современной России // В поисках гражданского общества (Серия "Научные доклады"; вып.5). Великий Новгород: НовГУ, 2008. 400 с.
3. Arendt H. Wahrheit und Lüge in der Politik. - München: Minerva-Publikation 1987. 487 S.

Киселев М.Ю.,

кандидат исторических наук,
Архив Российской академии наук, г. Москва

К ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА: РУКОПИСЬ А.И. ТАМАЯ В АРХИВЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Аннотация. В статье представлена информация о сохранившейся в Архиве Российской академии наук рукописи научной работы А.И. Тамая «Дагестан к концу XVI века», датируемой 1934-1935 гг., а также рецензии на нее советского историка-востоковеда И.П. Петрушевского. Ученый считал, что одним из неразработанных вопросов в истории Дагестана являлся вопрос о возникновении феодализма, с которым связано понимание, в частности, социальной сущности имамата, характера колониальной политики царизма. Буржуазные исследователи старались отрицать существование классового феодального общества, выделяя совокупность родовых отношений. В своей работе А.И. Тамай на основе исторических источников показал, что в Дагестане задолго до XIX в. сложились феодальные отношения, которые не были результатом воздействия внешних сил или иноземного влияния и уходили вглубь веков. Научное исследование А.И. Тамая показало тесную взаимосвязь истории и культуры Дагестана с развитием как пограничных азиатских государств, так и общим формированием феодализма в мире.

Ключевые слова: история, Дагестан, А.И. Тамай, архив, Российская академия наук

Kiselev M.Yu.,

Candidate of Historical Sciences,
Archive of the Russian Academy of Sciences, Moscow

TO THE HISTORY OF DAGESTAN: AI MANUAL TAMAYA IN THE ARCHIVE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Summary. The article provides information on the manuscript of A.I. Tamaya "Dagestan by the end of the XVI century", dated 1934-1935, as well as reviews of the Soviet orientalist I.P. Petrushevsky. The scientist believed that one of the unexplored issues in the history of Dagestan was the question of the emergence of feudalism, which is connected with the understanding, in particular, of the social essence of the Imamate, the nature of the colonial policy of tsarism. Bourgeois researchers tried to deny the existence of a class feudal society, highlighting the totality of tribal relations. In his work, A.I. Tamai, on the basis of historical sources, showed that in Dagestan long before the XIX century. Feudal relations developed that were not the result of external forces or foreign influence and went back centuries. Scientific research A.I. Tamaya showed a close relationship between the history and culture of Dagestan with the development of both the bordering Asian states and the general formation of feudalism in the world.

Keywords: history, Dagestan, A.I. Tamai, archive, Russian Academy of Sciences

В Архиве Российской Академии наук - одном из крупнейших и старейших архивохранилищ России, хранятся документальные комплексы учреждений и организаций Академии наук и фонды личного происхождения ученых, по истории российской и зарубежной науки и культуры. В фонде Института истории Коммунистической академии ЦИК СССР сохранилась два варианта рукописи (машинопись с рукописной правкой) научной работы А.И. Тамая «Дагестан к концу XVI века» [1, с. 1-137]: первый вариант рукописи датируется 8 июня 1934 г., второй вариант - 10 апреля 1935 г. Отложилась также рецензия на работу А.И. Тамая советского историка-востоковеда И.П. Петрушевского (1898-1977), датируемая 27 ноября 1934 г.

Научное творчество востоковеда и архивиста А.И. Тамая (1897-1986) неразрывно связано со становлением и развитием исторического дагестановедения. В своей научной работе ученый подчеркивал, что практически отсутствовал полный курс истории Дагестана, в результате чего исследователи пользовались материалами «буржуазно-помещичьих историков или рассказами стариков, то есть питались недоброкачественной пищей». Он считал, что одним из неразработанных вопросов в истории Дагестана являлся вопрос о возникновении феодализма, с которым связано понимание, в частности, социальной сущности имамата, характера колониальной политики царизма. Буржуазные исследователи старались отрицать существование классового феодального общества, выделяя совокупность родовых отношений: в качестве примера он приводил работу М.М. Ковалевского [3, с.137].

В работе представлены сведения о тухумах (дагестанское понятие рода), джамаатах (общинах), пережитках «аграрного коммунизма» - общинном пользовании землей [5, с.5-6], что указывало на существование доклассового общества. Ученый отмечал, что развитие земледелия, скотоводства, промышленности и торговли усилилось после того, как Северный Дагестан попал под власть Золотой Орды, а Южный Дагестан – под власть государства Персидских монголов. В результате к концу XV в. Тухумно-джамаатский общинный строй Дагестана постепенно подвергался разложению и в его недрах все более заметно стали выступать черты новых общественных отношений – феодализма. Усиливалось значение семьи: в семейную собственность переходили земля, скот, инвентарь и движимая собственность.

Ислам, успевший распространиться и укрепиться в Дагестане, не мог не оказать влияния указанные тенденции. При этом с началом применения рабочей силы рабов отдельные хозяйства стали выделяться как зажиточные. В результате начала образовываться местная аристократия, владевшая большим количеством скота и собственными земельными участками. Наряду с этим оформлялась «пришлая» знать. Поставленные завоевателями Дагестана правительственные чиновники становились все более влиятельными, присваивая налоги и судебные пошлины, и постепенно превращались в феодалов, чему способствовало постепенное укрепление ислама. Опираясь на наиболее зажиточную верхушку племени, им кое-где удавалось сделать свою власть наследственной и добиваться ханского звания. В то же время в Дагестане еще были сильны старинные родовые связи и общинные традиции.

Ученый отмечал, что между отдельными хозяйствами и районами Дагестана постепенно завязывался натуральный обмен сельскохозяйственными продуктами, а также устанавливались экономические связи со странами, прилегающими к Каспийскому морю, в первую очередь Россией, Персией и Турцией [4, с. 462-464]. Стали появляться немногочисленные ремесленники: кузнецы, гончары, ткачи, а также развивалась торговля скотом и лошадьми. Дагестанская аристократия становилась могущественной социальной силой, сосредоточившей в своих руках средства производства и землю [2, с. 89]. В результате обострились классовые взаимоотношения и происходили кровавые столкновения эксплуататоров с крестьянами. К концу рассматриваемого периода в Дагестане имелись многочисленные феодальные владения, находившиеся в вассальной зависимости от Турции, Персии или России.

По мнению А.И. Тамая, в условиях натурального хозяйства не могла сложиться городская буржуазия. Что касается духовенства, то оно играло роль идеологов феодалов и пользовалось с их стороны большим уважением. Негосударственный сход (меджлис) становился полицейско-административным органом феодала. Соседние с Дагестаном государства (Тур-

ция и Персия) всячески старались им овладеть, расположить дагестанских феодалов на свою сторону, привести их в вассальной зависимости, боролись за монопольное владение всеми плодородными землями и доходными торговыми путями Передней Азии и Дагестана.

Касаясь вопроса о религии, ученый утверждал, что ислам, защищавший долгое время в Дагестане интересы арабского феодального класса и торговой буржуазии, с конца XVI в. распространился, укрепился и выполнял роль «охранения господства дагестанского феодального класса над трудовым крестьянством». Дагестанские феодалы, видевшие в суннитском исламе своего надежного союзника, предпочитали быть под покровительством Турции, где он являлся официальной религией. Трудовое население Дагестана наивно симпатизировало турецкому султану и терпимо относилось к Турции. Население Дагестана относилось к Персии определенно враждебно: духовенство и феодалы под лозунгом борьбы против шиитов-еретиков восстанавливали трудовое дагестанское население против Персии в пользу Турции.

С завоеванием Россией Астрахани дагестанские феодалы получили возможность найти покровителя и на севере, в лице Великого Князя Московского. В то же время, трудовое мусульманское население Дагестана и духовенство, особенно его низкий слой, явно враждебно относились к христианскому крепостническому Московскому государству. В заключение, ученый констатировал развитие феодальных отношений в Дагестане к концу XVI в., сопровождавшихся обострением классовой борьбы. Развитие феодальных отношений привело к установлению взаимоотношений между Дагестаном и соседними феодальными монархиями – Персией, Турцией и Россией.

В своей работе А.И. Тамай на основе исторических источников показал, что в Дагестане задолго до XIX в. сложились феодальные отношения, которые не были результатом воздействия внешних сил или иноземного влияния и уходили вглубь веков. Один из первых историков-востоковедов Дагестана А.И. Тамай был и остается ученым-первопроходцем, первым учителем многих дагестанских историков и архивистов. Научное исследование А.И. Тамая показало тесную взаимосвязь истории и культуры Дагестана с развитием как пограничных азиатских государств, так и общим формированием феодализма в Восточной Европе и передней Азии.

Библиографический список:

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 359. Оп. 2. Д. 251.
2. Бакиханов А.К. Гюлистан Ирем. Баку, 1926.
3. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 2. М., 1890.
4. Олеарий А. Описание пути в Московию через Москву в Персию и обратно. СПб, 1906.
5. Сборник сведений о кавказских горцах. Выпуск II. Тифлис, 1869.

Котова Е.Г.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры
английской филологии и переводоведения,

Государственный гуманитарно-технологический университет, г. Орехово-Зуево

Савельева Е.Б.,

кандидат филологических наук, доцент
кафедры романо-германской филологии,

Государственный гуманитарно-технологический университет, г. Орехово-Зуево

СПЕЦИФИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИСКУРСА «МОДА»)

Аннотация. В данной статье рассматривается лексическая составляющая группы цветоименований на примере языка моды. Особо подчеркивается тот факт, что в любой национальной культуре цветообозначения отражают природные и социальные ценности и одновременно являются рефлексорами культурно-национального наследия народа.

Ключевые слова: цвет, цветообозначение, образные средства, национальная культура

Kotova E.G.,
Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor State University of Humanities and Technology,
Orekhovo-Zuyevo

Saveleva E.B.,
Ph.D. in Philology, Associate Professor, State University of Humanities and Technology,
Orekhovo-Zuyevo

SPECIFICITY OF COLOR MEANINGS IN THE MODERN ENGLISH LANGUAGE (BY THE MATERIAL OF DISCOURSE "FASHION")

Summary. This article discusses the lexical component of the group of color names by the material of discourse "fashion". The fact that in any culture color terms can reflect natural and social values as well as cultural and national heritage of the people is particularly emphasized.

Key words: color, color terms, lexical devices, native culture

В жизни практически любого человека любой национальности цвет имеет огромное значение, и поэтому вопрос о роли цветообозначений в процессе взаимодействия человека с миром остаётся актуальным, независимо от временных рамок. Мода всегда являлась и является важной частью жизни человека. Посредством моды человек проявляет свое отношение к окружающим людям, миру и к самому себе [1].

Цвет – это единица культуры, которая может быть дифференцирована по возрастным, гендерным и социальным пристрастиям [4].

Главный цветовой код из шести/семи цветов обслуживает культурологию и психологию, религию и светскую власть. Символика цвета составляет взаимодействие цвета и света, яркости и градации цветовых оттенков. Цвет является основой, фундаментом, так как выражает внутренние стороны стиля, умения одеваться согласно национальным традициям и модным течениям. При помощи необычных цветовых решений можно придумать новый модный стиль или дополнить собственный, национальный.

Цветовая картина мира настолько богата и разнообразна, что лексическая группа «цветонаименования» часто является объектом исследований лингвистов. Нестандартность и уникальность обозначения цвета в языке, прежде всего, определяется ассоциациями, которые складываются в процессе восприятия окружающего мира в национальном сознании народа на протяжении многих столетий. Цветообозначения в этой группе, безусловно, занимают главенствующее место.

Модернизация мировой моды, в первую очередь, зависит от изменения цветовых оттенков, тем самым требуя постоянного добавления новых слов, обозначающих уникальные цветовые нюансы. В языке моды значимо максимально конкретное присвоение названия детальному оттенку цвета. Это ведет к активному использованию цветообозначений, зачастую не соответствующих их общепринятому употреблению. Подобные слова и выражения призваны заинтересовать человека своей новизной и необычным сочетанием слов, иногда объединяя далекие друг от друга понятия, например, *raraa whip* - побег папайи (светло-бежевый).

Именно в языке моды происходят постоянные изменения и инновационные процессы, используемые в описании мирового цветового пространства [2]. Как правило, они требуют рассмотрения и всестороннего анализа с точки зрения разных направлений языкознания, таких как лингвопрагматика, семасиология, гендерная лингвистика и др.

Нельзя отрицать тот факт, что мода ранее не манипулировала с цветом, «не играла» с ним. Уже в XIII веке мода пыталась присваивать цветообозначениям самые невероятные метафорические названия, например, основные цвета получили следующие метафорические оттенки: красный цвет – «свекольный», «кровавый», «гранатовый»; синий – «васильковый», «сапфировый», «небесный», жёлтый – «канареечный», «лимонный», «соломенный»; зелёный – «малахитовый», «салатный», «изумрудный» и т.д.

Современная мода, обращаясь к резервам человеческой памяти, превратила цвет в культурную единицу цивилизации и технического прогресса, делая невозможные сочетания возможными. Цветообозначения в моде уже не ограничены определенными рамками, в их названиях присутствуют метонимические иносказания.

Например, *lemon chiffon* - лимонный воздушный кекс (нежно-жёлтый цвет), *lavender blush* - лавандовый румянец (нежно-сиреневый), *peach puff* - персиковая слойка (нежно-оранжевый), *sea shell* - морская ракушка (бледно-розовый) и даже *Gainsboro* - Гейнсборо (в русском языке нет эквивалентного названия этому цвету, но в справочнике «Все цвета и оттенки» [4] он представлен светло-серым) и др.

С одной стороны, мир цвета огромен и разнообразен, но с другой, не все цвета точно передают оттенки и структуру цветов. Пытаясь вызвать к жизни новые тона, современная мода работает с оттенками цвета, плодотворно используя многозначность языковых единиц [3].

Приведем примеры различных цветовых оттенков из современных английских журналов моды на примере красного цвета и его оттенков:

- *Indian Red* – индийский красный;
- *Pale violet red* – бледный сиренево – красный;
- *Crimson* – малиновый.

На сегодняшний день цветообозначение представляет собой комбинированный компонент рекламного обращения, вследствие которого цвет обретает значимое место в тексте.

Рассмотрим рекламу модных в осенне-зимнем сезоне 2018 года красных, синих и серых оттенках. С их помощью можно представить практичность оценки воздействия современного языка на потребителя.

«*Flashes of colour - bright tangerine, shocking pink, tomato red - are illuminating the sea of navy, grey and khaki at the autumn/winter 2018 men's shows in Paris. Take inspiration from the pros and enliven your January wardrobe via the street's best shots, courtesy of Vogue's roving photographer Jonathan Daniel Pryce*» («Вспышки цвета - ярко-мандариновый, ярко-розовый, красный помидор – сияющие темно-синий, серый и цвет хаки на шоу мужской моды в Париже в осенне-зимний сезон. Вдохновляйтесь плюсами и оживляйте ваш январский гардероб с помощью лучших снимков «стрит стайла») [5].

В данном примере наблюдается довольно обширный спектр образных средств для обозначения красного цвета. Он передает всю разносторонность чувственной природы. Каждый оттенок цвета подкрепляется наречием, что способствует усилению передачи оттенка цвета.

Например: *bright tangerine*- ярко-мандариновый, *shocking pink*-ярко-розовый. Именно в этом примере оттенки красного передают тепло, экспрессию и объединены в метафоричное утверждение «*flashes of colour* - вспышки цвета».

Вышесказанное ещё раз доказывает, что обозначения цветов в любой национальной культуре являются рефлексорами природных и социальных ценностей, культурно-национального наследия народа и когнитивных моделей коммуникации современного общества.

Библиографический список:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М., 1999. С. 50.
2. Воевода Е. В. Цветовосприятие и ассоциативные поля в русском и английском языках / Научный Вестник ВГАСУ., 2012. С. 113-123.
3. Нюбина Л.М. К вопросу об обозначении цвета в моде (на материале немецкого языка) <https://cyberleninka.ru/article/v/k-voprosu-ob-oboznachenii-tsveta-v-mode-na-materiale-nemetskogo-yazyka>
4. Все цвета и оттенки. <http://my-en.ru/helper/colors-and-shades.php>
5. VOGUE.RU: <http://www.vogue.co.uk/gallery/paris-mens-street-style-2018>

Кочеков В.Ф.,
кандидат педагогических наук, доцент
кафедры «Музыкальное образование»
Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск

ТАТАРСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В КУЛЬТУРНОМ АРЕАЛЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье рассматривается состояние татарской национальной культуры в Челябинской области. Представляются мероприятия, способствующие успешному сохранению традиций татарского населения, организации, участвующие в данном процессе. Дается перечень творческих коллективов, внесших значительный вклад в деле возрождения и сохранения татарской культуры Урала, национальных обычаев, родного языка.

Ключевые слова: татарская национальная культура, традиции, обычаи, татарское творчество

Kochekov V.F.,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of ChGIK, Chelyabinsk

TATAR NATIONAL CULTURE IN THE CULTURAL AREA OF THE CHELYABINSK REGION

Summary. The article discusses the state of the Tatar national culture in the Chelyabinsk region. Presents activities that contribute to the successful preservation of the traditions of the Tatar population, organizations involved in this process. A list of creative groups that have made a significant contribution to the revival and preservation of the Tatar culture of the Urals, national customs and native language is given.

Key words: tatar national culture, traditions, customs, Tatar creativity.

Уральский регион имеет богатую историю, связанную с формированием и развитием культуры, которая во многом отличается от общероссийской по различным факторам. Культура Челябинской области многообразна, уникальна, имеет свои специфические черты, своеобразие, непохожесть, обусловленные целым рядом исторических, социально-экономических, демографических, религиозных и других факторов: «В регионе проживает 132 национальности и этнические группы, функционирует 50 национальных культурных центров» [2, с. 538]. Особое место занимает татарское население (по численности – 2 место после русского). Состояние татарской национальной культуры наглядно демонстрирует постоянное и бережное внимание государственных структур данного региона к национальному вопросу, к сохранению национальных традиций всех народностей, проживающих на территории Челябинской области.

В 1998 г. создается Конгресс татар Челябинской области, с целью объединения татар, проживающих в регионе, для поддержания языка и национальной культуры. В результате плодотворной работы организации появились бесплатные курсы татарского языка, в детском саду № 414 открыта татарская группа, в школе № 81 создан факультатив – изучение татарского языка, для учащихся младших классов. Вокальный коллектив «Тамчылар» (Капельки) объединил детей разных национальностей. В Челябинском государственном педагогическом университете студенты могли получить дополнительное образование по специальности «Татарский язык и методика преподавания». Проходят регулярные гастроли татарских музыкантов, артистов, встречи с писателями. Ежегодно, совместно с Министерством культуры, организуется фестиваль национальной песни «Уралым». При поддержке Министерства образования и науки Челябинской области проводятся вечера творчества Мусы Джалиля, «Тукаевские чтения». Созданы газета и телепередача «Хазина», рассказывающие о жизни татар Южного Урала, татарской культуре, литературе, искусстве и традициях.

В 2010 г. стартовал Национальный конкурс красоты и таланта «Татарочка». Цель проекта – представить не только внешнюю красоту татарских девушек, но и такие их особенности, как скромность, любовь и уважение к обычаям, традициям и национальной культуре.

Изучать историю татарского народа и языка, национальную культуру, традиции и обычаи, возрождать и развивать нравственные и моральные нормы – стало задачей Союза татарской молодежи, созданного в 2013 г.

Огромное внимание Конгресс уделяет различным регионам Урала, реализует десятки проектов для детей, молодежи и ветеранов. В 2014 г. в Челябинской области создается региональное отделение Всероссийской общественной организации татарских женщин «Ак калфак» – сохранение семейных традиций.

В областных городах не менее активно развиваются татарские традиции. В 1995 г. в городе Магнитогорске создан Дом дружбы Народов. Его деятельность направлена на собирание и пропаганду национальных культурных традиций, возрождение старины, этноса, ремесел народов и народностей, проживающих в городе и его окрестностях. На его счету конкурсы, фестивали, где многонациональный город представляют лучшие самодеятельные коллективы: Народный коллектив – ансамбль татарской песни «Сююмбике», ансамбль татарской песни «Сюмбеля», ансамбль татарской песни «Йолдыз», образцовый коллектив ансамбль татарской песни «Раушан», дуэт «Дуслар, детский вокальный ансамбль «Чишма» и др.

Ансамбль «Гузель», созданный в 1992 г. на кафедре музыкальной фольклористики Челябинской государственной академии культуры заслуженной артисткой России Н.З. Хабибуллиной – яркий представитель татарского творчества. Коллектив стал уникальным среди учебных музыкальных коллективов, своеобразной творческой лабораторией для студентов, его творчество направлено на возрождение национальной татарской и башкирской культуры Урала. В репертуаре ансамбля татарские, башкирские песни, обряды и композиции. Ансамбль – победитель конкурсов и фестивалей (Гран-при и звание лауреата в конкурсе «Уралым», диплом лауреата I степени в открытом Межрегиональном фестивале «Урал сандугачы» в г. Екатеринбурге, дипломат Международного телевизионного конкурса «Татар моңы» в г. Казани и т.д.).

В районах Челябинской области так же с большим вниманием относятся к татарскому музыкальному творчеству. При Кунашакском районном доме культуры в 1990 г. создан вокальный ансамбль «Миляш». Ансамбль является участником и лауреатом конкурсов «Татар жыры», «Туган як», «Уралым», Межрегионального фольклорного фестиваля национальных культур.

В городе Верхней Уфалей в 2005 г. создан Коллектив «Шатлык». Коллектив награжден многочисленными дипломами за участие в фестивалях «Уралым», «Навруз», «Салют талантов», «Сабантуйная мозаика», «Ваше величество, бабушка», «Играй гармонь» и др. В репертуаре татарские, башкирские, русские народные и эстрадные песни, башкирские и восточные танцы, юморески. В коллективе занимаются дети 4-12-ти лет. Таким образом, происходит преемственность своей национальной культуры, являющейся основой формирования личности ребенка, его мировоззрения, духовной сферы.

В 1951 г. в городе Миассе организован известный коллектив «Уралым» (Яшлек): вокальный и танцевальный ансамбли. Творчество коллектива способствует формированию равенства народов, затмевает чувства национальной приниженности, так как в репертуаре песни и танцы различных народов мира.

С 2009 г. проводится Детский региональный конкурс исполнителей татарской и башкирской музыки «Уралым»: солисты, вокальные ансамбли и исполнители на народных инструментах: курае, кубызе, тальянке и др. Несмотря на малый возраст, участники знают родной язык, чтят национальные традиции.

Магнитогорский Дом дружбы и местная национальная автономия «Татар рухы» стали организатором традиционного городского фестиваля татарского песенного творчества «Хатер» (Память). Задача фестиваля – пропаганда татарской песни, национальных песенных традиций татарского народа, выявление талантливых исполнителей. По произведениям ве-

ликого татарского писателя Габдулы Тукая состоялся показ спектакля «Шурале». Не смотря на общее с балетом название, версия самодеятельных артистов значительно отличалась от оригинала. По режиссерскому замыслу Сарии Малюковой (руководитель коллектива «Раушан») в канву постановки были вплетены стихотворения Габдулы Тукая – «Сегодня праздник», «Твои руки», «Нации», «Родной язык», а так же фрагменты его публичных выступлений. Ярким украшением стали песни на музыку Рафаила Бакирова – «Улыбайся», «Традиции», «Скрипка», «Дети по ягоды», «Лебеди».

В Магнитогорском Доме дружбы народов ежегодно проводится праздник «Мавлид», посвященный дню рождения основателя религии Ислам пророку Мухаммаду. Это театрализованное представление из жизни пророка, цитаты ученых-богословов, фрагменты проповедей, выдержанных в традициях, сохраняемых веками. Исполняются «мунаджаты» – жанр татарского фольклора, содержание мунаджатов – обращение к Богу. Песнопения звучат в исполнении ансамблей «Каусар» (Райский источник) – молодежная группа татарского центра и «Каусария» – женского ансамбля.

Празднование Дня народного единства проходят в культурно-досуговом центре «Маяк», г. Озерска, регулярно собирающем представителей национальных музыкальных культур на открытый Областной фестиваль-конкурс татарского и башкирского искусства «Туган як» (Родные просторы).

Таким образом, в Челябинской области татарское творчество не теряет своих корней. Следовательно, имеются все стратегические возможности: «Сохраняя и развивая национальную специфику народов и регионов достраивать каркас единых интеграционных связей и отношений, способствующих формированию единства целей и воли всего российского народа» [1].

Библиографический список:

1. Козелько В.В. Многообразие национальных культур и интеграционные процессы в современном российском обществе // <https://cyberleninka.ru>.
2. Челябинская область: энцикл. Т. 4 / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск: Каменный пояс, 2008. С. 538.

Лях В.И.,
доктор философских наук, профессор
кафедры истории, культурологии и музееведения,
Краснодарский государственный институт культуры, г. Краснодар

ДИАЛОГ СОКРАТА В АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Аннотация. С греч. dialogos – беседа, разговор; в античной философии - литературная форма, употреблявшаяся для изложения проблем с помощью диалектики, ведет свое начало от Сократа. Излагать свое мнение, по Сократу, нужно только тогда, когда наступает определенный момент, т.е. тогда, когда все хотят услышать развернутое выступление.

Ключевые слова: диалог, Сократ, античная культура, Платон, философия.

Lyah V.I.,
Doctor of Philosophy, Professor, Krasnodar

SOCIAL DIALOGUE IN ANTIQUE CULTURE: TO THE HISTORY OF THE QUESTION

Summary. From Greek «dialogos» is conversation. conversation; in ancient philosophy, the literary form used to present problems with the help of dialectics originated from Socrates. Expressing your opinion, according to Socrates, is necessary only when a certain moment arrives, i.e. when everyone wants to hear a full talk.

Keywords: dialogue, Socrates, ancient culture, Plato, philosophy.

Диалог как средство коммуникации и условие взаимопонимания людей пронизывает всю нашу жизнь. В античной культуре диалог был литературной формой, использующейся для изложения проблем с помощью диалектики, «где созерцание преобладало над вслушиванием». Корни диалогической традиции уходят глубоко в древность. Как форма разговора, беседы, диалог есть у всех народов мира и особенно актуален в современном обществе.

Одно из определений понятия «диалог» принадлежит греческому историку философии Диогену Лаэртскому, который писал, что, диалог есть речь, которая соблюдает верность характерам и состоит из вопросов и ответов, связанных с философией или государственно-стью.

Сократ, вместе со своими учениками, в том числе Платоном, довели диалог до совершенства. В древности при обсуждении философских проблем этой форме отдавалось предпочтение [4]. К примеру, именно благодаря Сократу, диалог считался высокой степенью совершенства, почему и получил название «сократический диалог» [6].

Известно, что сам философ считал, что к нужному результату – «самосовершенствованию человека - приведет только устное общение и поэтому никогда не записывал свои мысли и идеи. Во время испытаний Сократом тех, «кто считал себя мудрыми» мыслитель привлекал к себе всеобщий интерес. Диалектику Сократа «знание о незнании» составляют ирония и майэвтика,

Он не учил, разрешал задавать ему вопросы, да и сам задавал их другим. Его считали мастером диалога, и в этом амплуа он выступает в трудах Платона и Ксенофонта. Так, Платон пытался воспроизвести дух сократовских диалогов, т.к. неоднократно был их свидетелем,

Философ хорошо понимал суть диалогического метода Сократа и сознательно не писал свои труды в форме трактатов. Именно Платон является автором оригинального философского явления – диалога – как мыслетворческого процесса поиска истины. Его считают создателем «текстов в лицах», «Диалогов», которые положили начало традиции «созерцания эйдосов». Его диалог отличается от живого диалога Сократа. Определенный в литературном тексте, он целенаправленно развивает конкретную идею.

Почти все его произведения изложены в форме диалогов, т.е. бесед, где основным действующим героем был Сократ. В его уста Платон вкладывал собственные мысли. Для достижения истины нужна была определенная организация диалога. Как герой платоновских произведений Сократ вел беседы с одним или несколькими собеседниками. Именно эта форма не позволяла ему выпячивать свое «я» [5].

Метод ведения диалога Сократ называл «майэвтическим, то есть облегчающим рождение истины». При помощи этого метода собеседник в форме вопросов и ответов в процессе беседы сам находил истину.

Спор софистов называли эристикой. Они пытались положить друг друга на лопатки с помощью беседы, которая построена на вопросах и ответах, т.к. все хотели достигнуть своей цели.

Структура известных диалогов, свидетельствует о том, что Сократ поступал по вопросно-ответной схеме. Он ввел понятия «ирония» и «майэвтика».

Задавая вопросы, выявляя противоречия, он помогал находить непротиворечивый ответ. Сократ считал, что помогает своим собеседникам родиться заново, познавая «всеобщее» как основу истинной морали.

Главным в таком диалоге философ считал познание того, что есть «нравственное». Это познание - предпосылка к нравственной жизни и достижения добродетели.

Диалогический принцип сократического диалога состоит из трех частей, а именно, процессуальности, познавательности и нравственности.

Следует отметить, что Сократ совершил переворот в философской манере изложения. К примеру, в доплатоновской древнегреческой философии (досократовской), излагались идеи в форме загадочно-афористическом мудром поучении, а также в стихах или прозе. Со-

крат живейшим образом представил диалог-разговор заинтересованных спорщиков как процесс рождения мыслей человека от заблуждения к истине.

Понимая сущность метода Сократа, Платон считал, что постижение истины неосуществима без определенной организации диалога. В отличие от Сократа он обращается к письменному диалогу, т.к. он предназначался для читателя как его участника, который разрешает задачу майэвтики и ставит окончательную точку в диалоге [5].

Можно констатировать, что в античном мире диалог немислим без постоянных вопросов, без поиска ответов на них, без споров, без извилистых приемов мысли, без изобретательности речи [1].

Этот образ говоруна,- писал А.Ф. Лосев,- спорщика, диалектика, ищущего истину с хитрым видом человека себе на уме, на все времена остался в сознании античного мира, вошел в историю вместе с софистами и Платоном как необходимая составная часть греческого духа, как порождение греческих народных глубин, как любимейший образ для Греко-римского общества в последующие времена. Без философских препирательств софистов, Сократа и Платона, было бы скучно в истории античной философии, без этой задорной диалектики, вечного искательства правды и истины не сложились бы античная философия и античная литература в том виде, в каком они воздействовали на всю последующую культуру и в каком мы ощущаем их еще и в XX в. [2].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что диалоговое пространство античного мира основано на творчестве Сократа, признающего плюрализм мнений, общечеловеческие принципы свободы личности, равноправии точек зрения. Тому подтверждение поговорка «В спорах рождается истина», отражающая суть диалога, того диалога, принципы построения которого были заложены этим философом.

Библиографический список:

1. Асмус В.Ф. История античной философии. М., 1965. 320 с.
2. Лосев, А.Ф., Тахо-Годи, А.А. Платон. Жизнеописание. М., 1977. 224 с.
3. Национальная философская энциклопедия // [URL:// http://terme.ru/termin/dialog.html](http://terme.ru/termin/dialog.html)
4. Философский энциклопедический словарь. – М., 1997. 576 с.
5. Шаповалов В.Ф. Основы философии. От классики к современности: учеб. пособие для вузов. М., 2000. 608 с.
6. Усалко О.В. Сократический идеал человека // [Вестник института комплексных исследований аридных территорий](http://vestnik-institut.ru/item.asp?id=25036836) 2010 № 1(20). С. 119-120 // [URL://http:// elibrary.ru/item.asp?id=25036836](http://elibrary.ru/item.asp?id=25036836)

Мамедханова Н.Дж.,

доктор филологических наук, профессор
кафедры Теории и мировой литературы, Бакинский славянский университет, г.Баку

ДИАЛОГ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ: АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ В ТВОРЧЕСТВЕ С.ЦВЕЙГА И Ф.САГАН

Аннотация. Наряду с теорией К.Юнга о глубокой и тесной связи архетипов с типологическими фигурами, А.Н.Веселовский впервые ввел в литературу «нейтральные» архетипы, содержащие в своей основе философско-поэтический аспект. В данной статье анализируется использование «нейтрального» архетипа «одинокой женщины» в произведениях С.Цвейга и Ф.Саган. В статье проанализирован ряд произведений обоих писателей, отмечаются выводы, к которым приходят С.Цвейг и Ф.Саган. Образ цвейговской женщины не завершен, ибо «одинокая женщина» - явление противостественное, дисгармоничное. Архетип сагановской одинокой женщины в основе своей – это результат ее свободы выбора действий, а не предначертание или результат несовершенство мироустройство.

Ключевые слова: французская литература, архетип, образ одинокой женщины, культурные традиции, С.Цвейг, новеллистика, Ф.Саган.

THE DIALOGUE OF CULTURAL TRADITIONS: ARCHETYPAL IMAGE IN THE WORKS OF S.ZWEIG AND F.SAGAN

Summary. Simultaneously with K. Youngs theory about deep and close connection between archetypes with typological figures, A.N. Veselovski discovered «neutral» archetypes, which contain philosophical and poetic aspect in this basis. In this article the using of «neutral» archetype of «lonely woman», in works by S. Zweig and F. Sagan is analyzed. The article analyzes a number of works of both writers, the conclusions that come S. Zweig and F. Sagan. Image Zweig's women is not complete because "a single woman" - a phenomenon unnatural, disharmonious. The archetype of Sagan's single woman is basically the result of her freedom to choose her actions, not the destiny or the result of the imperfection of the world order.

Key words: French literature, archetype, image of a single woman, cultural traditions, S. Zweig, short story, F. Sagan.

Поэтическая система художественной литературы с каждым новым периодом претерпевают определенные изменения. В связи с этим особенно актуальным становится концепция К. Юнга, который выдвинул гипотезу о том, что коллективное бессознательное состоит из мощных первичных символов – так называемых архетипов. Эти архетипические образы встречаются в культуре и литературе разных народов. Количество архетипов в коллективном, в бессознательном может быть неограниченным.

В настоящей статье делается попытка проанализировать использование «нейтрального» архетипа «одиноким женщины» в произведениях Стефана Цвейга и Франсуазы Саган. Цвейг – художник, который переключал трагические противоречия жизни из социальной сферы в область психологическую и не стремился прояснить причинно-следственную связь скрытой внутренней жизни людей. Описание неповторимых изгибов психологии личности – вот, что составляет несомненную силу его творчества.

Люди в новеллах Цвейга разобщены, у них нет духовной близости, и даже любовь оказывается обманом и призраком. И поэтому герои Цвейга – одиноки, живут в своем замкнутом мире, где каждый из них прячет свои внутренние переживания и чувства. И писатель мастерски сумел описать загнанные во внутрь чувства, показать смутные импульсы человеческой души, соединить их в единую страсть, в единый поток, который определяют их поступки. И все это в большей мере удалось ему сосредоточить в образе женщины, любящей, разлюбившей, покинутой – но всегда одинокой. И это одиночество ее – как часть всеобщего одиночества каждого. И это позволяет нам вывести это понятие – «одинокая женщина» – в архетип, в литературный архетип его творчества.

Женщина в произведениях Цвейга особенная – праведная или греховная – она всегда притягательна, и автор прощает ее, любит ее, хотя и обрекает на одиночество. Одиночество как ее вечный спутник, даже если формально она не одинока. Ибо она жаждет любви, хочет быть в любви, всегда в поисках чувств и почти всегда это только ее чувства, ее стремления, никакой отдачи взамен. Все оказывается химерой. Эта призрачность делает ее одинокой. Уже в ранней новелле «Страх» - главная героиня фрау Ирена пробует разрешить свой семейный конфликт и преодолеть неудовлетворенность жизнью в любовной интриге. Анализ психического состояния героини, страх перед возможными разоблачениями, смена ее настроений интересовала Цвейга намного больше этической проблемы. Любовная связь с человеком, который оказался ничтожным и заурядным, душевное потрясение героини – и как следствие подспудно – несостоятельность вот, что интересует писателя и становится важной темой его зрелого творчества.

Новелла «Жгучая тайна» по точности и выверенности психологического рисунка одна из лучших у Цвейга. Несмотря на то, что разыгравшиеся в этой новелле события увидены глазами ребенка, мальчика Эдгара, они переданы полно и ненавязчиво. Здесь снова любовная интрига матери мальчика с неким бароном, искателем легких любовных забав. Очарование

дамы самовлюбленным аристократом, снова вечный поиск любви, чувств – все эти блуждания снова возвращают ее в лоно одиночества. Ибо все иллюзорно. Любовь, чья стремительная стихия подхватывает героинь цвейговских новелл, оказывается обманом и призраком. Она проходит через их сердца, оставляя после себя лишь пепел и сожаление. И об этом повествует одна из известнейших его новелл – «Письмо незнакомки». Главная героиня всю жизнь посвятила любви человеку, сделала его смыслом своего существования, но при этом не заняла никакого места в его жизни и сердце. Писатель правдиво и просто рассказал о трагической судьбе женщины, о силе ее любви и бессилии перед фатальной разобщенности людей, что привело ее к полному одиночеству.

Не события действительности движут сюжет новелл Цвейга, а внутренние колебания и вспышки страстей его героев. Яркий пример тому новелла «Двадцать четыре часа из жизни женщины», а скорее «Двадцать четыре часа из жизни одинокой женщины», стремящийся любить и быть любимой, готовой на самопожертвование и нарушившей во имя спасения гибнущего человека нормы общепринятой морали. Но Цвейг истинно сострадает всем своим героиням, вне зависимости от их характера, социальной принадлежности, ошибок. Он очарован женщиной и понимает, что красоту ее может пробудить любовь, и поэтому создает вокруг нее ауру красоты, отображающая глубокие движения души, выявляет ее внутренний свет, – рассеянный, развивающийся во все стороны – противопоставляя его мужскому свету – более фокусированному, сориентированному на достижения.

Но образ цвейговской женщины не завершен, ибо «одинокая женщина» – явление противоестественное, дисгармоничное. Она должна любить и быть любимой, но шкала ценностей смещена, истинные чувства заменены интригой, флиртом. Для женщины мужчина очень часто является либо Богом, либо зверем. Когда Психея зажгла лампу, она ожидала увидеть зверя, но увидела Бога. Цвейговская героиня ищет Бога, находит зверя, что делает ее внутренне тотально одинокой. Но Цвейг, любя и преклоняясь перед ней, представляет женственность – как вселенское архетипическое явление.

Тема «одиночества женщины» проходит через все творчество и другой писательницы Ф.Саган, жившей в другой стране, в другую эпоху, что тоже дает нам возможность говорить об архетипе «одинокой женщины» в ее творчестве. Конечно, Ф.Саган, будучи женщиной, описывает ее по-своему. Как мужчина описывает женщину, женщина женщину описать не сможет, там нет любования вечной женственностью, божественным материнским началом. Но есть свой оригинальный, ни с чем не сравнимый, взгляд.

Здесь, так же как и у Цвейга – отсутствие истинной любви делает ее героинь одиночками. Но акцент будет смещен в другую сторону. Начиная с первого романа «Здравствуй, грусть», где героиня Сессиль беспечно прожигает жизнь и боится искренних отношений.

Неопределенностью ценностных критериев отмечен роман «Смутная улыбка». Главные герои – девушка Доменик и ее возлюбленный Люк, старше нее вдвое. Она любит искренне, пылко, а для него, опытного соблазнителя – это всего лишь одна из любовных связей без всякого продолжения. Доменик страдает, но не выдает своих чувств, она принимает его правила – никакого погружения в чувства, все поверхностно. И поэтому, чтобы ни делала героиня, все овеяно тоской и одиночеством, боль, зажатая вовнутрь. Отсюда и вопрос, который Доменик задает себе: «что ты сделала со своей жизнью? что ты хочешь с ней сделать?». Вопрос, на который она могла ответить только лишь – «Ничего». И от этого ее выбора остается лишь «смутная улыбка» и все, ничего, грусть и одиночество. И здесь Ф.Саган показывает, что закрытие истинной любви в себе – не случайность, а один из случаев всеобщего взаимного отчуждения, которое теперь стало почти закономерностью во взаимоотношениях между людьми.

Заметим, что в сагановских произведениях нет никакой вражды, надрыва, все вполне дружелюбно друг к другу. Но фактически все по-своему несчастны, нет ни одной счастливой пары и женщина всегда одинока.

В механизме человеческого общения что-то сломалось, и любовь здесь какая-то ненужная, а порой и неудачная связь между людьми. Все перевернуто в этом мире с ног на го-

лову, иными оказались и духовно-нравственные критерии, стирается грань между нормой и отступлением от этой нормы. И как следствие – возникает абсурд. И Саган искренне переживает отсутствие духовности, глубины настоящих чувств в человеческих отношениях. «Если мы будем пренебрегать душой, - пишет она в романе «Синеки на душе», - мы обнаружим в один прекрасный день, что она задыхается, просить пощады, «вся покрыта синяками».

Роман «Любите ли вы Брамса?» считается самой сагановской книгой, в которой рассматривается трагический разлад духовной и физической основ любви. Главная героиня романа Поль стоит перед выбором между двумя мужчинами. Обыденность, привычный формат отношений с низменными порывами или уход в орбиту сильных и глубоких чувств. И героиня делает свой выбор в пользу привычных, размеренных отношений, ибо любовь пугает ее потерей личной свободы и произвольных желаний. Эта незначительная фраза «любите ли вы Брамса?» оказывается не просто приглашением вместе послушать музыку, она пробудило в ней множество забытого.

А в самом деле – любит ли она Брамса? Любит ли она хоть что-нибудь? Способна она любить? И если Цвейг полностью снимал с женщин вину, за то одиночества, в котором она оказалась, за разрыв, ломку любовных отношений и заранее отпускал ей все грехи, так как считал, что искажены все нравственные ценности в самом обществе, то Ф.Саган, принимая несовершенство общества, тем не менее, к своей героине более жестка и не снимает с нее ответственности за то, что с ней происходит, ибо, когда ей даётся выбор, она делает ее в пользу привычной обыденности, нелюбви, что, несомненно, приводит ее к грусти, тоске, одиночеству. И в отличие от Цвейга, который только мастерски описывал и глубоко чувствовал трагедию одинокой женщины, но при этом нигде не видел просвета, пути, пусть даже спорного, ошибочного, преодоления этой дисгармонии, Ф.Саган в своем романе «Неясный профиль», хотя бы однажды попыталась его найти. Снова простая история, где главная героиня Жозе, как и другие сагановские героини, стоит перед выбором: богатый и влюбленный в нее Юлиус, покровительствующий ей и финансирующий ее журнал, но с которым чувствует себя безгранично одинокой, и обыкновенный сельский ветеринар, которого она полюбила. Ради любви к нему она готова все бросить и уехать в деревню. В отличие от романа «Любите ли вы Брамса?» здесь идет обратный процесс, хотя та же тема – одиночество, скука и любовь, а точнее обретение себя через любовь. Но этот путь, который проделала Жозе в стремлении к счастью, не был прост. Ей было что терять – могущественный делец, материальные блага. Но Жозе непроходимо скучала на комфортабельном пляже и счастливая утомленность не могла заполнить безнадежную пустоту сердца. Но встреча с Луи все перевернула: «Я перемахнулась из царства одиночества в царство любви... Снова во мне поселилось теплое живое существо – я сама, и теперь у моих шагов было направление, у слов – смысл, и то, что я дышу, теперь тоже имело свое оправдание».

Поселившись в окрестностях Парижа, она обретает свое счастье, забыв моральный надлом, который сопровождал ее в жизни в Париже и закономерно привел к бегству. Она как бы избежала опасности, не имеющего конкретного выражения, но куда более опасной чем те, которые поджидали ее до этого, она избежала одиночества. «Я едва не разделила жизнь с людьми, которых не люблю, едва не отдалась скуке, назвав ее другим именем».

Крайне важным представляется нам вывод Саган о том, что человек полностью самостоятельно отвечает за свои поступки и за свое одиночество, в том числе. И это позволяет нам полагать, что архетип сагановской одинокой женщины в основе своей – это результат ее свободы выбора действий, а не предначертание или результат несовершенство мироустройство.

Библиографический список:

1. Болен Д.Ш. Богини в каждой женщине. М.: София, 2007.
2. Саган Ф. Восемь романов. Спб: Кристалл, 1999
3. Цвейг С. Новеллы. Баку: Язычы, 1986

Мусаева А.Г.,
доктор философских наук по филологии,
ведущий научный сотрудник преподаватель АИЯ, г.Баку

ЗАРОЖДЕНИЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛЬНОЙ И КРОССКУЛЬТУРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. В США и в Канаде на рубеже XX-XXI веков мультикультурализм стал всеохватывающим фактором развития, и освещение картины современной американской литературы в аспекте влияния мультикультурализма существенно изменяет общее представление о ней. В данной статье анализируются причины зарождения кросскультурной и мультикультуральной литературы, а также рассматривается как творчество афро-американских, коренных американских, а также азиатско-американских писателей повлияло на появление новой культуры и литературы – кросскультурной и мультикультурной. И эта, новая модель постепенно заменяет прежнюю национальную/мировую литературу.

Ключевые слова: мультикультурализм, культура, эмигрантская литература, культурное пограничье

Musayeva A.G.

THE ORIGIN OF MULTICULTURAL AND CROSS-CULTURAL LITERATURE IN POSTCOLONIAL COUNTRIES

Summary. Multiculturalism has become an all-encompassing factor in development, in the United States and Canada at the turn of the 20th century. And the coverage of contemporary American and Canadian literature in the aspect of the influence of multiculturalism substantially changes the general notion of it. The article is devoted to the study of the emergence of multicultural literature in post-colonial countries. The article touches upon the problems encountered by ethnic minority writers. It is noted that the creativity of African American, Native American, Mexican American, and Asian-American writers influenced the emergence of a new culture and literature - cross-cultural and multicultural. And this new model is gradually replacing the old national / world literature.

Key words: multicultural, culture, migrant literature, cultural borderlands

В XXI веке мультикультурализм стал универсальным проектом, который включает в себя все мировые культуры на основе синтетических принципов. Следует отметить, что мультикультурализм затрагивает не только культуру, но и все остальные области в обществе.

При соприкосновении различных культур, каждая из них, с одной стороны, пытается сохранить свою целостность; а с другой, - каждая область данной культуры пытается проявить себя независимо. Культура всегда стремится к полной гармонии и пытается превратиться в цельную структуру. И когда мы говорим о культуре какого-либо народа, мы подразумеваем науку, тип мышления, литературу, музыку, обычаи и традиции.

Первоначальное определение понятия «культура» означало «возделывание земли», но позже к первичному значению прибавилось и ряд других значений, таких как - воспитание, образование, почитание. В наше время все значения сохранили свои значения, и в зависимости от требований в обществе одно из значений становится основным, но в тоже время и другие не исчезают, а наоборот дополняют основное значение и, одновременно демонстрируют духовно-моральный, интеллектуальный и технологический статус. При более углубленном исследовании понятия «культура» не утратило свое первичное значение «возделывание земли», и человек во всех своих проявлениях неразрывно связан со своей землей, то есть с Родиной. В своем историческом развитии культура прошла несколько этапов. Но нужно отметить, что различные цивилизации прошли эти этапы в разное время и с разной скоростью [2, с.392–403].

Культура первобытного общества сформировала отношения между людьми и, тем самым, были заложены основы культуры человечества. И в результате этого, зародились основы се-

мы, которая является ядром общества. В данный период были сформированы межродственные отношения, брачные нормы культуры и ритуалы.

Второй этап культурного развития общества связан с архаическим периодом. Культура развивается на цивилизационной основе. Архаическое общество строилось по этно-территориальному принципу. Культура носила мифологический характер. Отношения между людьми регулировались по принципу родственной мифологии и созданными ею традициями.

Третий период – составляет культуру Средневековья и монотеистических религий. Социальное регулирование проводилось в жизнь путем религиозного насилия. Четвертый период охватывает эпоху гуманизма и затем, научно-технической революции. В эту эпоху на первый план выходит индустриализация и технический прогресс, а в религии и даже искусстве ощущается кризис. Также нужно особо отметить начало процесса вестернизации или экспансии западноевропейской культуры на Восток и другие континенты и регионы; и этот процесс принял огромные масштабы в XX-XI веках. И наконец, пятый период – пост экономический, когда главную роль в обществе уже играют транснациональные компании и высокие технологии. Функция управления и регулирования находится в руках информационных агентств и масс медиа. В настоящее время, культура потеряла свой элитарный статус, и стала массовой.

Конец XX - начало XXI века можно характеризовать двумя основными факторами: время и место. Происходит очень интересное видоизменение этих двух факторов, в сравнении со всей предыдущей историей человечества: сокращение до минимума места с одной стороны; и виртуализация времени с другой. Таким образом, значительно ускорился процесс глобализации. А тем временем, говоря о глобализации, мы подразумеваем процесс объединения экономических, социальных и культурных норм, привычек и принципов. В наши дни глобализация, можно сказать, затрагивает все области общества, и особенно, культуру. В результате процесса глобализации появилась острая нужда в мультикультурализме, который вначале возник спонтанно, а затем ученые начали теоретически его обосновывать. В XXI веке мультикультурализм стал универсальным проектом, который включает в себя все мировые культуры на основе синтетических суждений. Следует отметить, что мультикультурализм затрагивает не только культуру но и все ей сопутствующие области. Неудивительно, что понятие мультикультурализма впервые появилось в США, которое является молодым государством и было создано на стыке нескольких культур. Известно, что в процессе формирования государства первостепенную роль сыграла англо-саксонская культура. Но не будем забывать, что англо-саксонская культура является неотъемлемой частью западной цивилизации и всегда имела тесные связи со всеми европейскими культурами, и поэтому, в формировании американской культуры с самого начала все они сыграли большую роль, входя в структуру англо-саксонской культуры. С другой стороны, представители европейских (французская, ирландская, немецкая, польская, итальянская, испанская и т.д.) и других (индийская, африканская, арабская и др.) культур, также, напрямую, без посредников принимали активное участие в формировании мультикультурализма.

В американской и канадской культуре проблематика, связанная с различиями и разнообразием всегда была намного ярче выражена, чем в других культурах и все эти моменты находят отражение в литературе данных стран. Проблема расовой и этнической идентификации становится одной из главных тем в литературных произведениях многих писателей. В связи с этим в американском мультикультурализме появился новый термин «культурное пограничье» (cultural borderlands). Этот термин стал культурным феноменом, когда рассматривается и описывается событие, ситуация на стыке двух культур, этносов. Существенным является, то, что граница в этом контексте не только разъединяет, но и объединяет [4, с. 394–400].

Огромную роль в становлении мультикультуральной литературы США сыграли афроамериканские авторы, и одним из самых ярких представителей этой плеяды был Фредерик Дуглас, он стал одним из первых аболиционистов и ораторов, боровшихся за права чернокожего населения США, и можно сказать положил начало и литературному пути и вдохновил

других афроамериканских писателей, своим романом «Я был рабом», где автор описывает тяжелую жизнь раба и его борьбу за свободную жизнь.

Хотелось бы отметить немаловажную роль писателей среди коренных американцев, которые своим творчеством обогатили мультикультуральную литературу США и Канады.

Одним из самых значительных писателей индейского происхождения является Н.С.Момадей. Он был награжден Национальной медалью, за проделанную огромную работу по сохранению культуры коренных американцев. Его роман «Дом, из рассвета сотворенный», снискал особую любовь у американских читателей, и получил признание у литературных критиков. Писателю было всего 30 лет, когда в 1968-ом году вышел в свет его роман, и литературоведы сразу объявили о рождении новой литературы коренных американцев. Как мы отметили выше, если творчество Фредерика Дугласа послужило толчком для зарождения и дальнейшего развития афроамериканской литературы; то творчество Н.С.Момадея вдохновило коренных американских писателей, для которых роман «Дом, из рассвета сотворенный» стал ориентиром для их дальнейшего творчества. В американской и канадской литературе появился термин «индийское возрождение» (Indian Renaissance) после выхода в свет данного романа.

И это неспроста, так как именно в этой книге впервые раскрылась и была описана борьба и стойкость американских индейцев за свои права и, особое мировоззрение, свои традиции, индейские ценности. В романе основным конфликтом становится столкновение этико-философских ценностей белых людей и коренных американцев.

Современный культурно-цивилизационный процесс, с которым связан феномен мультикультурализма невозможно представить без эмигрантской литературы. Основной чертой этой литературы была идея нации, чувство национальной принадлежности. Мигранты – писатели второго поколения занимают особую нишу в литературе, они ещё не полноправные американцы, канадцы, австралийцы и т. д; но уже оторваны от родной земли своих предков, и занимают в литературе промежуточное пространство. Писатель – мигрант разделен между обстановкой дома, воспоминаниями близких людей и совершенно иной средой, реальностью вне дома. И изучение, описание этого болезненного перехода является одной из важнейших задач писателей – мигрантов. Происходит очень интересный процесс появления чего-то совершенно нового, путем наращивания на различные корни «английского языка, культуры».

Хотелось бы упомянуть творчество писателей азиатского происхождения - мигрантов первого и второго поколения. Одним из таких писателей стала Эми Тан, родители которой переехали из Китая. Её романы посвящены проблемам идентичности китайцев в Америке. Эми Тан в своем творчестве пытается проанализировать жизнь выходцев из Китая в США, она описывает свой собственный опыт и синтезирует рассказы своей матери. Одним из самых популярных произведений Эми Тан стал роман «Сто тайных чувств», в котором автор сфокусировал свое внимание на взаимоотношениях двух сестер, старшая родилась в Китае, младшая в США. Благодаря интересному сюжету мы познаем мультикультуральную Америку, с её проблемами и трудностями. Младшая сестра стыдится своей старшей сестры, которая не может хорошо говорить по-английски, и не знает американских традиций и образа жизни. В тоже время, старшая сестра, постепенно вводит Оливию (младшую сестру) в богатый мир китайской культуры, рассказывая ей, китайские сказки, притчи, поверья, мифы и легенды. Автор демонстрирует объединение современной западной и азиатской культуры в лице двух сестер. Они создают азиатско-американскую самобытность. Читая роман, мы погружаемся в мир разносторонней китайской культуры перемещенной в новые условия, на примере истории одной семьи [1, с.141–154].

Итак, в США и в Канаде на рубеже XX-XXI веков мультикультурализм стал всеохватывающим фактором развития, и освещение картины современной американской литературы в аспекте влияния мультикультурализма существенно изменяет общее представление о ней.

И в связи с вышесказанным, нам хотелось бы отметить, что творчество афроамериканских, коренных американских, а также азиатско-американских писателей повлияло

на появление новой культуры и литературы – кросскультурной и мультикультурной. И эта, новая модель постепенно заменяет прежнюю национальную/мировую литературу.

Библиографический список:

1. Allen P.G. The Autobiography of a Confluence // I Tell You Now : Autobiographical Essays by Native American Writers / ed. by B.Swann, A.Krupat. Lincoln, Nebraska, University of Nebraska Press, 1987, p.141–154
2. Huntigton S. The clash of civilizations and the remaking of world order. London: Simon & Schuster, 1996, p. 392–403.
3. Mary K. New and old wars: Organised violence in a global era. Cambridge: Polity press, 1999
4. Усманова, А. Р. (2001) Культурные исследования // Постмодернизм: Энциклопедия. Минск, 2001, с. 394–400.
5. <https://superinf.ru/view>

Омарова Г.А.,

Старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин
Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала

КУЛЬТУРНЫЕ И ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ ДАГЕСТАНСКОГО НАРОДА КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ

Аннотация. Предметом данной статьи является изучение роли культурных и духовных ценностей, славной истории дагестанского народа как фактора противодействия религиозно-политическому экстремизму. На основе данной статьи, можно констатировать факт, что воспитание молодого поколения в духе морально-нравственных ценностей, знание подрастающим поколением истории и традиционной культуры дагестанского общества, может стать на пути эскалации религиозно- политическо- го экстремизма.

Ключевые слова: Дагестан, культурное наследие, духовные ценности, свобода, независимость, противодействие религиозно-политическому экстремизму.

Omarova G. A.,

Senior lecturer, Dagestan state university of national economy, Makhachkala

CULTURAL AND SPIRITUAL VALUES OF THE PEOPLE OF DAGESTAN AS FACTOR OF COUNTERACTION TO RELIGIOUS-POLITICAL EXTREMISM

Summary. The Subject of this article is the study of the role of cultural and spiritual values, the glorious history of the Dagestan people as a factor in countering religious and political extremism. On the basis of this article, we can state the fact that the education of the younger generation in the spirit of moral values, knowledge of the younger generation of the history and traditional culture of Dagestan society can be on the way of escalation of religious and political extremism.

Key words: Dagestan, cultural heritage, spiritual values, freedom, independence, counteraction to religious and political extremism.

Нет необходимости доказывать, что изучение молодым поколением культурного наследия имеет воспитательное значение. Оно помогает познать, как развивалась духовная культура, какие идеи и идеалы выдвигались в каждую эпоху передовыми людьми и какими духовно-нравственными ценностями жили ушедшие поколения, какие ценности они оставили нам. Особенно важно осмысление культурного наследия, которое, будучи квинт-эссенцией духовной культуры, обобщенно выражает сущность и достижения всех ее компонентов.

Прошлое в духовной культуре неотделимо от настоящего, оно не отмирает, а служит основой настоящего и оказывает на него влияние. Старое сохраняется не только в письмен-

ных источниках, но и в памяти народа. Много в духовной культуре, передаваясь по поколениям, становится традицией, которая отличается большой живучестью и влиятельной силой. Поэтому в сознании человека как бы наслаиваются идеи и представления различных эпох и направленности - позитивные и негативные. И те и другие влияют на человека, но в зависимости от того, какие идейные и нравственные представления превалируют в его сознании или какие факторы более весомы для него, больше импонируют ему в данное время. Поэтому очень важно обеспечить целенаправленное позитивное идейное влияние на неустойчивую и еще не определившуюся часть населения, в первую очередь на молодежь, которая в силу отсутствия жизненного опыта и особенностей характера сравнительно легко поддается негативному влиянию со стороны тех, кто пытается навязать ей свое видение жизни и происходящих в ней процессов.

Следует подчеркнуть, что в культурном наследии народов Дагестана имеется немало ярких страниц, которые представляют национальную гордость и которые можно с большой эффективностью использовать в патриотическо-пропагандистской и воспитательной работе. Одной из главных традиций является традиция преданности идеалам свободы и независимости своего края. Народы Дагестана жили в районе, прилегающем к Каспийскому морю и Прикаспийской низменности, к завоеванию которого стремились грозные мировые завоеватели: тимуриды, татаро-монголы, персидские шахи, османские султаны, крымские ханы и царские власти России. Поэтому история народов Дагестана была историей непрерывной борьбы за свою свободу и независимость.

Благодаря этой борьбе дагестанцы сохранили себя как народность, свою самобытную культуру. Эта борьба имела огромное значение для пробуждения национального самосознания горцев. Об этом говорят многочисленные народные песни, которые передаются из поколения в поколение. В них выражается благодарность историческим героям, которые проявили беззаветную любовь к родине и готовность пожертвовать собой во имя ее свободы. Не забывает дагестанский народ их имена - «дагестанской Жанны Д'Арк» Парту-Патимы, имамов Газимагомед, Гамзатбека, Шамиля, наибов Ахбердил Мухаммада, Даниял-Бека, Кади Мухаммада, Мухаммад Амина, Хаджимурада, Хажиява, и других. Благодарные потомки воздвигли монументальные памятники в местности Хициб недалеко от Согратля, где были разгромлены войска Надир-шаха, в Турчи-даге, Ахульго, Цада. Трудно оценить воспитательное значение таких памятников.

Дагестанцы проявили традиционную любовь к свободе и независимости в годы гражданской войны. Когда Северный Кавказ был оккупирован деникинцами, бичераховцами, тюрками и англичанами, дагестанцы объединились вокруг Совета обороны Дагестана в Левашах, руководимого Джамалутдином Кормасоым и Али-Хаджи Акушинским, и разгромили их. Дагестан объединил тогда патриотические силы народов Северного Кавказа и показал пример, как нужно бороться за свою свободу.[3, С. 42-43].

Народы Дагестана проявили героизм и на фронтах Великой Отечественной войны. Более 186 тысяч дагестанцев отправились защищать свою Родину, из них 59 удостоились звания Героя Советского Союза и Героя России, 7 – полные кавалеры ордена Славы.

А как отчаянно защищали дагестанцы свою малую Родину в дни вторжения в Дагестан бандформирований в жаркие дни августа 1999 года. Как не вспомнить в этой связи высокую оценку героизму, отваге и патриотизму дагестанцев в тяжелые для Дагестана и России дни, данную президентом России Владимиром Владимировичем Путиным: «Видя, как они защищают свою землю и Россию, я еще сильнее люблю Дагестан и дагестанцев».

Прошлое Дагестана свидетельствует о том, что горцам присущ был и трудовой героизм. У них стало традицией воспитывать с детства любовь к труду. Многие приезжающие в республику восхищались тем, что дагестанцы в тяжелых природных и климатических условиях выращивали хороший урожай зерновых, бахчевых, садовых и картофельных культур. Прилагая невероятные усилия, они создавали террасы в горах и на скалах, строили дома, как правило, на горах и у скал, берегли землю для сельскохозяйственных целей. Недаром о тяжелейшем труде горцев в горах слагались легенды и притчи. Одна из них повествует о мо-

лодом горце, который решив жениться, получил от отца участок, который можно было спрятать под раскрытую бурку. Он решил расширить его и, взяв арбу, отправился на равнину за землей. Много дней провел он в дороге, пока не спустился вниз. Набрав землю, он двинулся назад, но идя за маленькой арбой, наполненной землей, он понял, что её слишком мало. Тогда он снял бурку, и, набрав землю, связал её концы, надел на палку, и, положив на плечи понес в горы. Пройдя немного, он вновь задумался, и решил, что надо набрать еще. Тогда он снял с себя папаху и, наполнив её землей, понес ее в руках. Пройдя еще немного, он опять стал сожалеть, что так мало набрал земли. И тогда он снял с себя чарыки, вытряхнул из них траву и набил их землей, чтоб хоть немного больше её принести в горы. Таким тяжелым трудом, потом и кровью, дались горцам террасные поля в высокогорье.

Дагестанцы могут гордиться и достижениями своего ремесленного производства. Там, где была острая нехватка земельных угодий, горцы специализировались на производстве пользующихся спросом изделий. Во многих семьях ремесленников в детях с малых лет воспитывают трудолюбие, прививают любовь к профессии.

Дагестанцы имеют основание гордиться и тем, что их предки на основе арабской графики создали оригинальную письменность, которая нигде не встречается, усвоили мусульманское научное и культурное наследие веков и внесли в исламскую культуру весомый вклад. Ни в одной неарабской стране не было такой высокой мусульманской грамотности, как в Дагестане, она составляла здесь 22 процента. Арабизм и арабский язык нигде не имели такого распространения и такой жизненности, как в Дагестане. Также дагестанцы выполняли миссионерскую и мусульманско-цивилизаторскую роль на Северном Кавказе, Закатальском округе, Поволжье. Около ста дагестанцев прославились в странах мусульманского Востока как ученые-алимы, выдающиеся государственные, религиозные и военные деятели. Далеко за пределами Дагестана гремела слава известных алимов-арабистов Магомеда Ярагского, Джамалутдина Казикумухского, Али – Гаджи Акушинского, Саида Араканского, Абубакара Аймакинского, Дибир-кади Хунзахского и других. [1, С. 99]

Дагестанцы столь же громко заявили о себе в сфере светской науки и культуры. В досоветский период в Дагестане проживало более 80 ученых и мыслителей арабомусульманского и светского направлений, имевших свои письменные источники и материалы. Дагестан был богат интеллектуалами, такими как Гасан Алкадари, Хаджи-Давуд Мюшкюринский, Али Каяев, Давудхаджи Усишинский, Мухаммад Убринский и многие другие. К сожалению, народы Дагестана, вырастившие столько интеллектуалов, долгие годы считались сплошь неграмотными. И только в советский период вновь возродилась слава дагестанских ученых. Признанием их заслуг стало то, что многие дагестанские ученые избирались и избраны в престижные академии страны. Членом-корреспондентом АН СССР и академиком АН Азербайджана был физик Х.И. Амирханов, много лет возглавлявший Дагестанский филиал Академии наук СССР. Членом-корреспондентом Академии медицинских наук СССР был хирург Р.П. Аскерханов, членом-корреспондентом Академии педагогических наук СССР – ректор Дагестанского государственного университета А.М. Магомедов, Г.Г. Гамзатов, который долгое время возглавлял Дагестанский научный центр Российской академии наук (РАН), избран академиком. Членами-корреспондентами РАН сегодня являются физики Ш.Г. Алиев, И.К. Камиллов, А.К. Муртазаев, биолог М.-Р. Д. Магомедов. Завоевали высокий авторитет в российской науке и выходцы из Дагестана, работающие в центральных научных институтах. Это философ А.А. Гусейнов, академик РАН, директор Института философии, члены-корреспонденты РАН археологи Р.М. Мунчаев, Х.А. Амирханов, физик А.М. Асхабов, востоковед М.А. Дандамаев, информатик Ф.И. Шамхалов. [1, С.120-121]

Дагестан имеет богатое и многогранное историко-культурное наследие. Но сегодня нам приходится констатировать факт, что, к сожалению, молодое поколение не знает традиционную культуру и ценностей дагестанского общества, нет настоящих подлинных патриотов, а через это прерывается связь поколений, утрачиваются традиционные духовные ценности, которые могли быть рычагами противодействия религиозно-политическому экстремизму. Поэтому до сих пор не теряют актуальности слова первого президента республики Даге-

стан М.Г. Алиева: «Наша общая цель состоит в том, чтобы религиозно-политический экстремизм, как идеология терроризма, как его следствие были дискредитированы в общественном сознании, чтобы в нем глубоко укоренилось категорическое непринятие насилия, еще более упрочились традиционные для наших народов ценности веротерпимости, межнационального согласия, патриотизма и социальной солидарности, глубокое понимание нашей общей ответственности за судьбу и будущее России». [1, С.30]

Библиографический список:

1. Алигаджиева З.А. // Культура и искусство Дагестана: Учебное пособие. Махачкала: ДГИНХ, 2013.
2. Алиев М.Г. // Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму. Махачкала, 2007.
3. Омарова Г.А. // «Гражданское население в противодействии распространению идеологии терроризма»: Учебное пособие. Махачкала, 2015.

Петраш Е.А.,

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры педагогики и социальной работы,
Псковский государственный университет, г. Псков

МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ ПОКОЛЕНИЯ Z КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Аннотация. В статье предпринята попытка интерпретации современных молодежных субкультур как социокультурного феномена, имеющего динамическую структуру и стилевые изменения в зависимости от социальной реальности.

Ключевые слова: молодежная субкультура, социокультурный феномен, поколение Z

Petrash E. A.,

the candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor of Pedagogy and Social Work Department Pskov State University, Pskov

YOUTH SUBCULTURES OF GENERATION Z AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

Summary. The article attempts to interpret modern youth subcultures as a sociocultural phenomenon, which has a dynamic structure and style changes depending on the social reality.

Keywords: youth subculture, sociocultural phenomenon, generation Z

В процессе перехода индустриально развитых обществ к постиндустриализму, начавшемуся во второй половине XX в., образовался сложный социокультурный феномен – «молодежная субкультура». В процессе эволюции молодежная субкультура перешла из разряда девиантного явления в привычное и, в определенной степени, стала важным средством эволюционного обновления современного общества и трансформации его в постсовременное.

Поэтому, толкование данного феномена Левиковой С.И. наиболее соответствует реальности, по - нашему мнению, которая рассматривает субкультуру как «частичную культурную подсистему внутри системы официальной, базовой культуры общества [1, с. 15].

Социальный феномен молодежной субкультуры проявляется во множестве конкретных формальных и неформальных молодежных субкультурах, которые могут иметь, а могут и не иметь названия; могут быть международными, а могут появиться в каком-то конкретном месте и вскоре исчезнуть навсегда; могут существовать длительное время, пропуская через себя представителей многих поколений молодых, а могут просуществовать лишь мгновение в историческом смысле слова.

Будучи определенной совокупностью ценностей, идеалов, норм жизнедеятельности молодого поколения, субкультура влияет на мировоззрение, задает общую модальность изменения массового сознания. В субкультуре наиболее четко отражаются насущные потребности юного поколения. Причиной приобщения индивида к субкультурам и вхождения в них явилось осознание непохожести, собственной индивидуальности, стремление к самоидентификации, к суверенности, самореализации личности в новых условиях жизненного бытия и социокультурного пространства. Ценностный выбор индивидуального профиля в субкультурах позволяет проследить динамику развития не только внутренних качеств личности, но и ее ориентацию в пространстве реальности и творческой активности.

Перейдем непосредственно к рассмотрению современных молодежных субкультур. Социологи, педагоги, психологи сегодня бьют тревогу в связи с тем, что на первом месте среди авторитетных источников информации у молодых людей - компьютер, гаджеты, на втором - телевизор. И лишь затем - школа, причем, как среда обитания, а не место общения. В конце списка – семья. Современная трансформация социокультурного пространства мира и породила новую виртуальную реальность. Поколение Z – первое по-настоящему цифровое поколение в соответствии с теорией Нейла Хоува и Вильяма Штрауса [2].

Молодежь переходит на новый этап развития, который впитал в себя некоторые черты субкультурных преобразований (начиная от сленга и заканчивая формами коммуникаций, элементами моды и образом поведения). Специфика субкультурных коммуникаций в новом киберсоциальном пространстве такова, что мы можем говорить о «третьей природе феноменов»: виртуальное пространство – это преобладающий мир цифровых знаков и аватаров, который заменил реальное взаимодействие людей в жизненном мире. Молодое поколение все чаще прибегает именно к виртуальному общению в Интернете, тем самым, проводя большую часть времени среди цифровых знаков. Сегодня не настоящие чувства преобладают в реальном живом общении, а виртуальные мнимые знаки и символы выступают доминирующим звеном реальности.

Поэтому *первой чертой* молодежной субкультуры является *социализация в свете глобального знания, глобальных достижений и глобальных имиджей*. Современные «экранные джеры» родилась в мире, опосредованном телевидением и компьютерами, поэтому медиа технологии влияют не только негативно на молодежь, но и помогают им развивать в себе положительные качества (креативность, предприимчивость и т.д.).

Среди современных молодых людей особенно популярна *субкультура вайнеров*. Вайнеры – это все те, кто снимают короткие видео с определенной тематикой и смысловой нагрузкой, со средней продолжительностью 6 секунд и представляют их в интернете. Вайнами может выступать юмористический сюжет, реклама товаров и услуг. Современные «креативщики» размещают свои сюжеты в свободном доступе в Инстаграме, Ютубе, ВКонтакте, Твиттере, Одноклассниках, Фейсбуке и других сервисах. Некоторые даже успешно зарабатывают подобным образом.

На пике популярности находится и *субкультура гиков, нердов*. Эти люди не представляют своей жизни без технологических новинок. Их можно назвать знатоками программного кода и особенностей работы Сети. Подобное стремление самосовершенствоваться, но в области механики, конструирования свойственно современной субкультуре панков - «стимпанкам». Их можно назвать романтиками, любящие науку, искусство, мечтателями, отвергающими современное общество «безделья».

Вторая черта молодежной субкультуры - *интровертированный индивидуализм*. Например, *субкультура «ванильки»*. Одна из причин ее появления, по мнению современных психологов, базируется на чувстве неспособности, невозможности ничего изменить в общественно-политическом укладе общества. Поэтому возможно говорить о некотором эскапизме, проявляющемся в уходе от реальности в романтические фильмы, фантазии, виртуальное общение, грёзы о прекрасных и далеких городах. Они аморфны и апатичны.

На смену субкультуре «ванилек» пришли девочки под интересным названием - «*Виннишко-тян*». Представительниц данной субкультуры отличают следующие атрибуты: при-

ческа - каре и очки без диоптрий круглой формы, я скромная и небрежная одежда, любимый аксессуар - чокер, небольшой рюкзак, кеды Vans, скейт, макияж с яркими стрелками, интерес к искусству и выставкам, арт-хаусным кино и литературе, что активно публикуется в Интернете, любовь к Санкт-Петербургу, феминизм и веганство как образ жизни, слушают пост-панк, витчхаус, электронную музыку странного звучания, романтизируют одиночество, смерть, предпочитают вино. В данной субкультуре представлен симбиоз интеллектуальных стремлений в человеке, интересующегося экзистенциальными книгами, нестандартным кино, живописью, с развязным поведением под воздействием алкоголя.

Третьей тенденцией современного общества, нашедшей отражение и в молодежной субкультуре, является *увлечение или отторжение здорового образа жизни*. Субкультура «*фитоняшки*» - это девушки, которые активно следят за собой, ведут ЗОЖ и публикуют все это у себя в социальных сетях. Главная особенность таких девушек в том, что они не просто ходят в спортзал, они действительно добиваются хороших результатов. Проблемы таких девушек - не пропустить тренировку, вовремя принять пищу, предварительно посчитав баланс белков, жиров и углеводов продуктов, приготовить еду в офис. Именно зацикленность на внешности и вызывает негативное отношение к данной субкультуре.

Здоровый образ жизни захлестнул и современных готы. Новое направление называется *хэлс-готы* - это смесь гетто-готики и киберпанка. Они предпочитают носить одежду спортивного стиля из высокотехнологичных тканей черного цвета, во всем остальном, сохранив загадочность данной субкультуры.

В современном обществе также можно выделить молодых девушек из *субкультуры гяру, когяру*, стремящихся достичь некоего идеала красоты. Вот только этот образ, навязывается девушкам посредством средств массовой информации.

Субкультура «помятые» является абсолютной противоположностью «фитоняшек», «гуру». Стиль «помятых» вмещает в себя несколько разновидностей стилей: рок-н-рол, классика, хиппи, кэжл и д.р. Они - за сигареты, кофе, взъерошенные волосы, анорексичную худобу, бомж-стайл в одежде, огромные каблуки, конверсы, вьетнамки, бутильоны без каблука, угги или балетки, кожаные куртки и косухи, короткие стрижки и нереально-длинные причёски, черный, красный, синий, вишневый и другие яркие и вызывающие лаки на коротких ногтях, вызывающе-красную помаду, алкоголь, концерты, вечеринки, свободные отношения. Данное движение пришло к нам из Великобритании и заключается в копировании образа жизни известных звезд из шоу-бизнеса, таких как Кейт Мосс или Джим Моррисон. И главная его черта - противопоставление себя здоровому образу жизни.

Таким образом, современные молодежные субкультуры живут постоянными обновлениями смыслов и стилей, практически ежедневно меняют свои обличия. Следует отметить, что в современном обществе отсутствуют ярко выраженные субкультуры. А, объединения, позиционирующие себя как субкультуры, скорее позволяют молодым людям социализироваться в изменяющемся обществе.

Библиографический список:

1. Левикова С. И. Молодежная субкультура как социальный механизм адаптации молодежи к меняющемуся миру. М.: МГУ, 2002. Т. IV. 325 с.
2. Поколение Z: те, кто будет после/Из интервью А.Сычёвой с психотерапевтом, кандидатом медицинских наук Марком Сандомирским URL: <http://www.executive.ru/knowledge/announcement/1450249/>

Сефербеков М.Р.,
старший лаборант Института истории, археологии
и этнографии Дагестанского научного центра РАН

ПОЧИТАЕМЫЕ ГОРЫ «ШАЛБУЗДАГ» И «АХІУЛ-ГОХІ» В СОВРЕМЕННОЙ РОДИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ГОРОЖАН ДАГЕСТАНА

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-09-00420

Аннотация. В статье описывается практика поклонения почитаемым горам в Дагестане. Эти региональные культовые центры до сих пор используются, в том числе, и в современных родильных обрядах горожан Дагестана. Моления у зияратов на почитаемых горах «Шалбуздаг» и «АхІул-гохІ» устраивались в случаях женского бесплодия и при рождении в семье одних только девочек с целью рождения детей и сыновей. Как считает автор, эта практика восходит к доисламским верованиям – оролатрии и культу святых.

Ключевые слова: оролатрия, семейно-бытовые обряды, родильные обряды, горожане Дагестана, новейшее время

Seferbekov M.R.,
Senior Laboratory Assistant, Institute of History, Archeology
and ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

HONORABLE MOUNTAINS «SHALBUZDAG» AND «AHUL-GOKH» IN THE MODERN FAMILY RELIABILITY OF THE CITIZENS OF DAGHESTAN

The publication was prepared in the framework of the research project No. 18-09-00420 supported by the Russian Foundation for Basic Research

Summary. The article describes the practice of worshipping the worshiped mountains in Dagestan. These regional religious centers are still used, including in modern maternity rituals of the citizens of Dagestan. The prayers of the ziyarats on the revered mountains «Shalbusdag» and «Ahul-Gokh» were arranged in cases of female infertility and at birth in the family of girls alone with the aim of having children and sons. According to the author, this practice goes back to pre-Islamic beliefs – the orolatria and the cult of the saints.

Key words: orolatory, family-everyday rituals, childbirth rituals, citizens of Dagestan, modern times

Оролатрия – одна из ранних форм религии, связанная с почитанием гор и горных вершин. На вершинах гор поклонялись языческим богам, горы были локусом, где обитали мифологические персонажи, они служили местом проведения обрядов метеорологической магии и связанных с народной медициной [8, с. 24-31]. Как указывал М.А. Агларов, в Дагестане сложилась практика почитания гор – региональных центров. У аварцев почитались *Бахарган, Моду, Цюбол-гохІ, Ханибаль, Къили-мегІер* («Седло-гора»), *Аддала-шухгель-мегІер, Киделишан* («Кукольная гора»), у лезгин – *Шалбуздаг*, у лакцев – *ВацІулу*, у кайтагцев и агульцев – *Джусфу-даг* [1, с. 36-38]. Почитались не только горы, но и гроты и пещеры. Так, гроты *Чинна-Хитта* и *Чувал-Хвараб-нохо* в древности были святилищами, культовыми центрами обитателей Чохской стоянки эпохи мезолита [6, с. 21]. Табасаранцы и другие народы Южного Дагестана почитали священную пещеру *Дюрхъ* [7, с. 181-186].

У народов Южного Дагестана особо почиталась гора *Шалбуздаг* (лезг. «Гъуцар Сув» – «Гора Богов»), расположенная в современном Докузпаринском районе Дагестана. Ее высота 4142 м. Вечных снегов на *Шалбуздаге* не особенно много, и снежная линия лежит на высоте около 3,5 км над уровнем моря. Небольшие речки, берущие начало на склонах *Шалбуздага*, впадают частью в Самур, частью в его притоки Ахтычай и Усукчай. *Шалбуздаг* наряду с *Шахдагом* и *Базардюзю* принадлежит к высочайшим горам восточной части Кавказа.

Согласно традиционным поверьям лезгин, *Шалбуздаг* – святая гора. Исстари на вершину этой горы совершалось паломничество местных жителей. Последнюю тысячу лет это паломничество тесно вплелось в религиозную практику местных мусульман. *Шалбуздаг* стал

фактически одной из главных природных святынь исламского мира Дагестана, других регионов России, а также из стран Средней Азии. Сезон посещения *Шалбуздаг* начинается с 20-х чисел июля и заканчивается в 20-х числах августа. Вдоль пути подъема для паломников оборудованы специальные помещения. В одном месте он проходит в узкой теснине, которую согласно легенде могут пройти только люди с чистой душой. Маршрут заканчивается практически на вершине *Шалбуздага* у небольшого озера с кристально чистой водой с источником Зам-зам (назван по аналогии с источником в стене главного храма мусульман Каабы в Мекке). В погожие летние дни на *Шалбуздаг* ежедневно поднимается несколько сотен паломников [9].

Д.А. Гусенова обратила внимание на то, что при совершении паломничества на *Шалбуздаг* обнаруживается факт преемственности отдельных ритуалов, совершаемых во время хаджа в Мекке [3, с. 75-83].

Иногда горы в Дагестане становились почитаемыми в результате происшедших на них исторических событий. У горцев Северо-Западного Дагестана после окончания Кавказской войны такой почитаемой горой стала овечья гора славой и легендами гора «АхІул-гохІ», на которой летом 1839 г. происходила ожесточенная и кровопролитная битва между царскими войсками и горцами под руководством имама Шамиля [4, с. 510; 5, с. 260-264]. Павшие на этой горе в битве горцы считаются мусульманами, погибшими за веру («шахиды»). Изучавший это историческое событие Булач Гаджиев указывал, что вблизи горы «АхІул-гохІ» находились аулы Ашильта, Чирката, Унцукуль, Бетль, Кахабросо, Инхо. Над «АхІул-гохІ» возвышалась на 100 метров в высь ее остроконечная вершина – «Шулатлул-гохІ». Название «АхІул-гохІ» Булач Гаджиев переводил с аварского как «Набатная гора» или «Тревожная гора», а «Шулатлул-гохІ» – «Укрепленная гора». При имаме Шамиле скала «Шулатлул-гохІ» получила и свое второе название – «Сурхаева башня» [2, с. 26-27]. На наш взгляд, правильнее было бы называть «АхІул-гохІ» «Сигнальной горой», исходя из ее перевода с аварского языка: «ахІизе» – «звать», «созывать».

Итак, как это видно, в Дагестане сложился культ гор как природных объектов и, ставших почитаемыми в результате каких-то значимых исторических событий, каковым является битва на горе «АхІул-гохІ».

Как свидетельствует наш полевой материал по современной родильной обрядности горожан Дагестана, семейные пары у которых по разным причинам вообще не было детей или рождались одни только девочки, посещают находящиеся на вершинах этих почитаемых гор *зияраты*, молятся Всевышнему и дают ему обет. Например, аварцы г. Кизилюрт в случаях, когда в семье рождаются одни только девочки, ходят на *зиярат* на горе «АхІулгохІ», где в молитвах просят Всевышнего послать им сына. Табасаранская семейная пара из г. Каспийск, в семье у которых было трое дочерей, посетила в 2017 г. *зиярат* на горе *Шалбуздаг*, где молилась *Аллаху* и дала ему обет, что, если у них родится сын, то они назовут его в честь пророка – Мухаммед. К счастью их просьба была услышана и в 2018 г. у них родился долгожданный сын, которого они назвали Мухаммед.

Моления у *зияратов* указанных гор устраиваются также при женском и мужском бесплодии, в которых семейные пары просят Всевышнего послать им детей.

Таким образом, как это видно, почитаемые природные и мемориальные святыни – горы *Шалбуздаг* и *АхІул-гохІ* до сих пор используются в родильной обрядности народов Дагестана. Как нам кажется, истоки этого почитания восходят к оролатрии и культу святых.

Библиографический список:

1. Агларов М.А. Языческое святилище на вершине горы Бахарган (К изучению общинных и региональных культов в Дагестане) // Мифология народов Дагестана. Махачкала, 1984. С. 23-38.
2. Гаджиев Б. Шамиль: От Гимры до Медины. Махачкала: «Дагкнигоиздат», 1992. 176 с.
3. Гусенова Д.А. Шалбуздаг – исламская святыня Дагестана: аргументы «за» и «против» // Исламоведение. 2013. № 2. С. 75-83.

4. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. / Отв. ред. *А.И. Османов*. М.: Наука, 2004. Т.1. 627 с.
5. Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20-60-х гг. XIX в. Махачкала: «Юпитер», 2006. 520 с.
6. *Котович В.М.* Следы тотемических верований в древних изобразительных памятниках Дагестана // Мифология народов Дагестана. Махачкала, 1984. С.11-23.
7. *Сефербеков М.Р.* Орولاتрия в Дагестане: пещера «Дюрхъ» // Вестник Дагестанского государственного университета. Махачкала, 2014. № 4. С. 181-186.
8. *Сефербеков М.Р.* Культ гор у народов Кавказа // Вестник Дагестанского государственного университета. Махачкала, 2015. № 4. С. 24-31.
9. *Эльдаров Э.М., Идрисов И.А.* Гора Шалбуздаг [Электронный ресурс] // Информационный портал Русского географического общества; URL: //rgo.ru>mesta/gora-shalbuzdag rgo.ru>mesta/gora-shalbuzdag (дата посещения: 07.07.2013).

Соблирова З.Х.,

кандидат исторических наук, старший преподаватель
кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
г. Нальчик

СОВЕТСКОЕ ШКОЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В 1920-Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ККОВ)

Аннотация. Изучены основные направления деятельности крестьянских комитетов общественной взаимопомощи в вопросе строительства советских школ в Кабардино-Балкарии в начале 20-х гг. XX века.

Ключевые слова: крестьянские комитеты общественной взаимопомощи, советская школа, просвещение, культурное строительство

Soblirova Z.H.,

candidate of historical sciences, senior teacher KBSU, Nalchik

SOVIET SCHOOL CONSTRUCTION IN KABARDINO-BALKARIA IN THE 1920-S OF THE XX CENTURY (ON THE EXAMPL OF THE PEASANT ACTIVITIES COMMITTEES)

Summary. The main areas of activity of the peasant committees of public mutual assistance in the construction of soviet schools in Kabardino-Balkaria were studied in the 1920-s of the XX century.

Key words: peasant committees of public mutual support, soviet school, education, cultural construction

В ряду институциональных структур современного российского общества важнейшим элементом выступает школьное образование, призванное решать вопросы повышения культурного уровня населения в условиях стремительно глобализирующегося мира. Приоритетное значение данного направления подкрепляется усилиями государственных органов власти в вопросах модернизации и дальнейшего совершенствования системы воспитания и образования. Успешное разрешение насущных проблем школьного образования немыслимо без обращения к истории формирования и становления светской школы в первые годы советской власти. Особенно актуален этот вопрос для национальных регионов, где в условиях отсутствия институтов власти и господства патриархального строя население оставалось малограмотным. Перед советской властью в отношении малых этносов встали задачи национально-государственного строя и форсированного культурного строительства.

В начале XX в. на Северном Кавказе проживало около 50 национальностей. Согласно переписи 1897 года грамотой владели только 0,3 % чеченцев, ингушей и балкарцев, 0,7 %

кабардинцев, 1,2 % адыгейцев и черкесов, 1,5 % карачаевцев и 5,7 % осетин [3, с. 30]. В условиях сплошной безграмотности, этнокультурные обычаи и традиции были провозглашены «пережитками» и государство активно повело борьбу против них. Советской власти предстояло решить проблемы повышения культурного уровня и создания соответствующей инфраструктуры. Первостепенное значение имело развитие школьного образования и борьба с неграмотностью.

11 июня 1918 года Нальчикский окружной Народный Совет принял решение о создании отдела Народного просвещения [4, с. 21-22]. Отделу поручалось управление школами Нальчикского округа. В его компетенции входили подбор и расстановка учительских кадров, организация учительских курсов, разработка школьных программ, участие в открытии школ и т.д. Нальчикский окружной отдел народного образования подчинялся непосредственно Народному комиссариату просвещения Терской республики. Первым председателем Кабардино-Балкарского Облоно стал М.А. Энеев, его заместителем Б.Л. Хуранов, которые повели активную работу [8, д. 17, л. 62]. Несмотря на большие трудности, к концу 1921 года в Кабардино-Балкарии были открыты 57 школ с контингентом 3 200 учащихся. На III областном съезде Советов Кабардино-Балкарии в сентябре 1923 года было принято решение «организовать в каждом селении школу». В конце 1923 года количество школ достигло 83, а число учащихся – 6 000 человек. В них работали 225 учителей. В 1925-1926 гг. уже функционировали 157 общеобразовательных школ, в которых обучались 9 650 детей [12, с. 9]. Для подготовки учительских кадров в 1923 году в Нальчике был открыт педагогический техникум. Позже, в 1924 году открылся Ленинский учебный городок. Одновременно с этим, началась разработка национальной письменности. В 1924-1925 гг. появились первые буквари на кабардинском и балкарском языках, которые ускорили распространение грамоты среди горцев.

Существенный вклад в становление школьного образования в Кабардино-Балкарии внесли формируемые на добровольной основе общественные организации крестьян. Декретом СНК от 14 мая 1921 г. «Об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьян и семейств красноармейцев» формируются крестьянские комитеты общественной взаимопомощи [2, д. 7, л. 55]. Приоритетным направлением деятельности обществ была работа по подъему уровня жизни крестьян на местах, а также поддержка крестьянских хозяйств в условиях стихийных бедствий, неурожаев и т.д. Первостепенное внимание должно было быть уделено семьям красноармейцев, вдов, сирот, инвалидов. Материальной основой этих обществ стал закят (саджит) – ежегодно отчисляемый в пользу духовенства религиозный взнос. К 1925-му году комитеты были образованы во всех селениях Кабардино-Балкарской Автономной Области.

Успешное решение проблем, связанных с хозяйственным устройством на селе, позволило государственным органам власти во второй половине 1920-х гг. расширить компетенции комитетов взаимопомощи. В сентябре 1924 года вышло новое «Положение и крестьянских обществах взаимопомощи» [10, д. 3, л. 28]. Кроме всего прочего, перед ними встала задача содействия местным партийным органам в деле ликвидации неграмотности горского населения, создания ликпунктов, со специальными отделами для женщин, женотделов, различных женских курсов, призванных включить последних в общественную работу, а также посильная помощь школам и семьям школьников на местах.

В конце 1923 года крестьянские комитеты общественной взаимопомощи имели на попечении 43 школы, из которых в Нальчикском округе находилось 7, в Урванском – 7, в Баксанском округе – 17, Мало-Кабардинском – 6, в Балкарском округе – 6 [5, д. 75, л. 119].

В вопросах школьного строительства комитеты взаимопомощи занимались, прежде всего, проблемами поиска подходящих помещений, их оборудованием и отоплением. Земельным органам на селе было предписано бесплатно передавать лесные материалы для снабжения школ топливом, посредниками выступали председатели окружных и сельских обществ взаимопомощи. Председатели ККОВ стали отдавать школам конфискованные дома бывших князей и кулаков, опустевшие медресе, т.к. часто школы часто ютились в непригодных для занятий условиях. Создавались специальные комиссии из 2–3 членов для индивиду-

альной пропаганды среди родителей для обеспечения непрерывной посещаемости школ. Детям бедняков из фондов ККОВ приобретали одежду, обувь, учебные принадлежности. В 1925-1926 гг. на помощь школам комитеты взаимопомощи направили 7 682 рублей, оказана помощь 1 470 учащимся [5, д. 75, л. 120]. Так, в селении Залукокоаже школе были переданы лошадь и имущество (стол, стулья, мешки, ведра, посуда и т.д.), конфискованные у М. Абукова [10, д. 8, л. 20]. Комитеты взаимопомощи Нагорного округа в 1926–1927 учебном году выделили школам 123 р. 25 коп. Здесь 965 (75 %) школьников содержались за их счет [10, д. 13, л. 100].

К концу 1928 года в национальных областях Северо-Кавказского края (был основан в 1925 году) насчитывалось 465 крестьянских комитетов общественной взаимопомощи [1, с. 104]. В Кабардино-Балкарской Автономной области их было 105, с общим количеством членов 145 091 человек. В работе самих комитетов взаимопомощи принимали участие старшеклассники, всего 35 человек. Из 229 ликпунктов и школ малограмотных за счет общественных организаций содержалось 126 [6, д. 16, т. 1, л. 51-52]. В 1928 году ККОВы Нагорного округа собрали школьников к новому учебному году на 1 388 р. Были приобретены верхняя одежда, обувь, головные уборы для мальчиков и девочек [11, д. 125, л. 27]. Некоторые наиболее развиты общества могли выплачивать жалование учителям и ликвидаторам неграмотности. Так, к примеру, в с. Кахун, Ново-Ивановское Прималкинского округа члены ККОВ в своих отчетах упоминают об этом [7, д. 3, т. 2, л. 505]. Адресная помощь, оказываемая сельским школам и семьям школьников, служила серьезной поддержкой для малоимущих крестьян, которые не могли обеспечить учеников за свой счет.

В 1929-1930 гг. крестьянские комитеты общественной взаимопомощи в ходе сплошной коллективизации были включены в кассы взаимопомощи при колхозах. В новом качестве комитеты обязали организовать летние занятия учащихся школ, «связав эти работы с воспитательными задачами школы» [9, д. 50, л. 154].

Таким образом, крестьянские комитеты общественной взаимопомощи сыграли важную роль в подъеме сельскохозяйственного производства, в приобщении крестьянства к новому укладу жизни, в изменении его психологии и повышении общественно-политической активности. Аульские школы Кабардино-Балкарии получили возможность рассчитывать на негосударственную адресную помощь со стороны комитетов взаимопомощи. В сложных условиях становления советской школы эта поддержка оказалась своевременной.

Библиографический список:

1. Абулова Е. А. Партия во главе национально-государственного строительства народов Северного Кавказа 1917-1937. Изд-во Ростовского университета. 1984. 163 с.
2. ГАРО (Государственный архив Ростовской области) Ф. 2243. Оп. 1.
3. Кислицына И. Г. Организация руководства общеобразовательной школой в Кабардино-Балкарии (1917-1927 гг.) // Вопросы культурного строительства в советской Кабардино-Балкарии. Нальчик. 1984. 172 с.
4. Культурное строительство в Кабардино-Балкарии (1918-1941 гг.). Сборник документов и материалов. Нальчик. 1980. Т. 1. 383 с.
5. УЦГА КБР (Управление центрального государственного архива Кабардино-Балкарской республики) Ф. Р-2. Оп. 1.
6. УЦГА КБР Ф. Р-2. Оп. 2.
7. УЦГА КБР Ф. Р-4. Оп. 1.
8. УЦГА КБР Ф. Р-16. Оп. 1.
9. УЦГА КБР Ф. Р-71. Оп. 1.
10. УЦГА КБР Ф. Р-232. Оп. 1.
11. УЦГА КБР Ф. Р-237. Оп. 1.
12. Хакушев Е. Т. Борьба Кабардино-Балкарской партийной организации за подъем культурного и материального уровня жизни трудящихся в 1921-1925 гг. // Ученые записки КБНИИ. Т. XXV. Нальчик. 1967. С. 5-24.

Соегов М.,
доктор филологических наук, профессор, академик АН Туркменистана,
г.Ашхабад

ЕЩЕ РАЗ О ТУРКМЕНСКОМ ТЁЗКЕ АВАРЦА ХАДЖИ-МУРАТА – ИЗВЕСТНОГО ГЕРОЯ ПОВЕСТИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Аннотация. В статье приводятся и анализируются новые материалы, относящиеся к жизни и деятельности туркменского Хаджи-Мурата, которые не были использованы в предыдущей публикации автора.

Ключевые слова: член правительства, меняющаяся обстановка, правильные ориентиры

Soyegov M.,
Doctor of Philology, Professor,
Academician of Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat

ONCE AGAIN ABOUT THE TURKMEN NAMESAKE OF AVAR HAJI-MURAT – KNOWN CHARACTER OF THE STORY LEV TOLSTOI

Summary. In article the new materials concerning life and activity of Turkmen Haji-Murat which have not been used in the previous publication of the author are resulted and analyzed.

Key words: a member of the government, changing conditions, correct reference points

Как правило, у каждого исследователя со временем накапливаются новые материалы, не использованные в его ранее изданных работах. Этот процесс значительно усилился в результате вынесения интернет-пользователями в электронные ресурсы материалов из архивов разных стран, обычно недоступных каждому исследователю. Подобное обстоятельство не только позволяет, но и настоятельно требует от ученого на основе анализа накопленных новых материалов подготовить работу в дополнение к прежним обобщениям по той или иной теме. Вместе с тем, иногда эти архивные материалы сопровождаются недостоверными, противоречащими к истине утверждениями, которые также требуют соответствующих уточнений и исправлений. Все это относится и к историческим личностям недавней нашей истории, особенно офицеров-туркмен времен Первой мировой и Гражданской войн, ибо их деятельность в советской науке освещалась односторонне или же они подвергались к полному забвению.

Одним из ярких туркменских личностей первых десятилетий XX века является офицер Царской и «Белой» Армий Ходжагелди Хаджимуратов (1889–1939), известный в народе просто как Хаджи-Мурат, о жизни и деятельности которого мы кратко рассказали уже в своей статье «Туркменский тёзка знаменитого героя Льва Толстого – Хаджи-Мурат (и его современники в водовороте социальных потрясений своей эпохи)» [1, с. 271–274]. Теперь же хотелось бы, используя вновь выявленные материалы, вносить некоторые подробности в его биографию, и одновременно в ряде случаев отстаивать изложенные нами ранее факты и обобщения. Будучи старшим сыном Хаджимурат-арчина (старосты) бахарденского села Бами (младшего сына арчина звали Баллы), получил фамилию, производную от личного имени своего отца – сначала Хаджимурат-оглы, затем Хаджимуратов. После окончания в 1901 году русско-туркменской школы, которая функционировала при Туркменском конном дивизионе в селе Кеши под Ашхабадом, поступил Оренбургский кадетский корпус (выпускник 1908 года). Затем окончил Московское пехотное войсковое училище и приступил к службе в Туркестанской стрелковой бригаде. Офицер (поручик) Текинского конного полка, капитан с 1917 года.

Трудно согласиться с утверждением о том, «что еще в годы учебы в (Оренбургском кадетском) корпусе Ходжагельды Ходжамурадов и его однокашники зачитывались рассказом Л.Н. Толстова "Хаджи Мурат", а так как кадет-туркмен выделялся среди учеников

своей смелостью и умом, то его и прозвали именем "Хаджимурат", заменившим впоследствии ему имя и фамилию» [См.: 2] по части времени описываемых событий (т.е. до 1908 года), включая и искаженное написание фамилии героя рассказа.

Во-первых, повесть "Хаджи-Мурат" Льва Толстого впервые была издана в 1912 году, и до этого никак не могло получить широкую известность это личное имя. Во-вторых, сыновья младшего брата Ходжгелди Хаджимуратова – Баллы, известные наши современники Ораз, Байрам и Чары Хаджимуратовы (по отчеству Баллыевичи), которые являются соответственно заслуженным артистом, доцентом и кандидатом наук, носили и носят фамилию Хаджимуратов, и никак не Ходжамуратов, как это написано в цитированном выше добавлении к документу в интернете. Указание годом смерти Хаджи-Мурата на 1937 год, также не соответствует действительности (к этому вопросу еще вернемся в конце статьи). Вместе с тем, этот интернет-сайт содержит ценные сведения из архивных документов о туркмене Хаджи-Мурате, участнике Первой мировой войны (был награжден Георгиевским крестом), относящиеся к послевоенному периоду его жизни. Как известно, после Февральской революции 1917 года власть в Закаспийской области (современный Туркменистан), как и во многих других регионах России, перешла в руки представителей Временного Правительства. По этому поводу из протокола 12-го заседания Исполнительного комитета Всероссийского мусульманского совета, заседавшего 14 июня 1917 года в Москве, узнаем, что в отличие, например, от Семиреченской области, где административное управление находится в неопределенном положении (старое исчезло, новое еще не наладилось), Закаспийская область находилась в этом отношении в сравнительно лучшем положении [См.: 2]. После Октябрьской революции 1917 года уже в ноябре в Закаспийской области к власти пришли большевики. Хаджи-Мурат был востребован со стороны правительств так первых, как вторых. Он избран делегатом и стал 1-м товарищем (заместителем) председателя "Областного съезда делегатов уездных туркменских комитетов" (Асхабад, 10–14 мая 1917 г.), на котором учрежден "Областной туркменский комитет". Стал одним из семи областных комиссаров (министром) и членом исполкома, избранного 18 мая 1918 года на съезде советов Закаспийской области. С мая по июль 1918 года он – комиссар по гражданско-административным делам областного правительства. С 15 июня 1918 года на него временно было возложено исполнять обязанности областного комиссара по военным делам, а с 5 июля 1918 года он – врио председателя правительства Закаспийской области [См.: 3]. К началу третьей декады июля 1918 года почти на всей территории Закаспийской области была установлена власть эсеров и меньшевиков ("белогвардейское правительство"), а уже в начале января 1919 года "Исполнительный комитет Закаспийской области" избрал из своего состава "Комитет общественного спасения" с чрезвычайными полномочиями. В этих правительствах Хаджи-Мурат представлял (наряду с генералом Ораз-сердаром и Сейитмуратом Овезбаевым) интересы местного туркменского населения. Ради общего народного дела им приходилось сотрудничать с руководителями английских интервентов – генералом Маллесоном и капитаном Тиг-Джонсом.

После Гражданской войны и установления Советской власти в Закаспийской (с 1921 года Туркменской) области в 1920 году, особенно после образования Туркменской ССР в 1924 году Хаджи-Мурат, как и прежде, стал преданно служить своему любимому народу. Но он был жестоко наказан сталинским режимом за прежние "грехи". Хаджи-Мурат (Ходжгелди Хаджимуратов), работавший директором Туркменского государственного музея, в 1932 году был отправлен к ссылке за пределы республики, а в 1937 году приговорен к лишению свободы на 15 лет. В холодной сибирской тюрьме из-за нечеловеческих условий сталинских застенков он заболел хроническим туберкулезом и умер от этой болезни 20 мая 1939 года [См.: 1, с. 273]. Туркменский Хаджи-Мурат не только тезка знаменитого героя одноименной повести Льва Толстого. Хотя они жили в разные исторические периоды и непохожей общественной среде, в их судьбе имеется нечто общее. Их приближает, кроме их личной храбрости, еще и то, что литературный герой погибает, защищая не только жизнь, но честь и достоинство своей семьи, и наша историческая личность стала жертвой режима, если говорить по существу, как лицо, ставшее всегда народные интересы выше своего личного благополучия.

Но им обоим порою трудно приходилось установить для себя правильные ориентиры в быстроменяющейся обстановке своего времени, выступая на временные компромиссы для достижения поставленной перед собой главной цели, которая оказалась не достигнутой им обоим.

Библиографический список:

1. Соегов М. Туркменский тезка знаменитого героя Льва Толстого – Хаджи-Мурат (и его современники в водовороте социальных потрясений своей эпохи) // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий. Материалы IV Международной научной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения Н.Ф. Катанова (27–29 сентября 2017 года). – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2017. – С. 271–274.
2. [Электронный ресурс] URL:<https://centrasia.org/person2.php?st= 1478941126> (дата обращения: 19.02.2019).
3. [Электронный ресурс] URL:<http://islamperspectives.org/rpi/items/show/10519> (дата обращения: 18.02.2019).

Шубаро О.В.,

кандидат философских наук, доцент
кафедры философии культуры, Белорусский государственный университет, г. Минск

ДИАЛОГ ЦЕННОСТЕЙ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы диалога культур в современном глобализирующемся мире. Автор анализирует возможность межкультурной коммуникации в условиях сосуществования различных ценностных ориентаций. В статье приводятся результаты исследования ценностных ориентаций (религиозных и секулярных) иностранных и белорусских студентов, получающих образование в Белорусском государственном университете.

Ключевые слова: культура, межкультурная коммуникация, диалог ценностей, ценностные ориентации, религиозные и светские ценностные ориентации.

Shubaro O.V.,

Doctor of Philosophy, Associate Professor, BSU, Minsk

THE DIALOGUE OF VALUES IN THE COMMUNICATIVE SPACE OF MODERN CULTURE

Summary. The article is devoted to the study of the problem of the dialogue of cultures in the modern globalizing world. The author analyzes the possibility of intercultural communication in the conditions of coexistence of different value orientations. The article presents the results of the study of value orientations (religious and secular) of foreign and Belarusian students who receive education at the Belarusian State University.

Key words: culture, intercultural communication, value dialogue, value orientations, religious and secular value orientations.

Вся история культуры – это история человеческого общения, которое никогда не ограничивалось пределами одного культурного региона. В современном глобализирующемся мире проблема межкультурного диалога приобретает особую актуальность, а сам диалог воспринимается в качестве ценности высшего порядка, посредством которого возможно преодоление разногласий, конфликтов, достижение мира.

Однако цель диалога заключается не столько в достижении согласия, сколько в обеспечении условий, необходимых для понимания другой культуры, ее ценностей и установок. Традиционная трактовка межкультурного диалога как взаимного влияния культур, как условия формирования культурных контактов, упрощает его сущность. Коммуникативное пространство современной культуры актуализирует иную проблему – способствовало ли взаим-

ное влияние ценностей и традиций сохранению культурной самобытности, ее уникальности, поскольку именно это в перспективе увеличивает шансы культуры на выживание и развитие.

Ситуация диалога культур не должна привести к унификации субъектов культуры. Диалогический подход предполагает видение иной культуры как совокупности специфических ценностных ориентаций, смысловых установок. Современное коммуникативное пространство представляет собой реальное взаимодействие и контакты, которые осуществляются между конкретными людьми, представляющими разные культуры и являющимися носителями разнообразных культурных ценностей. В связи с этим возникает ряд проблем и вопросов. Например, влияет ли культура на личностные особенности индивида? В какой степени допустимо обратное влияние индивидуальных свойств личности на качественное своеобразие культуры? Какие цели жизни и средства достижения этих целей формируются в результате этих процессов у представителей той или иной культуры? Эти вопросы связаны с пониманием ценностных ориентаций личности при исследовании межкультурных коммуникативных процессов.

Взаимопроникновение культур приводит к столкновению различных ценностно-нормативных систем и ценностных ориентаций на уровне общественного и индивидуального сознания. Следствием подобных процессов становится размывание ценностных представлений отдельного человека, что приводит к ценностно-смысловой дезориентации.

Одной из форм адаптации человека в современном глобализирующемся мире становится обращение к традиционным ценностям, среди которых особое значение имеют религиозные ценности. Религиозность – это своеобразная реакция компенсации в условиях ценностной дезориентации, попытка определенной части людей обрести устойчивый смысл жизни, жизненные ориентиры.

Усиление роли религиозного фактора в процессе преодоления ценностно-смысловой дезорганизации можно отчетливо наблюдать на примере современной Беларуси. В качестве традиционных на территории Беларуси определены пять конфессий: православие, католицизм, лютеранство, ислам и иудаизм. В то же время современные миграционные процессы, а также установка на многовекторное сотрудничество в разных областях науки, культуры, производства, образования заставляют обратить внимание на конфессиональный аспект данного сотрудничества, который связан с проблемой межкультурного диалога. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь [1], высшее образование в Беларуси получают более 15 000 иностранных студентов (на начало 2018-2019 учебного года – 15 506 человек). Согласно статистике, в нашей стране учатся граждане Туркменистана, России, Китая, Ирана, Индии, Ливана, Таджикистана, Нигерии, Азербайджана, Украины, Казахстана. Подавляющее количество иностранных студентов – это студенты из мусульманских стран (10330). Больше всего в Беларуси студентов-иностранцев из Туркменистана (7749 человек).

В этих условиях остро стоит проблема толерантности и взаимопонимания между верующими и людьми с секулярным сознанием, между христианами и мусульманами. Ценностные ориентации, обусловленные религиозной верой, становятся важным элементом сознания людей и действенным регулятором их поведения. Благополучие общества во многом зависит от успешного сотрудничества представителей разных религий и неверующих людей. Для решения этой проблемы, а также для выработки эффективной коммуникативной стратегии, важно знать особенности ценностных ориентаций иностранных студентов.

На основании проведенного в 2016-2017 гг. исследования ценностных ориентаций иностранных студентов, обучающихся в Белорусском государственном университете, было выяснено, что секулярные ценностные ориентации для иностранных студентов не являются конечными жизненными целями, а обретают особый смысл с точки зрения включенности их в контекст божественного замысла. В качестве методологической основы исследования использовалась методика «Ценностные ориентации личности» Г.Е. Леевика [2], в содержание которой вошли также утверждения, направленные на диагностику религиозной ценностной ориентации личности.

Испытуемым было предложено оценить по 7-балльной шкале, насколько важно им обладать указанными в содержании утверждений ценностями. Общий показатель религиозной ценностной ориентации иностранных студентов – 4,67 балла, показал значимость для них различных составляющих религиозного опыта (доверительных отношений с Богом, реализации воли Бога в своей жизни, духовного роста в религиозном познании, нравственного совершенствования и др.).

В содержательном плане религиозная ценностная ориентация определяется фундаментальными ценностями конкретной религии. Фундаментальные ценности ислама – вера, жизнь, разум, продолжение рода, собственность. Исследование ценностных ориентаций иностранных студентов, среди которых преобладали студенты из мусульманских стран, показало, что сфера самосознания – ‘осознавать себя мусульманином’ достаточно значима для студентов (4,83). Такие фундаментальные ценности ислама, как ‘жизнь’ и ‘разум’, нашли отражение в сфере познания (5,13) и экзистенциальной сфере (4,96). Сфера познания отражает форму реализации отношений человека с Богом – познание Бога через откровение. В этом смысле религиозная ориентация основывается на принципе *быть* (Э. Фромм), что соответствует экзистенциальной сфере. Следовательно, религиозная ориентация у иностранных студентов приобретает бытийный характер, поскольку им свойственно стремление не к обладанию высшей истиной, а стремление к ее постижению, приближение ней.

Средний показатель религиозной ценностной ориентации у белорусских студентов ниже, чем у иностранных (3,44), в то время как средний показатель секулярных ценностей – 4,81. Среди религиозных ценностных ориентаций у них значимы сфера нравственности (4,2) и сфера отношений с Богом (3,8), что означает стремление к духовной чистоте и праведности как приоритетное направление в развитии индивидуальной жизни. Можно предположить, что относительно низкий показатель религиозной ориентации указывает на такое явление, как внеконфессиональная религиозность, т.е. для личности оказываются важными представления о Боге, высшей реальности, но эти представления не предполагают участие в культовой практике или принадлежность к определенной конфессии.

В этой ситуации целью межкультурной коммуникации становится не преодоление ценностного конфликта («снятие противоречий»), а взаимное обогащение за счет включения ценностей своей культуры в контекст ценностей иной культуры на основе рационального согласования и координирования своей деятельности. Специфика коммуникативного пространства современной культуры в том, что диалог ценностей имеет отношение ко всем сферам деятельности человека. Это означает формирование ситуаций, в которых высока возможность появления конфликта. В этих условиях любая культура должна рассматриваться как ценность высшего порядка.

Система ценностей в глобализирующемся мире призвана учитывать значимость и право на существование иных культур, ценностей и ценностных ориентаций. В этом смысле установка на диалог ценностей в коммуникативном пространстве современной культуры должна способствовать, а не препятствовать процессу самоидентификации человека в качестве члена различных групп – религиозных, этнических. Это означает ориентацию на диалог ценностей в поликультурном пространстве при сохранении «экзистенциального» содержания, значимости и уникальности собственной культурной традиции.

Библиографический список:

1. Беларусь в цифрах: статистический справочник [2019] / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. - Минск, 2019.
2. Леевик Г.Е. Руководство по методике ценностных ориентаций личности. Л.: Знание, 1990.

СЕКЦИЯ VII. РОЛЬ ЯЗЫКА В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Володина О.В.,

кандидат педагогических наук, доцент Института иностранных языков,
Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ И ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАНИИ В ВУЗЕ

Аннотация. В статье отмечается, что компетентностная модель в полилингвальном и поликультурном образовании в условиях высшей школы акцентируется на развитии способности обучающихся к межличностному общению, основанному на диалоге, межкультурном взаимодействии и взаимном обогащении культур.

Ключевые слова: диалог культур, иноязычное образование, коммуникация, общение, коммуникативная компетенция

Volodina O.V.,

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, PetrSU, Petrozavodsk

THE DIALOGUE OF CULTURES IN POLYLINGUAL AND POLICULTURAL EDUCATION IN UNIVERSITY

Summary. The article notes that the competency model in multilingual and multicultural education in university focuses on the development of students' ability for interpersonal communication based on the dialogue, intercultural interaction and mutual enrichment of cultures.

Key words: the dialogue of cultures, foreign language education, communication, conversation, communicative competence

Выступая мощным стимулом и фактором становления личности обучающегося, иноязычное образование не ограничивает человека исключительно индивидуалистической направленностью, динамикой поиска и определения самого себя средствами иностранного языка. Необходимо готовить человека к диалектике конструктивного *диалога с миром*, полифоническим, паритетным, равноправным взаимоотношениям, взаимодействию и сотворчеству. «Быть – значит общаться» (М. М. Бахтин). Общение – это единственная возможность человека стать и быть человеком (М. С. Каган), а выпадение человека из сферы общения трагично для него как для Личности [2, с. 22]. Философские и дидактические положения о сути современного диалога культур в образовательном пространстве имеют важное методологическое значение (В. А. Сластенин, Е. И. Пассов, Н. Д. Гальскова, Е. Г. Тарева, Д. Е. Фриман, И. С. Фриман и др.). Однако, как отмечает М. С. Каган, взаимоотношение культур не является однородным сбалансированным процессом, выделяются отношения *субъект-объектного*, монологического, утилитарного по отношению к одной из культур, характера и субъект-субъектные, диалогические отношения [5]. М. М. Бахтин отмечает, что одна культура может задавать вопросы, которая другая перед собой не выдвигала, что способствует осознанию и оценке «ментального пространства собственного народа», его места в общей ценностной картине мира, становится основой межкультурной терпимости и взаимопонимания [1].

Компетентностная модель в полилингвальном и поликультурном образовании акцентируется на развитии *коммуникативной компетенции* (И. Л. Бим, Е. В. Борзова, Н. Д. Гальскова, О. Г. Оберемко, В. В. Сафонова, Е. Н. Соловова, И. Л. Колесникова, М. К. Колкова, Н. В. Баграмова, П. В. Сысоев, И. И. Халеева, А. Н. Шамов, L. F. Bachman, Sh. Deller, T. Hedg, T. Hutchinson, D. Larsen-Freeman, S. Lee McKey, M. Lewis, G. Nichols). Иноязычная коммуникативная компетенция как способность осуществлять речевую деятельность, реализуя речевое поведение, адекватное по целям, средствам и способам, различным задачам и ситуациям общения [4] выдвигается как ведущая и стержневая [6]. Цель обучения иностранному языку – формирование иноязычной коммуникативной компетенции у каждого ученика,

т.е. развитие у него а) способности осуществлять посредством этого языка осмысленное взаимодействие с другими людьми (не только с носителями языка) и с продуктами их деятельности (текстами и другими объектами, отражающими их ценности, взгляды, традиции); б) готовности понять других и выразить себя, - раскрывает специфику предмета «иностранный язык» и предполагает реализацию и развитие личностного потенциала каждого учащегося [3, с. 36-37]. Учащийся овладевает иностранным языком в процессе обучения для того, чтобы стать его компетентным пользователем в различных видах деятельности. Уровень развития коммуникативной компетентности означает степень, с которой поликультурная личность готова и способна осуществлять межкультурную коммуникацию.

Человеческая природа и социальный порядок являются продуктами коммуникации (Т. Шибутани); различающийся ответ организма на определенный стимул; акт отправления информации от мозга одного человека к мозгу другого человека (П. Смит, К. Бэрри, А. Пулфорд); непрерывный процесс, в котором все одновременно является реакцией и стимулом, стимулом и реакцией (Д. Таннен). М. С. Каган подчеркивает разницу между двумя основными типам связи между людьми: 1) *коммуникация* – это передача информации от одного человека к другому; процесс, предполагающий функциональное неравенство сторон (одна из них - отправитель сообщения - коммуникатор, адресант; другая - получатель послания, адресат); коммуникация *монологична, облигаторна* – обязывает к принятию и усвоению информации, *безличена* - отправляется «всем, всем, всем»; это информационная связь субъекта с тем или иным объектом; 2) *общение* - совместное существование людей, связь *равных*, общение *диалогично*, предполагает возможность *свободном вхождении* в него участников, *интенционально* - предполагает ощущение индивидуальности партнера, ориентацию высказывания на его характер, на его тезаурус, на его мировоззрение, на его к тебе отношение [5]. В. Е. Болдырев делает вывод, что коммуникация и общение равно необходимы человеку в его жизнедеятельности, однако они имеют разные сферы функционирования. Разграничение коммуникации и общения имеет первостепенную важность для *взаимодействия культур*. Только *общение* может стать средством достижения взаимопонимания между людьми на любом уровне взаимоотношений. Межличностное общение, основанное на диалоге, формирует базу и для межкультурного общения, то есть диалога культур — единственно возможную форму межкультурного взаимодействия, приводящую к взаимному обогащению культур и исключаящую конфликты [2, с. 18-24].

Профессионально-ориентированное обучение ИЯ в вузе в контексте диалога культур предполагает обязательное наполнение *содержания* обучения аспектами *межкультурной деловой коммуникации* и *лингвострановедения*. Знакомство с особенностями национальной культуры страны изучаемого языка и их влиянием на различные сферы деловой жизни является основой обучения межкультурной коммуникации (В. В. Сафонова). Современный специалист любого профиля должен обладать знаниями о национально-культурных особенностях и традициях страны изучаемого языка, быть осведомленным в вопросах государственно-политических систем и текущей социально-экономической ситуации, иметь представление о миропонимании и образе жизни потенциальных деловыми партнерами из других стран. Эффективность профессионального общения и сотрудничества с деловыми партнерами зависит от *взаимопонимания*, складывающегося благодаря интегрированным знаниям о национальном менталитете и *социально-психологических особенностей* партнера. Процесс межкультурной коммуникации в современном интенсивно развивающемся, изменяющемся, развивающемся мире должен характеризоваться рациональным взглядом на построение *интернациональных и национальных связей*. Проблема понимания культурных различий и сохранения национальной идентичности актуальна в эпоху глобализации несмотря на тенденцию к установлению единых правил и нормативных правил международного делового общения. Обогащение программы обучения иностранному языку в вузе аспектами межкультурной коммуникации позволяет студентам-будущим специалистам гораздо шире, глубже и осознаннее ориентироваться в многокультурном пространстве современного мира для большей эффективности своей профессиональной деятельности.

Таким образом, иноязычное образования в высшей школе помимо индивидуалистической направленности на самоопределения и самореализацию обучающихся в процессе формирования иноязычной коммуникативной компетенции ориентировано на подготовку буду-

щих специалистов к конструктивному диалогу с миром, полифоническим, паритетным, равноправным взаимоотношениям, взаимодействию и сотворчеству.

Библиографический список:

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. Москва: Искусство, 1986. 445 с.
2. Болдырев, В. Е. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Курс лекций / В. Е. Болдырев. Москва: Русский язык. Курсы, 2009. 144 с.
3. Борзова, Е. В. Иноязычное личностно-ориентированное образование в старших классах средней школы / Е. В. Борзова. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2009. 172 с.
4. Зимняя, И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия / И. А. Зимняя. Москва: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 42 с.
5. Каган, М. С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений / М. С. Каган. Москва: Политиздат, 1988. 319 с.
6. Соловова, Е. Н. Методическая подготовка и переподготовка учителя иностранного языка: интегративно-рефлексивный подход / Е. Н. Соловова. Москва: Глосса-Пресс, 2004. 336 с.

Закарьяева З.Ю.,

старший преподаватель кафедры английского языка,
Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г.Махачкала

ЯЗЫК-КУЛЬТУРА МЫШЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается связь устной речи и культуры мышления. А также анализируются основные моменты, которые влияют на культурное развитие личности.

Ключевые слова: язык, культура, личность, общение

Zakaryayeva Z.Ju.,

senior lecturer, DSUNE, Makhachkala

LANGUAGE IS A CULTURE OF THINKING

Summary. This article deals with oral speech and a culture of thinking. The main points affecting a cultural development of a person are also analyzed.

Keywords: language, culture, person, communication

Язык - это элемент, при помощи которого человек познает мир и культуру. Язык влияет на человека, определяет образ жизни, культуру. Огромную роль в воспитании и формировании личности играет язык, который очень тесно связан с культурой.

Чтение художественной литературы, интерес к получению глубоких знаний, развитие речи – все эти действия в наши дни не очень популярны. К сожалению, факт остается фактом. Почему же в наши дни стремительно падает престиж образованности? Если возникают такого рода вопросы, значит можно говорить об обеднении духовного состояния общества, его культуры, культуры общения.

При общении мы можем выражать уважение к человеку, этим мы проявляем свою воспитанность и культуру. Общение – это умение слышать и слушать другого человека. Культура, в широком понимании этого слова, включает в себя такие понятия как учтивость, вежливость, благопристойность, уклад жизни, гигиена, эстетические вкусы в выборе предметов, культура труда.

Высокая речевая культура предполагает высокую культуру мышления. Если мы не умеем точно и выразительно передать свои мысли, то о какой культуре речи можно говорить. Культура речи – это основная составляющая цивилизованности человека. Люди, которые в своей речи используют просторечные и жаргонные слова, показывают лень мышления. Неправильная, жаргонная речь свидетельствует о плохом воспитании человека. Такого человека очень неприятно слушать. Язык не только показатель интеллектуального, нравственного развития человека, но и лучший воспитатель.

Наша речь – это неотъемлемая часть нашей жизни. И в зависимости от того как говорит человек, мы можем легко определить с кем мы имеем дело: мы можем узнать степень уравновешенности человека, степень его интеллигентности.

Наш язык – это главный признак не только наших манер, но и нашего внутреннего мира. Есть масса примеров, когда человек не очень приятной внешности покоряет своим умением красиво и грамотно говорить.

Огромное значение в развитии языка играет приобщение к народному фольклору, к пословицам и поговоркам. Познать пословицы – это значит лучше узнать жизнь, обычаи, традиции своего народа. Любой язык, показывает нам жизнь, быт, опыт народа, является действительным его сознанием. Каждый человек, представитель каждого народа, осваивая язык, осваивает коллективный опыт, коллективное знание окружающей действительности, нормы поведения. Следовательно, язык влияет на опыт одного конкретного человека, его поведение, культуру.

И в завершении сошлемся на мнение академика Д. С. Лихачева о взаимосвязи языка и личности: «Вернейший способ узнать человека – его умственное развитие, его моральный облик, его характер – прислушаться к тому, как он говорит.... Есть язык народа как показатель его культуры и язык отдельного человека как показатель его личных качеств, качеств человека, который пользуется языком народа.

Язык человека – это его мировоззрение и его поведение. Как говорит, так, следовательно, и думает».

Лямина А. П.,

Преподаватель СОШ № 81 г. Нижнего Тагила

Будаев Э. В.,

доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, теории и методики обучения НТГСПИ (ф) РГППУ, г. Нижний Тагил

МИЛИТАРНАЯ МЕТАФОРА КАК СПОСОБ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СМИ

Аннотация. В статье выделены и проанализированы примеры военных метафор, использованных для конструирования образа России в современном отечественном медиадискурсе («Комсомольская правда», «Российская газета»). Рассмотрены основные прагматические смыслы военных метафор. Охарактеризована дискурсивная обусловленность актуализации метафор из данной понятийной области.

Ключевые слова: метафора, образ России, медиадискурс, отечественные СМИ

Lyamina A. P.,

Teacher of secondary school 81 in Nizhny Tagil

Budaev E.V.,

Doctor of Philology, Professor of the Department of Foreign Languages, Theory and Methods of Teaching, Nizhny Tagil

MILITARY METAPHORS AS A MEANS OF CONCEPTUALIZING RUSSIA IN RUSSIAN MASS MEDIA

Summary. The paper deals with the examples of military metaphors, used to create the metaphorical image of Russia in the contemporary domestic media discourse («Komsomolskaya Pravda», «Rossiyskaya Gazeta»). The main pragmatic aspects of military metaphors are considered. The discursive correlation of the metaphors of the source domain “War” is described in the paper.

Key words: metaphor, the image of Russia, media discourse, domestic media

Текущие отношения России и стран Запада справедливо характеризуются как новый этап роста напряженности и даже как начало новой холодной войны. В этих условиях вырастает актуальность проблемы формирования образа страны как в зарубежных, так и в отечественных СМИ. В наших предыдущих публикациях был рассмотрен образ России в зарубежных СМИ [4, 5]. В настоящем исследовании анализировались военные метафоры в российских газетах «Комсомольская правда» и «Российская газета» за 2016-2019 гг.

В современной лингвистике устоялась точка зрения, что метафора в СМИ является не только стилистическим средством и риторическим приемом, но и служит важнейшим когнитивным механизмом познания, категоризации и осмысления окружающей действительности [1, 3, 5, 8]. Неслучайно спецслужбы США совместно с научно-исследовательскими организациями обращают пристальное внимание на роль концептуальной метафоры в современных СМИ России, Латинской Америки, Ирана и Китая [2].

Военная метафорика играет существенную роль в создании образа России, поскольку в российской истории на судьбу практически каждого поколения приходилась война. Военная лексика является одним из основных источников метафорической экспансии на разных этапах развития русского языка [7, с. 105]. Рассмотрим современные примеры.

Так, в выпуске газеты «Комсомольская правда» от 13.04.2016 г. опубликована статья политолога В. Крашенинниковой с ярким названием «Стоило России возвысить голос, как Запад начал новую холодную войну», в которой повествуется о резком ухудшении отношений нашей страны с Западом. В статье используются метафоры *мобилизация*, *победа*, подчёркивающие устойчивую веру россиян в свою страну, независимо от напряжённых отношений со странами Запада. Ср.:

Но перспективы у России – нормальные, рабочие. Иметь собственное мнение и позиции в мире Америка нам никогда не позволит. А мы по-другому не собираемся. Привычки исторической быть вассалами не имеем. Что хорошо в этой ситуации, так это то, что практически все зависит от нас. Соберемся, мобилизуемся политически и экономически – и тогда точно победим.

В современных СМИ нередко говорится об *информационной войне*, которая ведётся против России, и о набирающей обороты *антироссийской кампании*. Данные метафоры указывают на напряжённые политические отношения России с рядом стран, которые, в свою очередь, стремятся оказать негативное воздействие на сознание россиян. Ср.:

«Против России ведётся (Западом) открытая информационная война», – цитирует РИА Новости слова генерал-майора, сказанные им в ходе Рождественских чтений в академии. По словам Чваркова, западные страны пытаются оказать информационное воздействие на молодое поколение, чтобы «подорвать исторические, духовные и патриотические традиции в области защиты отечества» (Комсомольская правда, 26.01.2016).

СМИ Запада бьют мимо цели. Чем точнее наша авиация бомбит террористов, тем жарче информационная война против России (Комсомольская правда, 19.08.2016).

Однако, велика вероятность, что и после «дела Скрипалей» антироссийская кампания будет продолжаться. Только под другими предлогами. Ведь демонизация России – крайне выгодное предприятие. Все, кто не нравятся западной глобалистской элите, и от кого она хочет избавиться, будут называться «русскими агентами», и их будут давить (Комсомольская правда, 30.03.2018).

Для обозначения серьёзных политических столкновений используются военные метафоры *нападать*, *устраивать переворот* и т.п. Отечественные журналисты нередко подчёркивают, что Россия не настроена на политические столкновения с другими государствами и не стремится ухудшить обстановку в стране. Ср.:

Вся наша история, особенно история Великой Отечественной войны, не может сподвигнуть на то, чтобы Россия напала на дружеский нам народ, не государство, а именно народ (Российская газета, 06.03.2018).

Россия не хочет потерять Беларусь. Россия не хочет устроить здесь, как вы говорите, какой-то переворот, ухудшить ситуацию и обстановку (Российская газета, 01.03.2019).

В современной прессе зачастую подчёркивается, что россиянам свойственно *защищать* свою страну, что связано с преданностью своему государству и его лидеру. В. В. Путин представлен грамотным руководителем страны, который *одерживает безоговорочную победу* на выборах президента РФ и готов ответить на *стратегические вызовы*, стоящие перед страной, подобно *полководцу*, владеющему *стратегиями войны*. Ср.:

Напомним, выборы президента России прошли 18 марта 2018 года, безоговорочную победу на них одержал Владимир Путин. Действующего лидера страны поддержали более 76% избирателей (Комсомольская правда, 08.05.2018).

Это ещё раз показывает, что президент действует системно и комплексно, стремясь прежде всего ответить на стратегические вызовы, стоящие перед страной, а не добиться сиюминутного одобрения (Комсомольская правда, 30.08.18).

– Крымская весна – новая веха в нашей истории, потому что она показала всему миру и нам самим – Россия умеет себя любить и защищать свои интересы, - ответил Путин. - Для меня лично это принятие соответствующих решений. За годы работы мне не раз приходилось думать над принятием тех или иных решений. И вот когда делаешь выбор в пользу общенациональных интересов, абстрагируясь от всего, как правило, такая точка зрения и побеждает. Здесь произошло то же самое (Комсомольская правда, 18.03.2019).

В результате исследования можно сделать вывод о том, что милитарные метафоры, используемые для конструирования образа России в прессе, носят преимущественно позитивный характер, несмотря на информационный натиск со стороны стран Запада. Россия представлена государством, отвергающим деструктивные отношения с другими странами, но в то же время готовым встать на защиту интересов своего народа.

Библиографический список:

1. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М., 2014. 632 с.
2. Будаев Э.В. Концептуальная метафора на службе у разведки США // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 12–16.
3. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М. : Флинта, 2012. 248 с.
4. Лямина А. П., Будаев Э. В. Милитарная, морбиальная и зооморфная метафора как способ создания образа России в СМИ Великобритании // Речевое воздействие в политическом дискурсе: материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 1–3 дек. 2016 г.) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2016. – С. 88–90.
5. Лямина А. П. Сферы-источники метафорической концептуализации России в британском и американском медиадискурсе // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сборник статей VI Международной научной конференции молодых ученых. Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 2017. С. 15–20.
6. Теория и методика лингвистического анализа политического текста : монография / Чудинов А.П., Будаев Э.В., Дзюба Е.В. и др. / Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2016. 303 с.
7. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале. Екатеринбург, 2001. 238 с.
8. Чудинов А.П., Будаев Э.В. Становление и эволюция когнитивного подхода к метафоре // Новый филологический вестник. 2007. № 1 (4). С. 8–27.

Магомедова К.М.,

старший преподаватель кафедры английского языка,
Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г.Махачкала

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ КАК ОСНОВА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованиям в области культурологии, рассматривающей проблемы бытовой и социальной сферы, и языкознания, которое занимается отражением имеющихся видений и проблем в самом языке.

Ключевые слова: языкознание, культурология, индивид, этнолингвистика

Magomedova K.M.,

senior lecturer, DSUNE, Makhachkala

LINGUISTICS AS THE BASIS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Summary. The article is devoted to researches in the field of cultural studies, considering the problems of everyday and social sphere, and linguistics, which deals with the reflection of existing visions and problems in the language.

Key words: linguistics, cultural studies, individual, ethno-linguistics

Обратившись к словарному составу языка любого народа, можно заметить его связь с цивилизацией этого народа, его культурой и историей. Следовательно, можно сделать вывод о том, что данные понятия связаны не столько с самими предметами, а с мыслями и понятиями данного народа об этих предметах.

В наши дни проблема языка заботит не только лингвистов, но и остальных специалистов, которые имеют отношение к человеку. Причиной можно считать тот факт, что самопознание того или иного народа невозможно без изучения его истории, культуры, духовной жизни во взаимной связи времени и поколений. Таким образом, существующие лингвистические исследования, которые отражают различные точки зрения на сущность языковой среды, можно считать природным явлением. Культурные, национальные особенности исследуемого языка в полной мере отражаются во всем значении слова. Они располагаются вдоль коннотативных, денотативных, эмпирических компонентов значения слова. Наряду с этим они могут быть заметны по грамматическим, стилистическим, сочетаемостным и другим составляющим [2, с. 66].

Будучи явлением многоаспектным и сложным, языковое и культурное исследование должно осуществляться в их взаимосвязи, иными словами, с различных позиций. В данной статье предоставлены несколько аспектов исследования языка: лингвострановедческий, лингвокультурный и этнолингвистический.

Концепция исследования культурологии как отдельной самостоятельной сферы науки принадлежит известному американскому культурологу Лесли А. Уайту. Он утверждал, что «Культурология – это новая социально-гуманитарная область знания, которая занимается интегративным изучением мира в контексте его культурного существования инкультуры как его человеческого оформления» [4, с. 4].

Основываясь на мнения антропологов, культурология принимает во внимания и исследует явления, которые присущи только индивиду. Разделяя утверждения мировых антропологов, мы считаем, что культурология – это научное движение, которое возникло на стыке нескольких наук. Наряду с этим, она раскрывает самобытные обычаи и традиции культуры народов мира. Данная наука имеет направленность на познание и раскрытие различных форм существования человека, оценивание структуры прошлой и современной жизни, а также перспективы развития. Объектом исследования культурологии является варианты существования индивидуума и культурные традиции в качестве общественных явлений.

Наряду с тем, что в исследование культурологии подпадают взгляды человека на окружающий мир, общество, искусство и история, рассматриваются проблемы бытовой и

социальной сферы, то языкознание занимается отражением имеющихся видений и проблем в самом языке.

Согласно этому утверждению, язык и культура находятся в перманентном взаимовлиянии и взаимодействии. Следовательно, появившись на стыке языкознания и культурологии, лингвокультурология формируется в виде новой филологической дисциплины, характеризующей взаимосвязь языка и культуры, их взаимодействие в развитии и показывающей это развитие как процесс жизненного существования лингвокультурологии.

Вместе с тем если говорить о различиях целей и задач этнолингвистики и лингвокультурологии, то необходимо заметить, что этнолингвистика выполняет роль фундамента для лингвокультурологии. А лингвострановедение функционирует и развивается в тесной связи с культурологией, социолингвистикой, семиотикой, философией, этнографией, литературоведением и другими науками.

В последние годы учёные-методисты в методике обучения языку как неродному все чаще стали использовать термины не «культурология в обучении языку как неродному» или «лингвокультурология», «страноведение», а термин «лингвокультурология», так как объектом обучения является не сама страна как носитель языка, а язык и культура народа – носителя языка.

Этнолингвистика (от греч. *ethnos* – община, народ) – это антропологическое этносемантическое направление в языкознании, исследующее взаимодействие языка и культуры.

Впервые этнолингвистика была упомянута в процессе исследований фактов, языковых явлений, связанных с историей общественных отношений народов, живших в эпоху первобытнообщинного строя. В подобных исследованиях принимали участие Л.Т. Морган, Б. Малиновский, Ф. Боас, А.Л. Крёбер и другие учёные.

Основным направлением этнолингвистических исследований являются лингвистические, этнокультурные и этнопсихологические факторы, влияющие на развитие языка и взаимоотношения в процессе жизнедеятельности людей. К объектам исследований этой науки относятся: генетическое родство народов, проблемы билингвизма и полилингвизма, влияние социокультурных факторов на развитие языка и др. [1, с. 43]. Как мы видим, основная задача этнолингвистики близка к этнологическим проблемам. В круг её исследований входят языки племён, диалекты, языковые семьи, культовые группы.

Как было отмечено выше, хотя объектом исследования лингвострановедения, лингвокультурологии, этнолингвистики являются вопросы «языка и культуры», у всех этих наук есть свои особенности и взаимосвязь. Каждая из этих наук имеет своё значение в процессе познания языка и культуры, нации, истории и традиций. Тем не менее они пересекаются в некоторых плоскостях. Исходя из выше изложенного можно констатировать, что задачи, поставленные перед лингвострановедением, очень высоки.

В эпоху межкультурной интеграции, национальных коммуникаций, глобализационных процессов лингвострановедение следует рассматривать как средство межнациональной информации, и это только уточняет, определяет его основную функцию. Создание лингвострановедческого словаря в эпоху больших информационных обменов является первым и основным шагом в этом направлении.

Библиографический список:

1. Воробьев В.В. О понятии лингвокультурологии и ее компонентах // Язык и культура. Вторая международная конференция. Доклады. Киев: УИМО. 1993. 42–48 с.
2. Дубчинский В.В. Лингвокультурный феномен «ложных друзей переводчика» // Язык и культура. Третья международная конференция. Тезисы докладов. К., 1994. С. 66.
3. Дубчинский В.В. Национальный характер и лингвострановедение. // Язык и культура. Киев, 1997. С. 61–62.
4. Культурология XX века: Антология. Философия и социология культуры. М.: ИНИОН РАН, 1994. 144 с.

Нагиева М.К.,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
отдела новой и новейшей истории Дагестана ДНЦ РАН, г. Махачкала

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ДАГЕСТАНЕ В 1930-Е ГГ.

Аннотация. В статье на основе извлеченных из фондов ЦГА РД документальных источников и монографических исследований, посвященных данной проблематике, излагается национально-языковая проблема в Дагестане в 1930-е гг. Отмечается, что эффективность реализации провозглашенных Советской властью задач напрямую было связано с языковой проблемой. Ведь отсутствие единого межнационального языка было одной из причин, тормозивших приобщение народов Дагестана к социалистической культуре, организации школ, проведению культурно-просветительных и иных мероприятий. В статье отмечается, что переход в 1938 г. с латинизированного алфавита на русскую грамматическую основу был объективной необходимостью для дальнейшего социально-экономического, общественно-политического и культурного развития Дагестана.

Ключевые слова: Россия, Дагестан, языковая политика, родной язык, латинский алфавит, многоязычие Дагестана, русская графика письма.

Nagieva M.K.,
Ph.D. in History, Senior Researcher of Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan scientific center of the Russian Academy of Science, Makhachkala

LANGUAGE POLICY SOVETSKOY VLASTI IN DAGESTAN IN THE 1930TH.

Summary. There is national language problem in Dagestan in the 1930th in the article. This article was based on the documentary sources and monographic studies extracted from the funds of the Dagestan Republic archive. The author noted that the effectiveness of the implementation of the tasks proclaimed by the Soviet government was directly related to the language problem. The one of the reasons that hampered the introduction of the peoples of Dagestan to socialist culture, the organization of schools, the holding of cultural, educational and other events there was no international language. The author noted that the transition from the Latinized alphabet to the Russian grammatical basis in 1938 was an objective necessity for the further socio-economic, socio-political and cultural development of Dagestan.

Keywords: Russia, Dagestan, language policy, native language, Latin alphabet, multilingualism of Dagestan, Russian writing graphics.

Вопрос о языке и алфавите являлся одним из актуальных в сфере культурного строительства в многонациональных регионах СССР, на который новая советская власть обращала особое внимание. Многие дискуссии по языковой проблеме, проходившие в 1920-е гг., носили длительный и эмоциональный характер, в итоге не приводили к единому мнению участников совещаний. К началу 1930-х гг. ее актуальность не снизилась, особенно на фоне обозначенных Компартией и властью задач по индустриализации, коллективизации и культурной революции. На состоявшемся в ноябре 1929 г. III сессии ЦИК ДАССР было принято важное решение «Об обязательном и окончательном переходе на новый латинский алфавит», в соответствии с которым латинский алфавит с 1 октября 1930 г. считался единственным государственным алфавитом для Дагестана. По причине своей актуальности, дискуссии по языковой проблеме не прекращались и в последующий период. В 1930 г. Дагобкомом ВКП (б) и ЦИКом ДАССР было принято решение о добровольном выборе в школах одного из двух языков – русского и тюркского. О значимости языкового вопроса свидетельствуют архивные источники, например: «Отчет специальной бригады по проведенной в 1930 г. проверке Буйнакского педагогического техникума»: «вопрос о языке преподавания в этом техникуме является основной болезнью техникума. Преподавание ведется на двух языках – тюркском и русском. А так как эти языки для Буйнакского района являются неродными, то в результате молодое учительство не овладевает ни одним из языков, который бы ввел их в педагогическую струю и производственное обучение» [4, л. 177].

Решение языковой проблемы, впрочем, как формирование национально-русского двуязычия в республике сталкивалось с рядом препятствий: например, позиция сторонников

пантюркизма ориентированных на приоритетное использование дагестанскими народами тюркского языка. Негативную роль выполняли и великодержавные шовинисты, которые открыто игнорировали значение национальных (родных) языков, придавая русскому языку статус единственного средства приобщения народных масс к культурному строительству. Более того, они были радикально настроены и считали необходимым наладить работу в школьной системе, политпросветучреждений, госаппарата, а также коммуникацию с местным населением исключительно на русском языке.

Латинизированный алфавит, сыгравший ключевую роль в реализации основ культурной революции в республике, являлся значительной вехой модернизации письменности дагестанских народов, кроме того, и подготовил основу для перехода к письменности на основе русской графики. Широкое применение русского языка и заимствование слов из него национальными дагестанскими языками, помощь представителей русского народа республике закономерно требовало создания для всех языков, функционировавших на территории Дагестана единого алфавита.

Еще раз к обсуждению языкового вопроса, с учетом постановления ЦК ВКП (б) от 29 сентября 1937 г. в котором удовлетворялась просьба Дагобкома партии о переводе письменности дагестанских языков на русскую графику, бюро обкома ВКП (б) вернулся в ноябре 1937 г. предметно рассмотрев проблему «О подготовке к переходу с латинизированного на русский алфавит». На этом же заседании бюро была сформирована специальная комиссия в составе 9 чел. (Г. Алибберов, Г. Темирханов, Г. Керимов, Р. Разилов, Г. Гусейнов, А. Джанибеков, Г. Гаджиев, Р. Магомедов) под председательством А. Тахтарова (председатель ДагЦИКа), чтобы руководить переходом на новый алфавит. Также были назначены руководители секций, в частности, аварскую возглавил Р. Темирханов, даргинскую Х. Сулейманов, кумыкскую А. Керимов, лезгинскую С. Шихалиев, лакскую Г. Гаджиев, табасаранскую Г.-А. Гаджиев, ногайскую А. Джанибеков и татскую Р. Разилов [2, с. 122].

Переход письменности дагестанских народов на базе русской графики алфавит был утвержден Указом Президиума ВС ДАССР от 3 февраля 1938 г.

Однако, несмотря на интенсивность политики создания на основе русской графики нового алфавита, разумеется, имелись определенные недостатки, что вполне закономерно на фоне реализации такой сложной задачи. Так, в 1937 – 1938 учебном году, по данным 36 районов, из 950 начальных школ русский язык преподавался лишь в 230 школах. Во многих школах республики преподавание русского языка вели учителя, которые не имели соответствующую подготовку, что, как и следовало ожидать, выразилось в низком уровне знаний учащихся и крайне слабой их успеваемости. [1, с. 209]. В этой связи, Дагобком партии принял решение об издании русско-национальных словарей на аварском, даргинском, лезгинском, кумыкском, лакском, табасаранском языках. Чтобы содействовать учителям русского языка была пересмотрена тематика журнала «Просвещение», поставлена задача обеспечения его регулярного выхода, разъяснить и комментировать проблемы преподавания русского языка в национальных школах, изучать практический опыт лучших учителей, проводить демонстрировать проведение уроков и т.д.

Таким образом, проведенная в языковой сфере реформа позволила с 1938 – 1939 учебного года преподавание в 5 – 10 классах школ Дагестана перевести на русский язык, одновременно сохранив родной язык как учебный предмет. Несмотря на значимость обучения на русском языке, к сожалению, районные партийные и советские работники не всегда держали под контролем качество обучения в школах и укомплектованность педагогическими кадрами. Архивные источники показывают, что, например, если в 1936 г. в горных НСШ было 105 учителей русского языка, то к 1937 г. их число существенно сократилось и составило всего 78, причем их отток был вызван отсутствием нормальных жилищно-бытовых условий. Повышению материального благополучия учителей и других школьных работников способствовало Постановление ЦИК СССР и ЦИК ВКП (б) (9 апреля 1936 г.) о повышении их заработной платы [5, л. 31].

Ш.Г. Магидов исследовав языковую политику на Северном Кавказе в решении проблемы письменности Северокавказских народов, в том числе и Дагестана, выделял 4 этапа: *Первый этап* (1920–1923 гг.) – реформа существующих алфавитов – оставались приспособленные к фонетическим особенностям горским языкам ранее существовавшие алфавиты:

арабский – для аварцев, азербайджанцев, даргинцев, кумыков, лакцев, ногайцев, чеченцев, русский – для осетин. *Второй этап* (1923–1928 гг.) – перевод существующей у аварцев, азербайджанцев, даргинцев, балкарцев, кабардинцев, кумыков, ногайцев, осетин, татов, чеченцев письменности на латинскую основу*. *Третий этап* (1923–1932 гг.) – создание письменности для народностей, ранее не имевших ее: кабардинцев, лезгин, ингушей, табасаранцев и балкарцев. Это самостоятельный этап, который неправомерно объединять с этапом латинизации алфавитов. *Четвертый этап* (1936–1938 гг.) – переход письменных народов Северного Кавказа на новый алфавит, основанный на русской графической основе. Этот этап явился в развитии письменности народов наиболее целесообразным и перспективным [3, с. 47 – 48].

Таким образом, при создании орфографии языков, происходившем впервые в истории горских народов не стихийно, а планомерно, на научной основе этому вопросу было уделено самое серьезное внимание. Разрабатывая правила правописания одновременно с выработкой алфавитов и учитывая их взаимосвязь, с самого начала определяя правила написания всех заимствованных слов, ученые смогли создать для северокавказских народов в целом совершенную письменность, сравнительно простую и не перегруженную особыми знаками и сложными правилами [3, с. 45]. Переход в 1938 г. на новый алфавит, основанный на русской графике письма, был объективной необходимостью и явился могучим средством дальнейшего политического, экономического и культурного подъема населения Дагестана.

Библиографический список:

1. Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971.
2. Магидов Ш.Г. Проблемы языка обучения и письменности народов Дагестана в культурной революции. Махачкала, 1971.
3. Магидов Ш.Г. Осуществление ленинской национально-языковой политики на Северном Кавказе. Махачкала, 1979.
4. ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 12. Д. 96. Л. 177.
5. ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 8. Л. 31.

Нажиев М. Б.,

кандидат исторических наук, доцент
кафедры гуманитарных дисциплин

Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала

ЗНАЧЕНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА В СОХРАНЕНИИ И ПЕРЕДАЧЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. статья посвящена изучению роли и значения родного языка в сохранении национального единства, культуры, традиций, обычаев и национального сознания народов Дагестана.

Ключевые слова: язык, перевод, единство, культура, идентичность

Nazhiev M.B.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
DSUNE, Makhachkala

MEANING OF NATIVE LANGUAGE IN PRESERVATION AND TRANSLATION OF NATIONAL CULTURE

Summary. The article is devoted to the study of the role and importance of the native language in the preservation of national unity, culture, traditions, customs and national identity of the peoples of Dagestan.

Keywords: language, translation, unity, culture, identity

* Для лезгин, табасаранцев и ингушей создание национальной письменности совпало с латинизацией, т.к. первые письменность у них была создана непосредственно на латинской графике.

Язык не существует вне общества, а общество не может существовать вне языка. Соответственно, общество нельзя изучать вне языка, а язык нельзя изучать вне общества. Язык отражает мир человека, язык также отражает культуру, созданную человеком, хранит ее для человека и передает ее от человека к человеку, от родителей к детям. Язык является инструментом познания, с помощью которого человек познает мир и культуру. Он формирует человека, определяет его поведение, образ жизни, мировоззрение, менталитет, национальный характер, идеологию. Человек со дня рождения слышит звуки своего будущего родного языка. Язык вводит его в окружающий мир, навязывая ему видение, картину, которая была "нарисована" перед ним и без него. Одновременно через язык человек получает представление о мире и обществе, ячейкой которого он стал, его культуре, системе ценностей, морали, поведения и т. д. Каждый национальный язык не только отражает, но и формирует национальный характер представителя народа – носителя языка, и формирует его как личность, играя конструктивную роль в формировании национального характера. Довольно распространенным является взгляд на национальный характер, согласно которому он представляет собой не совокупность специфических, своеобразных, присущих только народу черт, а своего рода совокупность общечеловеческих черт. Фольклор, или устное народное творчество, можно назвать самым достоверным источником информации о национальном характере в качестве источника, подтверждающего существование национального характера. Однако, самым надежным и научно приемлемым свидетельством существования национального характера является национальный язык. Язык отражает и формирует характер своего носителя, является наиболее объективным показателем национального характера. [2, с. 12] Родной язык является средством сохранения и трансляции культуры, истории, традиций народа и преемственности поколений. Сегодня, когда телевидение и некоторые печатные СМИ открыто пропагандируют безнравственность, жестокость, насилие, самым эффективным, мощным оружием против бездуховности и жестокости является родной язык и национальная культура. Только тот способен противостоять злу и насилию современного мира, кто обогатился духовными и нравственными ценностями своего народа. Сейчас неоспоримо, что использование родного языка является основным условием сохранения и передачи национальной культуры, ее особенностей, так как многие составляющие этой культуры (устное народное творчество, народная песня, национальная литература, театр) существуют благодаря ее функционированию. Особенностью Дагестана является то, что около ста двенадцати языков относятся к языкам коренных народов России, тридцать два сосредоточены в пределах региона. О перспективах превращения Дагестана в "резерв языков" писали много. Однако нынешняя ситуация с национальным языком не может не вызывать беспокойства [2, с. 34]. Сегодня происходит сведение социальных функций национальных языков к семейно-бытовому уровню. Это влияет на национальное сознание значительной части дагестанцев. Для многих из них связь собственной национальности с реальными национальными качествами, включая соблюдение национальных традиций, знание родного языка, становится, по большому счету, номинальной. Особенно для тех, кто покинул границы родной республики и живет в других регионах. В Дагестане офисная работа ведется только на русском языке. Школьное и дошкольное образование в основном на русском языке. Национальные языки используются в качестве основных только в некоторых сельских районах. До недавнего времени преподаванию этих языков в качестве предмета в городских школах национальных регионов не уделялось должного внимания. Можно сказать, что национальные языки родителей учащихся по-прежнему рассматриваются как препятствие в получении их детьми достойного образования. Такое отношение легко объяснить. Не существует специализированных средних и высших учебных заведений (кроме факультета дагестанской филологии), в которых преподавание ведется на национальных языках или для поступления в которые практикуется экзамен по национальному языку. Все это, казалось бы, должно было привести к функциональной смерти или значительному сокращению родных языков. Однако языки малых народов сохранились и продолжают существовать, но ограничиваются территорией деревни или группы деревень, внутрисемейным общением, бытовым уровнем. И первый приоритет сегодня

сохранение и распространение этих языков для будущих поколений. Каждый год большое распространение получает школа со смешанным национальным составом учащихся. Это обусловлено урбанизацией и миграцией. Именно в результате миграционных процессов многие поселения превращаются из однонациональных в многонациональные. В образовательных учреждениях с многоэтническим составом учащихся серьезным препятствием для решения этой проблемы является то, что большинство детей не говорят или плохо владеют родным языком. Мы знаем, что во многих городских семьях родители общаются со своими детьми только на русском языке. А некоторые родители не хотят, чтобы их дети учили родной язык в школе, объясняя это перегруженностью изучением русского и английского. Такое отношение родителей приводит к безразличию детей к дагестанской культуре, традициям и истории своего народа [1, С. 19]. Сохранение родного языка должно быть одной из главных задач дагестанцев, и самое главное здесь отношение к языку в семье, и только потом его преподавание в учебных заведениях. Проблема сохранения и развития языков и культур является одной из наиболее актуальных социальных и культурных проблем в Республике Дагестан и в России и в мире в целом. Сегодня как никогда важно, чтобы люди открывали для себя новые ценности, приобщались к универсальным ценностям через призму культуры других народов, учились межличностному и межкультурному общению. Для эффективного решения этой важной задачи необходимо повысить социальную значимость языкового и культурного образования в обществе, воспитывать у подрастающего поколения уважение к своим и другим народам и культурам. В повседневной жизни язык, на котором мы говорим, очень часто воспринимается нами как само собой разумеющееся. Будучи неизменным средством общения, язык одновременно концентрирует в себе память о народе, его истории, опыте познавательной деятельности, мировоззрении и психологии. Именно язык объединяет людей, принадлежащих к одной этнической группе, он служит стержневым элементом, на котором базируется культурная идентичность любого народа, поэтому давняя забота о языке, его сохранении и развитии является показателем уровня национального сознания народа-носителя языка. Сегодня перед образованием стоят задачи подготовки молодежи к жизни в многоэтнической и многокультурной среде, формирования навыков общения и сотрудничества с людьми разных национальностей, рас, религий. Система образования призвана сохранить языковое и культурное разнообразие, историко-культурное наследие этносов, проживающих в России. В этой ситуации изучение родных языков в школе как предмета становится единственным способом их сохранения и развития. Кроме того, только изучение языка в школе может способствовать формированию литературного языка. Государственной национальной образовательной политики направлена на создание оптимальных условий для этносоциокультурного развития юных граждан. Главное в государственной политике в сфере сохранения и развития языков, в том числе в системе образования, следует обеспечить условия для свободного владения русским языком как языком межнационального общения. Также в числе приоритетов должно стать обеспечение условий для свободного использования родного языка во всех сферах жизни. Судьба родных языков будет зависеть от качества владения русским языком подрастающим поколением народов России. Без родного языка очень трудно представить себе процесс становления личности, ее духовно-нравственное развитие, ее философию и убеждения. И по оценкам ЮНЕСКО, половина из 6000 языков мира вскоре может исчезнуть с лица земли. Чтобы этого не случилось, каждый человек должен в детстве выучить и полюбить родной язык своего народа. Поэтому родные языки народов России должны занять свое законное место в общем образовательном и культурном пространстве многонационального государства.

Библиографический список:

1. Магомедов М.Р. Родной язык как средство сохранения и трансляции национальной культуры. // Народы Дагестана. №2. 2016 г.
2. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие взаимодействие. М., 1989
3. Щеглова Л.В., Шипулина Н.Б. Культура и этнос. Волгоград, 2002

Научное издание

**Материалы
Всероссийской
научно - практической конференции
(с международным участием)**

**ДИАЛОГ КУЛЬТУР
В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ.
ДИАЛОГ КУЛЬТУР И КУЛЬТУРА
ДИАЛОГА**

Подготовка оригинал-макета *Керимова Н.А.*
Дизайн обложки *Эскаева Г.А.*

Подписано в печать 15.04.2019 г. Формат 60x84¹/₈.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать ризографная.
Усл. п. л. 28,8. Уч.- изд. л. 22,5. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии АЛЕФ
367002, РД, г. Махачкала, ул. С.Стальского 50, 3 этаж
Тел.: +7 (8722) 935-690, 599-690, +7 (988) 2000-164
www.alefgraf.ru, e-mail: alefgraf@mail.ru